

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ПУШКИНСКИЙ ДОМ

СТАТЬИ.
ДОКУМЕНТЫ. БИБЛИОГРАФИЯ

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1982

Ответственный редактор

В. Н. БАСКАКОВ

Рецензенты: Л. А. Дмитриев, В. А. Мануйлов, А. А. Горелов

П $\frac{1402000000-514}{042(02)-82}$ 495.81, кн. 1

© Издательство «Наука», 1982 г.

В. Н. Баскаков

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ПУШКИНСКОГО ДОМА

Источники по истории литературной науки не часто привлекают внимание ученых и еще реже появляются в печати и становятся достоянием широкой читательской аудитории. Если публикация документов по истории литературы поставлена достаточно широко и регулярно осуществляется в рамках специальных научных и серийных изданий, предназначенных как для специалистов, так и для простых читателей, то документальные материалы по истории литературной науки, в том числе мемуарные записи и эпистолярное наследие русских ученых, известны в своей незначительной части, а порою не известны и совсем. Это в полной мере и особенно касается истории русской науки XX в., которая, кстати сказать, восстановлена и изучена еще далеко не полностью, хотя она богата фактами и событиями, сегодня представляющими всеобщий интерес, а иногда и предопределяющими пути дальнейшего движения научной мысли в той или иной отрасли научного развития общества.

История науки, сложившиеся традиции во многом предопределяют ее сегодняшний и завтрашний день, а поэтому знание прошлого обязательно для всех, кто занимается формированием текущего научного процесса, определением задач и перспектив дальнейшего движения научной мысли. Кроме того, публикация источников и библиографии дает материал для воссоздания в будущем истории науки во всем ее многообразии, полноте, противоречивости.

Ордена Трудового Красного Знамени Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР — старейшее в нашей стране научно-исследовательское учреждение, работающее в области литературной науки. Оно создано в 1905 г. В своем историческом развитии, пройдя длинный путь от музея до научно-исследовательского института, это учреждение претерпело такие преобразования и усовершенствования, что его сегодняшнее состояние столь же далеко от первоначального, сколь современная литературная наука далека от литературной науки начала

века. Поэтому история Пушкинского Дома является неотъемлемой частью истории нашей литературной науки на протяжении почти восьми десятилетий.

Воссоздать сейчас историю Пушкинского Дома довольно сложно. Многие ее эпизоды и детали, порою целые эпохи прослеживаются как бы сквозь туман, расплываясь и теряя свои реальные очертания. Такое явление нельзя назвать случайным. Оно, конечно, имеет свои источники и причины, не всегда лежащие на поверхности, но тем не менее оказывающие воздействие на развитие историографической части нашей литературной науки, в том числе и историографии Пушкинского Дома, с 1930 г. работающего в системе Академии наук СССР в качестве научно-исследовательского Института русской литературы.

Историей Пушкинского Дома занимались очень мало, а если и занимались, то эпизодически и очень поверхностно, опираясь либо на собственную память, либо на официальную печатную документацию. Эти источники не могли привести к созданию научной или хотя бы и популярной, но более или менее полной истории этого старейшего научного центра.

Пожалуй, первым историческим очерком, посвященным Пушкинскому Дому, стала статья Е. П. Казанович во «Временнике Пушкинского Дома на 1913 год». Писать историю Пушкинского Дома в то время, когда еще не исполнилось и восьми лет с момента его основания, было, вероятно, рано, а поэтому Е. П. Казанович и ограничилась очерком, составленным на основе личных наблюдений и опыта работы в библиотеке Пушкинского Дома, которой она заведовала. Тем не менее этот ее очерк и до сих пор является одним из основных источников первоначальной истории Пушкинского Дома, документированной далеко не полностью. Что же касается внутренней работы этого учреждения, его сотрудников, их забот, интересов и занятий, то эта сторона тогдашнего Пушкинского Дома нам почти совсем не известна.

Важную роль при воссоздании истории Пушкинского Дома играют отчеты Отделения языка и словесности Академии наук, которые публиковались ежегодно и содержали широкий круг фактических сведений о деятельности Пушкинского Дома. Такие отчеты, составлявшиеся в то время в Отделении языка и словесности на основании данных, представленных руководителями учреждений, отражают деятельность Пушкинского Дома с момента его возникновения.

Другой источник для изучения истории Пушкинского Дома дореволюционной поры — это делопроизводство Комиссии по постройке памятника А. С. Пушкину в Петербурге, которое умело и аккуратно вел ее делопроизводитель Владимир Александрович Рышков. В делопроизводстве, хранящемся сейчас в Пушкинском Доме и почти не изученном, содержатся документы о возникновении этого учреждения, о сборе денег на памятник Пушкину и на создание Пушкинского Дома, о широкой деятельности по ор-

ганизации спектаклей, выступлений, выставок в пользу нового учреждения, посвященного великому поэту, о приобретении многочисленных историко-литературных материалов, в том числе писательских библиотек, коллекций произведений изобразительного искусства, собраний автографов. Эти документы не только могут стать основой для изучения общественно-литературного движения, связанного с основанием и первоначальной историей Пушкинского Дома, но и внесут немало новых штрихов в наши знания о художественной жизни России, дадут представление о значительности историко-литературных материалов, в том числе изобразительных и рукописных, рассеянных в разных кругах тогдашнего русского общества.

Все названные собрания касаются ранних этапов деятельности Пушкинского Дома. Послереволюционная его история зафиксирована в официальной документации и делопроизводстве Пушкинского Дома и Института русской литературы АН СССР, за 1920—1950 гг. сосредоточенной в Ленинградском отделении Архива АН СССР. В этом обширном фонде (№ 150) история Пушкинского Дома до 1918 г. почти не представлена, зато более поздние его этапы документированы достаточно полно. Здесь содержатся отчеты (годовые, полугодовые, квартальные), штатные расписания, стенограммы и протоколы заседаний отделов и секторов, ученого совета, сессий, конференций, совещаний, диссертационные дела, биографии и автобиографии сотрудников, их личные дела и списки научных работ, рукописи некоторых создававшихся в институте трудов и многое другое. Архивный фонд Пушкинского Дома воссоздает основные этапы развития этого учреждения, отражает его научную и общественную деятельность, характеризует научные кадры и структуру института, а также содержит немало материалов о Пушкинском заповеднике в Псковской области, о Некрасовском музее и других учреждениях, в свое время подчиненных Пушкинскому Дому или тесно с ним связанных. Эта официальная документация дает представление о состоянии и движении кадров, о характере и эволюции научной деятельности института, о его участии в культурном, научном, идеологическом развитии общества. В составе этого фонда можно найти сведения о целом ряде работ, исполнявшихся в институте, но по разным причинам оставшихся не законченными или не изданными. Здесь, например, хранятся рукописи трудов, с началом войны прекращенных и позднее не возобновлявшихся. Среди них сборники и коллективные труды по теории литературы или посвященные творчеству Блока, Маяковского, учебные пособия по истории русской литературы, публикации материалов, здесь же документы о деятельности Луначарского и Горького как директоров Пушкинского Дома, обширная документация о Пушкинском Доме периода войны и блокады и т. д.

Содержание фонда хронологически ограничивается 1952 г. Последний период, период современный, отражен в служебной и

официальной документации, в настоящее время составляющей деловой архив института и хранящийся в самом институте. Названные материалы составляют основу для будущей истории Пушкинского Дома, но основу одностороннюю и только официальную, которой недостает и будет не хватать свидетельств о литературном быте Пушкинского Дома, о той атмосфере, которая царила здесь на разных этапах его развития, об оживленных дискуссиях и спорах теоретического, методологического и идеологического свойства, в которых вырабатывались принципы марксистско-ленинского подхода к изучению теории литературы, ее истории и взаимосвязей.

Надо сказать, что богатейший фонд Пушкинского Дома для научной работы использовался мало. Это неудивительно, потому что история Пушкинского Дома, как и многих других крупных центров нашей литературной науки, внимания исследователей почти не привлекала, а когда и привлекала, то писалась без обращения к историко-архивной документации. Среди печатных работ о Пушкинском Доме прежде всего следует назвать две книги о нем, вышедшие в 1924 г. Тогда руководство Пушкинского Дома предполагало отметить не только 125-летие со дня рождения Пушкина, но и приурочить к этому времени юбилей самого Пушкинского Дома: «Полагая необходимым отметить исполняющееся 26 мая 1924 года 125-летие со дня рождения Пушкина, — читаем мы в Записке дирекции Пушкинского Дома от 31 октября 1923 г., подписанной Б. Л. Модзалевским и хранителем книжных собраний И. А. Кубасовым, — Пушкинский Дом считает своевременным начать подготовительные работы по ознаменованию этой даты, тем более что она совпадает с 25-летием возникновения Пушкинского Дома, идея которого, как известно, родилась из мысли увековечить столетний юбилей рождения поэта (1899) памятником, посвященным Пушкину. Учрежденная по сему случаю в свое время Комиссия остановилась на мысли об учреждении Пушкинского Дома, как на лучшем способе ознаменования этого юбилея. Таким образом, 125-летие со дня рождения Пушкина одновременно является и 25-летием Пушкинского Дома».¹ Такое соединение юбилеев было сделано, конечно, не случайно. Н. А. Котляревский и Б. Л. Модзалевский считали необходимым привлечь внимание широких кругов общественности к Пушкинскому Дому, переживавшему в это время переходную стадию от учреждения музейно-архивного типа к научно-исследовательскому Институту. Кроме того, они полагали, что юбилей Пушкинского Дома даст возможность несколько расширить его издательскую базу и, что самое главное, ускорит решение вопроса о помещениях для коллекций Пушкинского Дома, его экспозиций и научной части. Однако этот юбилей широко не отмечался — во-первых, потому, что исчислялся он с некоторыми отступлениями от исторических фак-

¹ ЛО Архива АН СССР, ф. 150, оп. 1 (1921), № 1, л. 103.

тов, во-вторых, в пылу подготовки к пушкинскому юбилею (1924) и юбилею Академии наук (1925) он был заслонен ими. На первом плане оказалось 200-летие Академии наук. К этому юбилею, вспоминает Н. В. Измайлов, «спешно составлялись брошюры о каждом из учреждений Академии — такую брошюру о Пушкинском Доме составили и мы».² Говоря о брошюре, Н. В. Измайлов имеет в виду книгу «Пушкинский Дом. Исторический очерк и Путеводитель». Она появилась в июне 1924 г. небольшим тиражом в 1000 экземпляров. Это был первый исторический очерк Пушкинского Дома, написанный его создателями и сотрудниками, возглавлявшими работу его отделений. Руководил созданием книги Б. Л. Модзалевский, участие в ней принимали М. Д. Беляев, Е. П. Населенко, Н. В. Измайлов, Б. И. Коплан, И. А. Кубасов, П. М. Устимович. Книга представляет собою очерк истории и деятельности Пушкинского Дома с 1905 по 1923 г., сопровождаемый специальными главами-характеристиками, посвященными рукописному отделению, музею, библиотеке, а также мемориальным пушкинским местам. В качестве приложения в книге помещен список трудов Пушкинского Дома, вышедших за первое десятилетие его издательской деятельности. Эта книга стала не только первым путеводителем по Пушкинскому Дому, но и первым коллективным трудом, в нем созданным. Ценна она прежде всего подробнейшими характеристиками фондов Пушкинского Дома. Эти характеристики вместе с историческим очерком долгое время формировали общее представление о профиле и значении этого учреждения в советской культуре и науке.

Одновременно с названной книгой о Пушкинском Доме появилась еще небольшая брошюра, ему посвященная и представляющая собою путеводитель по музейным залам с приложением их схем и планов. Прямого научного значения она не имела и предназначалась лишь для посетителей музея. Конечно, в 20-е гг. немало материалов о Пушкинском Доме и его коллекциях публиковалось в текущей периодической печати, но они касались главным образом не вопроса об особенностях, значении и роли Пушкинского Дома, а отдельных его коллекций, собраний или изданий, информировали о научной жизни этого культурно-научного центра, о проводившихся им мероприятиях (лекции, собрания, чтения, выставки и пр.). Сейчас существует, например, целая литература об онегинском собрании или о библиотеке Пушкина. Правда, надо сказать, что это совсем не значит, что эти собрания и библиотеки изучены полностью. Совсем не так. Писали о них много, но обобщающих работ и новейших исследований в этой области читатель еще ждет.

Два последующих десятилетия, т. е. 30-е и 40-е гг., значительными работами по истории Пушкинского Дома не отмечены.

² Измайлов Н. В. Воспоминания о Пушкинском Доме. 1918—1928 гг. (ИРЛИ, Р1, оп. 11, № 141).

Информациями да небольшими статьями, в том числе принадлежащими сотрудникам и руководителям Пушкинского Дома, литература по его истории в это время ограничивается. Внимание к деятельности института вновь было привлечено в 1955—1956 гг., когда исполнилось и отмечалось 50-летие с момента создания Пушкинского Дома.

Этот юбилей был не только знаменательной датой в истории института, но и важнейшей вехой в его деятельности. Он интересен своей научной частью. Выездное заседание Бюро Отделения литературы и языка под председательством академика В. В. Виноградова состоялось в том самом Большом конференц-зале Главного здания Академии наук, в котором Пушкинский Дом размещался в годы Октябрьской революции и гражданской войны. Именно здесь Д. С. Лихачев выступил с докладом о Пушкинском Доме, подведя итоги его работы за полстолетия, а Б. В. Томашевский посвятил свое выступление отечественному пушкиноведению и той ответственной роли, которую сыграл в его развитии Пушкинский Дом. Эти доклады привлекли серьезное внимание к прошлому Пушкинского Дома, заставили более обстоятельно и точно оценить настоящее и задуматься о будущем. И не только они. К юбилею под редакцией В. Г. Базанова вышла книга «50 лет Пушкинского Дома», которая подвела итоги его деятельности в разных отраслях литературной науки и дала в руки читателю некоторые, правда очень немногие, факты по истории Пушкинского Дома. Это была первая попытка анализа научной и научно-общественной деятельности института, хотя большое место здесь занимала и характеристика его собирательской и архивно-музейной работы. Книга сопровождается библиографией изданий Пушкинского Дома за 1913—1956 гг. Это очень существенное приложение, так как к этому времени Пушкинский Дом подготовил и выпустил в свет около 250 исследований.

Книга о Пушкинском Доме 1956 г., а также довольно обширный комплекс юбилейной литературы и вышедших на протяжении последних 25 лет материалов об исследованиях Пушкинского Дома и его богатствах, названные выше архивные документы и составляют сейчас основу для подготовки научной истории Пушкинского Дома как одного из крупнейших исследовательских учреждений в истории отечественной литературной науки.

Юбилей Пушкинского Дома 1956 г. нашел свое отражение не только в разработке его истории, но и в структуре самого института. Именно с этим юбилеем связано возникновение в Пушкинском Доме Сектора пушкиноведения, Сектора библиографии и источниковедения, Сектора взаимосвязей русской литературы с зарубежными. Такие изменения во многом отразились на программе исследований института, сделав ее более широкой и многосторонней.

Предлагаемая вниманию читателя книга статей, библиографии и документов о Пушкинском Доме ставит своей целью прежде

всего дать представление об истории его создания, о роли Н. А. Котляревского и Б. Л. Модзалевского в становлении этого учреждения, о важнейших эпизодах из истории Пушкинского Дома 20—30-х гг., о выдающихся ученых, здесь работавших. Это материалы для воссоздания истории нашей литературной науки, причем материалы в своей подавляющей части не только не печатавшиеся, но и вообще даже фрагментарно в науке не использовавшиеся. Статей, написанных на основе архивных материалов, и документальных публикаций о Пушкинском Доме, за единичными исключениями, в печати не появлялось. Все документы, публикуемые в этой книге, разысканы и собраны воедино впервые.

Композиционно книга состоит из трех разделов, отражающих характер публикуемых материалов. В первом из них собраны статьи о выдающихся деятелях нашего революционного, общественного, культурного и литературного движения, в разной степени связанных с Пушкинским Домом. Эти исследования конкретных эпизодов из деятельности Пушкинского Дома построены на обширном документальном материале, в своей значительной части впервые вводимом в научный оборот. Среди них статьи о связях с Пушкинским Домом М. Горького, А. В. Луначарского, А. А. Блока, А. Ф. Кони, А. А. Ахматовой. Они касаются иногда важнейших звеньев в деятельности Пушкинского Дома. Достаточно вспомнить, что А. В. Луначарский и М. Горький были его директорами, Александр Блок — певцом Пушкинского Дома, А. Ф. Кони и А. А. Ахматова были тесно с ним связаны, участвовали в его изданиях, выступали здесь с докладами и воспоминаниями.

Александр Блок не только автор знаменитого стихотворения «Имя Пушкинского Дома». Он был тесно связан с этим учреждением, поддерживал дружеские отношения с целым рядом его сотрудников. Для него Пушкинский Дом был олицетворением народной памяти о великом поэте, которого он любил и которому поклонялся. Поэтому исследование отношения А. Блока к Пушкинскому Дому имеет равное значение как для истории Пушкинского Дома, так и для правильного понимания творчества самого поэта. В посвященной А. Блоку статье на широкой документальной основе воссоздается процесс взаимоотношений поэта с Пушкинским Домом, а также рассматриваются блоковские аспекты в деятельности этого учреждения в позднейшие годы.

Впервые в настоящем издании поднимается и вопрос о связях с Пушкинским Домом и участии в его научной деятельности выдающегося русского юриста и литератора А. Ф. Кони. Он был в числе тех, кто решал вопрос о создании Пушкинского Дома и позднее с неизменной симпатией относился к его трудам и научно-общественной деятельности, часто выступал на заседаниях с воспоминаниями и научными докладами, перечадал на хранение драгоценные реликвии русских писателей, а в последние годы жизни завещал Пушкинскому Дому и весь свой архив.

Полумемуарный характер носит публикуемая статья о Луначарском как директоре Пушкинского Дома. Она написана одним из аспирантов Луначарского К. И. Ровдой, ныне доктором филологических наук. Эта статья воссоздает творческую атмосферу в Пушкинском Доме тех лет, когда происходило становление института, выработывалась методология исследования, готовились кадры для будущих трудов и намечалась та программа научной деятельности, которую Пушкинский Дом осуществлял до наступления Великой Отечественной войны. А. В. Луначарский был первым коммунистом, возглавившим Пушкинский Дом. Поэтому особенно велика его роль в сфере методологии исследования литературного процесса, в выработке марксистско-ленинского подхода к явлениям литературы и к их научной интерпретации.

Связи Горького с Пушкинским Домом уже вошли в поле зрения ученых. О них, например, в свое время писал А. Н. Степанов. Но он касался главным образом книжно-архивного аспекта этой проблемы, а именно постоянной помощи Горького Пушкинскому Дому, книг, которые писатель присылал в его библиотеку, передачи ему своего архива и т. д. Однако Горький был для Пушкинского Дома не только одним из величайших представителей русской литературы, но и его директором. Между тем эта страничка до сих пор остается не выясненной и сейчас требует настоящего изучения не только как факт биографии писателя, но и как одна из интереснейших эпох в истории Пушкинского Дома.

Заключает первый раздел статья об Анне Ахматовой, о формировании ее пушкиноведческих интересов, о творческих связях с Пушкинским Домом, о докладах на заседаниях Пушкинской комиссии, о выступлениях в пушкинском издании. Эта статья, построенная на большом источниковедческом материале, дает представление об одной из малоизученных сторон деятельности А. А. Ахматовой.

Во втором разделе настоящего сборника печатаются дневники и письма писателей и ученых, посвященные разным этапам исторического развития Пушкинского Дома или характеризующие деятельность его отдельных выдающихся представителей. Открывает он публикацией дневников Владимира Александровича Рышкова. Он был секретарем комиссии, которая создавала Пушкинский Дом. Его дневники для печати не предназначались. Они представляют собою подневные записи истории создания и первых лет существования Пушкинского Дома, дополняя те сухие документальные данные, которые содержатся в делах Комиссии по постройке памятника А. С. Пушкину в Петербурге, и вместе с ними являются чуть ли не единственными источниками первоначальной истории Пушкинского Дома.

Своеобразным продолжением записей В. А. Рышкова становятся публикуемые отрывки из дневников Евлалии Павловны Казапович, виднейшей сотрудницы Пушкинского Дома 10—20-х гг.

В них мы встречаем многих выдающихся деятелей литературы, науки, общественного движения той эпохи. Это Е. П. Казанович натолкнула А. Блока на мысль написать стихотворение, посвященное Пушкинскому Дому, она долгое время была одним из ближайших помощников и друзей Н. А. Котляревского, она поддерживала отношения Пушкинского Дома со многими писателями и литературоведами, она вела свой знаменитый альбом, и сейчас представляющий интерес для изучения литературного движения первых лет революции. Дневники Е. П. Казанович наполнены событиями, точны, отражают атмосферу и литературный быт Пушкинского Дома на протяжении почти 15 лет.

Надо сказать, что дневниково-эпистолярная часть книги почти полностью относится к первым 25 годам существования Пушкинского Дома. Эпистолярный в нем представлен перепиской Б. Л. Модзалевского с Л. Э. Бухгеймом, Н. А. Котляревским, М. П. Алексеевым, а также перепиской Б. В. Томашевского с Андреем Белым. Разные вопросы рассматриваются в этих письмах, разных сторон литературного движения касаются их авторы, но в них воссоздается внутренняя атмосфера Пушкинского Дома, отражаются его интересы и стремления, с их страниц встают образы многих ученых и литераторов, участвовавших в деятельности Пушкинского Дома или поддерживавших с ним связь.

Завершает книгу библиографический раздел. Он является своеобразным дополнением той библиографии трудов Пушкинского Дома, которая недавно вышла в свет отдельным изданием. Однако он не только дополняет, но и освещает деятельность Пушкинского Дома с других сторон, в названной книге совершенно не затронутых. И здесь внимание прежде всего сосредоточивается на научно-пропагандистской и популяризаторской деятельности, на подготовке кадров, на собирании памятников народного творчества и древнерусской письменности. Все эти аспекты в работе Пушкинского Дома в настоящем издании представлены в библиографической форме.

Сведения о конференциях Пушкинского Дома никогда не собирались и не обобщались. Публикуемая библиография их является первой и составлена она по отчетам института и сосредоточенным в Литературном музее института и его секторах пригласительным билетам и программам. Учет конференций, торжественных заседаний и собраний произведен начиная с 1930 г., когда был создан Институт русской литературы. Это не значит, что ранее Пушкинский Дом не проводил подобных мероприятий, но они были случайными и не отражали основного направления деятельности учреждения. В списке указаны не только конференции и собрания, имеющие пригласительные билеты и программы, но и наиболее важные мероприятия без программы, отмеченные в годовых отчетах института.

Помещаемый в настоящей книге список диссертаций, защищавшихся в Пушкинском Доме, дает возможность не только со-

ставить представление о подготовке кадров, производящейся в Пушкинском Доме, по и сделать практические выводы, касающиеся достоинств и недостатков общей системы подготовки специалистов по истории русской литературы на разных этапах развития нашей литературной науки. Этот список составлен по отчетам института, по стенограммам заседаний его Ученого совета, по сосредоточенным в его библиотеке авторефератам, а также на основании материалов, собранных в издаваемом Государственной библиотекой им. В. И. Ленина сводном каталоге защищенных диссертаций. В предлагаемом списке до 1950 г. регистрируется только название диссертации, а после введения системы авторефератов в списке регистрируется уже не диссертация, а ее автореферат. В случае, если защищалась опубликованная монография и автореферат не печатался, регистрируется в общем ряду авторефератов защищавшаяся книга.

Завершает библиографический раздел список фольклорных и археографических экспедиций, составленный главным образом по материалам Сектора народного творчества, Фольклорного архива и Древлехранилища. Фольклорные экспедиции учтены здесь за 1939—1979 гг., а археографические — за 1949—1979 гг. При регистрации экспедиции читателю сообщаются сведения о районе, в котором она работала, о времени ее деятельности (год и месяц), о составе экспедиции, о полученных научных результатах. Сведения об отчетах экспедиций в настоящем указателе не приводятся, так как они сосредоточены в подавляющем своем большинстве в изданиях Сектора народного творчества и Сектора древнерусской литературы — в томах «Русского фольклора» и «Трудах Отдела древнерусской литературы». Списки фольклорных экспедиций Пушкинского Дома публикуются здесь впервые, списки же археографических экспедиций за 1965—1974 гг., составленные В. П. Бударагиным, были напечатаны в книге «Древлехранилище Пушкинского Дома (Литература 1965/1974 гг.)» (составитель В. И. Малышев. Л., «Наука», 1978, с. 106—110). В настоящем издании в несколько сокращенном варианте повторен список В. П. Бударагина, исполненный им же за 1949—1964 и 1975—1979 гг.

Публикуемые статьи, документы и библиографические списки многочисленны, но роль и значение их не ограничиваются Пушкинским Домом, все они включаются в общий процесс изучения истории литературной науки XX в. В развитии этой науки Пушкинскому Дому принадлежит особое место. Поэтому история его создания и становления, его сегодняшняя деятельность привлекают пристальное внимание и требуют глубокого и тщательного исследования. Одной из ступенек в историческом познании той части нашей литературной науки, которая на протяжении 75 лет связана с Пушкинским Домом, может быть и предлагаемая читателю книга о деятельности этого крупнейшего центра отечественной культуры и науки.

ПУШКИНСКИЙ ДОМ В ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНОМ И НАУЧНОМ ДВИЖЕНИИ 1920—1950-х гг.

Н. В. Лоцинская

АЛЕКСАНДР БЛОК И ПУШКИНСКИЙ ДОМ

Впервые Блок посетил Пушкинский Дом при Российской Академии наук, видимо, в июне 1916 г.

Заканчивался второй год первой мировой войны. Газеты были полны известиями о боях в Галиции. Поговаривали об очередном наборе в действующую армию, и Блок, как писал он в одном из писем к матери, был «поглощен все время призывом».¹ Хлопоты по оформлению документов, бытовые дела, которые необходимо было разрешить в случае отправки на фронт, а главное — мысли о том, как избежать «нравственного давления», неизбежного в условиях действующей армии, подавляли поэта, мешали работать. Помимо того, ему приходилось хлопотать о военном устройстве знакомых — Н. П. Ге, В. М. Ремизова и др., используя армейские связи то Ф. Ф. Кублицкого-Пиоттух, то М. Т. Блок. Особенно беспокоился поэт о судьбе своего приятеля В. Н. Княжнина, подлежащего на этот раз призыву, и пытался определить его с помощью журналиста М. П. Мурашова на промышленное предприятие. С этой целью он встретился 8 июня с Мурашовым и, как отмечено в записной книжке, получив «карточку инженеру Владимирову от него для Княжнина»,² отправился в Архив конференций Академии наук, где служил в те годы Княжнин.

В Академии наук Блок виделся до того с Княжнинным не однажды, по преимуществу в тех читальных залах академической библиотеки, которые размещались в здании Кунсткамеры. Архив же располагался по соседству, в Главном здании Академии наук, над Большим конференц-залом, а ниже несколько проходных комнат было отведено под коллекцию Пушкинского Дома, и Блок, пользуясь возможностью, попросил Княжнина познакомиться его с пушкинской экспозицией.

Но не только случай побудил поэта обратиться к приятелю с такой просьбой. Мысль о Пушкине недаром воодушевляла его

¹ Письма Александра Блока к родным. II. М.—Л., 1932, с. 299.

² Блок А. Записные книжки. 1901—1920. М., 1965, с. 305.

в те дни. Только что была завершена работа над первой главой и прологом поэмы «Возмездие», которая обещала «разрастись до размеров Онегина»³ и давала Блоку возможность отчетливо осознать новую фазу в своем духовном развитии, позволив — пусть в шутливой форме — соотнести себя в письме к матери с великими русскими стихотворцами. Да и непосредственные переживания, связанные со скорым отъездом на фронт и с той атмосферой русской общественной жизни, которая порождала в поэте ощущение, что «жить все-таки скучно и чего-то все не хватает, так узко как-то и тесно»,⁴ могли вызвать у него желание подняться над тягостными заботами военного времени, приобщиться к высокому миру пушкинских реликвий, подержав в руках книги из библиотеки Пушкина.

Так или иначе, в краткой записи Блока от 8 июня 1916 г., зафиксировавшей дату его визита в Пушкинский Дом, отразились в какой-то мере настроения, владевшие поэтом в тот момент: «У Княжнина — в архиве Академии наук и в Пушкинском Доме (Ганнибал, Державин — мудрость, холод и пустота государственности, с глазами Д. И. Менделеева в старости, Пушкинская библиотека)».⁵

Приведенная запись Блока, так же как и его лаконичное сообщение в письме к А. А. Кублицкой-Пиоттух от 10 июня 1916 г. о том, что он «был на днях в Пушкинском Доме и в Архиве Ак. наук»,⁶ свидетельствуют, что это событие было выделено им в ряду других и не прошло бесследно. Что же произвело особое впечатление на поэта, какую экспозицию мог видеть он в Пушкинском Доме в июне 1916 г.?

Как известно, с 1909 г. Пушкинский Дом занимал в главном здании Академии наук четыре небольших зала и площадки вестибюля, где размещались рукописные и книжные фонды, хранились музейные экспонаты. В 1913 г. на основе этих коллекций была создана пушкинская выставка. Одна из первых сотрудниц Пушкинского Дома, Е. П. Казанович, стремясь привлечь внимание общественности столицы к проделанной работе и задачам нового культурного учреждения, писала летом 1913 г.: «Пушкинский Дом — учреждение еще очень молодое, мало кому известное <...> В настоящее время имущество дома <...> состоит из трех отделов <...>. В музее наряду с некоторыми принадлежавшими Пушкину предметами имеются прекрасные портреты его самого, его родных и близких <...> Центром рукописного отдела являются собрания А. Ф. Онегина в Париже, приобретенные для Пушкинского Дома в 1909 г.; коллекция рукописей Пушкина <...>, принадлежавшая П. А. Плетневу; часть коллекций

³ Письма Александра Блока к родным. II, с. 289.

⁴ Блок А. Записные книжки. 1901—1920, с. 305.

⁵ Там же, с. 305.

⁶ Письма Александра Блока к родным. II, с. 291.

А. Блок. Фотография. 1921 г.

покойного П. А. Ефремова с автографами Пушкина <...> и пр., и пр. <...> Гордостью книжного отдела дома следует признать собственную Пушкина библиотеку <...> Она помещается в четырех больших шкафах, очень богата по содержанию и носит на себе следы гениальной, широко разнообразной личности поэта и его умственных интересов. Многие книги хранят пометки Пушкина, многие отмечены дружескими посвящениями Пушкину других авторов; некоторые же вовсе не разрезаны». ⁷ Судя по всему, Блок с выставкой, упомянутой в статье Казанович, знаком не был — во всяком случае нет никаких свидетельств о том, что он побывал на ней в то время.

С началом первой мировой войны в главном здании Академии наук был устроен госпиталь, нуждам которого много внимания уделял управляющий делами Пушкинского Дома академик Н. А. Котляревский, а музей, как писалось в предисловии ко второму «Временнику Пушкинского Дома», был временно закрыт для

⁷ К-вич Е. «Казанович Е. П.». Пушкинский Дом в Петербурге. — Русские ведомости, 1913, 31 июля, № 176, с. 2—3.

широкой публики. Но сама экспозиция не была полностью свернута; такой вывод можно сделать из сопоставления приведенной выше записи Блока о его посещении Пушкинского Дома в июне 1916 г. и воспоминаний Е. П. Казанович, посвященных тому же событию.⁸

Дело в том, что именно Евлалия Павловна, бывшая с февраля 1913 г. секретарем и библиотекарем Пушкинского Дома, знакомила поэта с хранящимися здесь коллекциями. Правда, она датировала этот эпизод годом раньше, отнеся его к лету 1915 г.,⁹ но скорее всего в ее рассказе мы имеем дело с обычной ошибкой памяти, тем более что первая встреча с Блоком описывалась ею более двадцати лет спустя. И маловероятно, что поэт дважды при совершенно сходных обстоятельствах осматривал Пушкинский Дом, причем первое посещение, сопровождавшееся, по словам Казанович, внимательнейшим знакомством с пушкинскими реликвиями, не оставило — в отличие от второго — никакого следа ни в письмах, ни в дневнике, ни в записной книжке Блока.¹⁰ Между тем целый ряд деталей, запечатленных в записи Блока от 8 июня 1916 г., совпадает с воспоминаниями Казанович — в обоих случаях в качестве посредника при знакомстве Блока с Пушкинским Домом назван В. Н. Княжнин, упоминаются представленные в экспозиции портреты предков Пушкина по линии Ганнибалов и лиц из его литературного окружения, отмечается знакомство с библиотекой Пушкина. Таким образом, можно предполагать, что речь идет об одном и том же посещении, и соответственно все подробности, приведенные в рассказе Е. П. Казанович, могут быть отнесены к визиту Блока в Пушкинский Дом 8 июня 1916 г.

Следовательно, летом 1916 г., хотя и в трех, а не в четырех, как раньше, проходных залах, сохранялась экспозиция, посвященная Пушкину. В витринах были выставлены пушкинские реликвии и автографы, вдоль стен стояли шкафы с книгами из его библиотеки, по стенам висели портреты самого поэта, его родных и друзей, виды Петербурга, Москвы, мест ссылок. Все это Блок,

⁸ См.: *Казанович Е.* Как было написано А. Блоком стихотворение «Пушкинскому Дому». — *Звезда*, 1977, № 10, с. 199—201.

⁹ Е. П. Казанович вспоминала: «Как-то летом 1915 г. В. Н. Княжнин, работавший тогда в Пушкинском Доме над подготовкой к изданию „Материалов для биографии А. А. Григорьева“, входит с кем-то в мое рабочее помещение, громко именовавшееся „библиотекой Пушкинского Дома“, и говорит: „Евлалия Павловна, вот, Александр Александрович Блок хотел бы посмотреть Пушкинский Дом, не можете ли Вы ему показать его?“» (там же, с. 199).

¹⁰ Надо учесть, что в 1915 г. поэт уехал на лето в Шахматово 30 июня и находился там до сентября. В письмах к матери от 29 мая и 7 июня 1915 г. Блок писал о встречах с В. Н. Княжниным, но они состоялись не в Академии наук. В записной книжке поэта нет никаких упоминаний о визите в Пушкинский Дом летом 1915 г., хотя в июне он вел записи ежедневно; то же касается его записей по поводу кратковременного делового приезда в Петербург в июле: в них не отмечены ни встреча с Княжниным, ни посещение Академии наук.

как вспоминала Казанович, «рассматривал очень внимательно и с большим интересом». А библиотекарь Пушкинского Дома доставала из витрин и книжных шкафов и показывала ему наиболее интересные рукописи, документы, книги с пометами Пушкина. Познакомился Блок и с библиотекой Пушкинского Дома, которая «размещалась по всем площадкам огромного двухсветного вестибюля <...> и представляла <...> все прижизненные издания различных сочинений Пушкина <...> богатую коллекцию альманахов 20-х—40-х годов XIX столетия <...> множество других книжных редкостей».¹¹ Осмотрев Пушкинский Дом, Блок расписался в книге «знатных посетителей», которая была утрачена в годы Великой Отечественной войны в блокадном Ленинграде.

Первое посещение оставило след в памяти поэта, однако косвенные связи его с Пушкинским Домом при Российской Академии наук начались не в 1916 г., а раньше. Не последнюю роль в этом сыграли сочувствие Блока самой идее учреждения, призванного стать памятником Пушкину и Пантеоном русской классической литературы XIX в., и его филологические интересы,¹² немало укрепившие дружбу с В. Н. Княжниным, который и ранее выступал посредником между поэтом и Пушкинским Домом. Напомню, что В. Н. Княжнин в 1914—1918 гг. служил помощником одного из энтузиастов нового культурного центра, заведующего Архивом Конференций Академии наук Б. Л. Модзалевского и сам с 1913 г. являлся внештатным сотрудником Пушкинского Дома, активно участвуя в его научных трудах.

Благодаря Княжнину в блоковской библиотеке появились все вышедшие при жизни поэта издания Дома. Первое из них Блок, судя по помете в записной книжке («Княжнин за обедом, принес две книги»), получил 20 марта 1914 г. Это был «Временник Пушкинского Дома. 1913» (СПб., 1914), на шмуцтитуле которого, относящемся к описанию добролюбовского архива, в блоковском экземпляре можно прочесть дарительную надпись Княжнина: «Александр Александровичу Блоку — составитель. 20.III.1914. СПб.». В библиотеке Блока имелся также и второй выпуск «Временника Пушкинского Дома. 1914» (СПб., 1915). А третий научный труд, вышедший под началом Пушкинского Дома и посвященный Ап. Григорьеву, привлек особое внимание поэта — недаром Блок

¹¹ Звезда, 1977, № 10, с. 200.

¹² Примечательно, что, будучи студентом славяно-русского отделения филологического факультета Петербургского университета, Блок подумывал о деятельности в качестве помощника библиотекаря Академии наук под началом академика А. А. Шахматова, директора 1-го (русского) отделения Библиотеки Академии наук. Получить это место было, вероятно, не просто. В 1904 г. первому отделению полагалось по штату не больше пяти старших и младших помощников библиотекарей. Из записи Блока от 1 мая 1904 г. следует, что его отчим, Ф. Ф. Кублицкий-Пиоттук, видимо, просил члена Академии наук, зоолога и этнографа Ф. П. Келлена посодействовать в получении этого места для Блока (*Блок А. Записные книжки. 1901—1920*, с. 64).

отсылал читателей своей статьи «Что надо запомнить об Аполлоне Григорьеве» (весна 1918 г.) к «недавно вышедшему замечательному исследованию Вл. Княжнина».¹³ Книга В. Н. Княжнина об Аполлоне Григорьеве была им подарена Блоку со знаменательным автографом: «Александру Александровичу Блоку по общей и былой (былой ли только?!) любви к Григорьеву редактор. 19.XII.1917. Петроград» (хранится в блоковской библиотеке в Пушкинском Доме). А в предисловии к сборнику, выражая признательность всем, кто содействовал его подготовке (Н. А. Котляревскому, Б. Л. Модзалевскому, А. А. Шахматову и др.), автор прямо высказал слова благодарности Блоку: «С поэтом А. А. Блоком „в год страдный и памятный“ мы вместе учились любить А. А. Григорьева, „нашего современника“, и ему, А. А. Блоку, и матери его — А. А. Кублицкой-Пиоттух мое последнее слово любви, памяти и благодарности».¹⁴ Для того чтобы понять, как и в какой мере Блок оказался причастен к одному из первых изданий Пушкинского Дома, стоит, вероятно, рассказать предысторию сборника.

25 сентября 1914 г. исполнялось пятьдесят лет со дня смерти Ап. Григорьева, в связи с чем издательства и журналы печатали сборники и статьи, посвященные поэту. Блок, по предложению московского издателя К. Ф. Некрасова, готовил к этой дате том «Избранных стихотворений» А. А. Григорьева. 13 августа 1914 г. Блок записал: «Ап. Григорьев — начало мыслей. Обедал Вл. Н. Ивойлов (Княжнин)».¹⁵ Возможно, именно тогда Княжнин просил рекомендовать подготавливаемые им мемуары Григорьева «Мои литературные и нравственные скитальчества» издательству К. Ф. Некрасова, и поначалу издательство откликнулось на предложение Блока «выпустить воспоминания Ап. Григорьева под ред. В. Княжнина»,¹⁶ но затем К. Ф. Некрасов поменял редактора, и книга вышла в 1915 г. под редакцией Павла Сухотина. А Княжнин нашел материальную и научную поддержку в Академии наук, и его труд готовился в качестве издания Пушкинского Дома.

Работая над сборником мемуаров и писем Аполлона Григорьева, Княжнин часто виделся с Блоком и у него дома, и в Библиотеке Академии наук, где в сентябре—октябре 1914 г. поэт бывал почти ежедневно. Позднее Княжнин вспоминал об этих «библиотечных свиданиях»: «Всю осень А. А. <Блок> просидел в библиотеке Академии наук, главным образом, в журнальном отделении, занимаясь розыском и перепиской стихов Григорьева из старых журна-

¹³ Блок А. Собр. сочинений в 8-ми томах, т. 6. М.—Л., 1962, с. 27.— Далее ссылки на это издание даются в тексте статьи: римская цифра указывает том, арабская — страницу.

¹⁴ Григорьев А. А. Материалы для биографии. Под редакцией Влад. Княжнина. Издание Пушкинского Дома при Академии наук. Пг., 1917, с. IX.

¹⁵ Блок А. Записные книжки. 1901—1920, с. 236.

¹⁶ Письма Александра Блока. Л., 1925, с. 204.

лов. <...> Где-то по горизонту ходили темно-синие тучи, где-то гремели залпы орудий, а тут в старой, пыльной, но уютной библиотеке было так спокойно работать над одним и тем же автором. Мы все время держали друг друга в курсе своих дел, обмениваясь материалами (в частности «библиографией») и впечатлениями.¹⁷

Постоянное общение облегчало работу каждого. «Я надеюсь на Вашу библиографию, а сам — ни с места»,¹⁸ — признавался Блок приятелю 28 августа 1914 г. И поскольку, как писал Блок во вступительной статье к Избранным стихотворениям А. А. Григорьева, в то время не существовало еще «не только биографической канвы, но и ученой биографии Григорьева», а «для библиографии <...>, которая могла бы составить порядочную книгу», не было «сделано почти ничего» (V, 487), помощь такого знатока биографии и библиографии Григорьева, каким был Княжнин, оказывалась весьма существенной. Позднее, летом и осенью 1915 г., Блок неоднократно обращался к Княжнину как специалисту с просьбой просматривать корректурные листы готовившегося им тома стихотворений Ап. Григорьева и комментариев к ним.

В процессе совместных занятий вырабатывалось единство взглядов на Григорьева.¹⁹ В частности, во вступлении к сборнику Блок подхватывал определение, высказанное Княжниним в статье «О нашем современнике А. А. Григорьеве». А затем повторил в надписи, даря Княжнину подготовленный им том стихотворений А. А. Григорьева: «Владимиру Княжнину в год страданий и памятный. На память о том, как мы вместе учились любить А. А. Григорьева, „нашего современника“. Александр Блок. Рождество 1915 года».²⁰ Позднее Княжнин в уже приводившемся предисловии к своему труду о Григорьеве цитировал обращенные к нему слова Блока.

Из дарительных надписей и из княжнинского предисловия видно, что польза от сотрудничества была взаимной. Поэт одобрял замысел Княжнина и способствовал его осуществлению, не только содействуя публикациям приятеля по этой теме (в журналах «Русская мысль» и «Любовь к трем апельсинам»), но и углубляя княжнинское восприятие поэзии и личности Григорьева своим интуитивным пониманием роли писателя в истории русской культуры. Отголоски этих бесед с Блоком проникли даже на страницы небольшой книги Княжнина о поэте, имеющей вовсе не мемуарный характер.

Поясняя блоковское отношение к творчеству Григорьева, Княжнин писал, «что в Григорьеве он <Блок> чтит своего „современника“, т. е. человека, близкого нашей эпохе», и что «Алек-

¹⁷ Там же, с. 214.

¹⁸ Там же, с. 204.

¹⁹ Это проявилось и во взаимной положительной оценке книг друг друга, посвященных Григорьеву. Ср. рецензию Княжнина на труд Блока: Русская мысль, 1916, № 5, с. 23.

²⁰ Дарительная надпись цит. по кн.: Письма Александра Блока, с. 216.

сандру» Александровичу» впервые, кажется, пришлось войти в более или менее тесное соприкосновение с тем прошлым нашей литературы, которого не могла еще выявить более ему знакомая пушкинская эпоха».²¹

Мы не случайно столь подробно остановились на этом эпизоде блоковской биографии. Интерес к труду Княжнина, обусловленный взглядами Блока на роль и функции филологической науки, может быть распространен на его восприятие деятельности Пушкинского Дома в целом, ибо княжнинское исследование в принципе соответствовало общей научной направленности и типу изданий, который изначально складывался здесь.

В студенческие годы Блок порою выступал с критикой отдельных работ будущих сотрудников Дома, в частности книг Н. А. Котляревского и Н. К. Козмина,²² усматривая в них школярский подход к литературе и объяснение «животрепещущих эпох» «фикциями» (V, 577). Однако пафос блоковских рецензий не был направлен против научных методов исследования. Наоборот, он критиковал Котляревского за то, что, не принадлежа к разряду так называемой «творческой критики», автор не пошел и по пути строго академического исследования и пытался определить «господствующее чувство» в поэзии Лермонтова до того, как была проведена необходимая черновая и беспристрастная работа по изучению и осмыслению фактов биографии и творчества писателя. Из других студенческих рецензий Блока на монографии и исследования А. Н. Веселовского, С. А. Венгерова, П. О. Морозова, В. В. Сиповского, Д. Н. Овсяннико-Куликовского, Алексея Веселовского и других филологов, чья методология во многом была унаследована учеными Пушкинского Дома, явствует, что научные труды, в которых глубокая эрудиция сочеталась со страстной увлеченностью предметом, всегда получали высокую оценку поэта. Не упрощая противоречивых блоковских взглядов на филологию, стоит отметить актуальность его суждений — в тех случаях, когда поэт ратовал за объективность и точность литературоведческого исследования, соединенного с интуитивным проникновением в сущность постигаемых явлений культуры, и боролся с тенденциозным, схоластическим или формалистическим подходом к искусству.

В конкретных отзывах о работах филологов Блок постоянно подчеркивал необходимость кропотливого труда по изучению творчества писателей, включающего собирание рукописей, их научное описание, создание библиографий и биографий и в качестве итога — академическое издание классиков, словом — все то, что

²¹ *Княжнин В. П. Александр Александрович Блок. Пб., 1922, с. 114—115.*

²² См. рецензию Блока «Педагг о поэте» на 2-е издание книги П. А. Котляревского «М. Ю. Лермонтов. Личность поэта и его произведение» (СПб., 1904) (V, 25—30), а также его рецензию на книгу Н. К. Козмина «О переводной и оригинальной литературе конца XVIII и начала XIX века в связи с поэзией В. А. Жуковского» (СПб., 1904) (V, 577—578).

составляет фундамент истинной науки о литературе, в основании которой лежит множество вспомогательных дисциплин и та предварительная стадия исследования, которую Блок сопоставил с «черной» работой «каменщика, строящего низенький фундамент под <...> сокровищницу народного искусства» (V, 26—27). Именно такой комплекс задач стоял, как известно, перед Пушкинским Домом при Российской Академии наук, по замыслу призванным соединить собирательскую, архивную, музейно-экспозиционную и научно-исследовательскую работу.

Помимо тех сведений о деятельности нового культурного центра, которые Блок получал от В. Н. Княжнина, поэт мог иметь информацию о нем от целого ряда людей, причастных к истории Пушкинского Дома. В той или иной мере он был знаком с некоторыми членами Комиссии по постройке памятника А. С. Пушкину, с организаторами и организаторами Дома: С. А. Венгеровым, С. Ф. Ольденбургом, Н. А. Котляревским, Е. П. Казапович, В. А. Рышковым, С. В. Штейном, М. Л. Гофманом и другими, чья судьба уже в более поздние годы оказалась связанной с Пушкинским Домом.

Вскоре после первого посещения пушкинской экспозиции Блок уехал в прифронтовую полосу, в район Пинских болот, будучи зачислен табельщиком в 13-ю инженерно-строительную дружину. Вернувшись в 1917 г. в Петроград, поэт не только возобновил связи с Академией наук и довольно часто бывал там, встречаясь с С. Ф. Ольденбургом и В. А. Рышковым по делам Чрезвычайной следственной комиссии, расследовавшей деятельность царских министров и саповников, но и проявлял интерес к судьбе Пушкинского Дома, не случайно возросший у него после Октябрьской революции.

19 апреля 1918 г., в момент важных перемен в судьбе Пушкинского Дома — накануне включения в состав академических учреждений, состоялось знакомство Блока со старшим ученым хранителем Дома Б. Л. Модзалевским и некоторыми работавшими вместе с ним энтузиастами.²³ В те годы в Пушкинском Доме трудились Н. Г. Богданова, Н. Н. Заболоцкая, Л. К. Ильинский, А. С. Поляков, Н. В. Яковлев и другие. В условиях голода и разрухи они продолжали самоотверженно собирать и сохранять ценнейшие рукописные и книжные коллекции, образовательные материалы. Размещались сотрудники главным образом в неотапливавшемся Большом конференц-зале Главного здания Академии наук, разгороженном при помощи ящиков на «закуты, важно именуемые „кабинетами“».²⁴ Нам, к сожалению, не известны подробности этого визита Блока, не знаем мы, с кем, кроме Б. Л. Модзалевского, познакомился тогда поэт, но то, что встреча была не слу-

²³ Знаменательность даты этого визита Блока в Академию наук отметил В. Н. Баскаков в статье «Пушкинский Дом в 1918—1930 годах» (Русская литература, 1980, № 1, с. 96).

²⁴ Яковлев Н. Из воспоминаний о Пушкинском Доме. — Звезда, 1969, № 8, с. 170.

чайной, видно даже из упоминания о ней в его записной книжке. В тот день, 19 апреля 1918 г., Блок записал: «В Академии наук утром. Знакомство с Модзалевским и др. Много разговоров». Возможно, старший ученый хранитель в беседе с Блоком обсуждал планы по расширению культурно-просветительской и научной деятельности Дома, в которой, вполне вероятно, какое-то участие мог принять и сам Блок. Ведь широкие возможности, открывавшиеся перед Пушкинским Домом, соответствовали представлениям поэта о роли культурных преобразований в эпоху обновляющих мир революционных бурь. И хотя Блок в эти годы был перегружен административными обязанностями, он все же не терял контакта и с этим культурным учреждением. В частности, на заседании Репертуарной секции Театрального отдела Наркомпроса он виделся с директором Пушкинского Дома Н. А. Котляревским и, несмотря на различия во взглядах, особенно ярко проявившиеся при обсуждении «Воззвания репертуарной секции», поддерживал с ним дружеские отношения. Там же, в Театральном отделе, довелось встретиться с Блоком и Е. П. Казанович. Позднее, в 1921 г., поэт общался с Н. А. Котляревским на заседаниях в Доме литераторов, членами Комитета которого они оба являлись. Этот период блоковской биографии позволяет говорить о более тесных взаимоотношениях поэта с Пушкинским Домом.

Дело в том, что Комитет Дома литераторов, председателем которого являлся Н. А. Котляревский, взяв на себя зимой 1921 г. инициативу проведения общенациональных дней памяти А. С. Пушкина, как бы подхватывал идею, возникшую у истоков Пушкинского Дома. В одном из разделов первого Положения о Пушкинском Доме, выработанном в 1907 г. Б. Л. Модзалевским и В. А. Рышковым при участии членов Комиссии по постройке памятника Пушкину, говорилось: «Ежегодное публичное собрание Совета происходит 29 января <в день гибели Пушкина>. На собрании <...> читаются речи, посвященные памяти Пушкина и других русских писателей».²⁵ Как известно, материальные трудности существенно ограничивали возможности устроителей Пушкинского Дома, вот почему указанный пункт Положения так и остался неосуществленным. Н. А. Котляревский, оказавшись на посту председателя Дома литераторов, способствовал воплощению этого замысла и привлек к участию в пушкинских торжествах Блока.

Чествование памяти Пушкина было задумано по тем временам масштабное.²⁶ В программу Дома литераторов входили следующие мероприятия: 9 февраля — сообщение П. Е. Щеголева «Дуэль Пушкина»; 13 февраля — 1-й Пушкинский вечер; 14 фев-

²⁵ Временник Пушкинского Дома. 1913. СПб., 1914, с. XIII—XIV.

²⁶ См.: Общенациональные Пушкинские поминки. — Вестник литературы, 1921, № 2, с. 15; Декларация о ежегодном всероссийском чествовании памяти Пушкина в день его смерти. — Там же, № 3, с. 17—18; Пушкинские дни в Доме литераторов. — Там же, с. 18.

раля — камерный концерт «Пушкин в музыке»: 26 февраля — Пушкинский вечер (на Васильевском острове); на 5 марта был назначен 2-й Пушкинский вечер, отмененный ввиду осадного положения. Главным же событием «пушкинских дней» было торжественное собрание, намеченное на 11 февраля 1921 г. (в первые годы после календарной реформы день гибели Пушкина ошибочно отмечался 11 февраля вместо 10-го). На нем должны были прозвучать речи поэтов и ученых, посвященные Пушкину, и среди них — выступление Александра Блока, ожидавшееся с большим интересом, ибо — как отмечали позднее современники — именно «ради двух поэтов — окруженного ореолом бессмертия Пушкина и идущего по пути к бессмертию Блока» «сошлись» тогда в Доме литераторов «представители разных мировоззрений».²⁷

Вот что писала в те дни мать поэта, А. А. Кублицкая-Пиоттух, своей сестре, М. А. Бекетовой: «29-го января (старого) стиля) Дом литераторов устраивает поминки — торжественный вечер. Это ведь годовщина смерти Пушкина. Хотят праздновать отныне этот день всегда. И Блоку заказана речь. Говорить будут еще Котляревский и Кони и не знаю, кто еще. Но его речь должна быть. Не знаю, соберется ли он написать, не откажется ли. Но пока что — горячо надеюсь, что будет. А пока он написал стихи для Пушкинского альбома Пушкинского Дома в Академии наук <...> (не вздумай никому показывать эти стихи)».²⁸

Сомнения А. А. Кублицкой-Пиоттух были оправданы. Современники вспоминали, что «Блок долго колебался, выступать ли ему с речью о Пушкине. Решившись, он в течение нескольких дней — не готовился, не работал — а именно творил, как бы отойдя от всего, что происходило вокруг, в трепетном возбуждении собирая мысли и чувства. Он свою речь написал (и читал ее по тетради). Когда написал, ощутил большую радость и дня за два до выступления сказал друзьям, что готов, и для всех знавших его это тоже было большой радостью, ибо все с нетерпением ждали слова Блока о Пушкине, опасались и его чрезмерной строгости к себе, особенно сильно проявившейся на этот раз».²⁹

Как известно, Блок принял немалое участие в проведении пушкинских торжеств. Вместе с А. А. Ахматовой, Ф. К. Сологубом, Б. Л. Модзалевским, П. Е. Щеголевым, М. А. Кузминым и другими он был избран в состав президиума торжественного заседания, посвященного Пушкину, — на нем присутствовали представители 24 литературных и культурно-просветительных органи-

²⁷ Из редакционного предисловия к сборнику Дома литераторов, где была опубликована речь Блока «О назначении поэта». — В кн.: Пушкин. Достоевский. Пб., Изд. Дома литераторов, 1921, с. 3.

²⁸ В этом письме от 8 февраля 1921 г. приводилось стихотворение Блока «Пушкинскому Дому». — ИРЛИ, ф. 654, оп. 7, № 18, л. 83 об.—85 об.

²⁹ Пушкин. Достоевский. Изд. Дома литераторов, с. 3.

заций Петрограда, в том числе и Пушкинского Дома. Трижды выступал он со своей речью «О назначении поэта» — на вечерах 11, 13 и 26 февраля. И воистину в эти февральские дни 1921 г., освященные памятью великого и столь почитаемого им поэта, Блок пережил последний прилив вдохновенного творчества.

Не всеми и не сразу была понята речь Блока. Хотя в редакционном предисловии к сборнику Дома литераторов говорилось, что, несмотря на разное в послереволюционные годы отношение к Блоку, «то, что он сказал, — с какой-то особенной внешней отчетливостью, с какой-то убежденной твердостью, — захватило всех, отразилось в слушателях не сразу осознанным волнением, вызвало долгие рукоплескания и возбудило долгие разговоры».³⁰

Е. П. Казанович, например, сдержанная манера Блока, читавшего свою речь по тетради, показалась несколько скучной.³¹ И только позднее, познакомившись с «Двенадцатью» и «Скифами», она, по собственному признанию, в полной мере оценила все созданное поэтом, ощутила вселенский размах и силу его поэтической мысли. Тогда же, в дни пушкинских торжеств, обращаясь к нему с просьбой написать для ее альбома «что-нибудь связанное с Пушкиным», Евлалия Павловна, судя по ее дневниковым записям и воспоминаниям, едва ли представляла, что окажется обладательницей автографа последнего законченного блоковского стихотворения, ставшего своего рода стихотворной эмблемой Пушкинского Дома.

5 февраля 1921 г. она позвонила Блоку по телефону, и поэт сразу откликнулся на ее просьбу, договорившись, что она передаст ему альбом на торжественном вечере в Доме литераторов.³² Однако 11 февраля, по словам Казанович, она «ни за что не хотела показываться Блоку», так как незадолго перед тем «жестко обморозила себе щеку». Затем она «подхватила испанку» и смогла занести поэту свой альбом только 19 марта 1921 г. Какими же были — как вспоминала Евлалия Павловна — ее «смущение, восхищение и радость», когда, получив альбом от Блока, она «увидела на первых трех страницах большое, написанное прекрасным, ясным блоковским почерком» новое стихотворение «Пушкинскому Дому», датированное тем самым днем, когда она звонила поэту.³³

³⁰ Там же, с. 4.

³¹ См. запись в дневнике Казанович от 12 февраля 1921 г.: Наст. изд., с. 174.

³² Ср. с дневниковой записью Блока от 5 февраля 1921 г.: «Позвонила библиотечарша Пушкинского Дома. Завела альбом Пушкинского Дома»; тут же следует черновой автограф стихотворения «Пушкинскому Дому» (ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, № 319, л. 41—42). В восьмитомном собрании сочинений Блока эта запись воспроизведена неточно: вместо «завела альбом» напечатано «завезла альбом» (VII, 403), что не соответствует воспоминаниям Е. П. Казанович, разрушая как фактическую, так и психологическую канву этого эпизода.

³³ Звезда, 1977, № 10, с. 200—201.

По мнению Е. П. Казанович, в стихотворении «воскресла и нашла свое отражение»³⁴ обстановка знакомства поэта с Пушкинским Домом.

Воспоминание о первом посещении могло направить воображение Блока и дать заглавие стихотворению.³⁵ Но оно безусловно вобрало в себя многие темы и мотивы блоковского творчества. За конкретными образами, навеянными воспоминаниями о визитах в Академию наук и в Пушкинский Дом, о прогулках вдоль Невы, в сполохах «пламенных далей» которой виделось поэту будущее России, — за всем этим неизмеримая глубина, выстраданность итогов и поразительная историческая перспектива: от Пушкина — к «грядущим векам». Недаром стихотворение, несмотря на сильные в нем трагические ноты, воспринимается нами как своеобразное поэтическое завещание, исполненное веры в конечное торжество гармонии, в великую миссию поэта и поэзии на земле.

И, конечно, «имя Пушкинского Дома в Академии Наук...», по самой идее связанное с памятью о великом национальном поэте, не случайно зазвучало, оказалось «не пустым», а — пользуясь блоковским выражением — «музыкально» насыщенным, значимым «звучком», вызвало волну ассоциаций и зрительных образов. Из приводившегося отрывка письма А. А. Кублицкой-Пиоттух видно, что и в ее восприятии написание поэтом речи о Пушкине перекликалось с созданным им тогда стихотворением «Пушкинскому Дому». Эти события были связаны и в блоковском творческом процессе, и в реальной соотнесенности с Пушкиным, Пушкинским Домом и пушкинодомцами.

После получения альбома со стихотворением Блока Евлалия Павловна, видимо, показала его Н. А. Котляревскому, потому что вскоре в хранившемся у Блока с марта 1914 г. первом выпуске «Временника Пушкинского Дома», том самом, в котором на шмуцтитуле описания архива Н. А. Добролюбова уже имелся автограф В. Н. Княжнина, появляется новая надпись — теперь на внутренней стороне обложки книги: «Певцу Пушкинского Дома Александру Блоку. Нестор Котляревский. Март 1921 г.»; немного ниже — еще один автограф: «Е. Казанович (без даты). Точная дата и обстоятельства встречи, во время которой в принадлежавшем Блоку выпуске «Временника» появились новые дарительские записи, нам, к сожалению, не известны.³⁶ Но сами

³⁴ Там же, с. 199.

³⁵ О творческой истории стихотворения см.: *Модзалевский Л. Б.* Блок А. А. Ранняя редакция стихотворения «Пушкинскому Дому». — *Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского Дома.* М.—Л., 1947, с. 80—83.

³⁶ Можно предположить, что запись Н. А. Котляревского появилась не ранее 20 марта 1921 г., когда альбом со стихотворением был вручен Е. П. Казанович, поскольку до этого момента круг людей, знакомых со стихотворением, был, вероятно, ограничен: вспомним просьбу матери поэта, посылающей в письме М. А. Бекетовой стихотворение «Пушкинскому Дому», никому не показывать эти стихи. К. П. Чуковский, посвященный в создание нового стихотворения, вспоминал слова Блока, сказанные

надписи безусловно свидетельствуют о признательности сотрудников, об их высокой оценке щедрого дара писателя Пушкинскому Дому и о тех добрых отношениях, которые продолжал поддерживать с ними поэт весной 1921 г. Недаром Блок был приглашен на их первое открытое заседание. В повестке, посланной поэту 25 апреля 1921 г., значилось: «В четверг, 5 мая 1921 г. в 7 час. вечера имеет быть первое научное собрание Пушкинского Дома при Российской Академии наук под председательством действительного члена Академии Н. А. Котляревского (Миллионная, 22). Повестка дня.

К истории Пушкинского Дома	Е. П. Казанович
Новые тексты Пушкина	Б. Л. Модзалевского
Пушкин и Оленина	Н. К. Козмина
Неизданные стихотворения	
А. А. Дельвига	М. Л. Гофмана

25 апреля 1921 г.»³⁷

Блок не был в числе гостей на этом «пробном», по определению Е. П. Казанович, вечере Пушкинского Дома, так как находился в то время в Москве и 5 мая выступал с чтением своих стихов в зале Политехнического музея.

За первым заседанием, оказавшимся, как свидетельствовала Казанович, весьма удачным, благодаря живому и интересному докладу Козмина и прекрасному чтению Гофманом разысканных им новых стихов Дельвига,³⁸ последовали другие. В заметке, посвященной началу научных собраний Дома, сообщалось, что на них были прочитаны доклады Н. В. Измайлова «Новый сборник лицейских стихотворений», Г. П. Блока «Ранняя любовь Фета», М. Л. Гофмана «Письмо Дельвига к невесте». Ко дню 122-й годовщины рождения Пушкина было проведено соединенное заседание Пушкинского Дома, комиссии по изданию сочинений Пушкина при Академии наук и Разряда изящной словесности, на котором были заслушаны доклады Н. А. Котляревского об истории академического издания сочинений Пушкина, П. Е. Щеголева о найденной пушкинской рукописи по «Истории Петра Великого», Н. К. Козмина «Пушкин и Дальняя Чужбина» и др.³⁹

об этом произведении, которые свидетельствуют о чрезвычайной блоковской взыскательности. «Я написал, но, кажется, вышло плохо. Я отвык от стихов» (*Чуковский К.* Александр Блок как человек и поэт. Пгр., 1924. с. 51).

³⁷ На обороте повестки помечено: «Александр Александровичу Блоку. Офицерская ул., д. 57»; почтовый штемпель отсутствует. Текст машинописный; адрес и поправки внесены чернилами. — См.: ЦГАЛИ СССР, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 3, л. 22.

³⁸ См. запись в дневнике Казанович от 6 мая 1921 г.: наст. изд., с. 167—168.

³⁹ См.: «В Пушкинском Доме». — Вестник литературы, 1921, № 9, с. 17.

Блок не участвовал в этой развернувшейся научной деятельности, хотя темы докладов вполне могли вызвать его интерес, а многие докладчики были ему хорошо знакомы. Вернувшись из Москвы в Петроград 11 мая 1921 г., поэт тяжело заболел и практически больше не выходил из дома. Е. П. Казанович отмечала в своем дневнике: «21—22 июня на заре. Меня давно уже тревожит состояние Блока, а сегодня Н. А. <Котляревский> принес известие, что у него что-то неладно с сердцем и сильная меланхолия. Он приближается к роковому для наших лучших поэтов возрасту».⁴⁰

В краткие промежутки, когда болезнь отступала, Блок пытался работать, приводил в порядок свой архив. В один из таких дней ему могли сообщить о готовящемся к печати третьем сборнике Пушкинского Дома — альманахе «Радуга» (Пб., 1922), который открывался его стихотворением «Пушкинскому Дому». Поэт знал также, что его речь о Пушкине, впервые опубликованная в № 3 «Вестника литературы» за 1921 г. (с. 15—17), войдет в сборник «Дома литераторов».

Однако этих изданий он уже не увидел. 7 августа 1921 г. в 10¹/₂ часов утра Блока не стало. Сотрудники Пушкинского Дома пришли в эти скорбные дни почтить память национального поэта, проводить его в последний путь,⁴¹ участвовали в вечерах памяти Блока. Н. А. Котляревский на общем собрании Дома Литераторов 13 августа 1921 г. произнес прощальное слово о поэте, а в дальнейшем собирався участвовать в посвященном ему сборнике, но воспоминаний о встречах с Блоком так и не оставил. Был создан Комитет по увековечению памяти Блока, куда вошли А. А. Кублицкая-Пиоттух, Л. Д. Блок, А. Белый, Р. Е. Иванов-Разумник, С. М. Алянский, П. Е. Щеголев, Е. И. Замятин. Члены его обратились ко всем, кто общался с поэтом, с просьбой присылать в подлинниках или точных копиях рукописи и письма А. А. Блока, а также воспоминания, заметки, письма к нему или о нем, фотографии, некрологи, стихотворения и статьи, посвященные Блоку, отчеты о речах, собраниях, вечерах, концертах, гражданских и церковных панихидах памяти Блока. На основании вновь поступивших материалов и тех, которые хранились у вдовы поэта, предполагалось создать музей Блока, а наиболее интересные документы публиковать в «Бюллетенях Комитета».⁴² И хотя деятельность Комитета оказалась не столь продуктивной, сотрудники Пушкинского Дома всячески содействовали его начинаниям. Так, например, в августе 1921 г. они предлагали Комитету использовать свое помещение на Миллионной улице (ул. Халтурина, 5) для проведения вечера поэзии Блока и были готовы по-

⁴⁰ Наст. изд., с. 172.

⁴¹ См. запись от 10 августа 1921 г. в дневнике Е. П. Казанович, бывшей на похоронах поэта: наст. изд., с. 172—173.

⁴² См.: Увековечение памяти Блока. — Вестник литературы, 1921, № 9. с. 13.

мочь в его организации.⁴³ Затея эта не осуществилась по причине разногласий между членами Комитета.

Вечер, посвященный Блоку, состоялся в Пушкинском Доме лишь через год — 2 сентября 1922 г. И устраивали его, по свидетельству Е. П. Казанович, она сама — «от имени „группы сотрудников Пушкинского Дома“»⁴⁴ и профессор Института истории искусств Б. М. Энгельгардт.

Среди архивных материалов, принадлежавших вдове поэта и впоследствии в составе блоковского архива поступивших в Пушкинский Дом, хранятся программы вечеров памяти Блока, в том числе и пригласительный билет на этот вечер.⁴⁵ Как отмечала Евлалия Павловна в своем дневнике, вечер оказался удачным, а среди гостей были А. Ахматова, Ф. Сологуб и другие литераторы, искусствоведы, артисты. Программа состояла из четырех отделений: в исполнении драматических актрис В. А. Щеголевой и В. С. Стаховой-Враской и поэтов Ю. Н. Верховского и Г. В. Иванова звучали стихотворения Блока; композитор В. В. Щербачев исполнил свою фортепьянную сюиту «Нечаянная радость», созданную по мотивам блоковских произведений; оперная певица К. Н. Дорлиак спела несколько романсов на слова Блока — С. В. Рахманинова, М. Ф. Гнесина, В. А. Сенилова, В. В. Щербачева; поэты В. А. Рождественский и Ю. Н. Верховский прочитали свои стихотворения памяти Блока.

Любовь Дмитриевна вряд ли присутствовала на том первом блоковском вечере. Однако по сохранившемуся письму к ней Н. А. Котляревского можно судить о его достаточно прочных связях с семьей поэта, ибо в письме директор Пушкинского Дома, пзвываясь, что не может лично, как намеревался, пригласить родных Блока на «чтение воспоминаний об Александре Александровиче», просил Любовь Дмитриевну принять это приглашение от сотрудника Пушкинского Дома Н. В. Яковлева и ему же вручить «рукопись для передачи Варваре Ст-не»⁴⁶ — видимо, Варваре Степановне Стаховой-Враской, драматической актрисе, жене Котляревского, бывшей приятельницей Л. Д. Блок. Письмо это не датировано, и сейчас трудно установить, о каком именно «чтении воспоминаний» и о какой рукописи шла речь. Любовь Дмитриевна неоднократно выступала в Пушкинском Доме с чтением посвященного Дому стихотворения Блока и поэмы «Двенадцать». На память об одном из таких блоковских вечеров⁴⁷ Б. Л. Модзалевский преподнес вдове поэта альманах «Радуга» со следующей

⁴³ См. об этом дневниковую запись Е. Казанович от 21 августа 1921 г.: наст. изд., с. 174.

⁴⁴ Запись в дневнике Казанович от 3 сентября 1922 г.: наст. изд., с. 176.

⁴⁵ ИРЛИ, ф. 654, оп. 8, № 20, л. 4—6.

⁴⁶ ИРЛИ, Р. I, оп. 3, № 52, л. 1.

⁴⁷ Программа вечера хранится в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР: ф. 654, оп. 8, № 20, л. 8—8 об.

дарительной надписью: «Любови Дмитриевне Басаргиной-Блок от признательного Пушкинского Дома в воспоминаниях о вечере, посвященном А. А. Блоку. 16 октября 1923 года. Б. Модзалевский» (книга хранится в библиотеке Пушкинского Дома).

Сотрудники не только организовывали вечера памяти Блока,⁴⁸ но и принимали деятельное участие в судьбе его рукописного наследия, ведя переговоры с родными, друзьями, знакомыми поэта, со всеми, у кого оказались какого-либо рода материалы, относящиеся к жизни и творчеству А. А. Блока.

По крупицам формировался поначалу блоковский фонд Пушкинского Дома. Почти сразу после кончины поэта от З. И. Гржебина была получена наборная рукопись книги «За гранью прошлых дней». В числе первых поступлений можно назвать автограф стихотворения Блока «Похоронят, зарюют глубоко...», подаренный хранителем музея Пушкинского Дома С. В. Штейном; затем — автографы пяти стихотворений («Наступает пора пебивала. . .» и др.), приобретенные в 1926 г. В 1928 г. в Пушкинский Дом было передано письмо Блока Ю. П. Анненкову, просящее творческую историю поэмы «Двенадцать». В 30-е гг. блоковские автографы поступали в Пушкинский Дом в составе целых коллекций (например, в коллекции писательских автографов Н. О. Лернера); от официальных организаций (таких, например, как Дом писателей им. В. Маяковского, Областной отдел народного образования, Ленинградское отделение Союза советских писателей); от частных лиц (И. Л. Андроникова, А. Громова, В. С. Миролубова, И. В. Щеголевой и др.). Поступали книги Блока с его автографами: например, в 1937 г. у В. И. Аверьяновой была приобретена книга Блока «Лирические драмы» с его дарительной надписью А. М. Ремизову.

Коллекция блоковских материалов продолжала пополняться в последующие годы. В 1940 г. у И. О. Перельмана были приобретены автографы стихотворений Блока из цикла «Черная кровь». Начиная с того же года и на протяжении многих лет передавала в дар Пушкинскому Дому принадлежавшие ей блоковские реликвии — книги с автографами поэта, письма его и его родных, списки его стихотворений и другие материалы, включавшие ее личные воспоминания о Блоке, — писательница Н. А. Павлович. Рукописи Блока и документы, связанные с его деятельностью, поступали и во время Великой Отечественной войны. Например, в августе 1941 г. В. М. Жирмунский подарил Пушкинскому Дому два письма Блока к нему и список блоковского стихотворения. В блокадном 1943 г. из квартиры литератора В. Ф. Боцяповского поступил его архив, в котором имелись автографы Блока. При

⁴⁸ Сохранился, например, пригласительный билет на репетицию блоковского спектакля, который состоялся в помещении театра Пушкинского Дома (Мойка, 21) осенью 1922 г. См.: *Гил Я.* Спектакль памяти А. Блока («Балаганчик», «Незнакомка»). — «Последние новости», 1922, 9 октября.

освобождении Детского Села (г. Пушкин) из квартиры Р. Е. Иванова-Разумника была вывезена в качестве бесхозного имущества часть его архива, содержащего интереснейшие материалы, в том числе и относящиеся к Блоку.

В 1945 и 1946 гг. у М. Е. и Е. А. Ивановых был приобретен архив Е. П. Иванова, близкого друга Блока, — его дневники, воспоминания о Блоке; письма Блока к Е. П. Иванову; книги поэта — «Земля в снегу», «Стихи о Прекрасной Даме», «Ночные часы», «Нечаянная радость», «Снежная маска» с блоковскими дарительными надписями; письма А. А. Кублицкой-Пиотух к Е. П. Иванову; списки стихотворений Блока и многое другое. В октябре 1945 г. из архива Е. П. Казанович, погибшей в осажденном Ленинграде, поступил предназначавшийся ею для Пушкинского Дома альбом с автографом Блока и записями многих других деятелей литературы и искусства о Пушкине. В том же году были приобретены письма Блока к А. В. и В. В. Гишиусам (87 писем); через год — письма Блока к В. А. Зоргенфрею (11 писем).

Часть рукописей была куплена в Книжной лавке писателей. Так были приобретены, например, в августе 1948 г. 12 писем Блока к К. М. Садовской и ряд других архивных документов. В 1954 г. из ленинградского музея Д. И. Менделеева были переданы в Рукописный отдел Пушкинского Дома материалы, относящиеся к блоковскому архиву, в частности черновые наброски Блока, составленный им указатель его стихотворений, корректурные листы его книг и другое.

И позже продолжали поступать в Пушкинский Дом отдельные блоковские материалы. Например, в 1959 г. поступили автографы стихотворений Блока «Ты горюшь над высокой горою...» и «Мы, два старца, бредем одинокие...». В 1961 г. были переданы в Пушкинский Дом два письма Блока к М. Ф. Андреевой и два его письма к З. И. Гржебину. В 1962 г. блоковская коллекция была дополнена автографом стихотворения «Не спят, не помнят, не торгуют...», а в 1971 — белой рукописью стихотворения «Мне страшно с тобою встречаться...». Из последних поступлений можно отметить подаренный в 1980 г. Пушкинскому Дому автограф стихотворения Блока «Мой путь страстям затмен...».

Разумеется, здесь названы далеко не все поступления, за счет которых пополнялась коллекция блоковских материалов Пушкинского Дома в течение нескольких десятилетий.

Главным событием явилась, конечно, передача в Пушкинский Дом личного архива поэта. Переговоры сотрудников Пушкинского Дома с родственниками Блока по поводу приобретения рукописей поэта были начаты еще в 1920-е гг. Об одном таком разговоре главного хранителя Рукописного отдела Пушкинского Дома Б. Л. Модзалевского с Л. Д. Блок мы узнаем из воспоминаний И. С. Зильберштейна. В августе 1926 г. между Модзалевским и

Любовью Дмитриевной (выступавшей на вечере памяти Блока с чтением «Двенадцати») состоялся следующий диалог, при котором присутствовал Зильберштейн: «Борис Львович спрашивал Любовь Дмитриевну о дальнейшей судьбе архива Блока, говорил, что будет рад, если творческие рукописи и переписка поступят в Пушкинский Дом. Ответ был лаконичный: архив еще не приведен в порядок, а в дальнейшем, возможно, будет отдан в Пушкинский Дом».⁴⁹

Ученые Пушкинского Дома поддерживали дружеские и деловые отношения и с биографом поэта — его тетей М. А. Бекетовой. Подготавливая в конце 20-х гг. переиздание своей книги о Блоке и собирая для нее дополнительные сведения, Мария Андреевна обращалась за помощью к сотрудникам Пушкинского Дома. Так, например, запрос в Мекленбургский архив о дальних предках Блока по отцовской линии был составлен от имени Пушкинского Дома и ответ немецкого архива, датированный 23 июля 1930 г., был прислан сюда же для передачи М. А. Бекетовой.⁵⁰ А в мае 1935 г. от М. А. Бекетовой в блоковскую коллекцию Пушкинского Дома поступило ценное пополнение — письма поэта к родным (более 700 писем). Стоит отметить, что публиковались эти письма, подготовленные М. А. Бекетовой, издательством «Academia» (1-й том «Писем Александра Блока к родным» вышел в 1927 г., 2-й — в 1932) и в этой работе участвовал сотрудник института, профессор В. А. Десницкий, написавший предисловие ко второму тому.

Позднее, в феврале 1939 г., после смерти М. А. Бекетовой, Любовь Дмитриевна передала в Пушкинский Дом ее архив, в который входили дневники Марии Андреевны, ее мемуары, в том числе рукопись «Шахматово и его обитатели», и множество других материалов, содержащих разнообразные сведения о семье Бекетовых и о Блоке.

В 30-е гг. Любовь Дмитриевна работала над монографией по истории танца и — как рассказывала одна из старейших сотрудниц Рукописного отдела, ныне покойная М. И. Малова, — ее можно было нередко видеть за работой в читальном зале библиотеки Пушкинского Дома. Тогда же Любовь Дмитриевна беседовала с сотрудниками Рукописного отдела о передаче рукописей Блока в Пушкинский Дом. И. С. Зильберштейн, который с 1936 г. вел переговоры с нею о приобретении Государственным Литературным музеем в Москве материалов из архива Блока, свидетельствует, что «творческие рукописи покойного мужа и его днев-

⁴⁹ Зильберштейн И. С. О встречах с Любовью Дмитриевной Блок и о судьбе хранившегося у нее архива поэта. — В кн.: Александр Блок. Письма к жене. Литературное наследство, т. 89. М., 1978, с. 382.

⁵⁰ Копия запроса Пушкинского Дома и ответ Мекленбургского архива хранятся в фонде Блока (ИРЛИ, ф. 654, оп. 8, № 13). Подробнее об этом см.: Ильин Н. П., Небольсин С. А. Предки Блока. Семейные предания и документы. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1975, т. 34, № 5, 75, с. 450—455.

ники Любовь Дмитриевна, как она <...> тогда говорила, считала нужным в дальнейшем передать Пушкинскому Дому».⁵¹

В феврале 1939 г. Любовь Дмитриевна подарила музею Дома блоковские реликвии — посмертную маску и слепок с руки поэта. Само же решение Л. Д. Блок передать архив Блока в Пушкинский Дом, вероятно, определялось и дружескими отношениями, которые связывали самого поэта и его родных с этим учреждением, и личным энтузиазмом сотрудников, занимавшихся изучением творчества Блока, — особенно В. Н. Орлова, который в течение ряда лет вел переговоры с вдовой поэта и в значительной степени содействовал ее намерению. Любовь Дмитриевна подготавливала рукописи и книги поэта к передаче в архив. Однако разборка продвигалась медленно из-за ухудшившегося состояния здоровья и загруженности другими делами: помимо статей о балете, ею была задумана книга воспоминаний о Блоке. Вся эта работа была прервана скоростижной смертью Л. Д. Блок, последовавшей 27 сентября 1939 г.

После ее смерти Ленинградским отделением Союза советских писателей была создана Комиссия по приемке литературного наследства А. А. Блока, которая произвела предварительную опись мемориального имущества Блоков. В интервью председателя Комиссии В. Н. Орлова, опубликованном в «Литературной газете» 10 октября 1939 г., отмечалось, что даже предварительный просмотр материалов позволял судить о первостепенном историко-литературном значении богатейшего архивного собрания Блока, в котором сохранилось множество семейных документов, черновиков писем поэта, автографов современных ему писателей, а главное — «черновые и беловые рукописи почти всех его произведений, в том числе 10 тетрадей, куда Блок из года в год переписывал свои стихи». В заметке «Ленинградской правды» от 8 октября 1939 г., также посвященной деятельности Комиссии, сообщалось, что в архиве Блока сохранились «рукописи публицистической и критической прозы, дневник и записные книжки поэта, фотографии и портреты Блока, иллюстрации, Рериха к итальянским стихам, эскизы Добужинского к драме „Роза и Крест“ и другие. В личной библиотеке поэта находится много книг с автографами современников Блока — В. Брюсова, А. Белого и других. Музейный интерес представляют предметы рабочей обстановки А. А. Блока — письменный стол, кресло, книжные шкафы, диван, на котором скончался поэт».

Расширенное заседание Правления Ленинградского отделения Союза советских писателей, на котором решалась судьба блоковского архива, состоялось 15 октября 1939 г. Правление заслушало доклад Комиссии и, учтя неоднократно высказывавшиеся пожелания Л. Д. Блок, постановило: «Литературно-мемориальное

⁵¹ Литературное наследство, т. 89. М., 1978, с. 385.

наследство А. А. Блока передать Институту литературы, Пушкинскому Дому Академии наук СССР при условии:

а) сохранения архива и библиотеки Блока в качестве самостоятельных фондов;

б) организации в квартире, где жил и умер Блок, музея его имени, в качестве филиала Института литературы, привлекая к участию правление Литфонда;

в) разборки и составления научного описания архива в кратчайший срок». ⁵²

Это решение было закреплено постановлением № 2214 Ленинградской Областной государственной нотариальной конторы от 2 ноября 1939 г. о выдаче на ответственное хранение Институту литературы (Пушкинскому Дому) АН СССР архивных материалов из имущества умершей Л. Д. Блок.

Вскоре архив Блока поступил в Пушкинский Дом. Однако полностью соблюсти условия приема материалов, обозначенные в решении Правления Союза советских писателей, Институту литературы не удалось. Препятствия возникли на пути открытия музея Блока. В заметке Ю. Исакова «Последняя квартира А. Блока», опубликованной в «Литературной газете» 11 августа 1940 г., отмечалось, сколь трудным делом является «восстановление каждого историко-бытового ансамбля» и как было важно сберечь последнюю квартиру Блока в том виде, в каком она сохранилась его вдовой, когда «на прежних местах, как и 18 лет назад, стояли книги с пометами поэта, бумаги остались разложенными на письменном столе в том же порядке, и даже окуроч последней папирсы, выкуренной Блоком, лежал нетронутым в пепельнице». Однако решение этого вопроса было на длительное время отложено.

Рукописи Блока, его библиотека и предметы из его домашнего обихода, имеющие мемориальное значение, были перевезены в Пушкинский Дом весной 1940 г. Акт приема блоковского архива, включающий краткую опись принятого материала, был подписан 29 марта 1940 г. Театральные коллекции и другие театроведческие материалы Л. Д. Блок были переданы в Театральный музей в Ленинграде. Некоторые документы, принадлежавшие вдове поэта, в частности ее переписка с Блоком, рукопись ее воспоминаний, фотографии Блока и его родных, находились после ее смерти у ее матери, А. И. Менделеевой, и сестры, М. Д. Кузминой. Эти материалы были приобретены у них И. С. Зильберштейном для Гослитмузея и присоединены к той части блоковского архива, которая была получена И. С. Зильберштейном у Любови Дмитриевны весной 1939 г., — тогда в Гослитмузей поступило более двух тысяч писем блоковских корреспондентов. ⁵³

⁵² Воспроизводится по копии документа, хранящейся в музее Пушкинского Дома.

⁵³ См.: Литературное наследство, т. 89, с. 385, 388—389.

В Пушкинском Доме после принятия личного и семейного архива Блока сосредоточилось три четверти рукописей поэта, тем самым были созданы предпосылки для научного освоения блоковского наследия.

Ко времени передачи архива в Институте литературы (Пушкинском Доме) Академии наук уже существовал опыт изучения творчества А. А. Блока. Помимо упоминавшегося издания «Писем Александра Блока к родным», Академией наук был подготовлен сборник «Письма Ал. Блока к Е. П. Иванову. С приложением писем Ал. Блока к М. П. Ивановой и „Петербургской поэмы“ Блока» (М.—Л., 1936). В феврале 1936 г. в серии «Литературный архив» институтом планировалась публикация «неизданных писем Блока и писем писателей к нему».⁵⁴ Сборник должен был выйти под редакцией В. А. Десницкого. Эти планы осуществлены не были. Первый выпуск серии «Литературный архив» под редакцией С. Балухатого, Н. К. Пиксанова и О. В. Цехновицера, вышедший в 1938 г., был посвящен пушкинской теме: в него входила статья А. Дымшица «Александр Блок в работе над Пушкиным», в которой публиковались письма Блока к С. А. Венгеру. Сотрудники института В. А. Десницкий, А. Л. Дымшиц, В. Н. Орлов, Е. Р. Малкина разрабатывали различные проблемы творчества А. А. Блока, участвовали в подготовке двенадцатитомного собрания сочинений Блока, выпускавшегося «Издательством писателей в Ленинграде» в 1932—1936 гг.

Сосредоточение в Пушкинском Доме большинства рукописей Блока накладывало на сотрудников особые обязательства по научной разработке полученного на хранение блоковского архива. С этими целями весной 1940 г. при Отделе новейшей русской литературы была создана постоянная Комиссия по изучению творчества А. А. Блока, которую возглавил В. Н. Орлов. В задачи этой комиссии входили: публикация «неизданного блоковского наследия», «дальнейший сбор рукописных материалов Блока и о Блоке»,⁵⁵ всестороннее изучение жизни и творчества поэта. Предполагалось периодическое издание сборников материалов и исследований, посвященных Блоку. Первый «Блоковский сборник» готовился институтом совместно с Ленинградским отделением Союза советских писателей, среди его участников были В. М. Жирмунский, Б. М. Эйхенбаум, В. А. Десницкий, В. В. Гиппиус, В. Г. Адмони, Е. Р. Малкина, В. Н. Орлов, А. Л. Дымшиц.⁵⁶ В план работы комиссии включалась подготовка академического издания полного собрания сочинений и писем Александра Блока, а также организация музея, который было намечено открыть в по-

⁵⁴ Литературный Ленинград, 1936, 8 февраля.

⁵⁵ Интервью В. Н. Орлова в заметке «Изучение творчества А. Блока»: Литературная газета, 1940, 15 сентября. — См. также: Архив А. Блока. — Правда, 1940, 28 марта.

⁵⁶ См.: Перед блоковскими днями. — Литературная газета, 1940, 24 ноября. (Сборник не публиковался).

следней квартире поэта к двадцатой годовщине смерти Блока — осенью 1941 г.

Первое научное заседание Блоковской комиссии состоялось в октябре 1940 г. — в преддверии шестидесятилетия со дня рождения Блока.⁵⁷ В те дни на заседаниях комиссии прозвучали интересные сообщения: Е. Малкиной о письмах Блока к А. В. Гиппиусу и К. С. Станиславскому; В. Орлова о переписке Александра Блока с Андреем Белым; Д. Максимова о письмах Блока к жене Ф. Сологуба — А. Н. Чеботаревской; П. Громова об участии Блока в создании советского театра.⁵⁸ 29 ноября 1940 г. в большом зале Пушкинского Дома состоялось торжественное заседание памяти Блока; на нем с докладом «Проблемы стиля А. А. Блока» выступил Г. А. Гуковский, а В. В. Гиппиус поделился воспоминаниями о поэте.⁵⁹

Открытые заседания Блоковской комиссии всегда собирали многочисленную аудиторию: как отмечалось в газетных заметках той поры, на них приходили «критики, писатели, артисты, студенты-филологи».⁶⁰ Особую интимную ноту вносило в эти заседания активное участие людей, лично знавших Блока, — его близких друзей А. В. Гиппиуса и Е. П. Иванова, дальнего родственника поэта Г. П. Блока (позднее в Пушкинский Дом поступил его архив, в котором имелись документы, относящиеся к А. А. Блоку), профессора-литературоведа В. В. Гиппиуса и других.

Много позже, открывая научную сессию памяти Блока, проходившую в Пушкинском Доме в дни восьмидесятилетия со дня рождения поэта, В. Н. Орлов, имея в виду деятельность Блоковской комиссии, развернувшуюся, по его словам, «в довольно широких масштабах», подчеркнул, что именно здесь, в Институте литературы, «в свое время <...> впервые сложилась ячейка людей, занимавшихся изучением творчества Блока».⁶¹

Работа комиссии была прервана войной. Отдавая должное энтузиастам, усилиями которых начиналось освоение блоковского наследия, В. Н. Орлов говорил о героически погибших на фронте О. В. Цехмивицере и В. З. Голубеве, о скончавшихся в осажденном Ленинграде Е. П. Иванове, А. В. Гиппиусе, В. В. Гиппиусе, Ц. С. Вольпе, В. А. Гофмане; вспоминал о трагически погибшей после войны Е. Р. Малкиной, которая в тяжелейших условиях ленинградской блокады мужественно продолжала работать над книгой о Блоке.

После войны Блоковская комиссия просуществовала недолго —

⁵⁷ См.: Архив А. А. Блока. — Смена, 1940, 30 октября.

⁵⁸ См.: Литературная газета, 1940, 12 ноября (заметка о вечерах, посвященных Блоку).

⁵⁹ См.: Памяти А. А. Блока. — Ленинградская правда, 1940, 30 ноября.

⁶⁰ Изучение творческой деятельности Блока. — Ждановец, 1940, 28 ноября.

⁶¹ Орлов Вл. Некоторые итоги и задачи советского блоковедения. — Блоковский сборник. Труды научной конференции, посвященной изучению жизни и творчества А. А. Блока, май 1962. Тарту, 1964, с. 508.

с осени 1945 по осень 1946 г. Однако с роспуском комиссии изучение творчества Блока в институте не прекратилось. В 1954 г. вышел X том академической «Истории русской литературы», включивший главу о творческом пути Александра Блока, написанную В. Н. Орловым. Главы о Блоке вошли во все «Истории русской литературы», подготовленные в Пушкинском Доме, а также в фундаментальные труды института, посвященные истории русской критики, поэзии, драматургии. Во многих монографиях и серийных изданиях института, таких, например, как «Русский фольклор. Материалы и исследования» (т. 3), «Вопросы советской литературы» (т. 8), «Бюллетенях» и «Ежегодниках» Рукописного отдела Пушкинского Дома, освещались темы, связанные с творчеством Блока. Широко представлена блоковская тематика в журнале «Русская литература», где в 50—70-е гг. публиковалась переписка поэта, печатались статьи на темы: «Блок и живопись», «Блок и театр», «Блок и русские и советские писатели» (Тютчев, Некрасов, Есенин, Ахматова, Асеев) и др.

На научных конференциях, сессиях и заседаниях в Пушкинском Доме звучали доклады по проблемам блоковского творчества. 26—27 ноября 1960 г., в дни восьмидесятилетия со дня рождения поэта, в институте состоялась специальная сессия, посвященная Блоку. Памятные блоковские даты отмечались организацией юбилейных выставок в музее Пушкинского Дома.

Первая блоковская экспозиция была открыта в августе 1946 г. к двадцатипятилетию со дня смерти поэта. На ней были представлены письменный стол Блока с календарем, на пожелтевшем листке которого стояло: «1921. 7 августа. Воскресенье»; книги из его библиотеки с блоковскими пометами на полях; диван, на котором скончался поэт, и другие мемориальные предметы. Долгие годы существовал в музее Пушкинского Дома так называемый Блоковский зал, убранство которого воспроизводило обстановку рабочего кабинета поэта; множество блоковских реликвий хранилось в запасниках музея. Теперь этот мемориальный комплекс передан в музей-квартиру поэта, открытие которой было приурочено к юбилею Блока в ноябре 1980 г.

Многое сделано к столетию со дня рождения поэта и в Пушкинском Доме. За последнее десятилетие сотрудники института участвовали в подготовке двухтомного аннотированного каталога «Александр Блок. Переписка» (вып. 1 — 1975, вып. 2 — 1979); сейчас ведется работа того же коллектива по научному описанию всех творческих рукописей Блока; вместе с Центральным Государственным архивом литературы и искусства СССР, Государственной библиотекой СССР им. В. И. Ленина и Государственной публичной библиотекой им. М. Е. Салтыкова-Щедрина институт работает над созданием «Летописи жизни и творчества А. А. Блока», а вместе с Институтом мировой литературы АН СССР им. А. М. Горького Пушкинский Дом готовит академическое издание сочинений и писем А. А. Блока в пятнадцати томах.

А. Б. Муратов

А. Ф. КОНИ И ПУШКИНСКИЙ ДОМ

Заслуги выдающегося русского юриста и литератора Анатолия Федоровича Кони перед Пушкинским Домом выглядят скромными по сравнению с заслугами многих ученых-филологов: Кони не оставил ученых трудов о русской литературе, он не организовывал специальных литературных выставок и не описывал рукописных фондов. Но он был, как признавалось в юбилейном адресе Пушкинского Дома, «дейтельным благожелателем» его и «щедрым жертвователем».¹ И не случайно после смерти Кони Пушкинский Дом почтил его память книгой, в предисловии к которой было сказано: «Взоры его естественно были устремлены на Пушкинский Дом Академии наук. Ведь он был старым другом и Академии, и Пушкинского Дома, и скромное звание сверхштатного сотрудника Дома носил и ценил наряду с высокими званиями Почетного Академика и Почетного Члена Академии наук».²

Имя Кони связано еще с предысторией Пушкинского Дома. Как известно, мысль о создании в память о «родоначальнике Русской литературы» учреждения, которое сосредоточило бы «все, что касается жизни и деятельности известнейших русских писателей пушкинского и последующих периодов отечественной литературы»,³ возникла в 1899 г., когда отмечалось 100-летие со дня рождения великого поэта. Кони входил в подкомиссию для выработки программы празднования и принимал самое активное участие в подготовке и проведении юбилейных мероприятий. Для юбилейной пушкинской выставки он передал 22 портрета, в том числе портреты М. И. Глинки, А. Н. Верстовского, Н. В. Гоголя, П. А. Каратыгина, В. А. Каратыгина, К. П. Брюллова, Н. И. Гнедича, Н. В. Кукольника, А. С. Грибоедова, В. А. Жуковского,

¹ Адрес Пушкинского Дома. — В кн.: Анатолий Федорович Кони. 1844—1924. Юбилейный сборник. Л., 1925, с. 17.

² Памяти Анатолия Федоровича Кони. Труды Пушкинского Дома Академии наук СССР. Л.—М., 1929, с. 6.

³ Проект «Положения» о Пушкинском Доме. Хранится в архиве А. Ф. Кони (ИРЛИ, ф. 134, оп. 3, № 2169, л. 1).

Н. И. Надеждина, А. С. Шишкова, А. Ф. Вельтмана.⁴ Они хранились в архиве отца Кони. Выставка натолкнула ее устроителей на мысль об организации постоянного «единого хранилища рукописей, книг и иконографии Пушкина». «Средой, хранившей и развивавшей это дело, суждено было стать <...> Комиссии по постройке памятника Пушкину».⁵ Эта комиссия в 1905 г. учредила Пушкинский Дом, в ведении ее он находился до 1918 г.

26 мая 1899 г. на юбилейном заседании Кони сделал доклад, который стал затем широко известен под названием «Нравственный облик Пушкина». Этот доклад интересен не столько суждениями о Пушкине, сколько выраженном взгляде определенной части русской интеллигенции той поры на действительность и литературу. В реальном контексте рассуждений Кони тезис о нравственно-христианском начале в творчестве и жизни поэта фактически подчинен мысли о нравственной ответственности человека за страдания народа. Бескомпромиссная искренность перед лицом своей совести, уважение к человечеству и его благородным стремлениям, ненависть к любым проявлениям угнетения и прежде всего к несправедливым законам — вот в чем заключался для Кони нравственный облик Пушкина. Кони приходит к выводу об огромном общественном значении великого поэта. Он благоговействует перед пушкинской эпохой, с которой непосредственно связан своим воспитанием в родительском доме; он воспринимает высокий гуманизм литературы XIX в. как развитие тех высоких нравственных идеалов, которые были заложены в гении Пушкина. «В его духовной природе, — писал Кони, — по мере созревания и расширения русской мысли, по мере более близкого знакомства со всем, что к нему относится, открываются все новые горизонты».⁶ Вот почему ему близка была идея создания «Дома Пушкина», выдвигнутая во время пушкинского юбилея. Комиссия по сооружению памятника Пушкину и сбору средств на него, созданная тогда же при Академии наук, 15 декабря 1905 г. приняла решение о создании Пушкинского Дома и поручила Б. Л. Модзалевскому и В. А. Рышкову разработать Положение, опираясь на которое будет работать новое учреждение. 6 ноября 1906 г. членом этой Комиссии избирается Кони. Будучи почетным академиком Разряда изящной словесности в Отделении русского языка и словесности Академии наук, Кони принимал участие в Комиссиях по

⁴ ИРЛИ, ф. 134, оп. 3, № 2084, л. 20. — Об отношении Кони к этой выставке свидетельствует письмо его к Б. Л. Модзалевскому от 15 мая 1899 г.: «Спешу препроводить к Вам ряд портретов по особому списку и сверток с гравированным портретом адмирала Мордвинова. Портрет моего отца — я не присылаю, ибо не нахожу у себя следов его знакомства с Пушкиным» (ИРЛИ, ф. 558, архив Б. Л. Модзалевского, письма А. Ф. Кони, л. 3).

⁵ Пушкинский Дом при Российской Академии наук. Л., 1924, с. 8.

⁶ Кони А. Ф. Нравственный облик Пушкина. — В кн.: Кони А. Ф. Собр. соч., т. 6. М., 1968, с. 24.

присуждению почетных, в том числе пушкинских премий.⁷ «Любовь свою к Пушкину Кони наглядно и действительно проявил и отношением своим к тому учреждению, которое возникло, создавалось и выросло, как дань благоговейных чувств русского общества к памяти нашего поэта, — отношением к Пушкинскому Дому Академии наук — научному институту, призванному быть живым памятником Пушкину», — писал Б. Л. Модзалевский.⁸

Связи Кони с Пушкинским Домом были постоянными, прочными и многообразными. Он много содействовал пополнению его архивных и музейных материалов, принимал участие в выставках, научных заседаниях и изданиях. Он отдавал свои силы Пушкинскому Дому, понимая, какое большое культурно-историческое значение имеет его создание.

Говоря о заслугах Кони перед Пушкинским Домом, следует прежде всего сказать о нем как о «щедром жертвователе». Кони передал в Пушкинский Дом не только свой богатейший архив и архив своего отца, содержащий материалы для характеристики пушкинской эпохи, особенно дорогие для Пушкинского Дома, но и другие материалы, бережно собранные или спасенные им.

В 1914 г. Котляревский от имени Комиссии по постройке памятника Пушкину и Пушкинского Дома благодарил Кони за пожертвование писем Тургенева к Некрасову и Некрасова к самому Кони;⁹ В 1915 г. Кони передал в Пушкинский Дом «богатый дар» — ценные рукописи Кольцова, Никитина, Огарева и других русских писателей, письма Гончарова и Ап. Григорьева; чуть позднее поступили многие документы и предметы из собственного архива Кони и архива его отца, в том числе — трость Гончарова и его портсигар, фотографии писателей, близких к Ф. Кони как к редактору журнала «Пантеон», книги с автографами и письма.¹⁰ Ввиду того что такие присылки приняли постоянный характер, возникла необходимость определить и официальные отношения дарителя с Пушкинским Домом.

В 1915 г., передавая в Пушкинский Дом письма Гончарова, Кони писал Котляревскому: «Не без грусти расстаюсь с ними: столько в них теплоты и даже нежности, а подчас и глубоких мыслей, раскрывающих его добрую и страдательную душу». Одновременно Кони оговаривал условия, на которых он соглашался

⁷ В архиве Кони хранятся многочисленные отзывы на рукописи, представленные на соискание премий (ИРЛИ, ф. 134, оп. 3, № 2084). Кони придавал огромное значение этим отзывам. См. его статью «Памяти П. А. Котляревского» (Собр. соч. т. 7, с. 405—406).

⁸ Памяти Анатолия Федоровича Кони, с. 53—54.

⁹ ИРЛИ, ф. 134, оп. 3, № 2024. — Эти материалы упомянуты среди ценных пожертвований 1914 г. (см.: *Временник Пушкинского Дома*. 1914. Пг., 1915, с. VI, VII; там же на с. 57 — факсимиле первого из этих автографов).

¹⁰ См.: *Баскаков В. Н.* История создания Пушкинского Дома и его деятельность в 1905—1917 годах. — *Русская литература*, 1979, № 3, с. 104; ИРЛИ, ф. 134, оп. 3, № 2084, л. 116, 127, 129, 130.

отдать столь дорогие для него реликвии: «Передаю их в Ваше обладание с двумя условиями: 1) не допускать снятия с них копий или каких-либо из них выписок; помимо того, что содержание некоторых из них имеет интимный характер, не подлежащий оглашению, — я не хочу нарушать неоднократно выраженную, печатно и словесно, волю Ивана Александровича и 2) предоставить мне, в случае надобности, получить эти письма на некоторое время обратно на дом».¹¹

Эти условия оставались неизменными в отношениях Кони с Пушкинским Домом: Кони постоянно пользовался материалами передаваемого архива, а Пушкинский Дом неизменно подтверждал, что будет соблюдать условия передачи. Вот характерная записка Кони: «Дорогой Нестор Александрович, не пришлете ли Вы мне письма Григорьева? Я их Вам возвращу без замедления. Не пришлете ли также официального уведомления о принятии „Пушкинским домом“ моей последней присылки на поставленных мною условиях. Дружески жму Вашу руку. Ваш А. Кони».¹²

Материалы архива были необходимы Кони в его работе.¹³ Он не ограничивался своими личными впечатлениями и, вспоминая о людях, встреченных им на «жизненном пути», внимательно изучал их жизнь, деяния и творчество, читал воспоминания современников, научную литературу и широко использовал письма, опубликованные и хранящиеся в архивах. Поэтому рассказ Кони нередко перерастал в литературно-критическую статью, в которой общая характеристика писателя или общественного деятеля оживлялась, «подтверждалась» воспоминанием.

Что касается запрета на использование рукописей его архива, то этот запрет относился только к материалам сугубо личного характера. Кони всегда решительно выступал против тех, кто пытался заострить внимание на мелких, бытовых подробностях или болезненных сторонах личности писателя. Именно с этих позиций он протестовал против использования для печати писем Гончарова 80-х гг. и против публикации «Необыкновенной истории»: и в том и в другом было слишком много «интимного». Но его запрет не распространялся на документы, имеющие историко-литературное значение. Так было и с письмами Ап. Григорьева к Ф. Кони, которые упоминаются в последнем из цитированных писем: они

¹¹ ИРЛИ, ф. 135, № 374, л. 136—137.

¹² Там же, л. 143. — Официальный ответ от имени Комиссии по постройке памятника Пушкину в Петербурге подписан Котляревским 15 марта 1915 г. (см.: ф. 134, оп. 8, № 61). О другой присылке («по поводу новых приношений в Пушкинский музей») Кони писал Котляревскому 18 августа 1915 г. (там же, л. 140). См. также письмо Кони Котляревскому от 7 сентября 1915 г. (ИРЛИ, 2514, X с.).

¹³ Просьбы о работе над архивными материалами Пушкинского Дома постоянны в письмах Кони (ИРЛИ, ф. 135, № 375, л. 19, 21; ф. 134, оп. 3, № 858, л. 18; ф. 134, оп. 3, № 119, л. 18, 22). Он знакомится с материалами архива А. И. Урусова (ф. 134, оп. 3, № 2084, л. 155), интересуется материалами о С. А. Андреевском (ф. 134, оп. 3, № 119, л. 19).

Отделение русского языка и словесности Императорской Академии Наук в собрании 8 января 1900 года
избрало

АНАТОЛИЯ ФЕДОРОВИЧА КОНИ

в *Почетные Академики по Разряду изящной словесности,*
указанному в сие попованье счислителя со дня рождения
Пугинича

Президиумъ

Императорской Академии Наук

Председательствующий въ Отделении

русского языка и словесности, Академика *М. С. Суворина*

Диплом Почетного академика А. Ф. Кони, избранного по Разряду изящной словесности.

были вскоре опубликованы Пушкинским Домом в числе других материалов к биографии знаменитого поэта и критика.¹⁴ Поэтому же Кони сочувственно откликнулся на просьбу Пушкинского Дома предоставить в его распоряжение письма Короленко, касающиеся Мултанского дела,¹⁵ а в 1925 г., тоже «по просьбе Пушкинского Дома»,¹⁶ написал воспоминания о Чехове, в которые были включены письма писателя.¹⁷

В конце 1917 г. Кони начал передавать в Пушкинский Дом материалы своего архива, снова оговорив себе право «востребования их для использования».¹⁸ Но расстаться с дорогими сердцу реликвиями было тяжело; к тому же они пужны были для занятий, и в августе 1918 г. Кони просит Котляревского вернуть ему часть уже переданных материалов. «Мне больно взять все это обратно, — писал Кони, — но обстоятельства сильнее меня, и притом я уверен, что все, ныне возвращаемое, вернется в Пушкинский Дом в свое время, хотя уже, вероятно, не от меня». Впрочем, Кони тут же добавлял: «Взамен просимого (то, что мне окажется не постоянно пужно, — я Вам верну), прилагаю для Пушкинского Дома семь портретов лиц, причастных к литературе, и четыре рисунка из альбома моего отца».¹⁹ А 12 октября 1918 г., напоминая еще раз о своей просьбе вернуть часть подаренных Пушкинскому Дому материалов, Кони пишет: «Взамен их я поднесу Дому „Кому на Руси жить хорошо“ — подлинную рукопись Некрасова со вставками и выкинутыми местами — и его первоначальную программу этого произведения».²⁰

В 1920 г. отношения между Кони и Пушкинским Домом были окопчательно узаконены. Согласно акту, подписанному С. Ф. Ольденбургом 26 мая 1920 г., архив переходил в «собственность Пушкинского Дома»,²¹ и Кони должен был передать в него «предметы, собрания и рукописи». Однако по договоренности с Котляревским «значительная часть» архива оставалась у владельца до его смерти, «как необходимое для письменных занятий и лекций и как украшение моего обиталища», — писал Кони.²² В договоре,

¹⁴ Аполлоп Александрович Григорьев. Материалы для биографии. Под ред. Влад. Княжнина. Пг., 1917, с. 123—125.

¹⁵ Короленко В. Г. Письма. 1888—1921. Пг., 1922, с. 318—321.

¹⁶ Памяти Анатолия Федоровича Кони, с. 46.

¹⁷ Чехов А. П. Затерянные произведения. Неизданные письма. Библиография. Л., 1925, с. 199—216. — В том же году «Воспоминания о Чехове» Кони вышли отдельной брошюрой (Л., 1925).

¹⁸ ИРЛИ, ф. 135, № 375, л. 14; см. также: ф. 134, оп. 3, № 2084, л. 138; ф. 135, № 375, л. 27—30.

¹⁹ Там же, ф. 135, № 375, л. 32, 33.

²⁰ Там же, л. 34. — Описание этой рукописи дано в статье: Гофман М. Л. «Кому на Руси жить хорошо». (Из рукописей Некрасова). — В кн.: Некрасов. Неизданные стихотворения, варианты и письма. Из рукописных собраний Пушкинского Дома при Российской Академии наук. Пг., 1922, с. 69—88.

²¹ См.: Памяти Анатолия Федоровича Кони. с. 119—120.

²² ИРЛИ, ф. 134, оп. 2, № 40.

кроме этого, было указано, что архив оценен в 200 000 рублей.²³ Но эта сумма была чисто символической: Пушкинский Дом не имел средств, чтобы заплатить ее. Яркое свидетельство тому — письмо Котляревского:

«Дорогой Анатолий Федорович.

Ваш новый дар получен в полной исправности и занесен в нашу долговую книгу. Платить по ней мы не можем — так велики перед Вами долги наши!

Привет Вам от

неизменно Вашего Н. Котляревского».²⁴

Новые поступления продолжались до самой смерти Кони: в 1923 г. он пожертвовал в Пушкинский Дом портреты Б. Н. Черина, Т. Л. Щепкиной-Куперник, М. Е. Ковалевского, А. Н. Островского, М. М. Стасюлевича и многих других своих современников; ²⁵ в июне 1925 г. передал в рукописное отделение «интересный рукописный сборник 1802 г. со стихотворениями на русском и других языках; сборник этот присоединен к собранию подобных же рукописей, накопившихся в Доме в прежние годы, и прекрасно дополняет коллекцию материалов по истории русской литературы конца XVIII—начала XIX века».²⁶ А в апреле 1926 г. уже больной Кони через Е. П. Султанову-Леткову передал в Пушкинский Дом «тетради авторизованных стихотворений И. П. Мятлева».²⁷

С 1920 г. Кони готовит архив для передачи в Пушкинский Дом, «насколько позволяют мне мои лекции и разные домашние осложнения и тревоги», — добавляет он в одном из писем Котляревскому.²⁸ Кони составляет опись этих материалов и хочет продать часть своей библиотеки.²⁹ Разбирая материалы, он находит новые письма К. Р. и просит вернуть уже переданную часть, «чтобы распределить эти письма по надлежащим разделам».³⁰ «Все эти предметы, — пишет Кони в предсмертном письме Б. Л. Модзалевскому, — приведены мною в порядок, насколько то позволяло мое расстроенное здоровье, и на них наклеены ярлыки с надписью „принадлежит Пушкинскому Дому при Академии наук“... Я делаю распоряжение об отправке Вам настоящего

²³ Там же, ф. 134, оп. 3, № 2084, л. 149. — В этом же письме указано, что Пушкинский Дом намеревался со временем отвести для архива Кони отдельную комнату.

²⁴ Там же, № 858, л. 25.

²⁵ Там же, № 2169, л. 2.

²⁶ Там же, л. 4. — Об этом собрании см.: *Вацуро В. Э.* Литературные альбомы в собрании Пушкинского Дома (1750—1840-е годы). — В кн.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979, с. 3—56.

²⁷ ИРЛИ, ф. 134, оп. 3, № 2169, л. 5. — Сохранились сведения и о других пожертвовавших Кони в архив Пушкинского Дома (см., например: Отчет о деятельности АИ СССР за 1925 год. Л., 1926, с. 152).

²⁸ ИРЛИ, ф. 135, № 375, л. 45.

²⁹ Там же, л. 49.

³⁰ Там же, л. 52.

письма немедленно после моей смерти, а Вас прошу, если возможно, безотлагательно распорядиться о присылке за всем этим на мою квартиру кого-либо из Пушкинского Дома. Надо иметь в виду, что некоторые предметы (напр., письменный стол) громоздки и представляют осложнение для отправки в Пушкинский Дом».³¹

Используя широкий круг своих знакомств, Кони выступает и в качестве своеобразного посредника между Пушкинским Домом, с одной стороны, и престарелыми писателями и наследниками — с другой, способствуя тем самым пополнению Рукописного отдела и музея. Так, в 1916 г. он хлопочет о передаче в Пушкинский Дом письменного стола Некрасова, о чем сохранились не лишённые интереса письма Кони к Котляревскому; их тон хорошо передаёт заинтересованность, с которой Кони относился к своей миссии. 10 марта 1916 г. он пишет:

«Дорогой Нестор Александрович, В. И. Ковалевский получил, по завещанию Елисеева, письменный стол, за которым работал Некрасов, и поставил его в секретарскую комнату Русского Технического Общества. Ныне он оставляет председательство в этом обществе — и, быть может, потребует стол обратно. Не захотите ли приобрести его для Пушкинского Дома? Я мог бы стать в этом посредником.

Искренне Вам преданный А. Кони.

Печатаю III и IV т. „На жизненном пути“».³²

Через несколько дней вопрос о передаче Пушкинскому Дому этой реликвии был решен, и Кони 22 марта 1916 г. уведомил Котляревского краткой запиской:

«Дорогой Нестор Александрович.

Дело сделано! Вот письмо Вл. Ив. Ковалевского, где содержится распоряжение. Благоволите сказать ему или секретарю — куда послать стол. Письмо, будьте добры, возвратить.

Душевно Ваш А. Кони».³³

Подобные посреднические функции Кони исполнял охотно и часто. В 1917 г. президент Академии наук А. П. Карпинский выразил ему благодарность за «содействие в деле передачи ценной библиотеки великой княгини Елены Павловны в Библиотеку Академии».³⁴ В следующем году Кони уведомил Котляревского о том, что «пекая престарелая писательница (82) Лаврентьева» желает «пожертвовать или продать нарисованный ею большой портрет Тургенева с виньетками из его сочинений, в раме — и вылепленный ею из воска барельеф Тургенева», с которым она была

³¹ Там же, ф. 134, оп. 2, № 40.

³² Там же, ф. 135, № 375, л. 2.

³³ Там же, л. 3. — Письма В. И. Ковалевского в архиве Пушкинского Дома нет. В нем сохранилась лишь одна дружеская записка Ковалевского к Кони 1916 г. (ИРЛИ, ф. 134, оп. 3, № 791).

³⁴ Там же, ф. 134, оп. 3, № 2084, л. 137.

ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫЙ И ДОРОГОЙ
АНАТОЛИЙ ФЕДОРОВИЧ,

СЕГОДНЯШНИЙ ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЙ ДЕНЬ И ТОТ ПРАЗДНИК, КОТОРЫЙ МЫ
ОПРАВЛЯЕМ ПО СЛУЧАЮ ИСПОЛНЯЕТСЯ 80-ЛЕТИЯ ВАШЕЙ ЖИЗНИ . . .

ПОСЛАВЛЯЯ ВАС С СЕГОДНЯШНИМ ДНЕМ, ПРИЗВЕСТВУЯ В ЛЕГКИЕ ВАМ
ЗНАТОКА И МАСТЕРА РУССКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА, ОДНОГО ИЗ
БОЧЕТЫХ АКАДЕМИКОВ РАЗРЯДА ИЗЯЩНОЙ СЛОВЕСНОСТИ РОССИЙСКОГО
АКАДЕМИИ НАУК И ТОЧНОГО ЛИТЕРАТУРНОГО КРИТИКА, ПУШКИНСКИЙ ДОМ,
НА КОТОРОМ ВЫ ВОСХОДИЛИ ОБЯЗАННОСТЬ БИТЬ ВЕЧНЫМ ХРАНИТЕЛЕМ
ВАШЕГО ВОСТАВШЕГО КИШНОГО АРХИВА, — ВЫРАЖАЕТ ИСКРЕННЮЮЩЕЕ И
ЖЕЛАННОЕ ПОЖЕЛАНИЕ, ЧТОБЫ НА ВАШЕ МНОГИЕ ГОДЫ РАДОВАЛИ НАС СВО-
ИМИ ПРИЛОЖЕНИЯМИ И ДАРИЛИ НАМ ПЛОДЫ СВОИХ ТРУДОВ, КАК ВОЗМОЖНО
ЯВЛЯЯ ПРИМЕР НЕУСЫННОГО И НЕВЫЖИВЕННОГО СЛУЖЕНИЯ СВЕТАМ ИДУ-
ЩИМ РУССКОМУ ЛИТЕРАТУРЕ.

Г. Мухоморов
Н. Писарев

Екатеринбург *Общественный*
Пушкинский Дом

П. Чернышев

С. Николаев
И. Мухоморов

Н. Мухоморов
С. Мухоморов
С. Мухоморов

С. Мухоморов
В. Мухоморов
С. Мухоморов

В. Мухоморов
А. Мухоморов
А. Мухоморов

А. Мухоморов
А. Мухоморов
А. Мухоморов

10 февраля 1924 г.

Адрес Пушкинского Дома А. Ф. Кони по случаю его 80-летия.

дружна».³⁵ «Я указал ей на Пушкинский Дом, — добавляет Кони. — Согласны? Если да, то придется послать к ней...».³⁶ В 1920 г. Кони хлопочет о том, чтобы не пропал архив Аксаковых, оставшийся после смерти одной из племянниц автора «Семейной хроники» в Самарской губернии. К Кони в связи с этим обратилась М. С. Гастева (урожденная Аксакова). «Думая, что Академия, а в особенности Пушкинский Дом, могут ей помочь и приобрести вместе с тем это, вероятно драгоценное, собрание, — решаюсь направить ее к Вам», — пишет Кони Котляревскому.³⁷

Кони содействовал сохранению и передал в Пушкинский Дом части архивов Некрасова и Гончарова. В его собрании оказались «бумаги» Ю. Ф. Абазы и Н. Х. Бунге, а также довольно многочисленные материалы, попавшие к нему «случайными или неуставленными путями, в силу тех или иных личных отношений».³⁸ Среди них письма Горького, Достоевского, Салтыкова-Щедрина, Тургенева, автографы произведений Д. Д. Минаева, А. Н. Апухтина, Н. М. Минского, К. Павловой, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. Ф. Щербины и др.

Кони принимал участие и в выставках Пушкинского Дома.³⁹ В первые два десятилетия его существования они имели существенное значение. Желая «ознакомить русское общество с задачами проектируемого ею Пушкинского Дома», Академия наук развернула в декабре 1911 г. выставку, посвященную истории жизни и творчества русских писателей XIX века». Материалы архива Кони были широко представлены на ней.⁴⁰ Пушкинский Дом и в дальнейшем постоянно обращался к Кони за материалами для выставок. В 1921 г. были организованы юбилейные выставки, посвященные Некрасову и Достоевскому. Кони прислал книги и другие материалы для выставки памяти Достоевского, но некрасовских материалов у него уже не оказалось. «Все, что мне принадлежало относительно Некрасова, — писал он Котляревскому 30 сентября 1921 г., — я передал еще месяца два назад Максиму.⁴¹ Потому за этим материалом надо обращаться к нему. У меня остался лишь маленький портрет Некрасова — большого.

³⁵ С. И. Лаврептьева (1836—после 1918) — автор воспоминаний о Тургеневе, с которым познакомилась в 1881 г.; сохранилось несколько писем Тургенева к ней (п обратных писем), относящихся к последним годам его жизни.

³⁶ ИРЛИ, ф. 135, № 375, л. 27.

³⁷ Там же, л. 64.

³⁸ Памяти Апатолія Федоровича Кони, с. 140.

³⁹ Некоторые материалы архива Кони были представлены уже на юбилейной пушкинской выставке 1899 г. (см.: Альбом пушкинской юбилейной выставки в имп. Академии наук в С.-Петербурге. М., 1899, с. 20, 23, 24).

⁴⁰ ИРЛИ, ф. 134, оп. 3, № 2084, л. 77.

⁴¹ В. Е. Евгеньев-Максимов (1883—1955) — литературовед, один из зачинателей советского некрасоведения.

Он находится у моей сестры, и я принесу его с собой на выставку или припшлю, если успею достать раньше». ⁴²

Как говорилось выше, Кони многое сделал для пополнения материалов музея Пушкинского Дома. И на первой постоянной выставке, которая открылась в 1925 г., они тоже были широко представлены. Кони не смог ее посетить, и Модзалевский писал ему 24 июня 1925 г.: «Нечего и говорить, как я и все мои сотоварищи жалели, что Вы не могли быть на открытии (очень скромном, «семейном») нашей постоянной историко-литературной выставки. На стенах ее и в витринах Вы увидели бы сотни своих знакомцев; все они заняли подобающее им место в ряду наших писателей. Было бы так желательно услышать Ваше суждение о том, как все у нас вышло и какие поправки следовало бы внести в выставку. Буду надеяться, что Вы соберетесь к нам в течение лета». ⁴³ Это письмо — не дань простой вежливости. Кони был не только желанным гостем, но и авторитетным консультантом в том новом деле, которое предпринял Пушкинский Дом, создавая свой Литературный музей. Кони был не только литератором, который «на протяжении почти трех четвертей века был последовательно связан со многими из наших литературных деятелей узами дружбы или близкого знакомства», ⁴⁴ но и великолепным знатоком истории, быта эпохи, к которой принадлежал по своему рождению, воспитанию и смыслу всей жизни.

Болеющий Кони так и не смог посетить выставку, и 15 октября 1925 г. Модзалевский вновь написал ему, выражая еще раз свое сожаление и признательность за помощь Пушкинскому Дому: «Мне очень и очень бы хотелось, чтобы Вы посетили Пушкинский Дом. К „юбилею“ (ох, уж этот «юбилей») мы, как-никак, худо ли, хорошо ли, развернули наш выставочный отдел, — к сожалению, в двух, хоть и соседних, зданиях, ⁴⁵ — и было бы особенно приятно показать Вам, именно Вам, результаты нашей 20-летней работы». ⁴⁶

Кони был частым гостем Пушкинского Дома, принимавшим самое активное участие в его повседневных делах и заботах и находившим здесь внимательных и благодарных собеседников. ⁴⁷ Он

⁴² ИРЛИ, ф. 135, № 375, л. 80. — Кони отвечает на письмо Модзалевского от 25 октября 1925 г. (ИРЛИ, ф. 134, оп. 3, № 24). В 1922—1923 гг. Пушкинский Дом организовал семь выставок. Вероятно, материалы архива Кони были представлены на большинстве из них (см.: Пушкин и его современники. Указатель Первой отчетной выставки Пушкинского Дома при Российской Академии наук. Пб., 1922).

⁴³ ИРЛИ, ф. 134, оп. 3, № 119, л. 31.

⁴⁴ Памяти Анатолия Федоровича Кони, с. 17.

⁴⁵ Выставка располагалась в зданиях на Тифлисской улице и Тучковой набережной. О ней см.: Пушкинский Дом. Основан в 1905 году. Л., 1925, с. 11—18.

⁴⁶ ИРЛИ, ф. 134, оп. 3, № 119, л. 33.

⁴⁷ Кони принимал близко к сердцу все, что касалось Пушкинского Дома. Поэтому его корреспонденты часто делятся с ним своими радостями

был в добрых дружеских отношениях со многими сотрудницами Пушкинского Дома тех лет, с исследователями, участвующими в его работах, и молодыми учеными следующего поколения. В архиве Кони сохранились письма Б. Л. Модзалевского, Н. А. Котляревского, С. Ф. Платонова, П. О. Морозова, П. Е. Рейнбота, В. Д. Комаровой, Н. К. Пиксанова, Е. П. Казанович и др. В этих письмах, как и в письмах ответных, вырисовывается облик Кони — исследователя русской литературы: он дает историко-литературные справки, отзывается о только что вышедших книгах, организует деятельность Тургеневского общества, созданного им в 1920 г., и т. д. Встречаются в этих письмах и упоминания о посещениях Пушкинского Дома. Так, Модзалевский писал Кони 20 июля 1922 г.: «Надеюсь, что Вы дадите себе отдых, а потом посетите Пушкинский Дом и в один из четвергов порадуете нас беседой».⁴⁸

Нужно сказать несколько слов и о докладах Кони, прочитанных в Пушкинском Доме. После 1918 г., когда Пушкинский Дом вошел в число академических институтов, его деятельность начинает приобретать все более научно-исследовательский характер.⁴⁹

и огорчениями. Так, Модзалевский писал Кони 22 января 1919 г.: «Для Пушкинского Дома получено старое здание упраздненного Архива Таможенного департамента, рядом с новым зданием Библиотеки Академии наук, — в конце Университетской линии. Вы, конечно, порадуетесь этому обстоятельству как крупному шагу вперед в деле создания Пушкинского Дома» (ИРЛИ, ф. 134, оп. 3, № 119, л. 19—20).

⁴⁸ ИРЛИ, ф. 134, оп. 3, № 114, л. 22. — Эти посещения были для Кони трудным делом. Он искренне огорчался, когда обострение болезни не позволяло ему принять участие в мероприятиях Пушкинского Дома. Так, в одном из писем 1920 г. Кони спрашивает Котляревского, в какие дни открыт Пушкинский Дом и нельзя ли в него попасть с парадной лестницы (парадную лестницу ему уже не одолеть). В другом письме, 1921 г., он сокрушается, что не сможет попасть на выставку памяти Достоевского, так как не уверен, что сможет достать экипаж (ИРЛИ, ф. 135, № 375, л. 52, 81—82). Поблагодарив Пушкинский Дом за поздравления с 82-летием, Кони пишет С. Ф. Платонову 11 февраля 1926 г. о своем «крайнем сожалении» в связи с тем, что он не смог быть «в квартире великого поэта в трогательном заседании» (*Кони А. Ф. Собр. соч.*, т. 8, с. 336), первом из тех ежегодных торжественно-траурных собраний, которые теперь устраиваются в день смерти Пушкина на его последней квартире. А в письме В. Д. Комаровой от 31 мая 1927 г., одном из последних в его жизни, Кони пишет: «Мне так давно хотелось Вас видеть, но вот уже полтора месяца я лежу с воспалением легких со всеми его атрибутами, а между тем нужно бы поговорить о Пушкинском Доме и о Вашей новой книге о Владимире Васильевиче «Стасово, — А. М.», по поводу которой мне пришлось вести ожесточенный спор (не будем называть имен), едва не кончившийся взаимным охлаждением» (там же, с. 346). Речь в данном случае идет о книге: Влад. Каренин «В. Д. Комарова-Стасова». Владимир Стасов. Очерк жизни и деятельности, ч. 1—2. Л., 1927. — Об этих подробностях нужно упомянуть, потому что они — свидетельство огромной заинтересованности Кони в делах Пушкинского Дома и его желания содействовать этим делам.

⁴⁹ См.: *Баскаков В. Н. Пушкинский дом в 1918—1930 годах. — Русская литература, 1980, № 1, с. 89—100.*

Теперь, как говорилось в историческом очерке, написанном в 1924 г., Пушкинский Дом «стремился по мере сил ввести в научный оборот те рукописные богатства, которые были накоплены в нем за годы его существования». ⁵⁰ Этой цели служили и научные заседания, которые начали регулярно проводиться с 1922 г. и в которых Кони принял самое активное участие. В 1922 г. его просят прочесть доклады о Тютчеве и Гончарове, ⁵¹ председательствовать на заседании, посвященном 100-летию со дня рождения Ап. Григорьева. ⁵² Инициатива нередко принадлежала и самому Кони. «... Комитет Пушкинского Дома, — писал Модзалевский Кони 20 июля 1924 г., — конечно, с великою благодарностью принимает Ваше намерение выступить с докладами о Пушкине и К. Павловой». ⁵³

Научно-просветительские цели Пушкинского Дома были близки Кони. После Октябрьской революции он выступает с воспоминаниями перед студентами, рабочими и солдатами, читает курс уголовного права в Петроградском университете, курс ораторского искусства в Институте живого слова, врачебную этику в Клиническом институте усовершенствования врачей, историю театра в Школе русской драмы и т. д. Кони активно поддерживал мысль о создании обществ по изучению жизни и творчества писателей, и сам организует Тургеневское общество. Его активное участие в делах Пушкинского Дома органично вытекало из всех представлений его о месте в новой жизни. Он считал своей миссией по мере сил содействовать просвещению масс, передавая им свои знания и свой богатый опыт. Он стремился сделать для них живым то огромное и великое наследие, которое было для него самого еще живой историей.

В 1923 г. Кони подает просьбу о включении его в число внештатных сотрудников Пушкинского Дома. Этот акт был естественным и закономерным следствием его сотрудничества с академическим учреждением, в становлении которого он принял участие. Так воспринял просьбу Кони и Модзалевский, который писал: «Я доложил Отделению русского языка» о Вашем желании войти в состав наших научных сотрудников, — отделение, конечно, постановило (третьего дня, 28 ноября) исполнить Ваше жела-

⁵⁰ Пушкинский Дом при Российской Академии наук, с. 37.

⁵¹ ИРЛИ, ф. 135. № 375, л. 102; ф. 134, оп. 3, № 119, л. 27.

⁵² Там же, ф. 135. № 375, л. 114—116. — На этом заседании, которое состоялось 30 октября 1922 г., Кони, как его председатель, сказал вступительное слово (см.: Аполлон Григорьев. Биография и путеводитель по выставке в залах Пушкинского Дома. Сост. М. Д. Беляев и В. С. Спиридонов. Пб., 1922).

⁵³ Там же, ф. 134, оп. 3, № 119, л. 28; ф. 528, архив Б. И. Модзалевского, письма А. Ф. Кони, л. 43. — Эти сведения о докладах Кони в Пушкинском Доме, конечно, неполны. Например, известно, что в 1927 г. он прочел доклад «Смерть Пушкина» (Отчет о деятельности АН СССР за 1927 год. I. Общий отдел. Л., 1928, с. 171).

ние, — и мне остается, от имени Пушкинского Дома, принести Вам выражение искренней благодарности за высокую честь, Вами ему оказанную этим вступлением в число наших сотрудников или, как теперь выражаются, „работников“...».⁵⁴ 5 февраля 1924 г. Модзалевский передал Кони удостоверение о его «прикосновенности к Пушкинскому Дому».⁵⁵

В 1924 г. Академия наук чествовала Кони по случаю его 80-летия. Торжественные заседания состоялись в Академии, в Институте живого слова, в Доме ученых. Итогом их был «юбилейный сборник», совершенно неожиданно для Кони выпущенный издательством «Атеней» в 1925 г.⁵⁶ В этом сборнике были напечатаны приветствия в адрес юбиляра, речи о нем и статьи, посвященные тем писателям, с которыми Кони был наиболее близок, и тем «сюжетам», которые запечатлели его воспоминания. Пушкинский Дом принял самое активное участие и в торжествах, и в сборнике. В адресе Пушкинского Дома отмечалось: «...участием своим в Комиссии по созданию памятника Пушкину в Петербурге Вы мощно содействовали укреплению той мысли, что этот памятник поэту, в отличие от многих других, должен быть создан именно в виде научного историко-литературного института его имени».⁵⁷ Среди прочих материалов в сборнике были помещены три статьи «штатных сотрудников» Пушкинского Дома (Б. Л. Модзалевского, М. Д. Беляева и В. Д. Комаровой); его же сотрудникам была составлена библиография сочинений Кони. Впрочем, и само осуществление мысли об издании «юбилейного сборника» скорее всего легло на плечи Пушкинского Дома. Об этом свидетельствует и письмо Модзалевского к Кони от 6 июня 1925 г., в котором, между прочим, говорилось: «Мне очень хотелось бы знать Ваше мнение о Сборничке, который издал в Вашу честь Утевский».⁵⁸ Издать даже такую небольшую книжечку в наше время представляется делом чрезвычайной трудности, — почему она вышла и гораздо меньше по объему, и гораздо хуже по внешности, чем это предполагалось; были и другие затруднения, задержавшие ее выход. Но я все-таки рад, что, несмотря на все трудности, книгу издать все же удалось. Что вы скажете про мою статейку

⁵⁴ ИРЛИ, ф. 134, оп. 3, № 119, л. 35.

⁵⁵ Там же, л. 26.

⁵⁶ См.: *Кони А. Ф.* Собр. соч., т. 8, с. 326.

⁵⁷ Анатолий Федорович Кони. 1844—1924. Юбилейный сборник. Л., 1925, с. 17.

⁵⁸ Л. С. Утевский (1897—1960) был тогда владельцем фирмы «Атеней», под маркой которой появились многие издания Пушкинского Дома. Утевский был неизменным поклонником таланта Кони, исследователем его деятельности (см. его статью «Из ранних лет А. Ф. Кони. (По неизданным материалам)». — В кн.: Анатолий Федорович Кони, с. 70—88), его сотрудником по Тургеневскому обществу (см. его статью: Последний этап жизненного пути. — В кн.: Памяти Анатолия Федоровича Кони, с. 79—101) и издателем его воспоминаний о Чехове.

о Лажечникове? ⁵⁹ Я писал ее с большой симпатией к Вашему крестному отцу». ⁶⁰

После смерти Кони Пушкинский Дом предпринял издание еще одного сборника «в благодарную память своему члену, другу и жертвователю». ⁶¹

В него вошли речи С. Ф. Платонова («Личность А. Ф. Кони») и С. Ф. Ольденбурга («Несколько черт работы А. Ф. Кони»), произнесенные в Академии наук 18 марта 1928 г. на заседании, посвященном памяти Кони, а также речь Р. М. Хиг-Гольдовской на заседании Общества любителей российской словесности («Памяти старого друга») и статьи Л. С. Утевского («Последний этап жизненного пути») и В. И. Срезневского («А. Ф. Кони и Л. Н. Толстой»), специально приготовленные для этой книги. В ней была напечатана также речь Б. Л. Модзалевского «Круг литературных отношений А. Ф. Кони», приготовленная для заседания в Академии наук: Модзалевский «готовился к ней через силу, преодолевая тяжкие страдания от недуга, скоро навек сомкнувшего его уста и не давшего, таким образом, ему эту речь произнести». ⁶² Модзалевский считал эту речь своим скромным долгом перед памятью человека, которого он высоко ценил и уважал; она — лучшее, может быть, признание заслуг Кони перед Пушкинским Домом. Говоря об этих заслугах, Модзалевский писал: «На праздновании 80-летия дня рождения Кони Пушкинский Дом в своем адресе отметил с особенной радостью и гордостью участие Кони в пропаганде той мысли, что этот памятник поэту, в отличие от других, должен быть создан именно в виде живого общепольного научного историко-литературного института его имени, — а также то обстоятельство, что именно на Пушкинский Дом возложил Анатолий Федорович обязанность быть вечным хранителем его литературного по преимуществу архива, в котором, помимо его собственных рукописей, сосредоточена переписка его со всеми выдающимися писателями последних десятилетий — от Некрасова, Достоевского, Тургенева, Гончарова и Льва Толстого до наших современников, — начиная с Чехова и Короленко». ⁶³ Заслуги Кони перед Пушкинским Домом, таким образом, определяются тем, что он значительно обогатил рукописные собрания Пушкинского Дома и по мере своих сил участвовал в его становлении как одного из крупнейших центров современной культуры и науки.

Сборник, посвященный памяти Кони, завершался кратким описанием его громадного архива, этого, по словам Н. В. Измайлова,

⁵⁹ В «Юбилейном сборнике» была помещена статья Б. Л. Модзалевского «Из галереи современников и знакомцев Пушкина (Пушкин и Лажечников)».

⁶⁰ ИРЛИ. ф. 134, оп. 3, № 119, л. 30. — Отзыв Кони об этом сборнике обнаружить не удалось.

⁶¹ Памяти Анатолия Федоровича Кони. Труды Пушкинского Дома АН СССР. Л.—М., 1929, с. 6.

⁶² Там же, с. 30.

⁶³ Там же, с. 54.

«документального памятника жизни и деятельности большого человека и писателя, работавшего на протяжении почти трех четвертей века».⁶⁴ Но Пушкинский Дом явился наследником не только архива Кони, но и его обширной библиотеки, а также многочисленных музейных ценностей, которые не сразу были доставлены их новому владельцу. Все эти реликвии первоначально находились на квартире Кони и бережно сохранялись Е. В. Пономаревсой, верным другом знаменитого юриста. Она проводила здесь экскурсии, ее усилиями был приведен в порядок архив, описана библиотека и иконографический материал. Пушкинский Дом активно помогал Е. В. Пономаревой в сохранении квартиры и находящегося в ней имущества. В 1927—1928 гг. здесь возник своего рода филиал литературного музея Пушкинского Дома (мемориальная квартира Кони), хранивший еще живую память о своем хозяине.⁶⁵

Теперь все богатства этой квартиры хранят Рукописный отдел, Литературный музей и библиотека Пушкинского Дома. Реликвии, завещанные Кони Пушкинскому Дому, служат тем благородным целям изучения русской литературы и пропаганды ее высших идеалов, которым знаменитый юрист и литератор так живо и горячо сочувствовал.

⁶⁴ Там же, с. 117.

⁶⁵ См.: ИРЛИ, ф. 134, оп. 12, № 23, 24, 112

К. И. Ровда

А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ — ДИРЕКТОР ПУШКИНСКОГО ДОМА

Из документов и воспоминаний*

Пушкинский Дом возник в начале нашего века как хранилище рукописей, книг, реликвий, т. е. всего того, что связано с творчеством и личностью основоположника новой русской литературы и его окружением.¹ Об атмосфере, которая царила в нем, можно судить по стихотворению под названием «Пушкинскому Дому», написанному одним из его бывших сотрудников, вероятно, в первые годы революции:

В старинных комнатах мы шутим иногда,
Благоговенья к ним исполненные дети.
Нет ничего для нас отраднее на свете,
Как вспоминать минувшие года,
Не нашей жизни, нет, — столетьем отдаленны,
Мы возвращаемся в мечтах, как наяву,
В век Александровский, священный,
Ссудивший нам и лиру, и сову.
Иных годин настала черед.
И современные, мы — что ж — песовременны.
Но ждут нас подвиги. И в мыслях неуменны,
В старинных комнатах мы шутим иногда.²

Социалистическая революция оживила и омоложила старинные комнаты прежнего Пушкинского Дома, и, вспоминая с уважением минувшие годы, давшие нам гениального поэта, мы вместе с ним устремлены в будущее, к «зарю пленительного счастья».

В номенклатуре должностей Пушкинского Дома до его реорганизации не было должности научного сотрудника: там числились лишь ученые-хранители. Это вполне соответствовало задачам, которые стояли перед учреждением, призванным собирать и хранить литературное достояние прошлого. Научно-исследовательским институтом, изучающим не только наследие художника, давшего ему имя, но и всю русскую литературу от ее истоков до

* См. полный вариант статьи в сб.: А. В. Луначарский. Исследования по материалам. М., 1978, с. 207—232.

¹ 50 лет Пушкинского Дома. М.—Л., 1956, с. 5—16.

² Цит. по ст.: Буш В. В. Созданный Октябрем. — За социалистическую науку, 1932, 7 ноября, № 9.

наших дней, он стал лишь в советское время, в годы строительства социализма.

Произошло это в начале 30-х гг., когда Академия наук, куда входил Пушкинский Дом, приняла новый устав. Этот устав предусматривал объединение академических комиссий и других подобных образований и ячеек в крупные исследовательские учреждения. Так, Пушкинский Дом, Толстовский музей и Комиссия по изданию сочинений Пушкина были объединены в Институт новой русской литературы,³ структура которого стала формироваться не по признаку группировки сотрудников вокруг того или иного крупного имени, а по «признакам социально-историческим», характеризующим целую отрасль.⁴

Возникший институт ставил своей целью изучать русскую литературу с XVIII в. до нашей современности. За его пределами, однако, оставалась Комиссия по изучению древней русской литературы (КДЛ) Академии наук, располагавшая крупными научными силами.⁵ Через год и она слилась с Пушкинским Домом, и он стал называться Институтом русской литературы (ИРЛИ) Академии наук СССР.⁶

В 1930 г. в состав действительных членов Академии наук была избрана целая группа коммунистов — крупных ученых и государственных деятелей. Среди этих лиц был и А. В. Луначарский, избранный в число академиком 1 февраля 1930 г.⁷

Учрежденный на базе Пушкинского Дома институт прошел сложный и трудный путь, превратившись под руководством его первого директора — коммуниста А. В. Луначарского из собрания реликвий великих писателей в научно-исследовательское учреждение нового типа, призванное решать задачи строительства социалистической культуры в нашей стране. Впервые в истории Пушкинского Дома в 30-е гг. целым потоком полились массы посетителей — рабочих, учащейся молодежи — на осмотр новых экспозиций преобразованного Литературного музея, который стал не только хранилищем фондов и выставкой экспонатов, связанных с жизнью А. С. Пушкина и его окружением, но и деятельным пропагандистом всей русской классической литературы прошлого и молодой советской литературы. Богато обставленные и хорошо ор-

³ Институт новой русской литературы имени А. С. Пушкина при II отделении Академии наук СССР. Архив Академии наук СССР. Ленинградское отделение (далее: ААН), ф. 150, оп. 1 (1930), № 1, л. 45, 80.

⁴ Волгин В. П. Реорганизация Академии наук. — Вестн. АП СССР. 1931, № 1, с. 6.

⁵ ААН. ф. 150, оп. 1 (1930), № 1, л. 64.

⁶ Орлов А. С. Всесоюзная Академия наук за 15 лет. — Вестн. АП СССР, 1932, № 11, с. 13. — Членами КДЛ состояли академики В. М. Истриц, Б. М. Ляпунов, К. Н. Никольский, А. С. Орлов, В. П. Перетц и М. П. Сперанский.

⁷ Сперанская Е., Комарович М. Февральская сессия Академии наук. — За социалистическую науку, 1932, 11 марта; см. также: Постановление Президиума АН СССР от 5 марта 1932 г. (ААН, ф. 150, оп. 1 (1932), № 5).

ганизованные экспозиции, посвященные разным периодам в истории русской литературы, а также деятельности ее крупнейших представителей — Лермонтова, Пушкина, Тургенева, Толстого, Некрасова и других русских писателей, в том числе советских, — и иногда вызывавшиеся в Дома культуры, осматривали тысячи посетителей.⁸

Впервые институт работал по прихвтому в 1931 г. плану. В этом же году был разработан и первый пятилетний план на 1932—1937 гг. Но главное заключалось в методологической перестройке литературоведения, в овладении современным научным методом исследования на основе марксизма-ленинизма. В этом велика была заслуга Луначарского. «Вместе с усилением марксистско-ленинской стихии в литературоведческих работах, — писал академик А. С. Орлов, — А. В. принес с собою в Институт наиболее глубокое понимание литературы как искусства и расширил рабочий диапазон Института введением исследования сатирического жанра в общеевропейском масштабе».⁹ С того времени как в него влилась Комиссия по изучению древнерусской литературы, институт стал изучать русскую литературу с древнейших времен до современности. Заместителем директора в октябре 1930 г. был назначен академик А. С. Орлов, вошедший в Академию в 1931 г., а директором Института русской литературы стал академик А. В. Луначарский.¹⁰

Луначарский был немногим более трех лет директором Института русской литературы. Это были первые годы существования Пушкинского Дома как исследовательского учреждения, годы его становления и поисков новых, еще не изведанных путей в один из сложных периодов нашей жизни, когда завершалась первая и начиналась вторая пятилетка социалистического строительства. Острота классово́й борьбы тех лет сказывалась и в научной деятельности, особенно в ее идеологических аспектах.

Теперь трудно себе представить всю сложность тогдашнего состояния дел в Академии наук в целом и в Пушкинском Доме в частности. Бесспорный поворот основной массы научных работников в сторону честного сотрудничества с коммунистической партией был очевиден. Дело осложнялось, однако, тем, что в академических учреждениях было значительное число лиц, воспитанных в атмосфере буржуазной идеологии и методологически далских от марксизма. От коммунистов требовалась и высокая политическая бдительность, и большая тактичность в отношении к старым специалистам, па которых надо было воздействовать каждодневно и непрерывно, перенимая у них научные знания и опыт и одновременно уча их марксизму и применению марксистской

⁸ Хроника научной жизни. Институт новой русской литературы ИИЛИ. — Вестн. АН СССР, 1931, № 1, с. 53—54, № 4, с. 45—46.

⁹ Вестн. АН СССР, 1934, № 2, с. 35.

¹⁰ ААН, ф. 2, оп. 17, № 182, л. 54; см. также: Сперанская Е., Комарович М. Февральская сессия Академии наук.

методологии к их специальной области. Замечательным свидетельством влияния коммунистов в тогдашней Академии являются слова члена-корреспондента Академии наук и сотрудника Пушкинского Дома Н. К. Пиксанова: «Чуткий научный работник понимает, что вне марксистско-ленинского мировоззрения и метода нет глубоких научных движений».¹¹ Еще более ярко писал об этом будущий академик, а тогда профессор Н. И. Конрад: «... я не мыслю своей работы без участия коммунистов. Это та сила, которая, хочу прямо сказать, помогла мне и всем нашим сотрудникам в их общем научном росте. Если принять во внимание рост и значение качества во всей научной работе советского научного работника, то будет понятно, что я хочу сказать. Именно в этом прежде всего помогли нам наши товарищи партийцы. Тщательное, глубокое исследование научных материалов, методологически правильное осмысление — вот чего требовали от нас товарищи».¹²

Годы, когда академик А. В. Луначарский был директором Пушкинского Дома (1931—1933), являются временем наивысших достижений его как литературоведа и критика. «В Академию наук и в Институт русской литературы А. В. Луначарский, — писал Н. К. Пиксанов, — вошел в пору зрелости своих сил и в богатом расцвете своих дарований. Это был деятель культуры, охваченный революционным и социалистическим энтузиазмом, коммунист, выраставший в непосредственном общении с В. И. Лениным. Это был исследователь, принесший в науку об искусстве и литературе богатые познания — в таком широком охвате и разнообразии, в каком едва ли кто располагал вокруг него. Начиная с философии, естествознания, экономики, истории социальных движений, — это был знаток всех видов искусства — музыки, живописи, театра и всех иных. Это был литературовед и художник, страстно боровшийся против буржуазного мещанского искусства за искусство пролетарское».¹³

Общение с таким человеком много давало сотрудникам института.

Влияние Луначарского проявилось прежде всего в направлении и теоретическом уровне исследований в возглавляемом им институте.¹⁴ В методологическом отношении состав сотрудников был довольно пестр: формалисты, представители культурно-исторической школы, вульгарные социологи и, разумеется, люди, искренне стремившиеся к последовательному марксизму. На первых порах тон задавали вульгарные социологи. И это отражалось и

¹¹ Пиксанов Н. Из размышлений беспартийного. — За социалистическую науку, 1933, № 14 (29), 20 сентября.

¹² Конрад Н. И. «Я не мыслю своей работы без участия коммунистов...». — За социалистическую науку, 1933, № 13 (28), 10 сентября.

¹³ Пиксанов Н. К. А. В. Луначарский. — За социалистическую науку, 1933, № 24 (39), 31 декабря.

¹⁴ Он был одновременно также директором Института литературы, искусства и языка Комкадемии в Москве, председателем Ученого комитета при ЦИК СССР и главным редактором «Литературной энциклопедии».

на исследовательских планах, и на научных работах. Изучали литературные стили, исходя из формулы, что стиль — это класс. Отсюда стили: дворянский («Изучение литературы дворянской реакции и ее стиля»), буржуазный, мелкобуржуазный, пролетарский («Проблема эволюции стиля пролетарской литературы»). Писатели распределялись по этим рубрикам. Мало интересовались личностью писателя, психологией его творчества. Использовали очень прямолинейно учение Ленина о двух путях развития капитализма — «прусском» и «американском» — по отношению к писателям. Классиков скорее «прорабатывали», чем изучали. Пушкин, например, истолковывался Г. Л. Лелевичем «как художественный идеолог обуржуазившихся слоев среднего дворянства, ранний выразитель помещичьей буржуазности, как ранний провозвестник „прусского“ пути капиталистического развития». Такой взгляд на него, по мнению Лелевича, позволял «правильно истолковать все идейные и формальные моменты творчества поэта в их движении, в их единстве и противоречивости».¹⁵

Сейчас кажется странным и непонятным, как подобные взгляды высказывались в сборнике, вышедшем в 1931 г. под редакцией А. В. Луначарского, который был далек от подобного подхода и к Пушкину и к другим классикам. Но фактическим редактором был Г. Е. Горбачев. Сборник открывался статьей Луначарского «Очередные задачи литературоведения», где говорилось, что «без усвоения приобретений прошлого нельзя строить пролетарскую культуру».¹⁶ Эта мысль являлась лейтмотивом его теоретической и практической деятельности на протяжении всей жизни.

Сохранились программные документы, вышедшие из-под пера А. В. Луначарского, которые были обращены к коллективу научных сотрудников Пушкинского Дома, — это статья «Очередные задачи литературоведения» и лекция для аспирантов «Введение в изучение истории английской и германской литературы».¹⁷ В статье «Очередные задачи литературоведения», небольшой по объему, А. В. Луначарский намечает программу развития советского литературоведения. Первая общая задача: «Марксизм должен построить подлинную историю литературы русского языка, других языков Советского Союза и литературы мировой». Будучи чрезвычайно важной частью общей истории, «литература является прекрасным свидетельством о себе эпохи и классов; лишь завершение и приближение к завершению такого монументального и стройного марксистского научного здания, реконструирующего всю действительность, всю историческую литературную действительность, может обеспечить подлинную научность и обоснованность отдельных исследований».¹⁸ Мы должны осваивать не только ли-

¹⁵ Литература, 1931, № 1, с. 20.

¹⁶ Там же, с. 2.

¹⁷ Литературное наследство, т. 82, с. 115—148.

¹⁸ Луначарский А. В. Очередные задачи литературоведения — Литература, 1931, № 1, с. 2.

тературу прошлого, но и современную литературу. Наша социалистическая литература не может развиваться изолированно от других национальных литератур в СССР и за его рубежами. Даже враждебная нам литература должна «подвергаться внимательному анализу».¹⁹ Это общие социологические и исторические задачи литературоведения. Но литературоведение не только историческая наука и не только критика. Оно является также и методологией и теорией. Значит, на очереди — разработка вопроса «о творческом методе пролетарской литературы во всех его общих принципах и всех его деталях» и частные проблемы методологии и теории литературы. 1) Разграничение «художественной литературы» в собственном смысле слова и художественной публицистики в их взаимодействии и взаимопроникновении. 2) Природа художественного образа в марксистском понимании, противостоящем неправильному пониманию образа как только живого существа у переверзевцев. Надо раскрыть «понятие образа как элемента чисто художественной ткани» и «понятие его как элемента образной публицистики» в их сходстве и различии. 3) Теоретическое определение стиля. Определение «стиль — это класс» ничего не дает. «История стилей есть живой диалектический процесс, — пишет автор статьи, — в котором установившиеся стили как некоторые целостные величины являются лишь частью, да и то кажущейся, ибо и они все время живут и изменяются». 4) Нужна собственная теория жанров, «теория прозы и поэзии в их различиях, в их назначении, в их социальной ценности». Вот ход мыслей Луначарского.

Перечислив отдельные задачи в области теории литературы, автор делает общий вывод: «У нас нет еще более или менее удовлетворительно разработанной марксистско-ленинской системы литературных понятий и законов».²⁰ И далее ученый ставит вопрос о необходимости изучения личности художника в литературоведческих работах, решительно выступая против вульгаризаторского подхода к этому вопросу со стороны переверзевцев, отрицавших какое бы то ни было значение личности в создании художественных произведений. Отбросив все чисто случайное в биографии писателя, марксист выявляет все «социальное, необходимое, характеризующее данную личность как своеобразный узел, в котором перекрещиваются социально-силовые линии. Тогда произведение становится... действительным порождением его личности». И тут возникает необходимость изучения психологии творчества, возникает целая серия вопросов. «Одни из них будут вытекать как раз из нашего стремления конкретно представить себе, как в действительности зарождается художественный замысел, первые руководящие идеи, первые организующие идеи, первые организующие образы, как появляется тема, выбирается и обрабатывается сюжет, какую роль играет здесь полусознательное воображение и какую

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же, с. 3, 4.

руководство сознания, в чем сказываются здесь классовые инстинкты, а в чем классовая сознательность».²¹

Почти полвека прошло с тех пор, как поставлены эти задачи. Наше литературоведение шло по пути, указанному Луначарским, достойным проводником идей Ленина в области культуры. Приходится только удивляться его прозорливости. Постановка проблем марксистско-ленинской психологии художественного творчества в то время, когда над этим почти никто не задумывался, — одна из больших заслуг ученого.

Литературовед должен помнить, что процесс познания исследуется рядом наук: «история философии, история отдельных наук, история умственного развития ребенка, история животных, история языка, психология и физиология органов чувств».²² Этот вопрос Луначарским был поставлен в его статье «Ленин и литературоведение», первоначально опубликованной в «Литературной энциклопедии», а затем вышедшей отдельным изданием (1934). «Среди наших литературоведов, — напоминает он, — можно было встретить людей, которые считали, что литературоведение марксистско-ленинского характера должно опираться исключительно на социальные науки как таковые. Они чрезвычайно скептически относились к привлечению сюда наук биологических, психологических, лингвистических и т. д. Между тем мы имеем прямое указание Ленина на необходимость привлечения всех этих разделов знания как вспомогательных».²³

Указанная Луначарским проблематика только в наше время получила признание, и комплексное изучение художественного творчества только теперь реализуется в широком плане. Нельзя забывать, что этот путь был указан нам давно человеком, заслуги которого трудно переоценить.²⁴

Мы не будем подробно рассматривать статью А. В. Луначарского «Ленин и литературоведение», значение которой выяснено в ряде работ современных исследователей. Скажем лишь, что этот труд для своего времени был новаторским и самым значительным в разработке вопроса о теоретическом значении ленинского наследия для советского литературоведения. Он не утратил своего значения и после того, как на эту тему появились новые работы, несмотря на некоторые ошибки в разделе, трактующем вопрос о применении учения Ленина о «прусском» и «американском» путях развития капитализма к творчеству писателей. И. А. Сац правильно указывает, что этот промах не характерен для статьи в целом и преодолевается автором, когда он переходит к анализу воззрений Ленина на творчество отдельных писателей.²⁵

²¹ Там же, с. 5.

²² Там же, с. 6.

²³ Луначарский А. В. Собр. соч., т. 8, с. 459.

²⁴ См.: Лебедев А. Эстетические взгляды А. В. Луначарского. М., 1970, с. 234—235.

²⁵ См. комментарий И. А. Саца к статье «Ленин и литературоведение» (в кн.: Луначарский А. В. Статьи о литературе. М., 1957, с. 697—698).

Луначарскому были свойственны ошибки и заблуждения на разных этапах его развития. Совершал он ошибки и после Октября. Свойственная ему отзывчивость временами оборачивалась ненужной терпимостью к течениям, несовместимым с ленинизмом. Луначарский осознавал свои ошибки и преодолевал их. Это были ошибки роста. В 30-е гг. так много писали о его ошибках, что за ними не видели того положительного вклада, какой он внес в разработку теории социалистической художественной культуры и марксистско-ленинского литературоведения. И лишь в недавние годы наступила пора, когда его теоретическое наследие оценивается по достоинству.²⁶

Будучи директором ИРЛИ, А. В. Луначарский проявлял большую активность как публицист, литературный и художественный критик, о чем свидетельствует список его трудов.²⁷ За три года им опубликовано 158 больших и малых статей (1931 г. — 74, 1932 — 32, 1933 — 52). За это же время он выступал на конференциях и различных совещаниях с докладами и речами 23 раза (соответственно по годам: 15, 3, 5). Назовем лишь выступления на сессиях Академии наук: 1 февраля 1931 г. он выступает перед общим собранием с речью «Памяти П. Н. Сакулина»;²⁸ в том же году произносит речь, посвященную Генриху Гейне;²⁹ 26 июня 1931 г. в Москве в Большом театре на Чрезвычайной сессии Академии наук делает доклад на тему «Общественные науки и техническая реконструкция» и выступает от имени Академии во время сессии перед рабочими Электростанции;³⁰ 26 марта 1932 г. делает доклад в Ленинградской филармонии на юбилейной сессии Академии наук, посвященной 100-летию со дня смерти Гете;³¹ произносит речи о Р. Роллане (1932) и Анри Барбюсе (1933) при их избрании почетными академиками.³² Остальные его выступления связаны с его работой в Комакадемии и в писательской организации.

В рукописных материалах Пушкинского Дома, хранящихся в Ленинградском отделении архива Академии наук, находятся

²⁶ См.: *Бушмин А. С.* Слово о Луначарском. — В кн.: А. В. Луначарский. Исследования и материалы. Л., 1978, с. 9—10.

²⁷ А. В. Луначарский о литературе и искусстве. Составила К. Д. Муратова. Л., 1964; А. В. Луначарский о литературе и искусстве. Дополнение и продолжение одноименного указателя К. Д. Муратовой (Л., 1964). Составил Л. М. Хлебников. — Литературное наследство, т. 82, с. 623—644.

²⁸ Литературное наследство, т. 82, с. 105—114.

²⁹ Степограмма выступления Луначарского на сессии Академии наук в 1931 г. опубликована в журнале «Литературный критик» (1934, № 5, с. 76—88).

³⁰ См.: *Комаров В. Л.* Работы Чрезвычайной сессии. — Вестн. АН СССР, 1931, внеочередной номер, с. 20, 114—117.

³¹ Гете и его время. Доклад в Академии наук СССР. Изложение. — Красная газета, вечерний выпуск, 1932, № 72, 27 марта.

³² *Луначарский А. В.* 1) У Романа Роллана. — Прожектор, 1932, № 9—10, 30 мая, с. 22; 2) Анри Барбюс — почетный академик. — Красная газета, вечерний выпуск, 1933, № 27, 2 февраля.

некоторые документы о посещениях института Луначарским во время его приездов в Ленинград. В эти приезды он устраивал заседания директората, беседовал со своими заместителями и руководителями секторов, обсуждал с ними планы научно-исследовательских работ, заслушивал отчеты и т. п. В случае надобности ученый секретарь и заместитель директора обращались к нему с письмами.

В декабре 1932 г. А. В. Луначарский созывает Пушкинскую комиссию, и в связи с приближавшимся 100-летием со дня смерти Пушкина на этом заседании принимается решение о подготовке академического собрания сочинений А. С. Пушкина.³³ «Было решено созвать совещание ленинградских и московских пушкинистов для обсуждения (предполагаемого) юбилейного академического издания (сочинений) Пушкина».³⁴ Подготовку к конференции было поручено провести комиссии в составе Н. К. Пиксанова, Ф. Ф. Канаева и Д. П. Якубовича под руководством академика А. С. Орлова.

8—11 мая 1933 г. пушкинская конференция состоялась. Предполагалось, что заседания конференции будут проходить под председательством директора ИРЛИ А. В. Луначарского. О программе конференции он был извещен, но по болезни участия в ней не принял. Конференцией руководил академик А. С. Орлов. На ней был заслушан доклад члена-корреспондента Академии наук Н. К. Пиксанова о плане и организации издания Академического собрания сочинений Пушкина и доклад М. А. Цявловского о разработанной им инструкции по его подготовке.³⁵ Таким образом, одно из важнейших дел института — издание академического собрания сочинений А. С. Пушкина — зарождалось при ближайшем участии А. В. Луначарского. При назначении главной редакции он был назван первым, а по его предложению был включен в нее также А. М. Горький. Третьим был В. П. Волгин. Но ни Луначарскому, ни Горькому не довелось принимать участия в издании, когда началась его подготовка.

По инициативе А. В. Луначарского было также задумано фототипическое издание рукописей Пушкина, которое осуществлено было уже без него.³⁶ При нем был разработан план издания Пушкинской энциклопедии. Он обсуждался на открытых заседаниях Пушкинской комиссии. «Выработаны детальные схемы подробного плана», — писал Д. Якубович. Издание предполагало осуществить издательство «Academia».³⁷ Но план создания энциклопедии до

³³ ААН, ф. 150, оп. 1 (1933), № 3, л. 47—48.

³⁴ Там же, № 18, л. 45—48; см. также: *Канаев Ф.* Новое академическое издание Пушкина. — За социалистическую науку, 1933, № 11 (23), 15 августа.

³⁵ ААН, ф. 150, оп. 1 (1933), № 18, л. 49.

³⁶ *Я. Д.* [Якубович Д.] Фототипическое издание рукописей А. С. Пушкина. — Вестник АН СССР, 1933, № 10, с. 65—68.

³⁷ *Якубович Д.* Работы по Пушкину. — За социалистическую науку. 1934, № 13, 10 мая.

сих пор не воплощен в жизнь. Лишь в самое недавнее время этот вопрос был поднят на одной из последних пушкинских конференций и, как теперь стало известно, поддержан Отделением литературы и языка Академии наук СССР. Неосуществленным, к сожалению, остался также замысел издания под редакцией А. В. Луначарского подготовленной к печати переписки А. Н. Веселовского в трех томах под названием «А. Н. Веселовский, его среда и сверстники».³⁸ Нам не известны причины, помешавшие выходу в свет этой переписки, но теперь, когда к наследию А. Н. Веселовского установилось в нашей науке объективное отношение, следовало бы разыскать эту переписку и после известной доработки издать ее.

Мне повезло не однажды слушать А. В. Луначарского.³⁹ В марте 1932 г. в Ленинградской филармонии на вечере, организованном Академией наук СССР и посвященном столетию со дня смерти Гете, А. В. Луначарский в числе других академиков выступил с докладом «Гете и его время».⁴⁰ В отличие от других докладчиков, читавших, как принято, рукописные тексты докладов, Анатолий Васильевич говорил свободно и непринужденно, хотя перед ним и были какие-то бумаги. Свободная манера общения с аудиторией создавала особенную атмосферу и делала его выступление, в котором, как и всегда, проявилась необычайная эрудиция автора, доходчивым и увлекательным. Оно было обращено не к какой-то абстрактной аудитории, а к той, которая слушала докладчика, и между ними устанавливался полный и прочный контакт. Силу своего ораторского мастерства Анатолий Васильевич хорошо сознавал.

Анатолий Васильевич был обаятельнейший в личном общении, отзывчивый на все доброе человек, доступный каждому, кому он был пужен. Он щедро и даже расточительно распоряжался своим временем и только к концу жизни ощутил пагубность этой «щедрости, с которой он раздаривал свои силы, свое время, свой талант», и горестно отмечал, что «слишком много времени и сил потрачено на второстепенное».⁴¹ Эта щедрость была в его натуре, и она ведь тоже, к слову сказать, приносила свои плоды, внешне не столь заметные.

В конце 1932 г. я стал аспирантом Пушкинского Дома, директором которого был уже А. В. Луначарский. И когда узнал, что

³⁸ ААН, ф. 150, оп. 1 (1929), № 34, л. 61; см. также: *Козмин Н. К.* Переписка А. Н. Веселовского. — Вестн. АН СССР, 1932, с. 47—48.

³⁹ См.: *Ровда К. И.* Луначарский — академик и директор Пушкинского Дома. — В кн.: А. В. Луначарский. Исследования и материалы. Л., 1978, «Наука», с. 220—222.

⁴⁰ См.: *Луначарский А. В.* Гете и его время. — Литературное наследство, 1932, № 4—6, с. 5—20.

⁴¹ *Луначарская И. А.* О ненаписанной книге. — В кн.: Проблемы развития советской литературы. Межвузовский научный сборник, вып. 2 (6). Саратов, 1975, с. 22.

он будет моим руководителем по аспирантуре, как и руководителем двух моих однокашников — Я. Эйдука и Г. Юрьева, — очень обрадовался. Иметь такого руководителя было счастьем.

Вспоминается посещение Луначарским Пушкинского Дома в начале февраля 1933 г. Он приехал на сессию Академии наук и должен был впервые встретиться со своими аспирантами. Считая ненормальным изучение русской литературы изолированно от зарубежных, Анатолий Васильевич предполагал ввести в ИРЛИ также и изучение западных литератур. Института мировой литературы тогда еще не было, и западными литературами занимались лишь университетские кафедры. Взаимосвязи русской и зарубежных литератур в институте не изучались. С учетом того, что в институте будет западный сектор, из ликвидированного Института литературы, искусства и языка Ленинградского отделения Комкадемии была переведена в Пушкинский Дом небольшая группа аспирантов-западников, общее руководство которыми Луначарский и взял на себя.

4 февраля Анатолий Васильевич прочитал для них вступительную лекцию.⁴² На нее собрались все аспиранты и почти все сотрудники Пушкинского Дома. Лекции по специальности (английская и немецкая литература) Луначарский предпослал большое методологическое и методическое вступление, которое адресовал не только своим ученикам, но и всем сотрудникам. Вся лекция была направлена против вульгарного социологизма, против упрощенного подхода к литературным явлениям. Главное в выступлении заключалось в том, чтобы обратить внимание слушателей на необходимость изучать относящиеся к литературоведению сочинения Маркса, Энгельса, Ленина.

В первой части лекции были затронуты четыре вопроса: 1) классовый принцип в изучении творчества писателя; 2) понятие прогресса в литературе; 3) генетический взгляд на искусство (Плеханов) и функциональный; 4) изучение источников и биографий писателей. Нет смысла излагать истины, которые сейчас общеприняты в литературоведении. Стоит лишь указать на то, как мастерски построил Луначарский свою лекцию, как он интересно излагал материал, какими методическими приемами пользовался. Он всегда говорил свободно, эмоционально, образно. Речь его сверкала блесками остроумия. И это воспринималось как нечто естественное и органическое. Он всегда находил свои собственные выражения и формулировки, которые освещали даже знакомый предмет в каких-то новых, ранее не ощущавшихся поворотах. Он говорил просто о самых сложных философских проблемах, цитаты передавал не по записи, а на память, но не искажал их сущности.

⁴² Луначарский А. В. Введение в изучение истории английской и германской литератур. Лекция для аспирантов Пушкинского Дома 4 февраля 1933 г. Публикация и предисловие К. И. Ровды. — Литературное наследство, т. 82, с. 115—148 (далее ссылки в тексте).

Так было и теперь. До начала лекции Анатолий Васильевич вынул из папки четвертушку листа бумаги набросал план своего выступления. Но в план он потом не заглядывал. Его лекция казалась свободной импровизацией. Впрочем, это было не совсем так. О Марксе у него уже была подготовлена статья,⁴³ готовилась к изданию под его редакцией хрестоматия, содержащая высказывания Маркса и Энгельса об искусстве и вышедшая осенью 1933 г.⁴⁴ Все было продумано, осмыслено, прочувствовано. И слушатели это хорошо ощущали.

То, что говорил лектор, воспринималось не только умом, но и сердцем. Его логика была строга и в то же время изящна и эмоциональна. Она вела за собой, увлекала неожиданными ассоциациями, поворотами и яркими метафорами. Ощущалась удивительная свежесть мысли, исключавшая усталость. И когда прошло часа полтора и Анатолий Васильевич сказал, что, может быть, за поздним временем следует отказаться от характеристики английской и немецкой литератур, раздались голоса (это отражено в стенограмме):

— Нет, нет, просим продолжить! Только сделаем пятиминутный перерыв.

Вторая часть лекции продолжалась столько же времени, сколько и первая.

Стоит подчеркнуть, что Луначарский первым обратил внимание на знаменитый отрывок Маркса «Введение к „Критике политической экономии“». Теперь он всем известен, а тогда это было открытием, о чем лектор говорил не без гордости (с. 124). Некоторые марксисты или люди, воображающие себя марксистами, не придавали никакого значения этому отрывку, написанному Марксом в молодости. «Между тем это одно из гениальнейших произведений человечества», — сказал Луначарский (с. 123). И хотя глава, откуда взят отрывок, Марксом не окончена, тем не менее она великолепна, указывал он. «И когда я первый высказал ту мысль, что это замечательнейшая находка, что она стоит в полном соответствии со всем тем, что написано Марксом, то, конечно, я был прав. Сейчас даже смешно возвращаться ко всем этим сомнениям относительно того, куда это отнести. Мы прекрасно понимаем внутреннее содержание этой статьи» (с. 124). Отрывок этот был блестяще прокомментирован Луначарским, и этот комментарий интересен и поныне (с. 122—129).

Некоторые идеи, которые были дороги Луначарскому, развиты в этом выступлении более основательно, чем в других его трудах, — в частности, вопрос об изучении личности художника, его творческой биографии, фактов, мелочей, позволяющих во всех оттенках раскрыть его индивидуальность. Особо останавливается Луначарский на вопросах методики изучения художественной

⁴³ Луначарский А. В. Собр. соч., т. 8, с. 465—491.

⁴⁴ Маркс и Энгельс об искусстве. Составители Ф. П. Шиллер и М. А. Лпфшиц. Под редакцией А. В. Луначарского. М., 1933.

литературы. Подобный аспект вытекал из самого замысла выступления перед молодыми исследователями и был новым вкладом в один из разделов литературоведения, на который многие тогда не обращали внимания. Он говорил о необходимости изучать источники в связи со средой, их породившей, внимательно изучать биографии писателей. Нужно ли входить во все мелочи? — спрашивал лектор. И отвечал: да, нужно! Не нужно их фетишизировать, но «наше литературоведение должно быть точной наукой», точные науки часто находят себе «опору в чрезвычайных мелочах». «Поэтому иногда самые мелочные изыскания могут быть отчасти интересными» (с. 132). «Есть люди, которым это пескoлькo чуждо, они больше стремятся к большим синтезам, к большим догадкам, к большим открытиям и т. д., но мы, марксисты, ни на одну секунду не должны бояться того, что называется прозаической стороной искусства, — знание языков, знание источников, умение читать рукописи, шарить по архивам. Всю эту сторону дела мы должны воссоздать». Синтетические работы нужны и важны, но без этих «мелочей» они не могут быть созданы. «Поэтому, если мы должны отдавать должное работе синтезирующего характера, то мы будем особенно рады, если любой из вас, аспирантов, примется за работу исследовательскую, за работу по изучению рукописей и всего того, что к этому относится» (с. 132—133).

Такой подход к делу стал хорошей традицией в обновленном Пушкинском Доме, она принесла и приносит ему немало успехов. В сочетании синтезирующего начала с тщательным изучением источников и фактов и заключается тот «революционный академизм», о котором говорил А. В. Луначарский в статье «Очередные задачи литературоведения».⁴⁵

Последним был приезд А. В. Луначарского в Ленинград в начале июня 1933 г. Сохранился протокол расширенного заседания директората института под его председательством от 10 июня.⁴⁶ На нем присутствовали: ученый секретарь Ф. Ф. Канаев, член-корреспондент Академии наук Н. К. Пиксанов, научные сотрудники С. Д. Балухатый, В. А. Десницкий, В. В. Буш, М. Калаушин, А. А. Морозов, В. В. Гиппиус, Т. К. Ухмылова, Б. П. Козьмин, А. И. Перепеч, А. Каменулов, О. Цехновицер и др. Присутствовали также аспиранты, которых было около 20 человек. Рассматривались итоги пушкинской конференции, состоявшейся в начале мая. Докладывал Н. К. Пиксанов. Деятельность конференции была одобрена. Затем было принято к сведению сообщение В. А. Десницкого о подготовке к изданию Горьковского сборника.⁴⁷ Далее обсуждался научно-исследовательский план на

⁴⁵ Литература, 1931, № 1, с. 6.

⁴⁶ ААН, ф. 150, оп. 1 (1933), № 13, л. 47—50 (протокол вел С. Д. Балухатый, — К. Р.).

⁴⁷ М. Горький. Материалы и исследования, 1. Под редакцией В. А. Десницкого. Л., 1934.

1934 г. В центре его была работа над изданиями академических собраний сочинений А. С. Пушкина (3 тома) и Г. И. Успенского (1 том), подготовка сборников «Литературный архив», посвященных Пушкину, Тургеневу, Горькому, революционно-демократической литературе. Планировалась подготовка «Трудов отдела древнерусской литературы»,⁴⁸ монографии академика В. Н. Перетца «Исследование материалов по истории древнерусской и украинской литературы XVI—XVIII вв.». План был одобрен, но А. В. Луначарский указал на его несоразмерность с наличными силами научного коллектива.

Большой интерес у Луначарского вызвал плап задуманной к 50-летию со дня смерти В. И. Ленина выставки в Литературном музее на тему «Маркс — Энгельс — Ленин об искусстве и политике партии». Докладывал А. Камегулов. А. В. Луначарский признал изложенный им предварительный план выставки удовлетворительным и подчеркнул необходимость выделить некоторые вопросы в экспозиции, чтобы посетитель обратил на них внимание. Он указал на необходимость привести не только оценки классиками марксизма-ленинизма отдельных литератур и писателей, но и их высказывания об общих законах развития литературы как искусства, в частности о законе, о котором он говорил на лекции аспирантам, — о несовпадении экономического развития и идеологических форм.

«Маркс, — говорил Анатолий Васильевич, — отмечал моменты в истории, особенно благоприятные для развития искусства (античное общество и XVI век в Англии — Шекспир). Как высокое достижение Марксом отмечены английские реалисты — Диккенс и Тсккерей, французские — Бальзак. Надо найти определители в общественных условиях, которые позволили искусству подняться на известную высоту. Искусство достигает известного высочайшего расцвета в силу сложившихся неповторимых условий — это главнейшее утверждение Маркса лишено какой бы то ни было постоянной схемы в развитии искусства. Необходимо выделить идею о неравномерности экономического развития и сложной зависимости от всех линий, из которых сочетается явление искусства.

... У Энгельса — о реализме и типизации. По Энгельсу — если художник хорошо знает жизнь и умеет типизовать, художник независимо от своих классовых связей может создать ценности, стоящие выше класса, ценности, переходящие классовые границы.

У Ленина — два пути развития капитализма необходимо подчеркнуть как особо важную идею. Другое у него — по каким признакам надо умозаключить, к какому классу относится писатель. По Ленину — это определяется тем, *какому* классу он служит (подчеркнуто в протоколе С. Д. Балухатым, — *К. Р.*). Это

⁴⁸ Труды Отдела древнерусской литературы, т. 1. Л., 1934.

пе снимает социально-биографического изучения, по последнее имеет уже дальнейшее подсобное значение.

Необходимо на выставке выделить ряд мыслей как фундамент приобретений, из которых в дальнейшем литературоведам надо исходить».⁴⁹

Выставку, предназначенную для широкой публики, А. В. Лучначарский считал необходимым разбить по проблемам, а внутри в оформлении дать справочные материалы.

Потянулись к марксистской методологии и древники. В этом сказало влияние пегово директора, к которому они питали большое уважение.⁵⁰ Читывая это, на одном из заседаний парткома Академии наук СССР, как мне рассказывал секретарь парткома А. Кошлев, при обсуждении плана проведения научной сессии, посвященной 50-летию со дня смерти Карла Маркса, возникла мысль обратиться к академику А. С. Орлову с просьбой выступить на ней с докладом «Карл Маркс и Фридрих Энгельс о „Слове о полку Игореве“». Непременному секретарю АН коммунисту В. П. Волгину и коммунистам ИРЛИ было поручено вступить в переговоры с ним и увлечь его этой темой. А. С. Орловым был подготовлен такой доклад и прочитан на сессии, а затем опубликован в виде статьи в сборнике.⁵¹ Анатолий Васильевич, по свидетельству академика К. Н. Никольского, в роли председателя Группы языка и литературы Академии наук неоднократно оказывал содействие научным изысканиям в той области литературоведения, которая разрабатывалась бывшей комиссией по древнерусской литературе (ЖДЛ) Академии наук СССР».⁵²

В связи с разработкой научных планов на вторую пятилетку заведующий Отделом древнерусской литературы академик А. С. Орлов 30 сентября 1932 г. писал секретарю Отделения общественных наук академику А. Н. Самойловичу: «Мне кажется, что на 2-е пятилетие в области изучения древнерусской литературы необходимо усилить именно методологическую сторону работы, бывшей до сих пор по преимуществу источниковедческой и библиографической. Во 2-й пятилетке необходимо, наконец, создать схему общей композиции истории русской литературы эпохи феодализма (в отрезке от XI до 1/2XVIII в.) на основе марксистской методологии... Я категорически возражаю против мнения, что еще не наступило время для осуществления общей композиции истории древнерусской литературы, потому будто бы, что *не все* памятники этой литературы вскрыты и исследованы».⁵³ Ака-

⁴⁹ ААН, ф. 150, оп. 1 (1933). № 3, л. 47—48; см. также: *Канаев Ф.* За критическое освоение литературного наследия. — За социалистическую науку, 1933. № 4—5, 29 марта.

⁵⁰ Вестн. АП СССР, 1934. № 2, с. 35—36.

⁵¹ *Орлов А. С.* Переписка Маркса и Энгельса по поводу «Слова о полку Игореве». — В кн.: Памяти Карла Маркса. Сборник статей. Л., 1933, с. 641—655.

⁵² ААН, ф. 247, оп. 2. № 47, л. 99.

⁵³ Там же, ф. 150, оп. 1 (1933), № 6, л. 31.

демик А. С. Орлов ставил также вопрос о необходимости усилить в Академии наук изучение русского фольклора и учредить центр по изучению западноевропейских литератур, включая античную. Отсутствие такого центра, писал он, «вредно отражается на комплексе литературных изучений АН». На заседании директората под председательством Луначарского 10 июня 1933 г. вновь обсуждались эти вопросы. Луначарский с сочувствием отнесся к этому предложению и, судя по протокольной записи, сказал: «Уже есть постановление о развертывании отдела западной литературы. Надо сделать какой-то шаг для реализации этого постановления. Подработать на следующей сессии в Группе языков и литератур вопрос о фольклоре в Западном отделе».⁵⁴

Так уже тогда в педрах института возникла мысль о том, что русская литература должна изучаться во взаимосвязи с устным народным творчеством, а также с другими национальными литературами.⁵⁵ В 1936 г. был организован по постановлению Президиума Академии наук сектор западных литератур,⁵⁶ а сектор фольклора был открыт в Пушкинском Доме в 1939 г. Сектор западных литератур просуществовал до 1949 г. Он прекратил существование после того, как Институт мировой литературы им. М. Горького в Москве окреп и расширил свою деятельность. Мысль об изучении взаимосвязей русской и зарубежных литератур продолжала жить и осуществилась лишь в 1957 г., когда она основал сектор по изучению взаимосвязей русской и зарубежных литератур под руководством члена-корреспондента, а с 1958 г. академика М. П. Алексеева.⁵⁷

Вникал Анатолий Васильевич в такие стороны жизни института, которые касались отдельных сотрудников. Он хлопочет о назначении пенсии сотруднику Б. П. Козьмину и беспокоится о том, чтобы до получения пенсии тот был обеспечен работой в институте. Рекомендует зачислить в аспирантуру при следующем наборе юного сотрудника института А. Грушкина. «Ввиду его молодости, — говорит он на заседании директората 10 июня 1933 г., — нельзя ли облегчить ему поступление в аспирантуру?»⁵⁸ Когда один из сотрудников был уволен за недисциплинированность, Луначарский сообщает через секретаря свое мнение: «Анатолий» Васильевич согласен, что в ИРЛИ нужно поддерживать строгую дисциплину, и охотно верит, что Ц. в дисциплинировании нуждается. Все же, по его мнению, выключение из штата — мера неправильная, тем более что дисциплинировать легче именно штатного работника. Анатолий» Васильевич просит сообщить ему об урегулировании этого вопроса».⁵⁹

⁵⁴ Там же, оп. 1 (1932), № 18, л. 47—50.

⁵⁵ Там же, оп. 1 (1933), № 3, л. 49.

⁵⁶ 50 лет Пушкинского Дома, с. 128—129, 130.

⁵⁷ См. в кн.: Международные связи русской литературы. Сборник статей. М.—Л., 1963, с. 450.

⁵⁸ ААН, ф. 247, оп. 1 (1933), № 3, л. 49.

⁵⁹ Там же, оп. 1 (1932), № 18, л. 186.

В каждый свой приезд ученый встречался со своими аспирантами. Аспиранты выбрали с его помощью темы для диссертаций, но защищали уже после его смерти. Две диссертации были опубликованы в виде отдельных книг.⁶⁰

Последняя встреча аспирантов со своим руководителем состоялась в первых числах июня 1933 г.: он пригласил их к себе в гостиницу «Астория», где остановился, и они отчитывались перед ним в своих успехах, выслушивали указания и советы. Это происходило в дружеской, теплой атмосфере. Ему надо было ехать в театр — дело было вечером, — в дверях соседней комнаты номера все время показывались Н. А. Розенель и театральный критик Рафалович, но Анатолий Васильевич так увлекся беседой, что отмахивался рукой и продолжал с увлечением говорить о Гейне, Фрейлиграте и Джордж Элиот. Я. Эйдуку и Г. Юрьеву, работавшим над первыми двумя темами, он очень рекомендовал обратиться к сотруднику Института литературы и искусства Коммунальной Академии Ф. П. Шиллеру, о котором высоко отзывался как о превосходном знатке германской революционной поэзии и литературных взглядов Маркса и Энгельса. Мне хотелось написать не только о Джордж Элиот, как советовал Анатолий Васильевич, но и о восприятии ее творчества в России. Зашла речь о статье Н. Г. Чернышевского «Шиллер в переводе русских поэтов», в которой тот говорит о значении переводной литературы в развитии художественной мысли и о необходимости ее изучения. Лупачарский отнесся к этому самым положительным образом.⁶¹ Диссертация была названа «Джордж Элиот и ее оценка в России».⁶²

16 июля 1933 г. А. В. Лупачарский уехал за границу на лечение.⁶³ Эта поездка оказалась для него последней. Он лечился в Париже и оттуда был направлен на курорт Эвиан. В Эвиане им была продиктована «одна из самых его вдохновенных и глубоких статей — «Гоголиана, или Николай Васильевич готовит макароны».⁶⁴ В августе Лупачарский был назначен послом в Испанию, но до Испании не доехал. 26 декабря 1933 г. в Мелтопе ученого настигла смерть.

На другой день печальная весть дошла до Ленинграда. 28 декабря 1933 г. в Пушкинском Доме состоялся траурный вечер, посвященный памяти крупнейшего деятеля филологической науки

⁶⁰ Юрьев Г. Гейне и Берне. М.—Л., 1936; Эйдук Я. Фердинанд Фрейлиграт и Карл Маркс. М.—Л., 1936.

⁶¹ Мысль о взаимосвязях русской и зарубежных литератур была близка Лупачарскому. Обдумывая план статьи о Шекспире для Большой Советской энциклопедии, он писал в редакцию БСЭ 10 мая 1933 г. о необходимости отвести в ней место вопросу об «отражении Шекспира в русской художественной и литературно-критической стихии» (Литературное наследство, т. 82, с. 538).

⁶² См.: Ровда К. И. Джордж Элиот и ее оценка в России. (Тезисы к диссертации на степень кандидата наук). Л., 1935.

⁶³ Лупачарская-Розенель Н. А. Последний год. — Прометей, с. 196, 217.

⁶⁴ Там же, с. 225.

и выдающегося революционера. На вечере, который был открыт вступительным словом академика А. С. Орлова, член-корреспондент Академии наук Н. К. Пиксанов выступил с докладом на тему «Луначарский как литературовед и критик». Н. К. Пиксанов поделился воспоминаниями о своих встречах с Луначарским, вместе с которым редактировал большую серию «Русские и мировые классики», выходящую в Госиздате с 1926 г. Под редакцией Н. К. Пиксанова вышла первая, прижизненная, библиография работ Луначарского.⁶⁵

С воспоминаниями и выражением скорби по поводу невосполнимой утраты выступили И. И. Векслер, Т. К. Ухмылова, Г. Юрьев, Д. П. Якубович, Я. Эйдук и др.

Институтом был выпущен специальный номер стенгазеты, посвященный ученому. Академическая газета «За социалистическую науку» поместила некролог и отклики П. Н. Беркова, Н. К. Пиксанова, академика А. Н. Самойловича, Н. К. Крупской и др. Состоялось два общеакадемических вечера, посвященных памяти выдающегося ученого-коммуниста, на которых выступили президент Академии наук А. П. Карпинский, академик А. С. Орлов, член-корреспондент Академии наук Н. К. Пиксанов и др.⁶⁶

Деятельность Луначарского в Пушкинском Доме не была продолжительной. Но личность выдающегося большевика-ученого оставила неизгладимый след в жизни ИРЛИ, в сознании его сотрудников, коммунистов и беспартийных. С ним связаны первые шаги новобразованного высшего литературоведческого учреждения Академии наук. Под его руководством началась борьба за внедрение последовательного марксизма в изучение истории русской литературы. Он был страстным пропагандистом изучения классического наследия в Пушкинском Доме, и от него берет начало поворот к серьезному изучению этого наследия.

Луначарский расширил диапазон деятельности института, включив в нее изучение древнерусской литературы, признав необходимым изучение западных литератур, имея в перспективе исследование их взаимосвязей с русской, а также устного народного творчества, без связи с которым не мыслил изучения литературы.

И самое важное: утверждавшийся А. В. Луначарским «революционный, коммунистический, марксистско-ленинский академизм»,⁶⁷ сочетающий внимание к фактам и «мелочам» с размахом теоретической мысли, берущий все лучшее от старого академического литературоведения и применяющий ленинский подход к изучению литературных явлений, — вот его самый ценный и жизненный завет Пушкинскому Дому.

⁶⁵ *Мандельштам Р. С.* Книжки А. В. Луначарского. Библиографический указатель. Под ред. Н. К. Пиксанова. Л.—М., 1926.

⁶⁶ Вечера Академии наук, посвященные памяти акад. Анатолия Васильевича Луначарского. — Вестн. АН СССР. 1934. № 1. с. 49—50.

⁶⁷ Литература, 1931. № 1. с. 6.

В. Н. Баскаков

М. ГОРЬКИЙ И ПУШКИНСКИЙ ДОМ

В истории Пушкинского Дома период 30-х гг. имеет особое значение. В это время осуществляется процесс перестройки старого Пушкинского Дома и формирования на его основе академического научно-исследовательского института, задумываются и создаются крупнейшие научные труды этого времени — десяти томная «История русской литературы» и академическое издание Полного собрания сочинений Пушкина, — во многом предопределившие темпы и направления будущих научных исследований Пушкинского Дома, в том числе и послевоенных.

Роль и значение Пушкинского Дома в культурной и научной жизни страны становятся в 30-е гг. столь значительны, что руководство его деятельностью поручается выдающимся представителям литературно-общественного и революционного движения, ближайшим соратникам и сотрудникам В. И. Ленина — А. В. Луначарскому, А. М. Горькому, П. И. Лебедеву-Полянскому. При их непосредственном участии, помощи и внимании создаются благоприятные условия для развития Пушкинского Дома как крупнейшего в стране культурного и научного центра, занимающегося изучением и пропагандой достижений русской классической и советской литературы, определены направления и перспективы его научной, собирательской и пропагандистской деятельности, подготовлены первые фундаментальные историко-литературные исследования и академические издания сочинений классиков русской литературы. И в этой большой и сложной работе важная роль принадлежит великому русскому писателю Алексею Максимовичу Горькому, который общим собранием Академии наук СССР 24 марта 1935 г. был единогласно избран директором Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.¹

Прежде чем говорить о непродолжительном директорстве Горького в Пушкинском Доме, следует остановиться на его связях и отношениях с этим учреждением, которые у писателя установились в первые послереволюционные годы. Связи Горького с Пуш

¹ Красная газета. Вечерний вып. № 1, 1935, 25 марта, № 69

инским Домом до сих пор почти не привлекали внимания исследователей, хотя в разных изданиях, в библиотеках и архивах содержится немало материалов, раскрывающих эту страницу в биографии Горького и в истории Пушкинского Дома. Единственной работой в этой области является очерк А. Н. Степанова «М. Горький — Пушкинскому Дому», свидетельствующий о правомерности постановки такого вопроса и сообщающий некоторые сведения и документальные данные об интересе великого писателя к Пушкинскому Дому, к его собирательской, популяризаторской и научной деятельности.² Это обстоятельство дает право в настоящем сборнике материалов по истории Пушкинского Дома вернуться к вопросу о роли Горького в его становлении и развитии и предложить читателю более или менее целостное обозрение контактов писателя с этим научным учреждением, построенное в основном на малоизвестных или совсем неизвестных фактах и материалах.

Горький мог знать о Пушкинском Доме с момента его основания — знать из газетных заметок и сообщений, которые это событие сопровождали. Однако непосредственные контакты с Пушкинским Домом у него установились значительно позднее, после Великой Октябрьской социалистической революции. Посредником в установлении и поддержании этих контактов стал Михаил Дмитриевич Беляев (1884—1955).

М. Д. Беляев — один из старейших сотрудников Пушкинского Дома, брат писателя и драматурга Юрия Дмитриевича Беляева³ — был энтузиастом своего дела и имел широкие связи в литературно-общественной среде. Среди его знакомых были Горький и Луначарский. Начав научную деятельность как искусствовед, Михаил Дмитриевич в Пушкинском Доме был занят прежде всего организацией музея. во второй половине 20-х годов он входил в состав Комитета Пушкинского Дома, под председательством академика С. Ф. Платонова управлявшего этим учреждением, и заведовал музеем. М. Д. Беляев переписывался с Горьким, встречался с ним, обращался к писателю с различными просьбами, касающимися Пушкинского Дома и пополнения его рукописных и музейных собраний. И просьбы эти не оставались без ответа. Общенье Горького с этим учреждением было творческим и достаточно активным. Поэтому, обращаясь к рассмотрению связей Горького с Пушкинским Домом, следует выделить несколько моментов, которые дадут наиболее четкое представление

² Степанов А. Н. У книг своя судьба..., Л., 1974, с. 152—164.

³ Ю. Д. Беляев умер в 1917 г. После его смерти М. Д. Беляев в 1917 и 1918 гг. (в два приема) передал архив брата в Пушкинский Дом (см.: *Котляревский Н. А.* Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности за 1917 г. Пгр., 1917, с. 8). В этом архиве, и сейчас находящемся в Рукописном отделе Пушкинского Дома (ф. 24), — письма к Ю. Д. Беляеву Л. Н. Толстого, Е. А. Салиаса, А. В. Сухово-Кобылина, А. П. Куприна, А. С. Суворина, А. В. Амфитеатрова, А. К. Шеллера-Михайлова и др.

М. Горький. Фотография. 1935.

об участии писателя в деятельности Пушкинского Дома. Во-первых, Горький жертвовал в Пушкинский Дом историко-литературные и художественные ценности, лично ему принадлежавшие; во-вторых, оказывал содействие в приобретении рукописей и изобразительных материалов для рукописного отдела и музея; в-третьих, на протяжении долгого времени (в 20-е гг.) посылал в библиотеку Пушкинского Дома книги, в основном с публикацией своих произведений и произведений других русских писателей; в-четвертых, передавал Пушкинскому Дому свой архив и намеревался сосредоточить здесь все свое рукописное наследие; наконец, в 1935—1936 гг. он был директором Института. Названные пять направлений в деятельности Горького, связанной с Пушкинским Домом, и будут рассмотрены в дальнейшем изложении.

Горький иногда получал или приобретал ценные историко-литературные материалы. Однако он не имел обыкновения долгое

время держать их у себя и вскоре расставался с ними, передавая их государственным музеям или библиотекам. Ряд изобразительных и рукописных материалов он подарил Пушкинскому Дому. Первый из таких подарков Пушкинский Дом принял в 1918 г. М. Д. Беляев еще 18 апреля 1918 г. спрашивал у Б. Л. Модзалевского, «известно ли Дому, что у А. М. Пешкова (М. Горького) имеется барельеф работы Серякова, изображающий няню Пушкина». Б. Л. Модзалевский знал о барельефе и был заинтересован в его получении. Извещенный об этом М. Д. Беляевым, Горький принимает решение подарить барельеф Пушкинскому Дому: «...оставляю Вам несколько мелочей для Пушкинского Дома. Кроме них у меня имеется для Вас барельеф Арины Родионовны и два рисунка Леонида Андреева, — писал М. Д. Беляев Б. Л. Модзалевскому 4 сентября 1918 г. — Эти вещи просил меня передать Дому А. М. Пешков, и я их занесу Вам в ближайшем будущем».⁵ М. Д. Беляев переслал порученные ему вещи в Пушкинский Дом 13 октября 1918 г. со следующим сопроводительным письмом: «...по просьбе А. М. Пешкова (М. Горького) препровождаю Вам для Пушкинского Дома при Российской Академии наук:

- 1) резаный из кости Л. Серяковым барельеф няни А. С. Пушкина и сертификат к нему, писанный Алексеем Максимовичем;
- 2) два рисунка Леонида Андреева, изображающих братьев Петра и Степана Скитских, а также письмо Андреева к М. С. Кауфману и 3) конспект речи Гольцева в память гр. А. К. Толстого».⁶

Подаренные Горьким рукописи, рисунки и барельеф Арнины Родионовны имеют большую культурную и научную ценность, но проследить их историю не всегда легко. Барельеф няни Пушкина, выполненный Л. А. Серяковым в 40-х годах прошлого века, по сведениям Литературного музея Пушкинского Дома, был приобретен у родственников Л. А. Серякова пекием Новосильцевым, который в свою очередь передал его Каменскому, а сын последнего подарил этот барельеф на Капри в 1911 г. Горькому. До 1952 г. барельеф хранился в Пушкинском Доме, когда был передан Всесоюзному музею А. С. Пушкина, в экспозиции которого сейчас и находится.

Два рисунка пером Леонида Андреева представляют собою портретные зарисовки Петра и Степана Скитских, которые обвинялись в убийстве секретаря Полтавской духовной консистории. Приговор дважды пересматривался, но в мае 1900 г. братья были осуждены на 12 лет каторжных работ. Леонид Андреев присутствовал на этом процессе в качестве корреспондента от газеты «Курьер», и зарисовки сделаны им прямо в зале суда, где братья

⁴ ИРЛИ, ф. 184. письма М. Д. Беляева к Б. Л. Модзалевскому, л. 3.

⁵ Там же, т. 4.

⁶ Там же, л. 5.

Смугские изображены сидящими на скамье подсудимых. Эти рисунки были опубликованы в статье Леонида Андреева о процессе в газете «Курьер» (1900, 27 мая, № 146). Подаренные Горьким рисунки Леонида Андреева в Пушкинском Доме не единственные: здесь есть его пейзажи, портретные зарисовки, шаржи, иллюстрации к собственным произведениям.⁷

В 1919 г. Горький стал обладателем, как он предполагал, рисунков Т. Г. Шевченко. Он купил их у Марии Игнатьевны Бенкендорф-Закревской, которая в это время была его секретарем. При передаче рисунков Горькому М. И. Бенкендорф-Закревская написала краткую сопроводительную записку. В ней она изложила историю рисунков: «Рисунки Тараса Шевченко достались мне от брата моего деда, Виктора Алексеевича Закревского (1807—1858 гг.), бывшего в большой дружбе с поэтом с 1844 г. Рисунки хранились среди его бумаг и перешли мне вместе с имением в Полтавской губ. после смерти моего брата, в 1906 г. Мария Игнатьевна Бенкендорф, рожденная Закревская».⁸ Несколько ниже собственноручная запись Горького: «Рисунки эти куплены мною у М. И. Бенкендорф-Закревской 25-го октября 1919 г. в Петербурге. М. Горький». Через несколько дней после покупки Горький приносит их в дар Пушкинскому Дому. Это было 1 ноября того же 1919 г.⁹ В Пушкинском Доме рисунки принял Б. Л. Модзалевский, который на упомянутой выше сопроводительной записке сделал свою помету: «Всех 46 рисунков. Б. Модзалевский»; здесь же что-то примечание: «№. 46 не рисунков, а отдельных листочков». В Пушкинском Доме рисунки были помещены в рукописный отдел, где хранились до 1927 г., когда их передали в музей. Там они находились еще три года, после чего 30 сентября 1930 г. по акту № 32 их передали Галерее картин Т. Г. Шевченко в Харькове. При этой передаче было высказано сомнение в их принадлежности Шевченко. Это мнение разделяется и попытке, а поэтому и в Галерее картин Т. Г. Шевченко в Харькове и в Музее Т. Г. Шевченко в Киеве они приняты как приписываемые великому украинскому поэту.¹⁰

Одновременно с приписываемыми Шевченко рисунками Горький передал в Пушкинский Дом девять рисунков художника П. Я. де Бальмена (1813—1845), изображающих простонародные

⁷ О Леониде Андрееве — рисовальщике и его изобразительном наследии см.: Литературное наследство, т. 72. М., 1965, с. 75—76.

⁸ Сопроводительная записка М. И. Бенкендорф-Закревской с приписками Горького и Б. Л. Модзалевского печатается по тексту первой публикации в кн.: *Шевченко Т. Мистецька спадщина*. Т. IV. 1857—1861. Київ: Видавництво Академії наук Української РСР, 1963. с. 85—86. — Сейчас рисунки вместе с сопроводительной запиской хранятся в Государственном музее Т. Г. Шевченко в Киеве.

⁹ *Летопись жизни и творчества А. М. Горького*. Вып. 3. 1917—1929, М., 1959, с. 148.

¹⁰ Аргументацию сомнительности авторства Шевченко см. в кн.: *Шевченко Т. Мистецька спадщина*. т. IV, с. 86.

типы и жанровые сценки. Авторство П. Я. де Бальмена сейчас не подвергается сомнению, хотя при передаче их в Пушкинский Дом М. Д. Беляев написал на заключающем их пакете, обращаясь к Н. О. Лернеру: «Принадлежность этих девяти рисунков де Бальмену, по-моему, весьма сомнительна. Как думаете Вы?». Судя по всему, сомнения М. Д. Беляева не подтвердились. Рисунки П. Я. де Бальмена и сейчас хранятся в фондах Литературного музея Пушкинского Дома. 4 ноября 1919 г. неприменный секретарь Академии наук академик С. Ф. Ольденбург выразил Почетному академику А. М. Пешкову глубокую благодарность за принесенные в дар Пушкинскому Дому изобразительные материалы.¹¹

Самым ценным подарком Горького Пушкинскому Дому является, конечно, альбом Анны Евграфовны Шиповой. Начатый в 1826 г., он заключен в кожаный переплет темно-коричневого цвета, снабженный тиснением, бронзовыми наугольниками и вензелем владелицы. В альбоме собрано множество автографов и рисунков известных русских и зарубежных писателей, художников, ученых, политических и военных деятелей. Среди них автографы и рисунки Пушкина, Жуковского, Крылова, Карамзина, Загоскина, Дениса Давыдова, Лермонтова, Вяземского, Хомякова, Виктора Гюго, Альфреда де Виньи, Бальзака, Шатобриана, Бисмарка, Суворова, Шафарика, Гумбольдта и др. Одни автографы вписаны в альбом собственноручно, другие вклеены в него. После смерти Анны Евграфовны альбом был передан в семью Комаровских и принадлежал Любови Георгиевне Комаровской. Представляя собою значительную историко-литературную ценность, он издавна привлекал внимание литературоведов, в том числе и из только что возникшего Пушкинского Дома. В 1908 г. Б. Л. Модзалевский через посредство И. А. Кубасова получил разрешение изучить этот альбом и даже сделать для научной печати его описание.¹² Позднее, по-видимому в первые годы революции, альбом стал собственностью Горького, который в марте 1920 г. подарил его Пушкинскому Дому. В сопроводительном заявлении он писал: «Покорно прошу Музей А. С. Пушкина принять от меня альбом Анны Евграфовны Шиповой».¹³ Благодаря Горького, директор Пушкинского Дома академик Н. А. Котляревский писал, что аль

¹¹ Летопись жизни и творчества А. М. Горького, вып. 3, с. 148.

¹² Модзалевский Б. Альбом Анны Евграфовны Шиповой, рожд. графини Комаровской. — В кн.: Пушкин и его современники. Материалы к исследованию, вып. XI. СПб., 1909, с. 79—94. — В описании альбома Б. Модзалевский опубликовал ряд содержащихся в нем материалов. Среди них стихотворение Пушкина «Муза», шестистишие В. Гюго, послание Жуковского владелице альбома, письма Ивана Дмитриева, М. Загоскина, П. Вяземского, А. Хомякова, Н. Карамзина, Д. Давыдова, А. Шаховского, Н. Гнедича и др.

¹³ Автограф записки в Архиве Горького. Печатается по тексту первой публикации: Летопись жизни и творчества А. М. Горького, вып. 3, с. 166.

бом «будет украшением рукописного отдела Дома».¹⁴ И действительно, документы, сосредоточенные в альбоме А. Е. Шиповой, который и сейчас хранится в Рукописном отделе Пушкинского Дома (ф. 244, оп. 1, № 104), являются ценнейшим источником для изучения русского и мирового литературного движения конца XVIII—первой половины XIX в., а также свидетельством интереса и внимания Горького к Пушкинскому Дому и участия писателя в его культурной и научной деятельности.

После альбома А. Е. Шиповой Горький подарил Пушкинскому Дому 5 мая 1921 г. гравюру-портрет поэтессы Е. П. Ростопчиной с ее автографом. Стихотворение на французском языке, вписанное под портретом, датировано 30 декабря 1854 г. Несколько лет спустя этот гравированный портрет откроет собрание сочинений поэтессы. Портрет Е. П. Ростопчиной был последним пожертвованием, которое писатель сделал незадолго до отъезда за границу.

Передача принадлежавших Горькому историко-литературных материалов — это одна из форм общения писателя с Пушкинским Домом в первые послереволюционные годы. Кроме того, Горький выступал в качестве посредника между частными лицами или государственными учреждениями, владеющими рукописями, мемориальными вещами, изобразительными материалами, и Пушкинским Домом, помогая комплектовать архивные и музейные фонды, выхлопывая дополнительные ассигнования на их пополнение.

Пушкинский Дом, чаще всего в лице М. Д. Беляева, то и дело обращался к Горькому с различными просьбами, связанными с формированием своих архивных и музейных коллекций, своей библиотеки. Так, в 1918 г., находясь в Симбирске, М. Д. Беляев немало усилий прилагает, чтобы получить для Пушкинского Дома библиотеку известного русского критика и мемуариста П. В. Анненкова: «Конечно, я буду распинаться за передачу всей библиотеки Пушкинскому Дому, — сообщает он Б. Л. Модзалевскому, — но еще не выбрал окончательного пути к этому. Думаю, однако, что опять не обойтись без А. М. Пешкова».¹⁵ Эту библиотеку еще в 1917 г. вывез из села Чирково Симбирской губернии в Симбирск сотрудник Пушкинского Дома А. С. Поляков. В 1918 г. М. Д. Беляев получил разрешение на передачу этой библиотеки Пушкинскому Дому, но по ряду обстоятельств она долгое время оставалась в Симбирске и была доставлена в Ленинград лишь в 1927 г. Обращение М. Д. Беляева к Горькому по поводу библиотеки

¹⁴ Автограф письма в Архиве М. Горького. Цитируется по тексту первой публикации: Степанов А. Н. У книг своя судьба., с. 155.

¹⁵ Настоящее и следующее письма М. Д. Беляева цитируются по публикации в кн.: Степанов А. Н. У книг своя судьба., с. 153—154. — Горький в письме от 24 февраля 1919 г. просит М. Д. Беляева осмотреть помещичьи усадьбы Симбирской губернии и составить опись исторических и историко-литературных ценностей. При этом же письме он посылает М. Д. Беляеву удостоверение, подписанное А. В. Луначарским (Арх. Горького). Далее ссылки на документы из архива Горького даются в тексте).

П. В. Анпенкова — не исключение. Примерно в это же время, 26 января 1919 г., он пишет Б. Л. Модзалевскому о своем намерении объединить в Пушкинском Доме все материалы о Пушкине: «Думаю <...>, что опять не обойтись без А. М. Пешкова и А. В. Лупачарского. Что бы Вы и Нестор Александрович сказали на то, если бы я как совершенно частный человек вдохновил сих мужей на новую субсидию, а также на давление свыше в пользу передачи всех материалов и на извлечение их для этой цели отовсюду, где бы они ни находились (по крайней мере из провинции)... Хочу обменяться с Алексеем Максимовичем самыми предварительными на этот счет мыслями, а Вас очень прошу написать, насколько этот план согласен с общей Вашей политикой, и обещаю до получения ответа не предпринимать решительных шагов». М. Д. Беляев действительно обратился к Горькому, прося его похлопотать о дополнительном выделении средств Пушкинскому Дому для приобретения рукописей, книг, среди которых, по его сведениям, письма Пушкина, Тургенева, декабриста Ивашева и др. Несколько ранее Горький, обращаясь к З. Г. Гринбергу, ходатайствует о выделении Пушкинскому Дому денег на покупку бумаг Данзаса: «Очень извиняюсь, что не могу переговорить с Вами лично, и позволяю себе убедительно просить Вас о следующем: пожалуйста, ускорьте, насколько это возможно, субсидию в 10 тысяч» дому А. С. Пушкина на предмет покупки у наследницы Данзаса писем, рисунков, акварелей и реликвий величайшего поэта» (Арх. Горького).

Связи Горького с Пушкинским Домом стали еще более тесными, когда писатель начал председательствовать в им же организованной по совету Л. Б. Красина в Петрограде Экспертной комиссии Наркомвнешторга. За два года комиссия «проделала работу огромной государственной важности: было собрано большое количество высокоценных произведений искусства, переданных затем в Эрмитаж, в Пушкинский Дом Академии наук и другие музеи и хранилища».¹⁶ Пушкинский Дом неоднократно посылал своих представителей на склады Экспертной комиссии в Петрограде и, отобрав там необходимые портреты, скульптуры, бюсты, картины, книги, обращался официально в Экспертную комиссию или к ее председателю с просьбой о передаче этих материалов в Пушкинский Дом. Горький, как председатель Экспертной комиссии, всегда поддерживал перед Наркомвнешторгом и возглавлявшим его наркомом Л. Б. Красным эти просьбы, и запрашиваемые материалы, как правило, безвозмездно передавались Пушкинскому Дому. Для подтверждения этого и для характеристики Экспертной комиссии как одного из важных источников пополнения пушкинских фондов в 1919—1920 гг. приведем два документа, раскрывающие систему взаимоотношений двух учрежде-

¹⁶ Беляков С. А. М. Горький в Экспертной комиссии Наркомвнешторга. — Новый мир, 1963, № 4, с. 247.

ний — Экспертной комиссии Наркомвнешторга под председательством Горького и Пушкинского Дома, в то время руководимого Н. А. Котляревским и Б. Л. Модзалевским.

Первый из этих документов, от 6 апреля 1920 г., адресованный в Экспертную комиссию Наркомвнешторга и подписанный директором Пушкинского Дома академиком Н. А. Котляревским и старшим ученым хранителем Б. Л. Модзалевским, является результатом одного из походов представителей Пушкинского Дома на склады Экспертной комиссии:

«Пушкинский Дом при Российской Академии наук ходатайствует о передаче в Музей и Библиотеку его следующих предметов и книг, находящихся ныне в Экспертной комиссии:

- 1) портрет писателя Фонвизина (№ 1550),
- 2) бисквитный бюст баснописца Крылова (№ 1249),
- 3) акварельный портрет, работы Райта, А. Н. Голицына (№ 3767),
- 4) портрет масляными красками И. Ф. Паскевича-Эриванского (№ 3817),
- 5) акварельный портрет Николая I (№ 3770),
- 6) портрет неизвестного, работы В. Лангера (№ 4630),
- 7) литография монумента Петра I в Петрограде (№ 212),
- 8) портрет артиста и писателя М. И. Писарева, работы Репина (№ 731),
- 9) портреты и виды, имеющие отношение к жизни ближайшего друга Пушкина И. И. Пущина и членов его семьи,
- 10) экземпляр сборника стихотворений поэта К. Р. с его автографом.

Все эти предметы представляют собой для Пушкинского Дома значительный интерес по своему ближайшему отношению к Пушкину и к русской литературе вообще: из них портрет Голицына служит иллюстрацией к известной эпиграмме Пушкина на этого министра; портрет Паскевича-Эриванского имеет непосредственное отношение к поездке Пушкина на Кавказ во время Персидско-Турецкой кампании 1829 года; небольшой портрет Николая I, принадлежащий кисти Брюллова, любопытен в двух отношениях — как изображение лица, сыгравшего в жизни Пушкина большую, хотя и негативную роль, и как работа одного из приятелей поэта; близость остальных перечисленных предметов к целям и задачам Пушкинского Дома, как Музея русской литературы XIX века, не нуждается, как кажется, в особых пояснениях и доказательствах».

Второй документ представляет собою следствие первого и направлен 15 апреля 1920 г. за подписью Горького в Народный комиссариат внешней торговли с просьбой удовлетворить ходатайство Пушкинского Дома:

«Во исполнение распоряжения Наркомвнешторга от 18-го февраля с. г. за № 230 Экспертная комиссия препровождает при сем копию отношения Пушкинского Дома при Российской Академии

паук от 6-го апреля с. г. за № 2866 о передаче сй целого ряда предметов, отобраанных ее сотрудниками на складе-выставке Экспертной комиссии.

Ввиду того что помянутые предметы представляют несомненные интерес для музея Пушкинского Дома, как характеризующие эпоху, а также имеющие непосредственное отношение к русской литературе, Экспертная комиссия, не встречая препятствий к удовлетворению приложенного ходатайства, просит о выдаче письменного па то разрешения Наркомвнешторга».¹⁷

В результате ходатайства Горького и рассмотрения просьбы Пушкинского Дома в Наркомвнешторге все отобраанные портреты, книги и бюсты были переданы Пушкинскому Дому и сейчас частично находятся в его экспозициях и фондах, а частично в свое время были переданы Всесоюзному музею А. С. Пушкина. И падо сказать, что переданные Пушкинскому Дому по приведенному документу изобразительные материалы представляют собою исключительную историческую и художественную ценность. Например, портрет Д. И. Фомвизина принадлежит кисти известного итальянского художника-портретиста Ж. Караффа и написан с патуры в Риме в 1784—1785 г., а портрет артиста и писателя М. И. Писарева работы И. Е. Репина является одним из лучших в наследии великого художника. Интересны и другие портреты, бюсты, виды и автографированные издания, полученные при заинтересованном содействии Горького. В настоящее время выявлены далеко не все материалы, при посредстве Горького приобретенные Пушкинским Домом через возглавлявшуюся им Экспертную комиссию Наркомвнешторга, но можно с уверенностью сказать, что эта комиссия стала существенным источником пополнения пушкинских собраний.

По настоянию В. И. Ленина 16 октября 1921 г. Горький уезжает за границу для лечения и проводит там почти десять лет. Контакты Горького с Пушкинским Домом с этого времени становятся менее действительными и ограничиваются перепиской писателя с М. Д. Беляевым, посылкой зарубежных изданий в библиотеку Пушкинского Дома и распоряжениями относительно архива, который Горький собирался здесь сосредоточить.

Горький на протяжении длительного времени снабжал Пушкинский Дом изданиями, которые постепенно составили небольшое, но очень ценное и интересное собрание, и по сей день сохраняющееся в библиотеке Института. А. Н. Степанов, довольно подробно излагая историю некоторых присланных Горьким книг, утверждает, что писатель снабжал библиотеку Пушкинского Дома зарубежными изданиями с 1920 до начала 1930 г., в результате чего здесь и сложилось собрание, насчитывающее около 160 книг и журналов.

¹⁷ Приведенные документы печатаются по их публикации в названной выше статье С. Белякова (Новый мир, 1963, № 4).

Собрание книг, приславшихся Горьким в библиотеку Пушкинского Дома, неоднородно. Это прежде всего переводы его произведений как отдельными изданиями, так и в журнальных публикациях. В отдельных изданиях, выпускавшихся в начале XX в. и в 20-е гг., преобладают переводы на немецкий и итальянский языки, есть переводы на французский, английский, венгерский, испанский, голландский и др. Сюда же Горький присылал произведения зарубежных писателей, подаренные ему с автографами авторов. Среди них автографы Анри Барбюса, Стефана Цвейга, Генри Вандепутта, Эрпо Феличи, Фрица фон Уиру, Умберто Занотти-Бьянко, Панаиота Истрати, Хенри Пулаля и др. В ряду своих произведений и произведений западных писателей Горький присылает в Пушкинский Дом переводы книг советских писателей (Л. Сейфуллина, С. Сергеев-Целский), переводы русской классической литературы, издававшиеся с его предисловиями (Лесков, Леонид Андреев).

Собрание книг, созданное в Пушкинском Доме Горьким, особенно ценно с точки зрения изучения проблемы восприятия русской классической и советской литературы за рубежом нашей страны. Кроме того, оно дополняет наши представления о его читательских интересах, круге литературных знакомств и симпатий, о творческой деятельности самого Горького. Например, предисловия, написанные Горьким для зарубежных изданий произведений русских писателей, представляют собою ценнейший материал для изучения его литературно-критических взглядов и сейчас переводятся и печатаются на русском языке.¹⁸

Осведомленность Горького о жизни Пушкинского Дома в 20-е гг. и его уверенность в научной и культурной перспективности этого учреждения были столь велики, что писатель решил передать сюда и весь свой архив. Бумаги Горького начали сосредотачиваться в Пушкинском Доме с 1918 г., когда через М. Д. Беляева сюда была передана часть архива, находившегося в квартире писателя на Кронверкском проспекте. 25 сентября 1920 г. Отделение русского языка и словесности постановило передать в Пушкинский Дом и дело об избрании Горького в Почетные академики.¹⁹ Позднее, находясь в Италии, Горький принимает решение сосредоточить весь свой архив в Пушкинском Доме, в связи с чем 30 марта 1926 г. обращается с письмом в Президиум Академии наук СССР:

«Спм убедительно прошу Высокопочтенных членов Президиума Академии наук исполнить мою, — надеюсь, — вполне законную и легко осуществимую просьбу:

¹⁸ Предисловие Горького к роману Л. Андреева «Сашка Жигулев» см. в кн.: Лит. наследство. Т. 72. Горький и Леонид Андреев. Неизданная переписка. М., 1965, с. 400—406.

¹⁹ Степанов А. Н. У книг своя судьба., с. 155—156.

Не задолго до отъезда моего из России мною часть архива моего была передана в Государственную Публичную библиотеку.

Ныне я просил бы передать эту часть архива в дом А. С. Пушкина, куда, в скорости, будет передан из Берлина и весь мой архив».²⁰

Однако исполнение этой просьбы Горького задержалось. Государственная Публичная библиотека отказалась передать принадлежащую ей часть архива писателя без разрешения на то Главнауки. В связи с этим Б. Л. Модзалевский 12 января 1928 г. обращается к Горькому (приписка к письму М. Д. Беляева): «Пользуюсь случаем приписать Вам два слова, многоуважаемый Алексей Максимович, и от лица Пушкинского Дома, в качестве его старожилы и, так сказать, домового, поблагодарить Вас за дорогие для нас знаки постоянного Вашего к нему внимания. Наша маленькая выставка, устроенная по поводу юбилейной даты, связанной с Вашим именем, пользуется успехом, — хотя бы потому, что она единственная в нашем городе. Если бы мы могли получить ту часть Вашего архива, которую не дает нам Публичная библиотека, — мы смогли бы показать, конечно, гораздо больше. Вы оказали бы нам большую услугу, если бы написали от себя Михаилу Петровичу Кристи или гр. Петрову (заведующему Главнаукой в Москве; Кристи — его заместитель) и попросили бы о распоряжении с их стороны передать архив нам: Публичная библиотека, в ответ на наше обращение со ссылкой на Ваше письменное желание, сообщила, что она не может передать архив Ваш без распоряжения со стороны Главнауки, которой она подчинена. Итак, мы ничего не можем добиться. . .» (Арх. Горького). Однако до смерти Горького его архив так и оставался разделенным на несколько частей. Решением Президиума ЦИК СССР от 14 февраля 1937 г. при Институте мировой литературы им. М. Горького АН СССР был создан Архив М. Горького, где сосредоточилось все его рукописное наследие. Сюда передали свои горьковские материалы и Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, и Пушкинский Дом.

В 20-е гг. в Пушкинском Доме пробуждается и научный интерес к творчеству Горького. Одним из первых его проявлений была упоминавшаяся в цитированном выше письме Б. Л. Модзалевского горьковская выставка 1928 г., устроенная к 60-летию со дня рождения писателя. В Пушкинском Доме формируются горьковские фонды в музее и рукописном отделе, ведется изучение и описание материалов, составляются библиографические указатели; в первой половине 30-х гг. усилиями С. Д. Балухатого и В. А. Десницкого исследования горьковского наследия приобретают более широкий размах и становятся ярким свидетельством

²⁰ Там же, с. 156.

обращения Пушкинского Дома к изучению современной литературы, литературы социалистического реализма. В 1933 г. в Институте создается Горьковская группа, в 1934 — выходит в свет первый том серийного издания «М. Горький. Материалы и исследования». Именно здесь, в Пушкинском Доме, закладываются основы советского научного горьковедения, вскоре получившего широкое развитие и занявшего видное место в отечественной литературной науке.

В 30-е гг. характер отношений Горького и Пушкинского Дома значительно изменяется. В 1933—1935 гг. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР довольно длительное время работал без директора. Руководство Институтом в основном осуществляли заместители директора, важную роль в организации научно-исследовательских работ играли В. А. Десницкий и Н. К. Пиксанов. Стремясь поднять роль института в развитии советской культуры и литературной науки, общее собрание Академии наук СССР 24 марта 1935 г. избирает Горького директором Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР. Сообщение об этом публикуется в газетах. Из вечернего выпуска «Красной газеты» за 25 марта об этом узнают и сотрудники Пушкинского Дома. Прочитав это сообщение и друг Горького профессор Василий Алексеевич Десницкий: «С удовольствием, но и с некоторой тревогой прочел в газетах сообщение об избрании тебя директором ИРЛИ АН СССР, — писал он Горькому 6 апреля 1935 г. — С удовольствием — потому что это хорошо для Института; с тревогой — как ты будешь осуществлять свое руководство? Дело сложное, а главное — много склоки в отношениях людей, много болезненных самолюбий, есть и дутые репутации, есть что-то и чужое. Все это очень усложняет и затрудняет работу людей» (Арх. Горького).

Чтобы составить хотя бы относительно полное представление о роли Горького в совершенствовании и развитии научного процесса в Пушкинском Доме, необходимо прежде всего дать характеристику этого учреждения, переживавшего тогда переходный этап в своей истории и усиленно начинавшего развивать научные исследования, намеченные программой его научной деятельности как академического научно-исследовательского Института. Прежде всего следует отметить, что в это время сохраняется и продолжает развиваться то источниковедческо-текстологическое направление, которое было свойственно старому Пушкинскому Дому до его преобразования в Институт. В 1935 г. печатается подготовленный Л. Б. Модзалевским третий том писем Пушкина, выходит в свет публикация «Рукою Пушкина. Несоборные и неопубликованные тексты» (подготовили М. А. Цявловский, Л. Б. Модзалевский, Т. Г. Зенгер), печатается сборник «Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования» (под редакцией А. С. Долинина) с публикацией материалов к романам «Братья Карамазовы» и «Бесы», писем писателя, а также небольшая брошюра «Выставка

новых поступлений Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР. 1934—1935». Эти публикационно-источниковедческие труды по-прежнему пока составляют значительную часть издательского плана Института. Работы историко-литературного либо теоретического характера в 1935 г. сосредоточены в двух серийных изданиях — в первом томе сборников «XVIII век» и во втором томе «Трудов Отдела древнерусской литературы». В 1935 г. Институт выпустил шесть книг. По масштабам сегодняшнего дня это, конечно, очень мало, но если учесть, что в связи с перестройкой учреждения в 1930—1933 гг. издательская деятельность была приостановлена (за четыре года вышло всего пять книг), то 1934—1935 гг. следует считать временем активизации работы как научной, так и издательской. Эта активизация характерна и для 1936 г., когда Институт выпустил в свет 15 книг. И конечно, в таком росте издательской деятельности сказалась роль Горького, к этому времени уже ставшего директором Института.

В 1936 г. вышел в свет ряд монографических исследований, впервые широко представленных в плане Института. Среди них монографии В. П. Адриановой-Перетц и В. Л. Комаровича о памятниках древнерусской литературы, П. Н. Беркова «Ломоносов и литературная полемика его времени», Н. Ф. Бельчикова «Достоевский в процессе петрашевцев», Я. Е. Эльсберга о мировоззрении и творчестве Салтыкова-Щедрина, В. Голубева «Пушкин в изображении Репина». В этом же году появились первые два тома серийного издания «Н. В. Гоголь. Материалы и исследования» (издание продолжено не было), первые два тома издания «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», радищевский сборник, публикация писем А. Ф. Писемского и декабриста Н. И. Тургенева, библиография произведений Лермонтова; одновременно вышли в свет и работы, посвященные Горькому (описание рукописей писателя и второй том серийного издания «М. Горький. Материалы и исследования»). В это же время в Институте шла оживленная подготовка академических изданий Пушкина, Гоголя, Радищева, обсуждались планы и проспекты десятитомной «Истории русской литературы», разворачивались исследования древнерусской литературы и литературы XVIII в., делало свои первые шаги научное горьковедение.

Пушкинский Дом к моменту избрания директором Горького представлял собою уже крупный научный центр страны, объединяющий значительные научные силы и осуществляющий широкую программу исследований — как источниковедческих, так и историко-литературных. Важнейшие задачи, в то время стоявшие перед институтом, заключались в успешном и срочном осуществлении академического издания сочинений Пушкина, а также целого цикла пушкиноведческих исследований, приуроченных к столетию со дня смерти поэта, в разворачивании работ по подготовке задуманной еще при Луначарском «Истории русской литературы»,

в укрупнении исследований, в повышении их методологического уровня, в обращении Института к изучению литературного процесса советской эпохи.

Итак, в марте 1935 г. Горький становится директором Пушкинского Дома. В это время писатель был нездоров и из Москвы выезжал редко, только для лечения и отдыха. Мало было надежд на то, что он сможет приехать в Ленинград и в полной мере взять в руки управление столь сложным организмом, каким к тому времени стал Пушкинский Дом. Учитывая это обстоятельство, В. А. Десницкий в письме от 6 апреля обещает Горькому свою помощь и поддержку в сложных институтских делах: «Прежде всего информация — о задачах, возможностях, людях; потом — чтение рукописей перед выходом и т. п. Как это реализовать? Юридическая сторона меня интересует мало. Моя работа — интересы большого дела и дружеское беспокойство. Так вот... Если приедешь сюда, в чем я весьма сомневаюсь, поговорим предварительно. Если нет, — можешь вызвать, кого нужно, вызови и меня. Если ни то, ни другое, — напиши, что тебе нужно знать и что думаешь делать. Если нужно повидать именно меня, тогда вызови, но официально, через ИРЛИ, иначе мне трудно уехать. Одним словом, помни, что я готов сделать решительно все, что в моих силах» (Арх. Горького). Это письмо, написанное В. А. Десницким от своего имени, по-видимому является выражением общих настроений в Институте, особенно в его руководстве. Это подтверждается и письмом Горькому, которое 11 апреля 1935 г. подписали академик А. С. Орлов, Ю. Г. Оксман, В. А. Десницкий, Г. А. Гуковский. Приводим текст письма, написанного на официальном бланке Института:

«Глубокоуважаемый Алексей Максимович.

Научно-производственная жизнь Института русской литературы выдвигает ряд вопросов, как принципиального порядка, так и организационных, настойчиво требующих Вашего разрешения. Поэтому мы обращаемся к Вам с просьбой предоставить нам возможность доложить Вам, как директору ИРЛИ, о состоянии работ Института и получить Ваши руководящие указания о планировании научно-исследовательской и издательской работы Института.

Мы просим Вас принять нас для этого возможно скорее. Приехать в Москву мы можем в любой из ближайших дней» (Арх. Горького).

К решению вопросов, касающихся Пушкинского Дома, Горький смог приступить не сразу. В конце апреля В. А. Десницкий был в Москве, но в это время Горький отдыхал в Тессели.²¹ Тем не менее неотложные институтские дела требуют своего ре-

²¹ Летопись жизни и творчества А. М. Горького. Вып. 4. 1930—1936. М., 1960, с. 476. — Горький уехал в Тессели 18 или 19 апреля.

шения, нуждаются в срочном обсуждении перспективы его дальнейшей деятельности и организации руководства учреждением. И тогда В. А. Десницкий 7 мая 1935 г. еще раз обращается к Горькому с письмом, в котором напоминает о необходимости встречи, характеризует состояние некоторых дел в Институте, предлагает возможные решения ряда вопросов. В письме выражены мнения В. А. Десницкого, в то время принимавшего деятельное участие в научной жизни и организации ее в Институте, а поэтому приводим это письмо в его самой существенной части, касающейся Пушкинского Дома:

«Дорогой друг! был недавно в Москве с докладом на конференции словесников — и уже не застал тебя. А нужно было поговорить о важных делах. И прежде всего об Институте русской литературы Академии наук. Не знаю, так это или не так, но из слов Ивана Павловича я понял, что ты перед отъездом не принял никаких решений по Институту. Может быть, Волгин не сумел уяснить тебе, что это нужно.

Нужно это — в двух направлениях: в организационном и по существу.

В организационном нужно было бы заморозить существующее положение с некоторыми изменениями. А это нужно, чтобы разрядить атмосферу тревожных ожиданий и сомнений, создающуюся в Институте и мешающую нормальной работе <...>

Второе — по существу. Нужно договориться о самой работе Института — ее направлении, объеме, ближайших задачах и т. д. Возможности у Института больше. И нужно договориться, как ты смотришь на те или иные направления и формы их использования, что ты считаешь нужным двинуть в первую очередь. История литературы? Историко-литературный хороший журнал? У нас нет никакого, ни плохого, ни хорошего. Издания классиков? Кого? в какой последовательности? Научно-популярные издания? Издание материалов? Работа со смсной — подготовка молодых ученых? и т. д. и т. п.

Видишь — обо всем этом нужно поговорить» (Арх. Горького).

9 сентября 1935 г. в Москву специально для консультаций с Горьким приехали В. А. Десницкий и Ю. Г. Оксман. Сообщение об этой встрече 11 сентября было напечатано в газете «Известия». Записи беседы не сохранилось, но из сообщения в «Известиях» ясно, что большое внимание было уделено пушкиноведческим делам, особенно подготовке академического собрания сочинений Пушкина. И это понятно: приближался пушкинский юбилей; кроме того, за месяц до этой встречи, 8 августа 1935 г., Президиум АН СССР постановил просить Горького войти в состав редколлегии Полного собрания сочинений Пушкина, издаваемого Академией наук. К приезду представителей Пушкинского Дома Горький еще не дал согласия на предложение Президиума АН СССР. Лишь после состоявшейся беседы и после обсуждения плана всего издания, состояния работы над ним и просмотра при-

везенного сигнального экземпляра первого тома Горький сообщил Президенту АН СССР академику А. П. Карпинскому о своем согласии войти в состав общей редакции Полного собрания сочинений Пушкина и одновременно высказал свои предложения по составу редакционного совета и редакционного комитета издания.

Во время встречи представители института познакомили Горького с процессом изучения русской литературы в Пушкинском Доме и сообщили об итогах деятельности Института в 1934—1935 гг. Здесь же были обсуждены состав директората, финансовое положение Института и вопрос о включении в планы научной работы исследований по истории западноевропейских литератур. В конце сентября, уже уехав в Тесселд, Горький поставил все эти вопросы в специальном письме, адресованном в Президиум АН СССР и полученном там 2 октября 1935 г. В этом письме Горький сообщал:

«...ознакомившись с материалами о состоянии Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук и заслушав доклады <...> об итогах работы за 1934—1935 гг. и о планах на 1936 г., — считаю необходимым впредь до разрешения вопроса об общей реорганизации ИРЛИ:

А) Обеспечить организацию в ИРЛИ с 1-го января 1936 г. Отдела западноевропейских литератур в составе не менее шести штатных ученых специалистов.

Б) Организовать директорат в ИРЛИ в составе: 1) Директор. 2. Заместители директора Н. К. Лунин и А. С. Орлов, Ю. Г. Олсман (временно). 3. Руководители фондового и научно-исследовательского секторов — В. А. Десницкий и Н. К. Пиксанов. 4. Ученый секретарь (вакансия).

В) Обеспечить спешную дотацию ИРЛИ из средств Академии наук в размере двадцати пяти тысяч рублей для закупки новых архивных материалов и покрытия задолженности по ст. 5 и 6.

Г) Обеспечить немедленное прикрепление к директорату ИРЛИ легковой машины в Ленинграде.

О рассмотрении этих предложений в Президиуме Академии наук прошу не отказать меня уведомить возможно скорее» (Арх. Горького).

Встреча Горького с представителями руководства Пушкинского Дома имела для Института важнейшее значение, так как в ходе ее был обсужден не только состав директората, но и существенно изменен профиль научных занятий Пушкинского Дома. Дело в том, что с момента создания в 1905 г. Пушкинский Дом занимался исключительно изучением русской литературы и собиранием материалов по ее истории, никогда не выходя в область истории зарубежных литератур, в том числе и западноевропейских. К этому времени в Москве был уже создан Институт мировой литературы им. М. Горького, который должен был осуществлять руководство изучением зарубежных литератур в ши-

роких масштабах. Однако в Ленинграде еще при А. В. Луначарском возникла мысль о необходимости создания в Пушкинском Доме Сектора западноевропейских литератур. Это дало бы возможность вести изучение русского и западноевропейского литературных процессов в их диалектическом единстве и взаимообусловленности. Кроме того, в Ленинграде тогда существовала и работала очень значительная по своим возможностям группа западников, которая такое исследование могла осуществлять. Прислушиваясь к мнениям представителей руководства Пушкинского Дома, Горький принял их предложение о включении западных литератур в программу деятельности Института русской литературы. Это заметно расширяло сферу его занятий. 25 октября 1935 г. Президиум Академии наук СССР по ходатайству Горького принял решение об открытии в Институте Отдела западноевропейских литератур. Руководителем Отдела назначается профессор В. М. Жирмунский, в Отделе ведут исследования А. А. Смирнов, С. С. Мокульский, Ф. П. Шиллер, Д. П. Мирский, М. П. Алексеев, А. И. Белецкий, В. Ф. Шпшмарев, К. Н. Державин, аспиранты-докторанты Я. Ю. Эйдук, Г. Ю. Юрьев. В связи с изменением профиля и объема исследований в том же 1935 г. меняется и название Института, которое теперь отражает более широкий характер его деятельности: Институт литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. Такое название сохраняется до 1949 г., когда Отдел западноевропейских литератур — или, как его обычно называли, Западный отдел — был ликвидирован, а выполненные всех его начатых или запланированных работ было передано Институту мировой литературы им. М. Горького в Москве. Одновременно с этим восстанавливается и старое название: Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.

Отдел западноевропейских литератур, несмотря на немногочисленность выпущенных им книг, сыграл значительную роль. Именно здесь был разработан тип истории зарубежной национальной литературы и созданы ее первые образцы. Помимо проспектов и подготовительных работ в этой области ученые Отдела написали «Историю французской литературы», первый том которой был издан Пушкинским Домом в 1946 г. Здесь задумывались фундаментальные истории английской, немецкой, итальянской литератур, здесь впервые начала зарождаться идея «Истории всемирной литературы». Создание Отдела западноевропейских литератур во многом предопределило интерес к этим литературам в Пушкинском Доме, особенно к их связям с русской литературой, которые два десятилетия спустя станут предметом специального исследования в Секторе взаимосвязей русской литературы с зарубежными, в 1956 г. созданном в Пушкинском Доме академиком М. П. Алексеевым.

Подготовка к пушкинскому юбилею составляла в это время основное звено в деятельности Пушкинского Дома. Горький не только вошел в состав Главной редакции академического изда-

A Maxim Gorki
et tout monde
Léon Barbusse

Les bourreaux

Титульный лист книги А. Барбюса («Палачи») с дарственной надписью автора М. Горькому.

ния Полного собрания сочинений Пушкина, но Постановлением ЦИК СССР от 16 декабря 1935 г. утвержден председателем Всесоюзного Пушкинского комитета, создаваемого в связи со столетием со дня смерти поэта.²² Таким образом, именно в руках Горького сосредоточивается все руководство подготовкой к предстоящему в 1937 г. пушкинскому юбилею.

Летом 1935 г. выходит из печати седьмой том Полного собрания сочинений Пушкина, содержащий драматические произведения, подготовленные и прокомментированные Г. О. Винокуром, Д. П. Якубовичем, М. П. Алексеевым, Б. В. Томашевским, Н. В. Яковлевым, С. М. Бонди, А. Л. Слонимским. Том вышел в свет под редакцией Д. П. Якубовича при Главной редакции в составе: М. Горький, В. П. Волгин, Ю. Г. Оксман,

²² Известия, 1935, 17 декабря, № 292.

Б. В. Томашевский, М. А. Цявловский. Это был единственный том издания, вышедший в свет с комментариями. Впоследствии тексты его и варианты были воспроизведены в составе 16-томного издания, осуществленного без комментариев, в ином художественном оформлении и формате. 25 сентября 1935 г. президент Академии наук академик А. П. Карпинский обращается к Горькому с просьбой дать заключение о VII томе Полного собрания сочинений Пушкина.²³ Ответ Горького нам неизвестен. Может быть, его и вообще не было, но тем не менее писатель был хорошо знаком с типом издания и с его научно-справочным аппаратом. В руках Горького был не только VII том Полного собрания сочинений Пушкина, но и сигнальный экземпляр первого тома позванного издания. Дело в том, что вслед за VII томом первый был также набран с полным научно-справочным аппаратом, однако в свет не вышел. Корректурные гранки комментариев к первому тому сейчас хранятся в Рукописном отделе Пушкинского Дома. Сигнальный экземпляр тома Горький получил в сентябре 1935 г. С представителями института Горький обсуждал и тип издания. Возможно, что именно здесь обсуждалось требуемое преобразование издания — вынесение комментариев в особые (заключительные) тома и выпуск основных томов в облегченном виде (без комментариев) и ускоренными темпами к юбилею 1937 г. В предисловии к первому тому, изданному в 1937 г., сообщалось, что «все вопросы, связанные с обоснованием текста, с датировкой, с доказательством принадлежности Пушкину печатаемых в отделе *Dubia* стихотворений, являются предметом особой комментаторской работы, неотъемлемой от изучения творческой истории произведения, т. е. истории создания и работы Пушкина над данным произведением в свете идеологических, исторических, историко-литературных и биографических фактов. Подобного рода комментарий издается в виде особой серии трудов Редакционной коллегией издания. . . В настоящем издании дается лишь результат подобных исследований, без его мотивировки».²⁴ Осуществление такой серии комментариев было начато, но «серия так и не вышла, а написанные для нее статьи впоследствии были частично опубликованы в отрывках, частично остались в рукописи, а частично пропали в силу разных обстоятельств».²⁵ Таким образом, задуманное в двух частях издание оказалось незавершенным. Поэтому сейчас одна из важнейших задач современного советского литературоведения — подготовка нового академического издания сочинений Пушкина, издания, учитывающего весь опыт пушкиноведения и представляю-

²³ Письмо А. П. Карпинского М. Горькому от 25 сентября 1935 г. (Арх. Горького).

²⁴ Полное собрание сочинений А. С. Пушкина, т. I, с. XII.

²⁵ Пушкин. Итоги и проблемы изучения. М.—Л., 1966, с. 591.

Maxim Gorki
dessen Originaldruck
in Rede

Stefan Zweig
Reise nach Rußland.

Von
Stefan Zweig.

Vide pag. 20.

Титульный лист книги Стефана Цвейга «Путешествие по России»
с дарственной надписью М. Горькому.

щего наследие поэта во всей его полноте и изученности, с полным научно-справочным аппаратом.

Горький не дожил до пушкинского юбилея, по его роль в подготовке этого юбилея исключительно велика. Он выступал инициатором и организатором целого ряда юбилейных мероприятий, способствовал скорейшему осуществлению пушкинских исследований и изданий, посвященных великому поэту, широкой пропаганде и популяризации наследия Пушкина в широких народных массах.

Немногим более года Горький был директором Пушкинского Дома. Не имея возможности приехать в Ленинград, он осуществлял руководство Институтом заочно. Тем не менее и такое участие великого писателя в делах Пушкинского Дома сыграло весьма заметную роль в его тогдашнем развитии, в его будущей судьбе. Особенно это сказалось в сфере пушкиноведения, текстологии, современной литературы, т. е. в тех областях, которые в это время требовали к себе самого пристального внимания и в ближайшие годы заняли одно из центральных мест в научной деятельности Института.

ПРИЛОЖЕНИЕ

БИБЛИОГРАФИЯ КНИГ И ЖУРНАЛОВ, ПОДАРЕННЫХ М. ГОРЬКИМ ПУШКИНСКОМУ ДОМУ

В библиотеке Пушкинского Дома хранится около ста книг и периодических изданий, в 20-е гг. присланных сюда М. Горьким.

В постоянной библиографии учтен весь комплекс книг, подаренных М. Горьким и сохранившихся в фондах библиотеки. Несколько книг из горьковского собрания обнаружить не удалось. Вероятно, они были утрачены в период Великой Отечественной войны.

В библиографии приводятся все сведения, необходимые для дальнейшего знакомства с этим собранием и изучения входящих в него книг. Для произведений М. Горького указываются их русские названия и переводчики, для книг, в разное время преподнесенных М. Горькому иностранными авторами, приводятся русские названия произведений, в своей значительной части на русском языке не появлявшихся, дарственные надписи в оригинале и в переводе. Кроме того, в аннотациях раскрывается содержание сборников переводов из М. Горького и сообщаются даты поступления книг в Пушкинский Дом.

За содействие в разыскании книг М. Горького в фондах библиотеки, а также за помощь в прочтении и переводе иностранных текстов составитель приносит благодарность А. С. Морщиной, К. Ф. Ванягиной, Г. И. Мальцеву, П. Р. Заборову, Р. Ю. Дашлевскому и В. Е. Багно.

I

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ГОРЬКОГО В ПЕРЕВОДАХ НА ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ (ОТДЕЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ)

1901

Gorki M. Foma Gordjejew. Roman. Übers. v. Klara Brauner. Vierte Auflage. Stuttgart und Leipzig, Deutsche Verlags-Anstalt, 1901. 422 S.
Фома Гордеев. Пер. на нем. яз. Клары Браунер.
Книга поступила в Пушкинский Дом 6 мая 1927 г.

Gorki M. Les vagabonds. Traduction et préface par Ivan Strannik. Paris, Société du Mercure de France, 1901. 359 p. (Coll. d'auteurs étrangers).
Сборник рассказов. Пер. на франц. яз. и предисловие Ивана Страшника.
Содержание: Préface (Предисловие). — Malva (Мальва). — Коновалов (Коновалов). — Tchelkache (Челкаш). — Mon compagnon (Мой спутник).
Книга поступила в Пушкинский Дом 6 мая 1927 г.

1902

Gorki M. Los degenerades. El Matrimonio Orlof. Los ex-hombres. Traducion de Eusebio Heras. Barcelona, 1902. 255 p.
Сборник рассказов. Пер. на исп. яз. Еусебио Эра.
Содержание: El Matrimonio Orlof (Супруги Орловы). — Los ex hombres (Бывшие люди).

1906

Gorki M. Figli del sole. Damma i 4 atti. Tradotto da Cesare Gastelli. Roma, Enrico Voghera, 1906. 126 p.
Дети солнца. Пер. на ит. яз. Чезаре Кастелли.
Книга поступила в Пушкинский Дом 6 мая 1927 г.

1907

Gorki M. I nemici. Scene in tre atti. Unica traduzione autorizzata di C. Castelli e N. Psyol. Roma, Luigi Mongini, 1907. 144 p.
Враги. Пер. на ит. яз. Ч. Кастелли и Н. Псиоль.

1917

Gorki M. Meine Kindheit. Übers. v. A. Scholz. Berlin, Ullstein, 1917. 320 S.
Детство. Пер. на нем. яз. Августа Шольца.
Книга поступила в Пушкинский Дом в феврале 1929 г.

1918

Gorki M. Unter fremden Menschen. Übers. v. A. Scholz. Berlin, Ullstein, 1918. 438 S.
В людях. Пер. на нем. яз. Августа Шольца.
Книга поступила в Пушкинский Дом в феврале 1929 г.

1924

Gorki M. Unter fremden Menschen. Übers. v. A. Scholz. Berlin, Ullstein, 1924. 438 S.

В людях. Пер. на нем. яз. Августа Шольца.

Книга поступила в Пушкинский Дом 13 марта 1928 г.

1925

Gorki M. Fra la gente. Traduzione dal russo di Erme Cadei. Milano, 1925. 378 p.

В людях. Пер. на ит. яз. Эрме Кадеи.

Книга поступила в Пушкинский Дом 6 мая 1927 г.

Gorkij M. La vita azzurra. Traduzione dal manoscritto russo e introduzione di Ettore Lo Gatto. Roma, Alberto Stock, 1925. 222 p. (Scrittori russia cura di Ettore Lo Gatto).

Голубая жизнь. Пер. на ит. яз. с предисловие Этторе Ло Гатто.

Содержание: Introduzione (Предисловие). — La vita azzurra (Голубая жизнь). — Karamora (Карамора). — Fuori del comune! (Отшельник). — La prova (Законник).

Книга поступила в Пушкинский Дом 7 декабря 1924 г.

Gorki M. Mina Universitet. Fran gyskan av Ellen Rydelius. Stockholm, Svenska andelsförlaget, 1925. 374 S.

Моя университет. Пер. на шведск. яз. Элен Риделиус.

Книга поступила в Пушкинский Дом 15 апреля 1926 г.

Gorki M. Noterelle. Traduzione dall'originale di Erme Cadei. Milano, Giuseppe Morreale-editore, 1925. 358 p.

Заметки из дневника. Воспоминания. Пер. на ит. яз. с предисловие Эрме Кадеи.

Книга поступила в Пушкинский Дом 15 апреля 1926 г.

1926

Gorki M. Gli Artamònov. Romanzo. Versione dal manoscritto russo a cura di Erme Cadei. Milano, Treves. 1926. 333 p.

Дело Артамоновых. Пер. на ит. яз. с редакция Эрме Кадеи.

Gorki M. L'albergo dei poveri. Varsa Schelesnova. Gli ultimi. Tre drammi. Milano, A. Mondadori, 1926. 345 p.

Три драмы: «На дне»; «Васса Железнова»; «Последние». Пер. на ит. яз. (переводчик не указан).

Книга поступила в Пушкинский Дом 6 мая 1927 г.

Gorki M. Wanderer in den Morgen. Übers. v. E. Boehme. Berlin, Ullstein, 1926. 377 S.

Путь в грядущее. Сборник произведений М. Горького. Пер. на нем. яз. Эрпа Бёме.

Содержание: Meine Universitäten (Моя университет). — Ich werde Nachtwächter (Сторож). — Die Korolenko-Zeit (Время Короленко). — Von der Schädlichkeit der Philosophie (О вреде философии). — Meine erste Liebe (О первой любви). — Wladimir Korolenko (В. Г. Короленко).

Книга поступила в Пушкинский Дом в феврале 1929 г.

1927

Gorki M. De onderneming. Geautoriseerde vertaling van Lj. van Praag-Dvorson. Arnhem, Van Loghum Slaterus, 1927. 448 blz.

Дело Артамоновых. Пер. на голл. яз. Л. Праг-Дворсона.

Книга поступила в Пушкинский Дом 6 января 1928 г.

Gorki M. Les Cafards. Traduit du russe par Dumesnil de Gramont. Paris, Galmann-Lévy, 1928. 243 p.

О тараканах. Сборник произведений Горького. Пер. на франц. яз. Дюмениля де Грамона.

Содержание: Les cafards (О тараканах). — Le héros (Рассказ о герое). — La vie en bleu (Голубая жизнь).

Книга поступила в Пушкинский Дом 4 мая 1928 г.

Gorki M. Życie zbednego człowieka. Warszawa. Sp.-Wyd. Kultur-Liga, 1928. 350 S.

Жизнь ненужного человека. На еврейском языке. Издано в Польше. Описание дается по польским выходным данным.

Книга поступила в Пушкинский Дом в феврале 1929 г.

1931

Gorki M. An die Arbeiter von Magnitostroi. Moskau, Verlagsgenossenschaft ausländischer Arbeiter in der UdSSR, 1931, 16 S.

Рабочим Магнитостроя и другим. На нем. яз. (переводчик не указан).

Gorki M. Capitalist terror against Negro Workers in USA. Moscow, 1931, 16 S.

Террор капиталистов против негритянских рабочих в Америке. На англ. яз. (переводчик не указан).

Gorky M. Anent a certain legend. Translated from the russian by M. L. Kortchmar, Published by Centrizzdat, Moscow, 1931. 20 p.

По поводу одной легенды. Пер. на англ. яз. М. Л. Корчмара.

Без указания даты выхода

Gorki M., Mirbeau O. Due ritratti del kaiser. Con prefazione illustrativa della «Germania alla vigilia della guerra» di Cesare Castelli. Milano, Casa Editrice Sonzogno, б. г. 110 p.

Горький М. и Мирбо О. Два портрета императора. С предисловием, заимствованным из книги «Германия накануне войны» Ч. Кастелли.

Содержание: С. Castelli. Prefazione (Предисловие). — М. Gorki. Un re che tiene alta la sua bandiera (Король, который высоко держит свое знамя). — О. Mirbeau. Il superimperatore (Сверхимператор).

Gorki M. Fra sovrani e popoli (Racconti, satire, bozzetti, pensieri). Unica traduzione autorizzata di Cesare Castelli. Roma, Casa editric L. Mongini, б. г. 102 p.

Между монархами и народами. (Рассказы, сатира, очерки, мысли). Авторизованный пер. на ит. яз. Ч. Кастелли.

Содержание: Un re che tiene alta la sua bandiera (Король, который высоко держит свое знамя). — Lo zar di Russia (Русский царь). — La bella Francia (Прекрасная Франция). — Un sacerdote della morale (Жрец морали). — Uno dei re della repubblica (Один из королей республики). — I pardoni della vita (Хозяева жизни). — Il saggio (Мудрец). — Soldati! (Солдаты!). — L'orologio (Часы). — Compagno! (Товарищ!). — Epistola alla massa (Послание в пространство).

С предисловием М. Горького.

Gorki M. I barbari. Dramma in 4 atti Unica traduzione autorizzata di C. Castelli. Roma, Enrico Voghera, б. г. 115 s.

Варвары. Пер. на ит. яз. Ч. Кастелли.

II

ПРОИЗВЕДЕНИЯ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ (В ТОМ ЧИСЛЕ С ПРЕДИСЛОВИЯМИ М. ГОРЬКОГО)

1924

Lyeskov Nicolai. The enchanted wanderer. Translated from the russian by A. G. Paschkoff. Edited with an introduction by Maxim Gorky. New York, Robert M. McBride and company, 1924. IX+265 p.

Избранные произведения Н. Лескова с предисловием М. Горького (с. IV—IX). Пер. на англ. яз. А. Г. Пашкова.

1925

Andreyev Leonid. Sashka Jigouloff. Translated from the Russian by Luba Hicks. Edited an introduction by Maxim Gorky. New York, Robert M. McBride and Company. 1925. XI+294 p.

Повести Л. Андреева «Саша Погодин» и «Сашка Жигулев».

Пер. на англ. язык Любы Хик. С предисловием М. Горького (с. V—XI).

Seifullina L. Wirinea. Übers. v. Maria Einstein. Berlin, Malik-Verlag, 1925. 248 S.

Сейфуллина Л. Виринея. Пер. на нем. яз. Марик Эйнштейн.

Книга поступила в Пушкинский Дом 6 мая 1927 г.

1926

Chklowski Victor. Voyage sentimental. Traduction de Vladimir Pozner. Paris, Aux éditions du sagittaire Simon Kra, 1926. 276 p.

Шкловский В. Сентиментальное путешествие. Пер. на франц. яз В. Познера. Автограф переводчика: «Дорогому Алексею Максимовичу Пешкову на добрую память о переводчике. Влад. Познер».

Книга поступила в Пушкинский Дом 28 апреля 1926 г.

Tzensky S. Transfiguration. Translated from the russian by Marie Budberg. Edited with an introductiony Maxim Gorky. New York, Robert M. McBride and Company, 1926.

Сергеев-Ценский С. Преображение. Пер. на англ. яз. Марии Будберг. С предисловием М. Горького.

Книга поступила в Пушкинский Дом 26 ноября 1926 г. В настоящее время утрачена.

1928

Dostojevskij Fjodor. Gli ossessi. Romanzo. Traduzione dal russo di Olga Resnevic con prefazione e cenni biografici. II-e edizione. Foligno, 1928. 1150 p.

Достоевский Ф. Бесы (в трех книгах). Пер. на ит. яз, предисловие и биографические сведения Ольги Ресневич.

Gruzdew Ilja. Das Leben Maxim Gorki. Biographie. Übers. v. Erich Boehme. Berlin, Malik-Verlag, 1928. 272 S.

Груздев И. Максим Горький. Биография. Пер. на нем. яз. Эриха Бёме.

1929

Tolstoi Leone. Diario intimo (1900—1904). Traduzione integrale dal russo di Erme Cadei. Milano, A. Mondadori, 1929. 288 p.

Толстой Л. Интимный дневник. С примечаниями А. М. Кирьякова. Полный пер. на ит. яз. Эрме Кадеи.

Книга поступила в Пушкинский Дом в апреле 1929 г.

III

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ В ОТДЕЛЬНЫХ ИЗДАНИЯХ, ПОДАРЕННЫХ М. ГОРЬКОМУ

1908

Gioia M. A. Gorki rispetto a Tolstoi e Sienkiewicz. Studio Critico. Trani, 1908. 127 p.

Джойа М. А. Горький, Толстой и Сенкевич. Критический очерк (на ит. яз.).

Автограф: «Al celebre M. Gorki invio questo duplicato avuto dalla Biblioteca, a ricordo della ventennale amicizia e osconfronto Sella nuova prossima edizione. Trani 26—4—1926. M. A. Gioia». — «Знаменитому М. Горькому посылаю этот экземпляр, полученный из Библиотеки, в память двадцатилетней дружбы и в предвидении ближайшего нового издания. Трани 26—4—1926. М. А. Джойа».

1910

Felici Erio. La Battaglia di Monteaperti. Sonetti in vernacolo senese. Genova, 1910, 64 p.

Феличи Э. Битва при Монтеапerti. Сопеты на сиевском наречии (на ит. яз.).

Автограф: «A Massimo Gorki con fervida amici... Erio Felici. Paris. I.VII.925» — Максиму Горькому с искренней дружбой... Ерио Феллици. Париж. I.VII.925».

Книга поступила в Пушкинский Дом 6 мая 1927 г.

1912

Gioia M. A. Le dua età di A. Manzoni. Studio critico-politico. Trani, 1912, 179 p.

Джойа М. А. Две эпохи А. Мандзони. Критико-политический этюд (на ит. яз.).

Автограф: «Al celebre scrittore russo Massimo Gorki, per omaggio e parere, l'autore da trentanni cieco». — «Знаменитому русскому писателю Максиму Горькому с почтительным уважением от автора, тридцать лет слепого».

Книга поступила в Пушкинский Дом 6 мая 1927 г.

1916

Gioia A. M. I. Canti della guerra europea (appendice a «Battglie Civili»). Trani, Tipografia Ed. Paganelli, 1916. 44 p.

Джойа А. М. Песни европейской войны (добавление к «Гражданским битвам») (на ит. яз.). На с. 29 стихотворение, посвященное Горькому.

Автограф: «Al Celebre scrittore Russo Massimo Gorki, per omaggio e parere, l'autore sa trentanni cieco». — «Знаменитому русскому писателю

Максиму Горькому с почтительным уважением от автора, тридцать лет слепого».

Книга поступила в Пушкинский Дом 6 мая 1927 г.

1921

Felici Erio. La poesia del dolore. Givntini Bentivoglio et C°. Editori Siena, 1921. 65 p.

Феличи Э. Поэзия скорби (на ит. яз.).

Автограф: «A. Massimo Gorki che costruì nel dolore la grandezza della sua arte omaggio. Erio Felici. Siena, 2.VII.22» — «Максиму Горькому, который создал на скорби величие своего искусства. С уважением Эрио Феличи. Сиена. 2 VII 22».

Книга поступила в Пушкинский Дом 6 мая 1927 г.

1922

Gioia M. A. Luci e ombre di guerra. Terza ed ultima parte dei «Canti della guerra europea». Trani, Tip. A. Laghera, 1922. 94 p.

Джойа М. А. Свет и тени войны. Третья и последняя часть «Песен Европейской войны» (на ит. яз.).

Автограф: «In cambio del prezioso libro offertoni, con profonda stima a Massimo Gorki. Trani, 15 marzo 1926. M. A. Gioia» — «В обмен на замечательную книгу, подаренную мне. С глубоким уважением, Максиму Горькому. Трапи, 15 марта 1926. М. А. Джойа».

Книга поступила в Пушкинский Дом 6 мая 1927 г.

1924

Aleramo Sibilla. Il mio primo amore. Roma, 1924. 82 p.

Алерамо С. Моя первая любовь (на ит. яз.).

Автограф: «a Massimo Gorki con animo fedele Sibilla Aleramo. Champolne (Valle d'Aosta) Hotel Breithom. Agosto 1924» — «Максиму Горькому с преданностью. Сибилла Алерамо. Шамполье (Валле д'Аоста). Отель Бретом. Август 1924».

Книга поступила в Пушкинский Дом 25 мая 1926 г.

de Brimont, Renée. Psyché. Paris, Plon-Nourrit et Cie, 1924. 198 p.

де Бримон Р. Психея (на франц. яз.).

Автограф: «à Maxime Gorki en profonde admiration. R. de Brimont» — «Максиму Горькому в знак глубокого восхищения. Р. де Бримон».

Книга поступила в Пушкинский Дом 6 мая 1927 г.

de Noailles, comtesse. Poème de l'amour. Paris, Arthème Fayard et Cie, 1924. 221 p.

де Ноайль, графиня. Поэма любви (на франц. яз.).

Автограф: «Au grand Maxime Gorki — avec ma plus admiration et mon amitié de Noailles» — «Великому Максиму Горькому — с моим величайшим восхищением и дружбой. де Ноайль».

Книга поступила в Пушкинский Дом 4 января 1928 г.

1925

Avelino José. Memorias de Joao. Barriga, 1925. 284 p.

Авелино Х. Воспоминания Жоао (на португ. яз.).

Дарственная надпись (машинопись): «Ao grande escriptor Sr Maximo Gorki, tantas vezes citado nestas paginas e mestre idolatrado de todos nos que amamos a Russia, e que em lingua portugueza manejanos uma penna, — arma gentil, como em mao do excelso artista de „Mãe“, on

pesado montante, clava brutal, toda a sympathya, todo o affecto do autor.

Uberabinha, 21—IV—1926.

Minas [1 прэб.] Brasil) — «Великому писателю Максиму Горькому, неоднократно упоминающемуся на этих страницах, обожаемому учителю всех, кто любит Россию и кто на португальском языке старается действовать благородным оружием — пером так же, как владеет им рука замечательного автора „Матери“, владеет словно тяжелым мечом, словно боевой палицей, — с выражением симпатии и любви от автора. Уберабинха, 21—IV—1926. Бразилия».

Книга поступила в Пушкинский Дом 25 мая 1926 г.

Ferrari Elena. Prinkipo. Versione dell'originale russo di Elena Ferrari e Umberto Barbaro illustrazioni e copertina di Vinicio Paladini. Roma, «La Bilancia», 1925. 58 p.

Ferrari Э. Припипо. Перевод с русского оригинала Элены Феррари и Умберто Барбаро (на ит. яз.).

Автограф: «Дорогому Алексею Максимовичу Горькому уже знакомые вещи. Елена Феррари. Рим—Москва. 1926».

Книга поступила в Пушкинский Дом 6 мая 1927 г.

Istrati Panait. Présentation des Haïdoues. Edition originale. Paris, 1925. 221 p.

Istrati П. Представление о гайдуках (на франц. яз.).

Автограф: «à Maxime Gorki mon frère de routes et d'horizons sans fin, — avec toute mon affection. Panait Istrati» — «Максиму Горькому — моему брату по бескрайним путям и горизонтам, — с глубоким моим восхищением. Панаит Истрати».

Книга поступила в Пушкинский Дом 6 мая 1927 г.

Poulaille Henri. Ames neuves. Paris, Bernard Grasset, 1925. 256 p.

Пулайль А. Новые души (на франц. яз.).

Автограф: «A mon cher aîné Maxime Gorki en admiration et affection — ce conte proletarien. Henri Poulaille» — «Моему дорогому старому другу Максиму Горькому с восхищением и любовью — эта пролетарская сказка. Анри Пулайль».

Книга поступила в Пушкинский Дом 14 апреля 1927 г.

Poulaille Henri. Ames neuves. Paris, Bernard Grasset, 1925. 256 p.

Пулайль А. Новые души (на франц. яз.).

Автограф: «A mon cher aîné et maître Maxime Gorki en hommage respectueux et [прэб] ces histoires d'enfants misereux Henri Poulaille. Avec amitié et mes vœux de bonne santé. H. Poulaille» — «Моему дорогому старшему брату и учителю Максиму Горькому в знак глубокого уважения и [1 прэб] эти истории о бедных детях. Анри Пулайль. С дружескими чувствами и пожеланиями доброго здоровья. Анри Пулайль».

Книга поступила в Пушкинский Дом 4 января 1928 г.

Poulaille Henri. Ils étaient quatre... Paris, Bernard Grasset, 1925. 183 p.

Пулайль А. Их было четверо... (на франц. яз.).

Автограф: «A mon cher grand aîné Maxime Gorki l'hommage d'un jeune qui lui doit beaucoup... le petit livre en attendant de lui en faire lui de plus substantiel».

En toute affection respectueuse et avec tous mes vœux de santé... Henri Poulaille» — «Моему дорогому великому старшему брату Максиму Горькому с почтением от молодого человека, который ему очень обязан... маленькую книжку в ожидании от него чего-то более существенного».

С любовью и уважением, с пожеланием доброго здоровья... Анри Пулайль».

Rozits Pavils. Krāces. Stasti. Riga, 1925. 248 s.

Розит П. Пороги. Рассказы (на латышск. яз.).

Автограф: «Моему великому другу Максиму Горькому — Автор. Рига, 16 X 1926».

Книга поступила в Пушкинский Дом 26 ноября 1926 г.

von Unruh Fritz. Heinrich aus Andernach. Frankfurt am Main, Abteilung Buchverlag, 1925. 90 S.

Унру, Ф. фон. Генрих из Андернаха (на нем. яз.).

Автограф: «Maxime Gorki in grosser Verehrung Fr. Uhrh. Dronsin, Riga. 1. Juni 1925» — «Максиму Горькому с глубоким уважением. Фриц Унру. Дронсен, Рига, 1 июня 1925».

Книга поступила в Пушкинский Дом 6 мая 1927 г.

1926

Alajmo Maria. Pirandello e il «suo modo». Girgenti, 1926. 54 p.

Алаймо М. Пиранделло и его «искусство» (на ит. яз.).

Автограф: «A Massimo Gorki i intenditore di anime, questo modesto saggio d'interpretazione, l'a. Girgenti, aprile 1926» — «Максиму Горькому, знатоку человеческой души с глубоким уважением. Гиргенти, апрель 1926».

Barbusse Henri. Les bourgeois. Paris, Ernest Flammarion, 1926. 282 p.

Барбюс А. Палачи (на франц. яз.).

Автограф: «A Maxime Gorki à tout cœur. Henri Barbusse» — «Максиму Горькому от всего сердца. Анри Барбюс».

Poulaille Henri. L'enfantement de la paix. Roman. Paris, Bernard Grasset, 1926. 264 p.

Пулайль А. Рождение мира. Роман (на франц. яз.).

Автограф: «A mon cher aîné Maxime Gorki en affectueux hommage et admiration de quelque tableaux de premiers mois de l'après guerre en France. Henry Poulaille» — «Моему дорогому старшему собрату Максиму Горькому с сердечным уважением и восхищением картинами первых месяцев после войны во Франции. Анри Пулайль».

Книга поступила в Пушкинский Дом 14 апреля 1927 г.

Repton William. The Fourth age. London, The pioneer press, 1926. 38 p.

Рептон У. Четвертый век (на англ. яз.).

Автограф: «A Maxim Gorki — avec admiration pour ses œuvres. Oct. 29. 1927» — «Максиму Горькому, восхищаясь его произведениями. Окт. 29. 1927».

Zanotti-Bianco Umbero. La Basilicata. Roma, Collezione Meridionale Editrice, 1926. 416 p.

Дзанотти-Бьянко У. Базиликата (на ит. яз.).

Автограф: «A Massimo Gorki omaggio cordial di Umberto Zanotti-Bianco. Roma. X. 1926» — «Максиму Горькому с искренним уважением от Умберто Дзанотти-Бьянко. Рим. X. 1926».

Книга поступила в Пушкинский Дом 6 мая 1927 г.

Zanotti-Bianco Umbero. Mazzini (pagine tratte dall'epistolario). Milano, Giuseppe Morreale, 1926. 636 p.

Дзанотти-Бьянко У. Мадзини (страницы из переписки) (на ит. яз.).

Автограф: «A Massimo Gorki con gli duguri e il ricordo di Umberto Zanotti-Bianco. Pasqua 1926» — «Максиму Горькому с наилучшими пожеланиями и на память. Умберто Дзанотти-Бьянко. Пасха 1926».

Книга поступила в Пушкинский Дом 28 мая 1926 г.

1927

Aleramo Sibilla. Amo dunque sono. Romanzo. Seconda edizione. Milano, A. Mondadori, 1927. 253 p.

Алерамо С. Я люблю, следовательно, я существую (на ит. яз.).

Автограф: «A Massimo Gorki, nella Pasqua di Sorrento. 1928. Con fedele spirito. Sibilla Aleramo» — «Максиму Горькому на Пасху из Сорренто. 1928. С преданностью. Сибилла Алерамо».

Книга поступила в Пушкинский Дом 4 мая 1928 г.

Streuvels Stijn. Der Arbeiter. Leipzig, Intel-Verlag, 1927. 64 S.

Стрёвельс С. Рабочий (на нем. яз.).

Автограф: «Aam Maxim Gorki in hooge vereering, van Stijn Streuvels, December 27» — «Максиму Горькому с искренним уважением. Стийн Стрёвель. 27 декабря».

Книга поступила в Пушкинский Дом 6 января 1928 г.

1928

Clark Barrett. Paul Green. New York, Robert M. Mc. Bride et Company, 1928. 36 p.

Кларк Б. Поль Грин (на англ. яз.).

Автограф: «To Maxim Gorki cordialeu, Barrett H. Clark» — «Максиму Горькому сердечно — Баррет Г. Кларк».

Книга поступила в Пушкинский Дом 6 мая 1929 г.

Noëlqvi. Tutto nel mondo e'burla. Milano, L'Eroica, 1928. 398 p.

Ноелькви. Все на свете смешная чепуха (на ит. яз.).

Автограф: «A Maxim Gorki con profonda ammirazione. Noëlqvi» — «Максиму Горькому с глубоким восхищением Ноелькви».

Книга поступила в Пушкинский Дом в феврале 1929 г.

Vanderputte Henri. L'oeil éclairé. Sélection éditeur anvers, 1928. 45 p.

Вандепютт Г. Проницательный взгляд (на франц. яз.).

Нумерованный экземпляр (№ 108). При тираже 225 экз. в продажу поступило 100 экз. и 125 было нумерованных.

Автограф: «Respectueusement à Maxime Gorki, le plus grand des vivants. H. Vanderputte» — «Почтительно Максиму Горькому, величайшему из живущих. Г. Вандепютт».

1929

Pozner Vladimir. Anthologie de la prose russe contemporaine. Paris, Emile Hazan et Cie, 1929. 325 p.

Антология современной русской прозы. В переводах В. Познера на французский язык произведения И. Бабеля, М. Булгакова, И. Эренбурга, К. Федина, Ф. Гладкова, В. Иванова, В. Катаева, В. Каверина, Л. Леонова, Н. Никитина, Б. Пастернака, Б. Пильняка, Л. Сейфуллиной, М. Слонимского, Н. Тихонова, А. Толстого, А. Веселого, Е. Замятина, М. Зощенко.

Автограф: «Дорогому Алексею Максимовичу в знак любви и уважения. Влад. Познер. Напишите мне словечко. Помните, Вы хотели подарить мне „Клима Самгина“?».

Книга поступила в Пушкинский Дом в мае 1929 г.

Zweig Stefan. Reise nach Rusland. Wien, [1929]. 38 S.

Цвейг С. Путешествие в Россию (на нем. яз.).

Автограф: «Maxim Gorki diesen Privatdruck in Liebe. Stefan Zweig». И ниже: «vid pag. 20» — «Максиму Горькому это частное издание с любовью. Стефан Цвейг». И ниже: «см. с. 20».

На с. 20 — начало очерка «Посещение Горького».

IV

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ В ОТДЕЛЬНЫХ ИЗДАНИЯХ И ОТТИСКАХ (БЕЗ АВТОГРАФОВ)

1840—1841

Dickens Charles. Master Humphreys's clock. Vol. I—II. London. Chapman and Hall. 1840. 307+228 p.; Vol. II—III, 1841. 229—306+426 p.

Диккенс Ч. Часы барича Гэмфрп. Под таким заглавием роман единственный раз был переведен на русский язык в 1899 г. (на англ. яз.).

1880

Smith Adam. An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations. Second edition. V. I—II. Oxford, James E. Thorold Rogers, 1880. 423+594 p.

Смит А. Исследования о природе и причинах благополучия народов (на англ. яз.).

1925

Badalić Josip. Iz ruske dramatičke epohe Petra Velikoga. Beograd—Zemun, 1925.

Отдельный отпечаток из 62-й книги Споменика Српске Краљевске академије Наука у Београду, с. 23—59.

Автограф: «Изд. Сербской Академии наук (Belgrad) открытого мною памятника русской школьной драмы 1702 г.»

Отпечаток поступил в Пушкинский Дом 6 мая 1927 г.

Catalogo delle pubblicazioni d'arte, storia, letteratura; scienze. Siena, Libreria editrice senese, 1925. 62 p.

Каталог изданий по искусству, истории, литературе, науке (на ит. яз.).

Книга поступила в Пушкинский Дом 6 мая 1927 г.

Mortier Raoul. Histoire Générale des Littératures Étrangères. Préface de Maxime Gorki. T. I—II. Paris, Librairie Aristide Quillet, 1925. 324+342 p.

Мортье Р. Всеобщая история иностранных литератур. С предисловием М. Горького (на франц. яз.).

Platz dem Arbeiter! Berlin, Malik—Verlag, 1925. 239 S.

С. 209—212: Gorki M. Vor dem Gericht.

Рабочему — место! Сборник с публикацией очерка М. Горького «Перед судом» (на нем. яз.).

Книга поступила в Пушкинский Дом 6 мая 1927 г.

Pons Emile. Swift. Les années de jeunesse et le «Conte du tonneau». Paris—Strasbourg, 1925. 410 p.

Понс Э. Свифт. Годы юности и «Сказка о бочке» (на франц. яз.).

Sinclair Upton. König Kohle. Roman. Neubearbeitete Auflage. Berlin, Malik—Verlag, 1925. 393 S.

Синклер Э. Король Уголь. Роман. Заново переработанное издание (на нем. яз.).

Книга поступила в Пушкинский Дом 9 мая 1927 г.

Tschechische Lieder. Übersetzt und eingeleitet von F. C. Weiskopf. Berlin, Malik-Verlag, 1925. 56 S.

Чешские песни. Пер. на нем. яз. и предисловие Ф. Вейскопфа.
Книга поступила в Пушкинский Дом 6 мая 1927 г.

1926

Kaun Alexander. Maxim Gorky's Militant Optimism.

Каун А. Воинствующий оптимизм Максима Горького (на англ. яз.).
Отдельный оттиск из журнала «American Review», Bloumington,
Illinois, 1926, august, vol. 4, N 4, s. 395—399.

Оттиск поступил в Пушкинский Дом 14 апреля 1927 г.

Liber amicorum Romain Rolland. Zürich und Leipzig, Rotapfel-Verlag,
1926. 406 S.

Книга издана друзьями Ромен Роллана в его честь на французском,
немецком, английском языках. Статья М. Горького «У Ромен Роллана»
(«Sur Romain Rolland») (заключительная) на франц. яз.

Schlang F. Panzerkreuzer Potemkin. Der Matrosenaufstand von Odessa
1905. Nach authentischen Dokumenten mit 5 Originalphotographien und
10 Filmbildern. 3. ergänzte Auflage. Berlin, Malik-Verlag, 1926. 80 S.

Шлянг Ф. Броненосец «Потемкин». Восстание матросов в Одессе
в 1905 году. По подлинным документам с 50 оригинальными фото-
графиями и 10 кинокадрами (на нем. яз.).

Книга поступила в Пушкинский Дом 6 мая 1927 г.

Без указания года выхода

Gillett Louis. (Dalla «Revue des Deux Mondes»). Tolstoi visto da Gorki.
Milano, 6. г. 15 p.

Жилле Л. (Из журнала «Revue des Deux Mondes»). Горький о Тол-
стом (на ит. яз.).

V

ОТДЕЛЬНЫЕ НОМЕРА ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ (В ТОМ ЧИСЛЕ С ПЕРЕВОДАМИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ГОРЬКОГО И СТАТЬЯМИ О НЕМ)

Avanti della domenica. Anno III. Roma, 1925, N 7. 12 p.

С заметкой о Горьком (без подписи) и с портретами писателя
на с. 1, 6, 7.

Журнал поступил в Пушкинский Дом 6 мая 1927 г.

The Dial. New York. Vol. LXXXIII, 1927, September, N 3, p. 181—270.

С публикацией трех рассказов М. Горького («Енблема» и др.).

Пер. на англ. яз. Марии Будберг.

L'Education Pacifiste. Courrier pedagogique universel. Paris, 1926, av-
ril—juillet, N 2—3. 40 p.

Поступил в Пушкинский Дом 6 мая 1927 г.

Europäische Revue. Leipzig, Jahrgang I, 1925, N 7. 72 S.

С рассказом М. Горького «Проводник» («Der Führer»). Пер. на
нем. яз. Ольги Хальперн.

Поступил в Пушкинский Дом 14 апреля 1927 г.

Europäische Revue. Leipzig, II Jahrgang, 1926, II H, S. 69—136.

С рассказом М. Горького «Мамаша Кемских» («Die Mutter der
Kemsks»). Пер. на нем. язык Ольги Хальперн.

Поступил в Пушкинский Дом 14 апреля 1927 г.

Das Gewissen. Wien—Graz—Leipzig, 1926, Oktober, N 1. 60 S.
С очерком М. Горького о Р. Роллане (переводчик на нем. яз. не указан).

Поступил в Пушкинский Дом 6 мая 1927 г.

Le grandi firme. Anno III. Torino, 1926, N 45. 48 p.

С рассказом М. Горького (переводчик на ит. яз. не указан).

Поступил в Пушкинский Дом 4 января 1928 г.

Die neue Bücherschau. Berlin, 4. Folge, 4. Schrift, 1927, S. 147—192.

Поступил в Пушкинский Дом 14 апреля 1927 г.

Нова Европа. Загреб. Кн. XVI, 1927, 11 новембра, № 9, с. 273—304.

Со статьей Богдана Радицы о Горьком (на словенск. яз.).

Nové Rusko. Ročník III. 1928, N 4/5, bžeren, s. 109—172.

С циклом статей к юбилею Горького (З. Неядлы, Н. Пиксапов, Н. Асеев, От. Цмунт).

Поступил в Пушкинский Дом 19 мая 1928 г.

La Novella d'autore. Anno I. Milano, 1926, N 1, 2, 3.

В первом номере рассказ М. Горького «Однажды осенью». Переводчик на ит. яз. не указан.

Поступил в Пушкинский Дом 4 января 1928 г.

Nyugat. Budapest, 1925, № 21—24, 1926, № 1—24, 1927, № 1—6, 20—24, 1928, № 1—21, 24, 1929, № 1—10.

В № 21 за 1925 г. очерк М. Горького о Льве Толстом, в № 1—18 за 1926 г. публикация романа «Дело Артамоновых». Пер. на венг. яз. Геллерта Хуго.

Pègaso. Anno I. Firenze, 1929, N 5, p. 513—640.

La Revue de Paris. 32-е Année. Paris, 1925. N 17, 1er Septembre. 42 p.

С публикацией на франц. яз. отрывка из «Заметок и воспоминаний» М. Горького.

La Revue de Paris. 8e Année, 1901, N 2, p. 225—448.

Со статьей Ивана Странника «Новый русский романист — Максим Горький» (на франц. яз.).

La revue européenne. Paris, 1928, avril, N 4, p. 329—440.

С главами из романа «Дело Артамоновых». Пер. на франц. яз. Дюместилья де Грамона.

Поступил в Пушкинский Дом 19 мая 1928 г.

Rivista d'Italia. Anno XXXI. Milano, 1928, N 12, p. 451—562.

С очерками М. Горького о Софье Андреевне Толстой. Пер. на ит. яз. Эрме Кадеи.

Russia. Anno IV. Roma, 1925, N 1. 64 p.

С отрывками из очерка М. Горького «Владимир Ильич Ленин». Переводчик на итальянский язык не указан.

Журнал поступил в Пушкинский Дом 4 января 1928 г.

Secolo XX. Anno XIII. Milano, 1914, marzo, N 3, p. 193—288.

С публикацией итальянского перевода рассказа М. Горького («Il portinaio»).

Поступил в Пушкинский Дом 6 мая 1927 г.

Il Secolo XX. Anno XXVI, N 1, Gennaio, 1927. 72 p.

С фрагментом из рассказа М. Горького «Епблема». Пер. на ит. яз. Эрме Кадеи.

Поступил в Пушкинский Дом 4 января 1928 г.

Die Weltbühne. Der Schaubühne XXII. Jahr. 1926, N 52, S. 983—1022.

С очерком М. Горького о Л. Б. Красине. Пер. на нем. яз. Эрша Бёме.

Поступил в Пушкинский Дом 5 января 1928 г.

Vaka. Timarit handa íslendingum. Reykjavík, 1928, II, 3 h., november, s. 257—398+XVI s.

Со статьей Кристиана Альбертсона о Горьком (на ирландск. яз.).

Поступил в Пушкинский Дом в апреле 1929 г.

VI

ИЗДАНИЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1846

Римские письма. Ч. 1. СПб., 1846, 407 с.

1902

Толстой Л. Н., Горький М. [Сборник отрывков]. Про жизнь и людей. Одесса, книгоизд-во М. С. Козмана, 1902. 24 с.

1912

Рославлев А. Рассказы, кн. I. СПб., «Общественная польза», 1912. 298 с.

С авторскими поправками в тексте.

На титульном листе: «На суд Алексею Максимовичу Пешкову. А. Рославлев. 1913 г. 8 января».

Рославлев А. Рассказы, кн. II. СПб., «Общественная польза», 1912. 360 с.

На титульном листе: «На суд крепко любимому Алексею Максимовичу. А. Рославлев. 1913 г. 5 января».

1925

Бадалич О. Русские интерлюдии первой половины XVIII века.

Отдельный оттиск из журнала: *Slavia. Roč. IV, Seš. 3, Praha, 1925, s. 523—537.*

Р. Д. Тименчик

АННА АХМАТОВА И ПУШКИНСКИЙ ДОМ

У каждого из выдающихся русских поэтов XX в. складывались свои, особые взаимоотношения с отечественной филологией, но без преувеличения можно сказать, что поэтическая судьба ни одного из них не была так тесно переплетена с путями литературной науки, как судьба Анны Ахматовой.

Заинтересованность в процессах, происходивших в литературоведении, внимание к малоизученным страницам истории русской и мировой литературы, пушкиноведческие исследования и участие в подготовке академического издания сочинений Пушкина привели Ахматову к знакомству, дружбе и творческим контактам с представителями нескольких поколений отечественного литературоведения, многие из которых были сотрудниками Пушкинского Дома, — с С. В. Штейном, Г. А. Гуковским, Б. В. Томашевским, Б. М. Энгельгардтом, В. В. Виноградовым, Д. П. Якубовичем, Ц. С. Вольпе, В. Н. Княжниным, Е. Р. Малкиной, П. Е. Щеголевым, В. А. Мануйловым, Д. Е. Максимовым и другими, не говоря уже о многолетней дружбе с Б. М. Эйхенбаумом и В. М. Жирмунским. О своей благодарности хранителям русской культуры Ахматова сказала в дарственной надписи на сборнике «Избранное» (Ташкент, 1943): «Библиотеке Пушкинского Дома от ленинградки и пушкинистки Ахматовой — малая дань. 20 июня 1943. Ташкент». Еще лаконичней, но и многозначительней надпись на последнем прижизненном сборнике «Бег времени» (М., 1965): «Пушкинскому Дому Ахматова 25 янв(аря) 1966».

Еще в детстве развился у Ахматовой пристальный и острый интерес к истории, уникальный дар «интимного» переживания прошлого. Царскосельские детские впечатления Ахматова отождествляла с реалиями пушкинских стихов: «Все каменные циркули п лиры, — мне всю жизнь кажется, что Пушкин это про Царское сказал, и еще потрясающее

в великолепный мрак чужого сада,¹
самая дерзкая строчка из когда-нибудь прочитанных или услы-

¹ Из стихотворения Пушкина «В начале жизни школу помню я...».

шанных мной (однако не плохо и «священный сумрак»)». ² Пушкинские образы определили ее восприятие характерных деталей предреволюционного быта. Вот, например, описание Слепнева — усадьбы ее свекрови в Тверской губернии: «Над диваном висел небольшой портрет Ник<олая> I, не как у снобов в Петербурге, — почти, как экзотика, а просто серьезно по-онегински («Царей портреты на стенах»)». ³ Такие мемуарные фрагменты обнаруживают два важных свойства Ахматовой как интерпретатора исторических явлений и художественных произведений: внимание к «боковой», событийно не выдвинутой детали и сознательно разработанное ощущение личной, бытовой причастности к прошлому русской культуры. Оба эти свойства определили и индивидуальную специфику литературоведческих работ Ахматовой.

Малозаметная, на первый взгляд, деталь повествования может у Ахматовой стать «цитатным мостиком» к великому литературному произведению. Так, «зеленые скамейки» упоминаются в эпизоде появления Настасьи Филипповны на музыке в Павловске в «Идиоте» Достоевского, и к этому эпизоду отсылает ахматовское стихотворение 1945 г. о разрушенном гитлеровцами городе Пушкина: «Там был фонтан, зеленые скамейки».

«Ахматову волнуют и притягивают к себе реалии. Она нащупывает их там, где иной исследователь прошел бы равнодушно». ⁴ Толчком к ахматовской интерпретации часто является несоответствие реалии фабульной мотивировке. Например, высказывая предположение о том, что в персонаже «Египетских ночей» отразились черты Мицкевича, Ахматова пишет: «Что итальянец не только импровизатор, но и поэт, видно из нескольких „описок“ Пушкина: 1) Стул в комнате итальянца завален „бумагами“ и бельем. Какие же, помилуй бог, „бумаги“ у только что приехавшего нищего импровизатора? Это, конечно, рукописи писателя». ⁵ Эта культура внимательного, «цепкого» чтения, по-видимому, сложилась у Ахматовой еще в ранней юности и впоследствии обусловила успех многих ее историко-литературных находок. Как заметил многолетний собеседник Ахматовой В. Я. Виленкин, «удивительная полнота ее знания Пушкина (все помнила!) была как бы наградой за *галант внимания* с которым она его читала». ⁶

Ощущение причастности к истории русской литературы тоже, по-видимому, формировалось сызмала и предшествовало вступле-

² ГПБ, ф. 1073. — О «смелости» пушкинского выражения «сумрак ваш священный» Ахматова намеревалась писать в связи с пушкинской заметкой «Есть различная смелость» (*Герштейн Э. Г., Вацууро В. Э.* Заметки А. А. Ахматовой о Пушкине. — Временник Пушкинской комиссии. 1970. Л., 1972, с. 32—33).

³ ГПБ, ф. 1073.

⁴ *Герштейн Э. Г.* Послесловие. — В кн.: *Ахматова А. О Пушкине.* Статьи и заметки. Л., 1977, с. 286.

⁵ Там же, с. 193.

⁶ *Виленкин В.* Воспоминания с комментариями. — Вопросы литературы, 1979, № 3, с. 248.

нию на путь профессионального литератора. В одной заметке Ахматова говорит о том, что застала в детстве похороны последних из современников Пушкина. С пушкинской эпохой связывала ее и нить семейного предания: «В семье никто, сколько глаз видит кругом, стихи не писал, только первая русская поэтесса Анна Бунина была теткой моего деда Эразма Ивановича Стогова», — писала она в позднем автобиографическом очерке.⁷ В своих пушкинovedческих штудиях она пользовалась не только письменными источниками, но и изустными сведениями, например в очерке «Александрина»: «Покойная М. Г. Соломина говорила мне в 1924 г., что встречалась в „свете“ с Араповой и та охотно повествовала, как ее мать (Н. Н. Ланская) была более счастлива во втором браке, чем в первом».⁸ Подчеркивала Ахматова и соотнесенность своей судьбы с литературой эпохи 1860—1870-х гг.: книгу автобиографической прозы она собиралась начать с главы о встрече своей крестной матери М. Ф. Вальцер с Достоевским.⁹ Следует подчеркнуть, что существенны для формирования историко-литературных воззрений Ахматовой не сами по себе генеалогические связи или опосредованные знакомства, а то, что эти биографические случайности послужили толчком для возникновения ахматовского историзма, «ощущения личной жизни как жизни национальной, исторической, как миссии избранничества».¹⁰ Об этом неоднократно говорилось в связи с поздним творчеством Ахматовой, но наиболее пронизательные из критиков 10-х гг. отметили эту черту уже после «Четок».¹¹

В автобиографических заметках Ахматова упоминает о раннем знакомстве с русской классикой, но сохранилось и драгоценное свидетельство о ее достаточно раннем интересе к историко-литературным документам. Ближайшая подруга Ахматовой по Царскому селу В. С. Срезневская в воспоминаниях об Ахматовой пишет о периоде 1904—1905 гг. (т. е. о пятнадцати-, шестнадцатилетней Ане Горенко): «Мы много гуляли по паркам, обе боготворили Пушкина, знали его хорошо, помнили и изучали его биографию по всем доступным нам источникам (письмо Жуковского

⁷ ГПБ, ф. 1073; ср. также: *Стогов Э. И.* Записки. — Русская старина, 1886, № 10, с. 109. — В своих «Записках» Э. И. Стогов-Можайский (1797—1880) упоминал также об отдаленном родстве с Денисом Давыдовым (Русская старина, 1903, № 2, с. 273). Сведения о Э. И. Стогове содержатся в письмах его дочери Ии Эразмовны Стоговой-Змунцилла к М. И. Семевскому (ИРЛИ, ф. 265, оп. 1, ед. хр. 35, л. 595—600; опубликованы с купюрами: Русская старина, 1886, № 10, с. 125—128).

⁸ *Ахматова А.* О Пушкине, с. 146. — В 1924 г. Ахматова, по-видимому, встречалась с М. Г. Крогиус-Соломиной, когда последняя съезжала с квартиры, в которой поселилась Ахматова (Фонтанка, д. 2).

⁹ *Авдеенко А.* Мир поэзии. В гостях у А. Ахматовой. — Вестник АПН. Культура и искусство, 1962, № 8, с. 3.

¹⁰ *Эйхенбаум Б. М.* Об А. А. Ахматовой (1946). — День поэзии. Л., 1967, с. 169.

¹¹ *Недоброво Н.* Анна Ахматова. — Русская мысль, 1915, № 7, с. 67 (2-я паг.).

отцу, лицейские заметки, словом, тот скудный материал, попадавший в наши еще такие слабые руки!».¹²

В эти же гимназические годы некоторое влияние на сферу интересов Ахматовой, по-видимому, оказал муж ее сестры С. В. фон Штейн, выступавший в печати по широкому кругу вопросов истории русской литературы XIX в. и впоследствии ставший профессиональным филологом (одно время он был хранителем музея Пушкинского Дома).¹³ Вероятно, от него шел первоначально интерес Ахматовой к установлению последнего адреса Тютчева.¹⁴ В поздней заметке Ахматовой говорится: «Царскоселы <...> даже понятия не имели о том, что на Малой улице в доме Иванова умер великий русский поэт Тютчев. Неплохо бы хоть теперь (пишу в 1959 г.) назвать эту улицу именем Тютчева».¹⁵ На сохранившемся в архиве Ахматовой листке с копией плана Царского села по атласу Н. И. Цылова дом, в котором умер Тютчев, отмечен по четной стороне Малой улицы между Кузьминской и Церковной улицами.¹⁶

В начале 1910-х гг. Ахматова поступила на женские историко-литературные курсы Н. П. Раева.¹⁷ Лекций И. Ф. Анненского, к тому времени уже покойного, она на этих курсах слышать не могла, как это иногда ошибочно утверждается.¹⁸ Однако методика филологического анализа ее позднейших пушкиноведческих заметок позволяет предположить влияние исследовательской манеры Ф. Ф. Зелинского, сменившего И. Ф. Анненского в качестве лектора по античной литературе на раевских курсах. В эти годы Ахматова вступает на литературную арену как поэт, и ее творчество сразу же попадает в сферу внимания литературоведов, сочетавших тщательное изучение пушкинской эпохи с интересом к современной поэзии. В стихах ранней Ахматовой они зачастую находили

¹² Воспоминания хранятся у дочери мемуаристки — О. В. Срезневской.

¹³ Приват-доцент Сергей Владимирович фон Штейн (1882—?) был мужем Ивны Андреевны Горенко (1885?—1906). Сохранились подробные и доверительные письма Ахматовой к нему за 1906—1907 гг. (ЦГАЛИ, ф. 1298, оп. 2, № 1). Он автор двух книг о Пушкине: 1) Пушкин и Гофман. Сравнительное историко-литературное исследование. Дерпт (Тарту), 1927; 2) Пушкин-мистик. Рига, 1932.

¹⁴ Штейн писал о необходимости разыскать дом, в котором умер Тютчев, и выражал сожаление, что Царское село «ничем не увековечило памяти своего певца и гениального поэта русской земли» (*Штейн С. Тютчев в Царском Селе*. — Царскосельское дело, 1915, № 22, 29 мая; № 30, 24 июля).

¹⁵ ГПБ, ф. 1073; ср.: *Мандрыкина Л. А.* Из рукописного наследия А. А. Ахматовой. — Нева, 1979, № 6, с. 197.

¹⁶ Об этой идентификации см.: *Бунатян Г. Г.* Город муз. Л., 1973, с. 187. — Э. Ф. Голлербах, также занимавшийся розысками этого адреса, затруднялся опознать этот дом по атласу Цылова, поскольку в нем указаны еще двое Ивановых как домовладельцы по Малой улице (ЦГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 319, л. 6).

¹⁷ На ее личном деле в архиве курсов Раева имеется помета: «Октябрь 1911» (ЦГИА, ф. 52, оп. 1, ед. хр. 21, л. 37).

¹⁸ Писатели современной эпохи. Библиографический словарь русских писателей XX века, т. I. М., 1928, с. 26.

живые отголоски тех традиций русской поэзии, которые были предметом их академических штудий. Методы изучения поэтической семантики, возникшие из анализа поэзии XIX в. в Пушкинском семинарии С. А. Венгерова, переносились ими и на материал поэзии Ахматовой. Несколько раз обсуждения такого рода происходили в Обществе ревнителей художественного слова при редакции журнала «Аполлон». Соратница Ахматовой по «Цеху поэтов» Е. Ю. Кузьмина-Караваева рассказывала спустя десятилетие: «Мне помнится собрание в редакции „Аполлон“. Разбирали стихи Ахматовой. Она сама, быть может, больше всех удивлялась тем открытиям, которые делали в ее строках критики. Она впервые узнавала, что здесь-то следует традициям Пушкина, и кстати, именно таким традициям, которым до сих пор ни один поэт не следовал, что такое-то и такое сочетание звуков применено ею, чтобы передать такое-то и такое-то чувство, а данный ритм сознательно избран для передачи определенного настроения».¹⁹ В этом рассказе несколько шаржированно изображено обращение молодых филологов к так называемому «морфологическому методу». Впервые он был разработан именно на ахматовском материале В. А. Чудовским²⁰ и Н. В. Недоброво. Общение с поэтом, критиком и историком литературы Н. В. Недоброво было одним из самых важных факторов становления литературоведческих представлений Ахматовой.²¹

В 1910-е гг. поэзия Ахматовой пользуется особым вниманием и любовью кружка молодых филологов, в который, помимо Недоброво, входили А. А. Смирнов, К. В. Мочульский, С. Э. Радлов, А. Л. Слонимский, А. И. Белецкий, Б. М. Эйхенбаум, В. М. Жирмунский.²² Из них Б. М. Эйхенбаум первым написал отдельную

¹⁹ Данилов Юрий [Кузьмина-Караваева Е. Ю.]. Последние римляне. — Воля России, Прага, 1924, № 18—19, с. 115.

²⁰ Чудовский В. По поводу стихов Анны Ахматовой. — Аполлон, 1912, № 5, с. 45—50.

²¹ Кралин М. Сонет «незабвенного друга». — Ленинградский рабочий, 1979, № 26, 30 июня. — Близкая дружба Ахматовой с Недоброво относится к 1913—1914 гг. Называя Ахматову в ряду своих собеседников, Недоброво писал в 1913 г. Б. В. Анрепу: «Я окружаю себя людьми, в обществе которых трачу время до такой степени щедро, что его вовсе не остается» (ГПБ, ф. 1088, ед. хр. 297).

²² Об этом кружке см.: Жирмунский В. Вопросы теории литературы. Л., 1928, с. 9. — О нем же идет речь в письме Ю. Л. Сазоновой-Слонимской к Ан. Н. Чеботаревской из Алушты от 26 июля 1915 г.: «Здесь целый выводок молодых филологов, которые в звездные ночи превращаются в живой сборник стихов Федора Кузьмича «Сологуба», Вяч Иванова, отчасти Ахматовой» (ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 608). А. А. Смирнов познакомился с Ахматовой в Париже в 1911 г. Сохранился экземпляр второго издания «Четок» со стихотворным инскриптом Ахматовой, подаренный А. А. Смирнову: «Когда умрем, темней не станет, А станет, может быть, светлей. 1911, май, Париж» (сообщено С. Дедюлиным). В 1919 г., обозревая поэзию былых акмеистов, Смирнов писал, что за последние четыре года «ясно обнаружилась полная обособленность изумительного творчества Ахматовой» (Творчество, Харьков, 1919, № 3, с. 27). А. И. Белецкий впо-

статью об Ахматовой. Она была отвергнута редакцией «Аполлона» в 1915 г., и текст ее до нас не дошел.²³ Впоследствии он выпустил первую монографию о творчестве Ахматовой.²⁴

Литературная мысль 1910-х гг. в лице названных начинающих тогда ученых склонна была соотносить имя Ахматовой с представлением о поэтическом наследии Пушкина. В докладе «Баллады Брюсова и „Египетские ночи“» 22 апреля 1917 г. в историко-литературном кружке им. Пушкина при Петроградском университете В. М. Жирмунский говорил о возрождении традиций пушкинской школы в поэзии Ахматовой.²⁵ А. Л. Слонимский, рецензируя «Белую стаю», отмечал: «В накопленном рифм, в подборе звуков, в торжественном спокойствии речи — нечто от Пушкина». Обозначая, вслед за Жирмунским, постсимволистский этап развития русской поэзии условным названием «гиперборейства» (по титулу журнала, в котором печатались представители этого направления), А. Л. Слонимский утверждал, что переход от символизма к «гиперборейству» можно сравнить с «переходом от романтизма в духе Жуковского к пушкинской реалистической трезвости».²⁶ О том же писал и Д. П. Якубович в неподписанной рецензии на «Белую стаю»: «Теперь поэтесса вышла на путь, который мы бы назвали пушкинским. Законченности формы соответствует содержание гармонически-спокойное: чаще звучат белые стихи, величавее и проще становятся ямбы <...> Пушкинское устремление приятно и неожиданно у Ахматовой».²⁷ Итоги такого рода сопоставлений и оценкам подводил в 1921 г. К. В. Мочульский. В поэзии Ахматовой он тоже видел «мост к пушкинской поэтике и благородной простоте и спокойной ясности школы 20—30-х годов», но к схеме,

следствии выступал с докладом о творчестве Ахматовой (Театральные известия, Харьков, 1921, № 2, 11 октября). В. М. Жирмунский делал в этом кружке доклад об Ахматовой (Слонимский А. Л. Программа «Литературных воспоминаний» (1945). — ЦГАЛИ, ф. 2281, оп. 1, № 47, л. 6).

²³ См. письмо Б. М. Эйхенбаума С. К. Маковскому (Гос. Русский музей, ф. 97, № 314). После отклонения рукописи Б. М. Эйхенбаум писал Л. Я. Гуревич 13 июля 1915 г.: «Что же остается? Оставить статью, написанную не случайно, а нарочно и с увлечением — ужасно тяжело» (ЦГАЛИ, ф. 131, оп. 1, № 201, л. 164). Б. М. Эйхенбаум был знаком с Ахматовой по Цеху поэтов, в заседаниях которого он участвовал. Об одной из встреч он сообщал Л. Я. Гуревич 15 января 1916 г.: «На Рождестве я побывал в Царском селе — у Ахматовой <...> Какая она хорошая, глубокая — больная. Уже год каждый день поднимается температура — туберкулез! Читала стихи будущего сборника, где она и о „ребеночке“ говорит, и христовой невестой называется — гораздо дальше „Четок“, в самую глубь» (ЦГАЛИ, ф. 131, оп. 1, № 201, л. 174). 30 апреля 1917 г. он записал в альбом Ахматовой посвященное ей четверостишие (ЦГАЛИ, ф. 13, оп. 1, № 16, л. 15).

²⁴ *Эйхенбаум Б. Анна Ахматова. Опыт анализа.* Пгр., 1923. Перепечатано в кп.: *Эйхенбаум Б. О поэзии.* Л., 1969, с. 75—147.

²⁵ В., Д. [Выгодский Д. И.]. В пушкинском кружке. — «Новая жизнь», 1917, № 6, 25 апреля.

²⁶ Вестник Европы, 1917, № 9—12, с. 407—408.

²⁷ Русское богатство, 1918, № 1—2—3, с. 354.

предложенной Жирмунским, отнесся осторожно: «Пушкинистам представляется провести эту параллель более систематически, распространив ее на ритм, синтаксис и композицию. Называть акмеистов „нео-классиками“ (соответственно наименованию символистов „нео-романтиками“), однако, преждевременно, так как до сих пор понятие „классицизм“ остается метафизической туманностью».²⁸ С этой же схемой полемизировал В. В. Виноградов.²⁹ На фоне этой дискуссии чтение Пушкина для Ахматовой неизбежно становилось формой аналитического самопознания. Насколько нам известно, не сохранилось никаких записей или помет на книгах, в которых Ахматова сопоставляла бы какие-либо фрагменты пушкинских текстов со своими произведениями.³⁰ Это и неудивительно: «целомудренное», «почти грозное» отношение к теме Пушкина, о котором Ахматова писала применительно к О. Мандельштаму,³¹ было присуще и ей самой. Тем не менее несомненно, что интерес Ахматовой к ряду явлений пушкинской поэтики был связан с размышлениями о допустимости, мотивированности, укорененности в традиции соответствующих черт собственного стиля. Это относится, в частности, к вопросу о самоповторении у Пушкина. Тезис о «самоперепевании» Ахматовой был очень распространен в критике 1910-х—начала 1920-х гг. Ахматова специально изучала вопрос о самоповторениях Пушкина и намеревалась написать об этом отдельную заметку.³² Ее вывод о природе ряда пушкинских самоповторений — «не повторение себя, а многократное восхождение к одному источнику»³³ — объясняет и многие ахматовские реминисценции, повторения, отзвуки, варианты.³⁴ Дело в том, что обманчивая простота ранней лирики Ахматовой ввела в заблуждение критику 1910-х гг., не заметившую огромной роли «цитатного пласта» в ахматовском творчестве, — того, что в ее стихах осуществляется, говоря словами В. В. Виноградова о Пушкине, «синтез искусства и жизни».³⁵ Но Ахматова осознавала это свойство собственного творчества: «... может быть, поэзия

²⁸ Мочульский К. Поэтическое творчество Анны Ахматовой. — Русская мысль, София, 1921, № 3—4, с. 201.

²⁹ Виноградов В. О символике А. Ахматовой. — Литературная мысль, № 1, 1922, с. 122—133.

³⁰ Поэтому особо значима единственная заметка такого рода, в которой Ахматова говорит об импульсе к созданию «Поэмы без героя»: «Первый росток, который я десятилетиями скрывала от себя самой, — это, конечно, запись Пушкина: „Только первый любовник производит впечатление на женщину, как первый убитый на войне“ (ГПБ, ф. 1073).

³¹ Лямкина Е. И. Вдохновение, мастерство, труд. — Встречи с прошлым, вып. 3. М., 1978, с. 413.

³² Ахматова А. О Пушкине, с. 279.

³³ Герштейн Э. Г., Вацуро В. Э. Заметки А. А. Ахматовой о Пушкине, с. 38.

³⁴ В этом отношении ахматовское творчество сходно с поэзией Тютчева. О «циклизме», «параллелистическом методе поэтической работы», «минимализации тем» см.: Пумпянский Л. В. Поэзия Ф. И. Тютчева. — Уралия. Тютчевский альманах, Л., 1928, с. 9—18.

³⁵ Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М., 1941, с. 374—437.

сама — Одна великолепная цитата».³⁶ С выявления цитат из французской поэзии (в частности, из А. Шенье) начались запятая Ахматовой профессиональным пушкиноведением.³⁷ Им предшествовали аналогичные разыскания на материале русской поэзии XX в., в частности Иннокентия Анненского и поэтов-акмеистов. В зиму 1926/27 г. Ахматова усиленно занималась поисками французских источников Пушкина. По-видимому, с этой работой связаны сведения, которые один из современников сообщал со слов Ю. Н. Верховского: «Весь прошлый год он пробыл в Петербурге. Бывал у Ахматовой. Говорит, что она почти всю зиму пролежала: у нее туберкулез кишок. Она очень, очень много читает, прочла всего Вольтера, всего Буало, которого она, оказывается, очень любит».³⁸ В ходе этих занятий Ахматова обнаружила неожиданный источник «Сказки о золотом петушке» — «Легенду об арабском звездочете» Вашингтона Ирвинга из книги «Альгамбра».³⁹ Статья Ахматовой была высоко оценена рядом пушкинистов⁴⁰ и деятелей литературы.⁴¹ Она была прочтена как доклад в Пушкин-

³⁶ *Ахматова А.* Стихотворения и поэмы. Л., 1976, с. 298. — Особенно характерны для Ахматовой разные виды «непрямого цитирования», см. подробней: *Тименчик Р.* Принципы цитирования у Ахматовой в сопоставлении с Блоком. — Тезисы I Всесоюзной (III) конференции «Творчество А. А. Блока и русская культура XX века». Тарту, 1975, с. 124—127.

³⁷ Первые дневниковые записи П. Н. Лукницкого о размышлениях Ахматовой на тему «Пушкин и Шенье» относятся к апрелю 1926 г. (Ранние пушкинские штудии Ашны Ахматовой. По материалам архива П. Н. Лукницкого. — Вопросы литературы, 1978, № 1, с. 188). Впрочем, в одной из автобиографических заметок Ахматова приурочивала «начало пушкинизма» к 1924 г. и связывала его с беседами о Пушкине с Г. А. Гукковским (*Мандрыкина Л. А.* Ненаписанная книга. — В кн.: Книги. Архивы. Автографы. Л., 1973, с. 278). О хронологии и эволюции пушкиноведческих изысканий Ахматовой см. Послесловие Э. Г. Герштейна в кн.: *Ахматова А. О Пушкине*, с. 277—317. — Самое раннее из пушкиноведческих наблюдений Ахматовой записано в дневнике М. М. Шкапской 27 декабря 1924 г.: «„Любопытно, до какой степени Пушкин не понимал Данта. Он его воспринимал как-то через 18-й век, через Вольтера. Почему об этом никто не писал?“ (Ахматова в разговоре — после бессонной ночи за Дантом в подлиннике)» (ЦГАЛИ, ф. 2182, оп. 1, ед. хр. 140, л. 314).

³⁸ Письмо Д. С. Усова к Е. Я. Архипову от 31 августа 1927 г. (ЦГАЛИ, ф. 2209, оп. 1, ед. хр. 56, л. 9 об.). Сделанные Ахматовой сопоставления Пушкина с Вольтером и Буало см.: *Герштейн Э. Г., Вацуро В. Э.* Заметки А. А. Ахматовой о Пушкине, с. 32, 34 и 37—40.

³⁹ *Ахматова А.* Последняя сказка Пушкина. — Звезда, 1933, № 1, с. 161—176; *Ахматова А. О Пушкине*, с. 8—38.

⁴⁰ *Азадовский М. К.* Источники сказок Пушкина. — Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, I. М.—Л., 1936, с. 149. — В. Б. Шкловский написал на книге «Чулков и Левшиц» (Л., 1933): «Анне Андреевне Ахматовой па отзыв. Я верю Вам после ясной статьи о Пушкине, не загроможденной словами. Поздравляю Вас с началом работы над Констаном. Только Вы можете ее сделать» (Литературный музей ИРЛИ). К. Н. Державин писал Ахматовой 29 июня 1944 г.: «Позвольте вручить Вам мою маленькую работу „Вергилий и пермская сказка“, целиком подсазанную Вашей прекрасной статьей о „Золотом петушке“» (Литературный музей ИРЛИ).

⁴¹ В очерках из цикла «Листики из дневника» Ахматова вспоминает об О. Э. Мандельштаме: «Мою „Последнюю сказку“ — статью о „Золотом

ском Доме 15 февраля 1933 г., в прениях выступали Д. П. Якубович, Б. В. Томашевский, Ю. Н. Тынянов.⁴² С Д. П. Якубовичем Ахматова, по-видимому, делилась планами будущих пушкиноведческих исследований.⁴³ Он же связал ее с В. Д. Бонч-Бруевичем, который писал Ахматовой 8 мая 1933 г.: «Я только сейчас получил Ваш адрес от Якубовича и немедленно пишу Вам, чтобы просить Вас не отказать нам принять участие в наших сборниках „Звенья“ Вашими прекрасными исследованиями по Пушкину. Если еще что надумаете, — пожалуйста, высылайте».⁴⁴ В стихотворении Д. П. Якубовича, записанном в альбом Ахматовой, отражена их беседа 30 сентября (1933 г.?). Разговор касался «Альгамбры» Вашингтона Ирвинга («Генералиф» — мавританский дворец в средневековой Испании; Ибрагим и бен Абу Аюб — арабский звездочет, герой сказки Ирвинга).

В день Веры, Надежды и Любви,
 Смущенный и солнцем залитый,
 Сидел, как во сне я, vis-à-vis
 С поэтессою знаменитой.
 Блуждая по странам золотым,
 По сказочным генералифам,
 Зашла она чудом и к книгам моим,
 Ведомая сказкой — мифом.
 Я с ней разговаривал наобум...
 (Глаза ее были строги)
 Об Ибрагиме-ибн-Абу,
 Египетском астрологе.
 Она не узнает — ну что ж, и пусть! —
 Что скрыт в ученом художник,
 Который твердил с утра наизусть
 Душистый ее «Подорожник».⁴⁵

Три строфы из другого стихотворного обращения Д. П. Якубовича (1933?)⁴⁶ к ней Ахматова записала в составившийся ею в 60-е гг. рукописный сборник стихов о себе «В ста зеркалах»:

В ее устах не удивят,
 Презрительных неуловимо,
 Слова изысканных цитат
 Из Данте и поэтов Рима.

Петушке“ — он сам взял у меня на столе, прочел и сказал: „Прямо — шахматная партия“» (ГПБ, ф. 1073).

⁴² Ахматова А. О Пушкине, с. 280—281. — В свою очередь, Ахматова присутствовала на 9-м заседании Пушкинской комиссии 26 апреля 1934 г. на докладе Ю. Н. Тынянова «Пушкин и Кюхельбекер» (ЛЮ Архива АН СССР, ф. 150, оп. 1, ед. хр. 5, л. 11).

⁴³ В статье «„Адольф“ Бенжамена Констан в творчестве Пушкина» Ахматова сообщает: «На поиски имени Констан в черновиках „Евгения Онегина“ навел меня Д. П. Якубович» (Ахматова А. О Пушкине, с. 56). Сохранилась дарственная надпись Якубовича Ахматовой от 9 марта 1933 г. на оттиске его статьи «Неизвестная запись Пушкина» (Литературный музей ИРЛИ).

⁴⁴ ГБЛ, ф. 369, карт. 126, ед. хр. 57.

⁴⁵ ЦГАЛИ, ф. 13, оп. 1, ед. хр. 16, л. 36.

⁴⁶ ГПБ, ф. 1073.

Пройдя сквозь огненные дни,
Напоминание она нам
О том, что позади, взгляни,
Залитый лавой Геркуланум.
Не согнутая и в беде
Она ведет, как Беатриче,
И царскосельских лебедей
Стихом, как флейта, звонким клпчет.

Как и в «Последней сказке Пушкина», проблемы, рассмотренные в следующей статье Ахматовой — «„Адольф“ Бенжамена Констанана в творчестве Пушкина»,⁴⁷ — также подспудно связаны с осмыслением собственного художественного метода.

Новаторство ранней лирики Ахматовой во многом определялось введением в стиховую речь ряда стиливых черт русской психологической прозы XIX в. — прежде всего Достоевского.⁴⁸ Для Ахматовой с ее интересом к предыстории, культурной генеалогии своего творчества особенно важен был пушкинский прецедент — факт усвоения и переработки «первым поэтом» уроков первого психологического романиста. Ахматова писала о Бенжамене Констанане, что он «первый показал в „Адольфе“ раздвоенность человеческой психики, соотношение сознательного и подсознательного, роль подавляемых чувств и разоблачил истинные побуждения человеческих действий». Поэтому «Адольф» и получил впоследствии название «отца психологического романа».⁴⁹ Нетрудно увидеть, что перечисленные Ахматовой предметы констанановского анализа находятся в центре внимания и в ее ранней лирике. Но следует оговорить, что в тексте статьи никаких автобиографических применений не содержится, анализ строго следует исключительно за пушкинским материалом.⁵⁰

Сохранился документ, показывающий отношение коллег по пушкиноведению к этой работе Ахматовой, — протокол обсуждения соответствующего доклада на 37-м заседании Пушкинской комиссии АН СССР от 23 апреля 1936 г.⁵¹ Особенно значимой для Ахматовой была, вероятно, оценка Б. В. Томашевского, к трудам

⁴⁷ Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, I. М.—Л., 1936, с. 91—114; Ахматова А. О Пушкине, с. 50—88.

⁴⁸ Жирмунский В. М. Творчество Анны Ахматовой. Л., 1973, с. 44—45.

⁴⁹ Ахматова А. О Пушкине, с. 62—63.

⁵⁰ Некоторые отчетливые автобиографические проекции встречаются в ахматовской статье 1947 г. «„Каменный гость“ Пушкина» (Пушкин. Исследования и материалы, т. II. М.—Л., 1958, с. 171—186; Ахматова А. О Пушкине, с. 89—109).

⁵¹ ЛО Архива АН СССР, ф. 150, оп. 1, ед. хр. 29, л. 181—181 об. — Помимо выступавших присутствовали: Л. Б. Модзалевский, Н. К. Козмин, М. И. Аронсон, В. В. Гишпиус, Л. Я. Гинзбург, Л. Л. Домгер, Н. В. Измаилов, Б. С. Мейлах, А. Н. Шebuнин, И. Н. Медведева, М. С. Альтман, В. Л. Комарович, И. Я. Айзеншток, М. Л. Тронская, В. А. Мануйлов и другие (всего 46 человек).

которого она относилась с неизменным уважением и с которым ее связывали долгие годы дружбы.⁵²

«Б. В. Томашевский, подтверждая заключение докладчика о пометках в книге „Адольф“,⁵³ отмечает, что на материале „Маленьких трагедий“ он пришел примерно к тем же выводам, которые теперь нашли свое подтверждение в работе А. А. Ахматовой.⁵⁴ Проблема реализма Пушкина в последнее время ставится в разных планах и часто вульгаризируется, часто разрешается ретроспективно. Лет 10 тому назад вопрос о пушкинском реализме решали с позиций натуралистической или тургеневской школы. Эволюция Пушкина от романтизма к реализму была, но надо вскрыть, каким путем он шел и к какому реализму пришел. Тогда проблема пушкинского романтизма и реализма примет иной вид. В маленьких трагедиях уже намечается этот сдвиг. Пушкинский реализм, нерв пушкинской системы заключается в реалистической психологизации героя в противоположность герою классическому. Корни следует искать в романе, и А. А. Ахматова как раз и ставит этот острый вопрос, совершенно правильно наметив и объект, и объем влияния. . . Должно еще отметить, что А. А. Ахматова построила свою верную гипотезу, не обладая даже полным материалом. Первым критиком, видевшим в Онегине — Адольфа, был сам Пушкин: в черновике вместо „Чайльд-Гарольд“ стоит „Адольф“».

М. К. Азадовский отмечает, что А. А. Ахматова оставила в стороне другую, политическую линию интереса Пушкина к Б. Констану. Интересно отметить, что перевод Вяземского «Адольфа» появляется в конце 20-х гг., в самый разгар литературной борьбы.⁵⁵

Г. А. Гуковский говорит, что работа А. А. Ахматовой представляет очень хороший урок некоторым течениям в пушкиноведении, в частности упомянутому Б. В. Томашевским методу «спортивных сопоставлений». Материал разъясняет и вопрос ста-

⁵² Об отношении Томашевского к Ахматовой-пушкинисту см.: *Герштейн Э. Г.* Послесловие. — В кн.: *Ахматова А. О Пушкине*, с. 282—283. — Приведем еще две характерные дарственные надписи Томашевского: «Глубокоуважаемой Анне Андреевне Ахматовой в надежде на снисходительный суд. 26 апреля 1939» (на оттиске статьи: Пушкин и французская литература. — Литературное наследство, т. 31—32. М., 1937, с. 1—76) и «Анне Андреевне Ахматовой на суд. 16 февраля 1950» (на статье: «Таврида» Пушкина. — Ученые записки ЛГУ. Сер. филолог. наук, вып. 16, 1949).

⁵³ На этом же обсуждении Н. К. Козмин выразил сомнение в том, что карандашные пометы на экземпляре «Адольфа» из библиотеки Пушкина были сделаны рукой поэта, и ссылался на отрицательное заключение Б. Л. Модзалевского. Ахматова в ответ сослалась на экспертизу Б. В. Томашевского и Л. Б. Модзалевского, пришедших к противоположному заключению.

⁵⁴ См.: *Томашевский Б.* «Маленькие трагедии» Пушкина и Мольер. — Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, I. М.—Л., 1936, с. 115—133.

⁵⁵ В настоящее время этот вопрос рассмотрен в статье Л. И. Вольперт «„Адольф“ Бенжамена Констана в переводах П. А. Вяземского и Н. А. Полевого» (Пушкин и его современники. Псков, 1970, с. 161—177).

повления пушкинского реализма, и вопрос пушкинского мировоззрения. Очевидно, Констан был близок и пушкинскому кругу, и самому Пушкину. Вопрос о „светской повести“ не случаен в общей системе мировоззрения Пушкина. Таким образом, перекрывается пропасть между прогрессивностью и аристократизмом Пушкина. Остается пожалеть, что, тогда как материал прямо ведет к разрешению целого ряда проблем, в работе А. А. Ахматовой они изложены в слишком сжатой форме».

На замечание М. К. Азадовского Ахматова ответила, «что о политическом влиянии Б. Констана ею очень кратко изложено в примечании. Исследование этого вопроса перегрузило бы работу без большой к тому нужды, ибо, с одной стороны, вопрос этот в достаточной мере уже изучен,⁵⁶ с другой, не имеет прямого отношения к теме доклада».

Председательствующий отметил «чрезвычайный интерес работы А. А. Ахматовой, тщательную технику и большую исследовательскую осторожность. В докладе опущена значительная часть примечаний, в которых имеется множество тонких наблюдений (об исторических фамилиях в произведениях Пушкина,⁵⁷ о влиянии Бальзака на отрывок «На углу маленькой площади»⁵⁸ и др.). А. А. Ахматова мало остановилась на пушкинской прозе, ограничившись только параллелями, между тем как должный ей материал открывает новую страницу в изучении Пушкина-прозаика. Вообще в работе мало воздуха и замечается излишняя сухость и лапидарность. В последние годы А. А. Ахматова реализует свои наблюдения над Пушкиным на фоне мировой литературы. Очередной ее работой является изучение вопросов о связях Пушкина с поздним Байроном.⁵⁹ Следует пожелать, чтобы А. А. Ахматова

⁵⁶ Имеются в виду работы Б. В. Томашевского «Французские дела 1830—1831 гг.» (*Пушкин А. С. Письма к Е. М. Хитрово. 1827—1832. Л., 1927, с. 301—361*) и «Из пушкинских рукописей» (Литературное наследство, т. 16—18. М., 1934, с. 284, 286, 288). См.: *Ахматова А. О Пушкине, с. 52.*

⁵⁷ Ахматова обратила внимание на то, что «многие герои пушкинских и неисторических произведений 1829—1834 гг. носят фамилии Рюриковичей, в XIX в. уже не существовавшие...». Семантика этих фамилий, по ее мнению, дает материал для постановки вопроса об отношении Пушкина к старой знати (*Ахматова А. О Пушкине, с. 73*).

⁵⁸ Речь идет о влиянии «Физиологии брака» Бальзака (*Ахматова А. О Пушкине, с. 88*).

⁵⁹ В интервью 1936 г. Ахматова говорила: «Сейчас я работаю над комментарием для третьего тома академического издания Пушкина (к «Сказке о золотом петушке»). Эта работа поглощает все мое время и отодвигает осуществление других замыслов. <...> Кроме того, для первого тома академического издания Пушкина я перевела на русский язык все французские стихи, печатающиеся в комментариях, а также французские стихи Пушкина. <...> По окончании работы над комментарием к академическому изданию Пушкина я предполагаю продлить свои исследования над источниками пушкинского творчества. Тем много, и какую я выберу — трудно сказать» (Литературный Ленинград, 1936, № 45, 29 сентября; *Дедюлин С. Малоизвестное интервью Анны Ахматовой. — Вопросы литературы, 1978, № 7, с. 313—314*).

выступила также и в качестве критика, и в качестве рецензента».

На заседании Пушкинской комиссии, естественно, обсуждались только специфически профессиональные вопросы, но еще раз следует напомнить о двояком значении ахматовских статей, о котором в свое время точно сказал Б. М. Эйхенбаум: «Историко-литературные работы Ахматовой важны не только сами по себе (они достаточно высоко оценены нашим советским пушкиноведением), но и как материал для характеристики ее творческого пути и ее творческой личности: уход от поэтической деятельности не был уходом от литературы и от современности вообще».⁶⁰

Занимаясь изучением наследия Пушкина, Ахматова была тесно связана с широкими кругами пушкинистов того времени, которые в большинстве своем представляли Пушкинский Дом как ведущий центр советского пушкиноведения. Поэтому можно надеяться, что рассмотренные в настоящем сообщении материалы, впервые акцентирующие внимание на творческих контактах Ахматовой с Пушкинским Домом, могут быть использованы в дальнейших исследованиях ее поэтической и научной деятельности, а также будут полезны при создании истории советской литературной науки, в которой пушкиноведческие опыты поэта и ее связи с Пушкинским Домом должны занять свое небольшое, но законное место.

⁶⁰ Эйхенбаум Б. М. Вступительное слово к вечеру А. А. Ахматовой в Доме кино 17 марта 1946 г. (ЦГАЛИ, ф. 1527, оп. 1, № 180, л. 9).

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ПУШКИНСКОГО ДОМА

В. А. РЫШКОВ И ЕГО «ДНЕВНИК»

ПУБЛИКАЦИЯ В. П. СТЕПАНОВА

Владимир Александрович Рышков долгие годы был кем-то вроде технического секретаря Комиссии по постройке памятника А. С. Пушкину в Петербурге. В его руках находилось делопроизводство Пушкинской комиссии Академии наук, как ее неофициально называли, и ее финансовые дела. Большой поклонник поэзии А. С. Пушкина, В. А. Рышков с самого начала службы при Академии близко сошелся с Б. Л. Модзалевским и с увлечением предался делу увековечения памяти поэта. Этот энтузиазм низшего академического служащего, человека без образования, вызывал насмешливые, а иногда и оскорбительные отзывы в ученом мире, которые подхватывались газетными репортерами, тем более что В. А. Рышкову приходилось заниматься щекотливым делом пополнения кассы Пушкинской комиссии за счет благотворительных мероприятий и частных пожертвований. «Дневник» в значительной степени был задуман как документ, оправдывающий и объясняющий эту сторону деятельности его автора.

Но помимо всего, что относилось к этой задаче, В. А. Рышков в своем «Дневнике» с педантизмом делопроизводителя подробно зарегистрировал, как замысел постановки памятника А. С. Пушкину по всенародной подписке превратился в более обширный план мемориального музея, а затем и научного комплекса из музея, отделения рукописей и собственно научного учреждения, предназначенного для изучения и популяризации классической русской литературы. Текст «Дневника» позволяет восстановить круг лиц, так или иначе причастных к созданию Пушкинского Дома, понять трудности — и практического, и организационного свойства, — возникавшие на пути создания небывалого в России мемориала. В нем содержатся живые впечатления очевидца о первых приобретениях в фонды Пушкинского Дома.

«Дневник» был начат в 1905 г. Первая часть, до 1905 г., изложена по еще свежим воспоминаниям и с ориентацией на делопроизводство Комиссии. С 1905 по 1909 г. текст приобретает характер подлинных дневниковых записей, но, как правило, внесенных в «Дневник» несколько позднее описываемых событий, на основании черновых подневных заметок. В особое «Приложение» В. А. Рышков вынес копии с некоторых своих писем к разным упоминаемым в «Дневнике» лицам и копии с их писем к нему. Заключает «Дневник» аккуратный указатель имен.

После 1909 г. Рышков лишь единожды вернулся к «Дневнику», чтобы в 1919 г., 29 марта, записать: «Пушкинский Дом создан». Эта запись связана с обсуждением (8 марта 1919 г.) и предстоящим утвержденным (5 апреля 1919 г.) составленным Б. Л. Модзалевским, В. А. Рышковым и

Е. П. Казанович «Положения» о Пушкинском Доме как академическом учреждении.

Наиболее подробно В. А. Рышков описывает в «Дневнике» свою деятельность по устройству ежегодных Пушкинских спектаклей, столкнувшую его со многими известными артистами московских и петербургских театров. Сборы от этих спектаклей шли Пушкинской комиссии, а позднее — непосредственно в пользу созданного ею Пушкинского Дома. Кроме того, он устраивал спектакли в Киеве, Севастополе, пытался организовать литературно-художественные вечера в провинции, привлекая к этому делу всевозможные культурно-просветительские общества, завязывая связи с крупными меценатами из купеческой и буржуазной среды (Рябушинский, Бахрушин, Морозов и др.), от которых надеялся получить пожертвования в Пушкинский фонд. Особенно много места уделяет он своим взаимоотношениям с Московским литературно-художественным кружком, во главе правления которого в эти годы стоял А. И. Южин и от которого Рышков безнадежно пытался добиться ассигнования на Пушкинский Дом обещанной крупной суммы денег.

В публикации опущены те части «Дневника», которые не имеют прямого отношения к истории Пушкинского Дома. Чтобы дать представление о том, как велось собрание средств в фонд Пушкинской комиссии, после того как торжества по случаю 100-летнего юбилея остались позади, мы выбрали из «Дневника» только описание одного Пушкинского спектакля в Москве, одного — в Петербурге, рассказ о подготовке несостоявшегося спектакля 1903 г. в Москве и рассказы В. А. Рышкова о его неудачных обращениях за помощью к В. И. Немировичу-Данченко и А. С. Суворину. Остальные эпизоды театральных хлопот В. А. Рышкова опущены. Все перерывы в тексте «Дневника» отмечены отточиями (< . . . >).

Автор «Дневника» В. А. Рышков родился в небогатой семье бывшего мирового судьи, затем перешедшего в адвокатуру. Он не закончил гимназического курса в Петербургском Реформатском училище, уйдя в 1885 г. против воли отца из 6-го класса училища в армию с расчетом на скорое производство в офицеры. Солдатская казарма, где он в качестве вольноопределяющегося оказался вместе с нижними чинами, быстро отрезвила юношу. Однако он смог вернуться к штатской жизни только через 2 года (срок службы вольноопределяющегося), с унтер-офицерским чином, но не имея никакой профессии. С 1887 г. начинается его служба в канцелярии Санкт-Петербургского губернатора — сначала простым канцеляристом, затем счетоводом в бухгалтерском отделении Департамента общих дел Министерства внутренних дел. Круг его петербургских знакомств постепенно расширяется, так как он прирабатывает, заведя конторой вел. кн. Николая Николаевича (младшего) и занимаясь делами находившегося под покровительством князя Общества поощрения достоинств охотничьих собак. По протекции брата, начинающего драматурга Виктора Рышкова, он переходит бухгалтером в Инженерную академию и, зарекомендовав себя хорошо по счетной части, получает в июне 1899 г. должность казначея и эскуатора (управляющего хозяйственной частью) при Академии наук. Здесь он сумел поддерживать добрые и в то же время независимые отношения с тремя сменившимися непременными секретарями — Л. Н. Майковым, Н. Ф. Дубровиным и С. Ф. Ольденбургем. Энергичный молодой чиновник, влюбленный в театр, взял по собственной инициативе на себя хлопоты по организации Пушкинских спектаклей на сцене императорских театров, в 1902 г. добился освобождения от скучных эскуаторских обязанностей и занял специально для него созданную должность чиновника особых поручений при Академии наук. Среди прочих поручений центральное место заняли дела Пушкинской комиссии, которым посвящен его «Дневник» и в которых ему была предоставлена большая свобода действий.

В. А. Рышков прослужил в Академии наук до 1925 г. Скончался он в 1938 г. Архив В. А. Рышкова поступил в Центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина.

В Рукописном отделе Пушкинского Дома кроме «Дневника», отрывки из которого публикуются, хранятся также семь тетрадей мемуаров В. А. Рышкова (в фонде его брата Виктора Александровича), доведенных до 1917 г. В этих «Воспоминаниях незаметного человека» он подробно описывает годы своей солдатчины, академический быт начала XX в., свои знакомства с артистами и театральными деятелями, с коллекционерами. Сведения из «Воспоминаний» частично использованы в комментариях к публикуемой части «Дневника».

ПОСТРОЙКА ПАМЯТНИКА А. С. ПУШКИНУ В С.-ПЕТЕРБУРГЕ

Дневник В. А. Рышкова.
С начала до 25 августа 1906 года

Когда в 1899 г. праздновался столетний юбилей со дня рождения Пушкина, возник вопрос о постановке ему памятника в Санкт-Петербурге. Было испрошено высочайшее соизволение на объявление всероссийской подписки на памятник, и газеты, в особенности «Новое время», подняли трезвон. Вначале, пока публика была под свежим впечатлением, пожертвования стали поступать обильно, особенно в контору «Нового времени», а затем постепенно утихали и в конце концов с 1901 г. почти прекратились, так что приход состоял преимущественно из процентов, нараставших на капитал. С этого времени, т. е. с конца 1901 г., собственно говоря, и начинается моя деятельность по Комиссии,¹ и поэтому мне приходится сказать несколько слов о себе. Тогда станет понятным, почему именно я веду этот дневник.

Я поступил в Академию на должность казначея 17 июня 1899 г., т. е. как раз тогда, когда только что кончились торжества по празднованию столетнего юбилея со дня рождения Пушкина, а потому деньги на памятник стали поступать ко мне, и я завел для этого отчетность. Дело разрасталось, возникла переписка, и постепенно пришлось уже организовывать делопроизводство; я сказал об этом непременно секретарю Н. Ф. Дубровину, он приказал завести журналы исходящих и входящих бумаг, печать и бланки, и как-то так случилось, что делопроизводство сосредоточилось у меня в руках. Все, что творилось мною по Комиссии, видно из упоминавшегося мною выше дела, но мне придется здесь все это пересказать для того, чтобы осветить бытовую сторону моих официальных рапортов.

Когда после смерти Н. Ф. Дубровина² был выбран на должность постоянного секретаря С. Ф. Ольденбург³ и Президент⁴ назначил его, так же как и Н. Ф., управляющим делами Комиссии, я просил Ольденбурга, чтобы было назначено заседание Комиссии (по счету 3-е!), и приготовил к тому времени отчет о деятельности Комиссии за минувшее время (отчет находится в деле). Между прочим, я указал Ольденбургу на то, что мною собрано

с устроенных мною спектаклей более 11 000 руб. чистых денег и произведен для того за все время расход в 1500 р. Я просил, чтобы Комиссия рассмотрела этот отчет и решила утвердить его или не утверждать. Затем я просил, чтобы я официально был назначен делопроизводителем Комиссии и, наконец, чтобы как-нибудь была бы определена сумма, которую я имел бы право тратить на мои предприятия <...>

Он предложил мне такую комбинацию. Комиссия даст мне в безотчетное распоряжение 600 р. в год, и я не буду уже стеснен. Я отказался, потому что, если бы я со всеми своими антрепризами прогорел, Комиссия была бы вправе поставить мне в упрек, что я деньги истратил и ничего не сделал. А ведь дело это, т. е. успех в нем, зависит от очень разнообразных случайностей.

Тогда мой друг Б. Л. Модзалевский предложил такой исход: назначить мне 50 р. в месяц, а я буду их тратить на дело. Это тоже мне не улыбалось, так как я не хотел получать за это дело деньги. Наконец пришлось прийти к такому компромиссу: я назначаюсь делопроизводителем Комиссии с выдачей мне вознаграждения по 50 р. в месяц, но с тем, чтобы все расходы по увеличению капитала Комиссии производились бы за счет этого вознаграждения. Так должно было быть внесено и в протокол заседания <...>

Таким образом, я уже связал себя, и волей-неволей мне пришлось взяться за дело, о котором я не имел ни малейшего понятия. Весь этот артистический мир с его административными и товарищескими интригами, с его болезненным самолюбием был мне совершенно незнаком, и я наивно думал, что достаточно мне будет упомянуть имена Академии наук и Пушкина, как все раскроют мне свои объятия и заключат меня в них! Я, конечно, ошибался, но все же должен быть справедлив и установить тот факт, что для большинства, с кем мне приходилось иметь дело, эти два имени не составляют пустого звука <...>

Несколько дней я совершенно не знал, как взяться за это дело. Я сознавал, что я должен просить артистов участвовать в спектакле, должен наметить репертуар, но сознавал тоже, что мне необходимо для этого много времени, а его-то у меня и не было. Спектакль был назначен на 26 января <1902 г.>, и не мог же я весь январь месяц прожить в Москве. Не помню, кто именно, Дубровин или Модзалевский, указали мне на члена-корреспондента нашей Академии московского профессора Н. И. Стороженко.⁵ Я выработал такой план: под его председательством образовать комиссию, которая и организовала бы спектакль, и с этим планом числа 13 или 14 декабря 1901 г. уехал в Москву. Однако в Петербурге кто-то говорил мне, что Стороженко очень слаб, и я на всякий случай захватил с собою письмо к нему от Дубровина, где он просил его указать мне, если он сам не может нам помочь, другое лицо.

Оказалось, что Стороженко действительно был слаб. У него не действовали ноги, и он рекомендовал мне обратиться к профессору А. Н. Веселовскому, брату нашего академика.⁶

Алексей Николаевич Веселовский и его жена приняли меня очень радушно, чисто по-московски. У Алексея Николаевича оказались большие связи в артистическом мире, а жена его оказалась очень деятельной советчицей и помощницей ему. Он вполне согласился с моим планом и просил меня только объездить артистов: Южина, Ленского, Садовского, Федотова, Рыбакова, Правдина, Шаляпина, Собинова, Ермолову, Федотову, Садовскую, Лешковскую и режиссера Кондратьева.⁷ Их он потом предполагал пригласить на совещание. Оказалось, что заставить артиста дома или добиться с ним свидания совсем не так просто. Прожив три дня в Москве, я так и не мог добиться переговорить с Садовским, Рыбаковым, Правдиным, Шаляпиным, Федотовой и Лешковской. Южина, Федотова, Собинова и Кондратьева я застал дома. Они охотно согласились участвовать в нашем деле, были очень предупредительны, а Л. В. Собинов, когда я стал просить его участия, ответил мне: «Да, с удовольствием! Помилуйте, вы как будто упрашиваете меня принять честь, которою почтила меня Академия наук!».

О. О. Садовскую я поймал уже выезжавшею из дому, просил ее и Михаила Прововича участвовать в спектакле и в совещании и получил согласие и за нее и за мужа. А. П. Ленского я нашел в Театральном училище, и он тоже дал свое согласие. М. Н. Ермолова лично меня не приняла, а переговаривалась со мною через какую-то деву, которая, очевидно, что-то путала, принося мне от Ермоловой совершенно несуразные ответы вроде того, например, что Марья Николаевна в концертах не участвует.

В отчаянии, что мною почти ничего не сделано, я приехал к Алексею Николаевичу. Он очень хохотал над моими мытарствами и сказал, чтобы я ехал в Петербург, что с остальными артистами он повидается и переговорит сам. Это было тем более легко ему сделать, что он встречался с ними и в клубе, и за кулисами, а я все-таки оставлял им служебные карточки, объясняя прислуге, что приезжал по делу.

Сдав все Веселовскому, я уехал. Он приступил к организации спектакля. 7 января 1902 г. получена была от него телеграмма с просьбой хлопотать о перенесении спектакля на утро воскресенья 2-го февраля, так как по субботам оркестр оперы занят в симфонических концертах. Это, конечно, сделать удалось. Алексей Николаевич не оставлял меня без сведений о ходе дела и в течение января прислал мне четыре письма. Они находятся в деле, но я приведу здесь несколько более интересных выписок. В одном письме он пишет: «... прошу Вас в дополнение к посланным уже приглашениям направить еще одно такого же содержания на имя В. А. Нелидова. Этот Нелидов, сын посла, заведует репертуаром драматических сцен императорских театров, и хотя можно бы все порешить без него, но обойти его неловко».⁸

Вот мнение человека, не имевшего никакого касательства к театру, а лишь хорошо знавшего театр. Этой выпиской мне хотелось показать, что такое были для театра наводнявшие его друзья и прихлебатели Теляковского, вроде г. Нелидова, и с какими лицами мне приходилось иметь дело.⁹ Об этом тяжелом времени для русского театра изложено должно быть очень подробно в дневнике брата моего В. А., которого эти господа близко касались.¹⁰

В другом письме А. Н. писал: «... среди оперных артистов, которые должны участвовать в спектакле 2 февраля, как сообщает мне оперный режиссер, есть какое-то брожение вследствие того, что они не получили каждый именного приглашения от Комиссии».¹¹

Это была, конечно, ошибка симпатичного А. Н., и приглашения были им тотчас посланы.

И, наконец, в третьем письме он уведомляет меня, что «был сегодня тревожный момент. Шалапин, оставаясь при желании петь в сцене из „Годунова“, просил „по нездоровью освободить его“ от „Руслана“. Это было очень досадно, но пришлось считаться с этой невольной переменой...». В этом же письме он общал мне, что «... вследствие наплыва требований и запросов со стороны публики у меня на дому пришлось импровизировать предварительную записку, для чего из дирекции мне дали печатные табели. Трое суток слишком с утра до вечера осаждали мою квартиру...».

Наконец 2 февраля 1902 г. спектакль состоялся, и мы выручили 2584 р. 71 к. Успех спектакля оказался соблазнительным, и мне, конечно, захотелось еще большего <...>

Я выехал из Петербурга в Москву 2 сентября, чтобы повидаться с А. Н. Веселовским и просить его опять организовать спектакль, но так как он еще не вернулся из-за границы, я 4-го выехал в Харьков <...>

8-го октября утром я приехал в Петербург <...> Не получая никаких известий из Москвы, я послал А. Н. Веселовскому письмо, и он 17 ноября прислал мне очень тревожный ответ. Раздав 20-го числа жалованье, я 21-го вечером выехал в Москву улаживать дело.

Гвоздем письма Веселовского было то, что Южин колебался устраивать спектакль один. Это сразу же и определилось и подтвердилось, когда я разговаривал с Веселовским и когда свиделся с Южиным. Он мне категорически заявил, что председательствовать он не может и ни за что за это не возьмется, что это как-то выделит его из среды товарищей-артистов и поведет к осложнениям, а что было бы лучше, если бы спектакль организовали он и Шалапин совместно, он — драму, Шалапин — оперу; а если Шалапин откажется, то Собинов. Итак, мне приходилось искать Шалапина. Вернувшись от Южина в гостиницу, я около двух часов дня отправил Шалапину письмо с нарочным, прося его назна-

чить мне время для свидания с ним по поручению Комиссии, и лишь 23 ноября мне было утром сообщено по телефону, что он просит меня к себе к 7 час. вечера. Когда я приехал к нему, ко мне вышла какая-то дама и сказала, что он спит, так как чувствует себя нездоровым, и просила меня приехать на другой день, т. е. 24-го, в те же часы. Но и 24-го она опять меня не пустила к нему и сказала, что он очень утомлен, готовясь к своему бенефису, ничем заниматься не может и никого не принимает. Я уже начинал злиться. Я сказал, что живу уже два дня в Москве исключительно для того, чтобы только минут десять поговорить по делу с Ф. И., и что я ее настойчиво прошу в свободную минуту сказать ему обо мне, обещая приехать на другой день, т. е. 25-го, к часу дня. Даже швейцар в доме, где жил Шаляпин, уже признал меня и стал смотреть на меня с каким-то участием. Когда я сходил с лестницы, он меня с соболезнованием спросил:

— Опять, барин, не допустили?

— Опять, брат!

— Да-а... Трудно их видеть...

— Скажи, пожалуйста, кто эта черная дама, которая меня все время к нему не допускает?

Он сделал презрительное лицо и проговорил:

— Это-то?! Поклонница! На бенефис билеты записывает...

— Тьфу, черт! Ну, вот что...

Объяснив ему, что мне необходимо видеть Шаляпина по делу и что я нарочно приехал для этого из Петербурга, я дал ему свою карточку и один рубль и сказал: «Завтра в час я буду здесь, и если ты устроишь так, что Ф. И. меня примет, я дам тебе еще два рубля».

Я рассчитал, что это будет мне дешевле, чем проживать бесконечно в Москве. Швейцар согласился.

25-го в час я был опять в Леонтьевском переулке. Но мне уже не пришлось подниматься к «поклоннице», потому что швейцар подал мне карточку Шаляпина и сказал, что Ф. И. приказал передать мне, чтобы я с этой карточкой ехал в Большой театр на репетицию и вызвал бы его. Я отправился, и меня провели в артистическую. Был антракт. Шаляпин, увидев меня, пошел ко мне навстречу и сказал:

— Извините, пожалуйста, Владимир Александрович. Это положительно свинство, что Вас ко мне не допускали! Из-за ерунды — сделать надпись на портрете, меня чуть ночью с постели не поднимают, а тут человек приехал из Петербурга и три дня не может до меня добраться!

Молодчина швейцар! Постарался на все три рубля.

Я передал ему просьбу об организации оперной части спектакля, и он сейчас же согласился, а бывшему тут же Л. В. Собинову сказал:

— Ну, что, Ленечка, споем для Пушкина?!

Собинов тоже согласился.

От них я пошел в Малый театр и застал там Южина. Передал я ему все, что сделал, и он меня тут же познакомил с режиссером Малого театра Алексеем Михайловичем Кондратьевым,¹² милейшим и симпатичнейшим человеком, с которым и поныне у нас чисто дружеские отношения. Мы напомним друг другу, так как были знакомы еще с прошлогоднего спектакля. Много он мне помогал и облегчал в моих делах.

Южин просил, чтобы Кондратьев взял на себя всю хозяйственную и административную часть спектакля; тот согласился, причем тут же сказанная большой художник. Помню, он нарисовал мне такую программу спектакля, что у меня «в зобу дыханье сперло!». Устроивши все это, я уехал в П^кетербург).

Из хлопот по устройству спектакля в П^кетерб^уб^урге), между прочим, выяснилось, что ставить спектакль в субботу вечером (на каковые дни мы просили в Министерстве Двора театры) невозможно, так как по вечерам в субботы оперный оркестр занят в симфонических концертах. Обеспокоенный этим, я послал письмо Кондратьеву и спросил, как обстоит эта сторона дела в Москве. Кондратьев ответил мне, что так же, как и в П^кетерб^уб^урге). Одновременно с письмом Кондратьева Дубровин получил письмо от Южина, в котором он уведомлял его, что «по возможно обстоятельном обсуждении вопроса» он пришел к убеждению, что надо составить только музыкальную программу спектакля, так как драма была уже использована в предшествовавшем спектакле. Надо было сознаться, что он был отчасти прав. В таком же духе получил и я письмо от Кондратьева. Пришлось опять ехать в Москву и начинать работу сызнова.

4 января 1903 г. я отправился туда. Дело совершенно расползлось. Шаляпин был серьезно болен. Поэтому, по совету Кондратьева и Южина, я написал ему письмо, которое Кондратьев должен был ему ответить и выслушать его ответ с тем, чтобы, когда он откажется от организации спектакля, поручить дело Собинову. «Вы напишите ему потеплее, — говорил Кондратьев. — Ну, там, что вы молитесь господу богу о его выздоровлении и прочее...». Я так и сделал. Шаляпин, конечно, отказался, и я поехал к Собинову.

Леонида Витальевича я застал тоже больным, с завязанным горлом. Но он сказал, что за организацию спектакля 8 февраля возьмется, но при условии, если спектакли с участием его и Шаляпина, предполагавшиеся до масленой недели, не будут перенесены на масленую неделю. Казалось, что это не могло служить препятствием, так как Шаляпин был очень плох. Устроив вновь дело, я уехал.

Однако вскоре приехал в П^кетербург) Кондратьев и стал меня убеждать, что дневной спектакль, да к тому же без участия Шаляпина, даст ничтожный сбор, а потому лучше Академии не размениваться и отложить его до более благоприятного времени. Посоветовавшись с Дубровиным, мы послали 5 февраля 1903 г.

управляющему конторою театров следующую телеграмму: «Спектакль Пушкинской Комиссии 8 февраля не состоится» <...>

Осенью 1903 г. я возобновил хлопоты по спектаклям. Несмотря на неудачи минувшего года, я все же решил добиться постановки спектаклей в Петербурге и в Москве.

Был я опять у П. Д. Ленского¹³ и просил его начать действовать, что он и исполнил.

Должен сказать несколько слов о пем. Дело он сделал. Сделал так, что спектакль дал нам хороший сбор, и в этом случае ему упрека поставить нельзя. Но помучил он меня изрядно. Мелкие подробности ускользнули из моей памяти, так что я не могу определенно указать, чем он меня мучил, но помню, например, что получаю вдруг от него записку, что нам надо повидаться. Лечу к нему, и оказывается такое заявление.

— А знаете, Владимир Александрович, Гнедич¹⁴ что-то мурлит. Черт его знает, обижен он чем-нибудь, но только он что-то путает.

— Да что же именно, Павел Дмитриевич?

— Не знаю, но хорошо было бы, если бы вы его повидали.

— Это мне нетрудно. Но зачем я к нему поеду, что я ему скажу? Ведь у него есть официальная просьба Комиссии оказывать вам содействие.

— Так-то так... да то официальная...

— Ну, хорошо, я поеду. Что-нибудь придумаю.

— Нет уж, может быть, лучше не ездить?.. Лучше уж не ездите, я как-нибудь сам справлюсь!..

И мы расстаемся. Было ли это желание показать, сколько ему стоит труда и хлопот устройство спектакля, но таких записок я получил несколько. То надо отказаться от оркестра Мариинского театра, потому что он очень дорог, и просить оркестр Консерватории, то не надо отказываться от оркестра Мариинского театра, то надо отменить оперную часть спектакля, то драматическую. В конце концов я так к этому привык и изучил его, что как только он меня ошарашивал предлагаемой неудачей, я сейчас же с ним соглашался, что это действительно большая неудача и что, делать нечего, надо с этим мириться! Тогда он начинал меня успокаивать и обещал все устроить. Так тянулось до самого спектакля, т. е. до 4 октября, когда наконец спектакль состоялся, и я вздохнул свободно. Мы выручили чистых 3685 р. 50 к. и имели бы еще больше, да уж очень по-княжески расплачивался за все Павел Дмитриевич. Спектакль он загнул прямо пeverоятный по программе! Затянул он его почти до часу ночи. Там было все: и опера, и драма, и чтение, и мелодекламация, и живые картины! Курьезна была постановка картины «Пушкин в селе Михайловском». На афише было сказано «картина в 2-х переменах». Подняли занавес, и мы увидели известную картину Ге. Пушкина изображал Далматов,¹⁵ Пуцина — С. Яковлев, няню — не помню кто. Далматов читал (и довольно плохо) «Лицейский праздник».

Занавес опускается и поднимается вновь. Перед нами та же обстановка. Пуштина уже нет. Няня сидит на том же месте, а Пушкин полулежит на каком-то неудобном диванчике и читает стихотворение «Буря мглою небо кроет». Эффектнее всего было место, где он, обращаясь к няне, говорит: «Что же ты, моя старушка, приуныла у окна», а старушка, если и приуныла, то не у окна, потому что на сцене и окна-то не было! Какой знаменитый режиссер ставил эту картину, я не знаю, должно быть, сам милейший Павел Дмитриевич с Далматовым. Но так или иначе, дело было сделано, и мы получили хороший сбор <...>

Этим исчерпывается все, что мною было сделано с более или менее значительным материальным успехом для памятника Пушкина, и мне остается упомянуть еще о неудачах, которые я потерпел.

Когда в сентябре 1903 г. я был в Москве, А. М. Кондратьев натолкнул меня на мысль просить В. И. Немировича-Данченко,¹⁶ чтобы и Художественный театр устроил что-нибудь для Пушкина. Я, конечно, схватился за это и 3-го числа написал ему письмо, прося принять меня 4-го или 5-го. Он просил меня приехать 5-го в 12 ч. дня. Выслушав меня, он сказал, что сбор со спектакля передать Комиссии он права не имеет, так как театр принадлежит не ему, а пайщикам, возвысить же цены на места в этот день и передать разницу Комиссии он бы мог, но в Москве публика очень не любит таких повышений, почему и трудно ждать большого сбора, так как большинство предпочтет пойти на такой же спектакль не по возвышенным ценам. О том же, чтобы хлопотать у пайщиков разрешения поставить в этом «театре богов искусства» особый Пушкинский спектакль, очевидно, не могло быть и речи: разве возможно было ставить произведения какого-то Пушкина на тех же подмостках, где шли гениальные произведения великого Максима Горького!¹⁷ Не шутя, в тоне его довольно ясно была слышна какая-то презрительная нотка по отношению к памятнику Пушкина. Однако он предложил мне следующее: 29 января 1904 г. он устроит в фойе театра (все же не в самом «святое святых») литературно-музыкальное утро, причем ограничится 100 билетами по 10 руб. за каждый, и высказал полную уверенность, что сбор будет полный, как тому уже бывали примеры. Как это ни было обидно, но пришлось ограничиться для Пушкина и задворками великого театра!

Когда мы расставались, он просил меня время от времени напоминать ему об этом деле. Его просьбу я исполнил аккуратно: писал ему и напоминал 22 сентября, 9 октября, и во 2-й половине ноября 1903 г., и в январе 1905 г., а лично говорил с ним, когда был в Москве 16 октября 1903 г. и 4 января 1904 г. Тогда он обещал устроить утро в посту. Не знаю, помешала ли ему тоже война или это было просто нежелание, но в 1904 г. он ничего так и не сделал, а на письмо мое в январе 1905 г. он в конце января ответил коротко, что «не имеет на это ни малейшей воз-

возможности». Так мы с Немировичем-Данченко поработали для Пушкина!

А вот как мы поработали для Пушкина с А. С. Сувориным.¹⁸

Вздумалось мне просить, чтобы и в Петербурге в Малом театре был поставлен спектакль. Поэтому 28 октября 1902 г. я написал Суворину письмо, что, имея к нему поручение от Комиссии, прошу его уведомить меня, когда он может меня принять. Ответа я, конечно, не получил. Добился я, наконец, свидания с ним через посредство Е. П. Карпова.¹⁹ Это было, как значится в моем дневнике, уже в конце 1903 или в начале 1904 г. В то время он уже гневался на Академию наук за то, что она не избрала его в почетные академики.

Когда я вошел в его кабинет, я увидел его, всклоченного, прогуливающегося, заложив руки в карманы брюк, по комнате. Я назвал себя.

— Очень рад, присаживайтесь, — сказал он, зевая.

Было ясно, что он только что проснулся.

Вслушав мое предложение, он стал брюзжать, стал говорить, что он уж и так дал Академии на это дело сорок пять тысяч рублей и что больше он «не хочет» что-либо делать. Так и сказал: «больше не хочу». На это я ему ответил, что я думаю, что Академия вполне ценит его заслуги и если уж он не хочет сделать для Академии это, то он, занимавшийся Пушкиным сам, мог бы поработать для самого Пушкина. Он опять упрямо проговорил:

— Довольно. Говорю же я вам, что не хочу больше.

— Нет, Алексей Сергеевич, вы не правы. Вы, имея и театр, и самую распространенную газету, дали на Пушкина только 47 000 р. (лицо Суворина изобразило удивление), а я, не имея ни того, ни другого и, кроме того, еще «ничего», дал спектаклями 11 000 р., т. е. только в 4 раза меньше вас. А ведь средства у нас разные!

Он посмотрел на меня, сел на диван и стал хохотать. Хохотал он, видимо, от души и долго. Я уже придумывал, как и чем его остановить, как он встал и проговорил:

— Оригинально, оригинально! Очень оригинально! Только все-таки я ничего не сделаю. . .

Я простился и ушел, и после этого случая с ним больше не сталкивался < . . >

Рассказанным мною здесь окончились мои стремления увеличить фонд Комиссии на постройку памятника-статуи. Капитал достигал 110 000 р., проценты на капитал нарастали бы, и, пока разрабатывались бы проекты, мы, конечно, имели бы уже достаточно денег, чтобы приступить к самой постановке памятника.

Но в один действительно прекрасный день все дело припало вдруг совершенно другой оборот.

Весною 1905 г. П. Е. Рейнботу²⁰ пришла в голову великолепная мысль. Он находил, что вместо памятника-статуи Пушкину

следовало бы выстроить «Пушкинский музей». В этом музее кроме всего того, что касается Пушкина, должно быть сосредоточено и все, что касается остальных русских классиков: Гоголя, Лермонтова, Тургенева, графов Толстых, Гончарова, Достоевского, Островского и др. Рейнбот передал эту мысль Исакову²¹ и Модзалевскому, Модзалевский мне, а я Ольденбургу. Он, конечно, со свойственною ему отзывчивостью горячо схватился за нее и тотчас же доложил ее Президенту. Президент тоже очень сочувственно отнесся к этой мысли и сказал, что на такое просветительное учреждение гораздо легче будет привлекать пожертвования, чем на стацию.

Я объездил членов Комиссии, академиков Никитина,²² Веселовского²³ и Кондакова,²⁴ гр. Толстого²⁵ и Виллие.²⁶ Весьма различно, каждый по своему характеру, приняли эту мысль члены Комиссии.

П. В. Никитин, по обыкновению не перебивая меня, выслушал мой доклад и, как всегда, каким-то сомневающимся голосом только спросил меня: «И вы надеетесь на успех?». Это повторялось всегда, когда я докладывал ему о моих начинаниях. И это не значило, что Петр Васильевич действительно сомневался, но такая уж у него была манера. Вначале этот тон меня сильно обескураживал, мне казалось, что он к моей деятельности относится недоверчиво и насмешливо, но затем я уже к этому тону привык, я знал, — опыт мне это доказал, — что Петр Васильевич иначе «интересоваться» делом не может.

А. Н. Веселовский, как всегда, очевидно, не все поняв, витая в неизвестных мне весах, твердил только: «Прекрасно! прекрасно!» — и по глазам его было видно, что он уже был очень далек и от Пушкина, и от Комиссии, и от меня.

Н. П. Кондаков обстоятельно меня выслушал, обо всем меня подробно расспросил и вполне согласился с мнением Рейнбота.

Несколько заупрямился граф И. И. Толстой. Он говорил, что ядром музея должна быть пушкинская коллекция Лицея, что Лицей этой коллекции ни за что не отдаст, потому что он сам по себе, без этой коллекции, будет представлять собою какое-то пустое пространство. Что в принципе музей, конечно, очень желателен, но осуществим ли он на практике, подлежит большому сомнению. Мне, без сомнения, было важно, чтобы он был согласен принципиально.

М. Я. Виллие восторгался идеей, говорил, что, несмотря на то, что ему, художнику, ближе к сердцу постройка статуи, все же учреждение музея гораздо больше подходит к великому имени Пушкина, тем более что прекрасный памятник Пушкину есть уже в Москве.

Чтобы окончить без пробелов это большое предисловие-воспоминание к моему дневнику, я должен сказать несколько слов еще о трех деятелях Комиссии — о Президенте Академии, о С. Ф. Ольденбурге и о Б. Л. Модзалевском.

У нас принято думать, — да в большинстве случаев это и действительно так, — что великие князья, занимающие ответственные должности, в сущности делом не занимаются, в дело не вникают и им не интересуются, а служат лишь каким-то «украшением», «цацами» подведомственного им учреждения. Может быть, кто-нибудь, где-нибудь и докажет, что наш Президент был и у нас только «цацей», я же, по совести говоря, этого сказать не могу. Правда, деятельность Академии настолько разнообразна, настолько разбита она на различные специальности, что один человек, при том условии, что он не гений, естественно, не может совмещать в себе знания по всем этим специальностям, но при том такте и умении применяться к людям, каким обладал Президент, ему было нетрудно стоять во главе Академии. А пользы он ей принес много. Может быть, я и ошибаюсь, может быть, мне и докажут противное, но это мой взгляд, вынесенный из опыта. Он всегда вполне доверял и Дубровину, и Ольденбургу. И если они по моему ходатайству что-либо предлагали ему предпринять, он всегда соглашался. Он всегда, конечно, высказывал и свой взгляд, но это никогда не значило, чтобы он требовал, чтобы его мнение считалось безгрешным.

О С. Ф. Ольденбурге мне не придется распространяться много. Достаточно сказать, что я не знаю ни одной разумной мысли, ни одного разумного начинания, ни одного доброго дела, которые бы возникли в нашей Академии без его участия. В этих случаях он первый хлопотун и первый пропагандист. Отзывчив он замечательно и всякую мысль схватывает невероятно легко. Я только выскажу горячее пожелание, чтобы памятник Пушкину был окончен нами при его непосредственном участии, потому что я не могу себе теперь представить совместную работу в этом деле с кем бы то ни было, после работы с ним.

О последнем мне остается упомянуть о Б. Л. Модзалевском, и упомянуть с должною благодарностью. До настоящего времени он пока не принимал активного участия в этом деле. Но, друг Пушкина, он явился и другом создания ему памятника. Все, что приходилось мне передумывать и переиспытывать, все принималось им к сердцу так же близко, как и мною самим. Обо всем, что я предпринимал и придумывал, я раньше всего советовался и совещался с ним и всегда получал от него правдивый и честный совет. Мельчайшие подробности дела не были ему чужды, с каждым, даже незначительным, событием или письмом я шел к нему. Он всегда верил в меня, верил в наше дело и в тяжелые минуты утешал и бодрил меня. По натуре своей этот до болезненности скромный человек, быть может, пройдет незаметно в этом деле, но я не считаю себя вправе умолчать о том, что и в будущем его влияние в этом большом деле будет несомненно сказываться, умолчать о том, что и дальнейшие события, как и все прошлое, пройдут во всяком случае не без его участия. Он болел моими неудачами, он радовался моим успехам, он един-

ственный знал их так же подробно, как и я, — пусть же это будет и дальше продолжаться так же.

5 сентября 1905, СПб. Итак, я принимаюсь за дело. Нужны, конечно, деньги, и каким бы то ни было образом, но я их выколочу у Матушки Руси! Ольденбург говорит, что название предполагаемому учреждению должно быть не «музей», не «пантеон», а просто «Дом Пушкина» <...>

6 сентября 1905, Москва. Южин находит, что идея «Дома Пушкина» так велика, что, конечно, откликнется на нее и Москва. Но для этого нужно время, а главное, постепенная подготовка Москвы к этой мысли. Теперь, когда Москва охвачена общественным движением, о реальных результатах и думать нечего, но если муссировать вопрос, Москва постепенно привыкнет к нему и, успокоившись, наверное придет на помощь. Говорит, что с удовольствием примет участие в Комиссии, если только Комиссия находит нужным его сотрудничество. Немножко суют.

7 сентября 1905, Москва. Был у Анучина²⁷ утром, в 11 часов. Оказался таким сухарем, с которым противно и разговаривать. Узнав о цели моего приезда в Москву, стал ссылаться. Конечно, тоже на безвременье²⁸ и долго не мог понять, что я не говорю о жертвованиях теперь же, сию минуту. Как я ни толковала ему, что мне важно узнать у него, знающего Москву, найдутся ли тут люди, которые помогут нам впоследствии, он все твердил, что он никого не знает, что ничего не дадут, и было видно, что и говорит-то он неохотно. Брюзжанье это продолжалось довольно долго, пока наконец я не встал и резко сказал, что извиняюсь за беспокойство и вижу, что, действительно, Москва вряд ли придет на помощь этому русскому делу. Это подействовало; он стал мягче и сказал, что он подумает над этим вопросом и посоветует что-нибудь, но, конечно, не теперь. Что сама идея создания «Дома Пушкина» встретит много затруднений, трудно будет извлекать реликвии из других хранилищ, надо раньше разработать положение о Доме, чтобы жертвователи знали, на что они жертвуют. На последнее я ему ответил, что разрабатывать положение можно будет тогда, когда мы будем чувствовать под собою почву и знать, хотя бы приблизительно, что у нас есть и на что мы можем рассчитывать. Ясно было одно, что Анучин был мне совершенно бесполезен <...>

11 октября 1905, СПб. Видел П. И. Вейнберга²⁹ и говорил ему о «Доме Пушкина». Он говорит, что если идея эта осуществится, он завещает туда всю свою литературную коллекцию <...>

22 ноября 1905, СПб. Вчера Модзалевский поехал попытать Рейнбота. Оказывается, не отказывается от своей идеи. Он сказал Модзалевскому, что Лицей, очевидно, доживает последние времена и что Саломон,³⁰ вероятно, скоро уйдет. Все это хорошо. ибо тогда и Пушкинская коллекция без труда перейдет к нам.

10 декабря 1905, СПб. Сегодня по докладу Ольденбурга Президент назначил заседание Комиссии на четверг 15 декабря. Что-то будет? Неужели провалят наш чудный проект «Дома Пушкина»? Не знаю, буду ли тогда способен заниматься охотно этой Комиссией.

15 декабря 1905, СПб. Чудный, памятный день в истории русской культуры!.. Сегодня решен «Дом Пушкина». В 2 часа состоялось заседание Комиссии в Мраморном дворце, а в 5 ч. я и Б. Л. Модзалевский приехали в Канцелярию конференции, чтобы узнать у Ольденбурга результат заседания.

Ольденбург рассказал нам следующее. Городской голова Резцов³¹ привез с собою план местности Петербургской стороны при съезде с Троицкого моста. Присутствовавшие подошли к окнам, чтобы посмотреть и на самое место. Президент все не решался начать разговор о Доме, наконец Ольденбург ему о нем напомнил, и тот в туманных выражениях начал излагать сущность. Ольденбург помог ему, осветил предмет, и начались дебаты. Оказывается, что первым противником Дома был М. Я. Виллис. Тот самый Виллис, который, как я о том писал на стр. 86 этого дневника, «восторгался идеей!» Он, как и подобает пустому болтуну, говорил, что весною он был за эту идею, но, пораздумав, решил, что деньги собирались на памятник, следовательно, памятник и должен быть поставлен. Это, впрочем, неважно; может быть, будущую весною он опять, что-нибудь «пораздумав, передумает»!

В этом направлении поддержали его и П. В. Пикитин и гр. И. И. Толстой. А. Н. Веселовский говорил, что пушкинские реликвии так ничтожны по количеству, что музея для них строить не стоит, рукописей очень мало (это говорил председательствующий в Отделении русского языка и словесности!!) и вообще смысла в подобных музеях нет. Этот небожитель, не уясняя себе всего величия идеи, отвергал ее.

По словам Ольденбурга, спас все дело П. В. Султанов.³² Не уменьшая в этом деле заслугу П. В., я, конечно, понимаю прекрасно, что присущая Ольденбургу скромность помешала ему сказать, что спас идею он сам. Во время общего разговора он шепнул Султанову, что так как Султанов сочувствует идее, то пусть он и выступит защитником ее, оставляя себя в резерве. Султанов стал горячо говорить, что он не понимает, почему памятник должен вылиться непременно в форме статуи. Н. П. Кондаков сказал, что памятник будет гораздо величественнее, если будет поставлена статуя на фоне Дома Пушкина, что дом будет служить декоративным зданием к статуе. К нему тотчас же присоединился гр. И. И. Толстой, слепо верящий в художественные вкусы Никодима Павловича. Городской голова указал на место, которое может быть отведено под памятник: это участок на самом углу Каменноостровского пр. и наб. Петра Великого.

Наконец Ольденбург выступил со следующим. По соображениям гр. И. И. Толстого, памятник должен стоять не менее

150 000 р., у нас же собрано еще только 112 000 р., следовательно, собранные с России деньги уйдут, конечно, целиком на статую, а кто будет жертвовать уже тогда, когда будет утвердительно решен «Дом Пушкина», будет и знать, что он жертвует на «Дом». Это примирило всех, и идея «Дома Пушкина» была принята окончательно!

Поздравляю мыслящую Россию с этим громадным приобретением! . .

16 декабря 1905, СПб. Был у Гнедича. Говорит, что все-таки надеется поставить спектакль 28 января, но все будет зависеть от того, как пройдет 9 января.³³ Требуется, чтобы я просил Шаляпина, чтобы он приехал к спектаклю. Несколько втирает очки. Говорит: «А вы, Вл. Ал., заметили, как мы под шумок поставили „Скупого рыцаря“, не рекламируя его. Я его сберегаю для Пушкинского спектакля. . .» А недавно еще он обещал, что «Скупого рыцаря» поставит первый раз именно на Пушкинском спектакле. Ну, что мне с этим вралем делать!? А что еще предстоит ему врать! . .

Он сказал мне, что об идее Дома Пушкина уже знает, потому что недавно было учредительное заседание Пушкинского литературного общества, которое возникает на развалинах бывшего Исаковского общества,³⁴ по мысли П. И. Вейнберга, и на этом заседании говорили, что им надо прицепиться к этому Дому. Присутствовали Кареев,³⁵ Гнедич, Вейнберг, Кони,³⁶ Потехин,³⁷ Кондаков и др. < . . >

26 декабря 1905, СПб. Сегодня я начал выработать Положение и штат Дома Пушкина.

28 декабря 1905, СПб. Остов Положения и штата у меня готов, и я отдал его Б. Л. Модзалевскому для критики и пополнения. Когда он сделает свои замечания, мы сойдемся для дальнейшей обработки.

3 января 1906, СПб. Гнедич просит, чтобы я повидал Шаляпина и просил его участвовать 28-го у нас. Вспомню Москву и начну паломничество к Шаляпину. Написал ему льстивое письмо, завтра пошлю к 10 утра сторожа, чтобы он добился ответа. Рисует Гнедич заманчивую программу. Говорит, что в драматической части хорошо бы из «Бориса Годунова» поставить Патриарха. Надо хлопотать, чтобы разрешила цензура, советует просить обер-прокурора.³⁸ С. Ф. Ольденбург с ним хорош, надо будет, чтобы он хлопотал. Думаем также ставить сцену письма Татьяны с М. Фигнер, хотелось бы и сцену юродивого из «Бориса Годунова» Мусоргского. Но все же исходная точка должен быть Шаляпин. Что «они» пожелают петь? А уж по ним и остальные будут равняться. Мне лично больше всего улыбалось бы с ним последнее действие из «Опекина», и он в роли Греммина. Этого еще в Петербурге не видали, а он там великолепен. Как бы то ни было, с завтрашнего дня «жажду свиданья!».

4 января 1906, СПб. Паломничество мое к Шаляпину оказа-

лось очень удачным, очень скоро я его застал! Утром сторож принес мне известие, что «они» вернулись очень поздно и проснутся в три часа. Тогда я решил приехать к нему к часу и затем, если он спит еще, приходите через каждые полчаса. Но оказалось, что встал и уже почти оделся. Я подождал его минут 15, и наконец он ко мне вышел. По отношению к Пушкину и ко мне очень любезен, ведь я, говорит, молюсь на Пушкина! Ломовое слово употребил только по адресу сенатора Туррау,³⁹ который просит его участвовать в спектакле в пользу какого-то детского благотворительного общества и в письме употребил такое выражение: «Я полагал бы повторить на этом спектакле „Демона“». Шалапин говорит: «Полагал бы!.. А я полагаю.., что он сам бы мог пропеть Демона!..». Однако в нашем деле является загвоздка. Дело в том, что он 14-го должен ехать в Москву, но говорит, что непременно приедет спеть 28-го, если мы это выхлопочем у начальства. Гнедича я нигде сегодня не застал, а пока написал, якобы по поручению С. Ф. Ольденбурга, письмо Боолу,⁴⁰ где прошу его не занимать Шалапина в Москве с 26 по 30 января. Интересно, как этот сухарь поступит? Завтра добьюсь повидать Гнедича и пошлю его к директору.

Сегодня мы с Модзалевским, «после зрелых размышлений», пришли к тому заключению, что с Домом Пушкина Комиссии предстоит дальнейшая программа действий в таком виде. Как только Городская Дума решит вопрос о месте, придется созвать Комиссию и представить на ее обсуждение составленное нами «Положение» (Модзалевский уже вернул его мне с существенными замечаниями). Мы еще не знаем, в какой форме это Положение будет доложено Комиссии; об этом мы решим с С. Ф., т. е. в той ли форме, как оно нами составлено, или в форме доклада Комиссии, составленного Ольденбургом, или в форме записки, составленной мною, как делопроизводителем. Когда Комиссия обсудит это Положение и утвердит его, придется составить всеподданнейший доклад и представить его на утверждение государя для того, чтобы Комиссия имела ясно выраженную форму своих стремлений. Отсутствие этого ведет к тому, что, работая над увеличением капитала, я ничего никому не могу сказать определенного, к чему именно мы стремимся. Сегодня Шалапину, например, я подробно рассказывал мою идею, он ею восторгался, а, в конце концов, это ведь только моя идея. В дальнейших же сношениях с нужными мне людьми это будет еще труднее.

5 января 1906, СПб. С. Ф. Ольденбург говорит, что нужно составить просто записку. Он отдаст ее Президенту, и тот в заседании предложит ее на обсуждение. С Модзалевским мы решили вечером 8-го переработать из «Положения».

9 января 1906, СПб. Вчера вечером мы составили записку, т. е. в общих чертах развили нашу идею, и сегодня отдали ее Ольденбургу. К завтрашнему дню он, вероятно, ее проштудирует и даст нам ответ. Вчера же я получил от фон Бооля ответ о Шалапине.

Сговорить против приводимых им резовов трудно, однако же я все-таки заготовил на завтра письмо к Шаляпину и, если не застану его дома, оставлю его ему.

13 января 1906, СПб. Вот что произошло за эти дни. 10-го я был у Гнедича и показал ему письмо Бооля. Он сказал мне, что Вуич⁴¹ говорит, что театр нам могут дать не 28, а или 4 февраля, или 18 февраля. Опять, значит, надо начинать сначала! Опять ловить Шаляпина и сговариваться с ним. Я сказал Гнедичу, что постараюсь изловить его в четверг 12-го и затем, вечером, приеду в театр передать его ответ.

12-го пришел к нему в час, говорит спит и велел разбудить себя в 3 часа. Ушел и вернулся в 3 часа > 20 минут, подождал немного, и оказалось, что извиняется и просит в спальную. Застал только что проснувшимся. Оказывается, что 18-го ни под каким видом схватить не может, потому что 5-го рассчитывал уехать уже в Монте-Карло, куда получил приглашение. Начал уговаривать его спеть 4-го, проездом за границу. Соглашается, если не помещает репертуар в Москве, куда едет 21-го. Сговорились, что 23-го из Москвы придет Гнедичу окончательный ответ по телеграфу. Между тем очень жалеет, что не поставили спектакль раньше, так как для Пушкина хочет петь во что бы то ни стало. Просто не узнаю его! Вечером был у Гнедича и просил его повидаться с Шаляпиным и получить от него сведения, в чем он хочет, если придет, выступить <...>

26 января 1906, СПб. Задумали мы с Модзалевским съездить в Москву. Надо подстегнуть Казина⁴² немного по поводу Художественно-литературного кружка (напишу ему письмо о нашем приезде), а затем поискать денег. Модзалевский находится в письменных сношениях с коллекционером Щукиным.⁴³ Мы хотим явиться к нему ягнятами: скажите, мол, кто бы в Москве хотел бы и мог бы нам помочь? Хочется и Рябушинского⁴⁴ изловить, да кроме того, так как Гнедич испакостил мне спектакль этого года, я думаю сделать вот что. К будущему сезону, конечно, уже будет незакончен окончательно «Дом Пушкина», т. е. дом русских классиков. Поэтому в начале сезона, т. е. в октябре, хотелось бы поставить грандиозный спектакль, но уже не из одного Пушкина, а из большинства классиков. Думаю, не удастся ли мне сделать то же самое и в Москве, или по крайней мере привлечь московские силы к участию в Петербурге. Затем хочу извлечь рукописи Островского от М. П. Садовского и А. М. Кондратьева, да и вообще, пока старики живы, узнать кое-что об Островском. Хочу поговорить, чтобы Малый театр дал бы спектакль из Островского и отдал бы деньги на залу его имени <...>

Есть и еще одно интересное дело. К Модзалевскому явился некто Мотковский и, заявив, что он поверенный А. А. Пушкина (младшего),⁴⁵ предложил, не желает ли Академия купить библиотеку поэта, которая находится временно у нас и которую описывает Модзалевский. Оказывается, что Пушкин заложил ее кому-то

(инкогнито для нас пока) за 17 000 р. и надо, чтобы она не перешла в руки этого инкогнито, в марте заплатить 20 000 р. У Модзалевского, конечно, «глаза и зубы разгорелись». Он сказал об этом сейчас же Ольденбургу, и тот, разумеется, тотчас написал Президенту. Президент просил Ольденбурга съездить к гр. Толстому и просить содействия. Граф просил, чтобы ему об этом был написан рескрипт, и тогда он снесется с министром финансов и доложит обо всем этом государю. 23-го вечером мы засели с Борисом Львовичем составлять рескрипт. 24-го утром Б. Л. показал его Ольденбургу, и тот решил посоветоваться с Шахматовым,⁴⁶ находя, что Отделение русского языка обойти в этом деле неудобно. Мы-то, конечно, в рескрипте просили приобрести библиотеку для «Дома Пушкина». Шахматов сказал, что Отделение, без сомнения, этих денег заплатить не может, и пусть бы Пушкинская Комиссия запросила об этом Отделение, а тем временем все-таки надо рескрипт послать Толстому.

Тем временем, 25-го, к Модзалевскому явился агент Страхового общества и сказал, что Мотковский хочет застраховать библиотеку за 10 000 р., и он явился получить сведения о ней. Это уже родило подозрение, и мы остановились подавать Президенту к подписи рескрипт, а поразнюхать, в чем тут дело. Весьма возможно, что Мотковский страхует библиотеку ниже ее ценности для того, чтобы не платить большой премии, так как он уверен в ее сохранности.

В конце концов я повел интригу против Бориса Львовича (в чем ему сознался!) и просил Ольденбурга передать это дело мне. Б. Л. по своей мягкости не совладевает с этим Мотковским, а я стану сейчас же по отношению к нему на официальную почту и потребую от него документы, оправдывающие его предложение. Думаю и по поводу этой истории что-нибудь поразузнать в Москве.

27 января 1906, СПб. «...» Мотковский прислал письмо, в котором очень вялает. Ольденбург поручил Модзалевскому вызвать его в Пестеръбург для личных объяснений.

30 января 1906, СПб. Завтракали с Модзалевским у И. Л. Щеглова.⁴⁷ Тужится он все что-то написать по поводу «Дома Пушкина», но мудро поняв, что он собственно предполагает писать: перескакивает с предмета на предмет, говорит то о Пушкине, то о Гоголе, предлагает в дни смертей великих классиков есть блины, ругает Вейнберга, и в конце концов мы ушли с полнейшим сумбуром в голове. Брат мой, В. А., справедливо говорит, что он или с ума сойдет, или в монастырь пойдет! Обещал нам, между прочим, дать рекомендательное письмо Бахрушину;⁴⁸ это будет нам полезно «...»

5 февраля 1906, Москва. По приезде в Москву, утром, Модзалевский отправил Щушину письмо с нарочным, прося его назначить нам время для свидания, причем упомянул, что у нас есть дело, по поводу которого нам надо с ним посоветоваться, а к 12 ча-

сам мы были уже на сцене Малого театра у А. М. Кондратьева. Я тотчас же рассказал ему о предполагаемом «Доме Пушкина» и просил его поискать у себя каких-либо рукописей Островского. Он ответил, что у него ценного ничего нет, все более или менее интересное он отдал Бахрушину, например верстак, табачницу и т. п., а у него остались одни пустяки. Есть у него конверт его посмертного письма, но самое письмо пропало у П. Н. Полевого,⁴⁹ которому он его давал для издания в его «Истории русской литературы» <...> Вечером за ужином Кондратьев передал нам конверт, про который говорил утром, и собственноручное распределение Островским ролей в*

8 апреля 1906, СПб. Сегодня я пристал к С. Ф. Ольденбургу относительно записки, которую мы составили с Модзалевским и которую я дал ему еще 10 января. Я говорил, что мне очень трудно делать дело, не имея под собою почвы, что провал в Художественном кружке я в значительной степени приписываю тому, что не мог говорить о «Доме Пушкина» как уже о совершенно определенном деле. Я нахожу, что необходимо созвать Комиссию, представить на ее утверждение идею Дома, а затем уже иметь возможность говорить о Доме как о чем-то положительном. С. Ф. вполне со мною согласился и просил, чтобы я с Модзалевским пришел к нему 11-го вечером, чтобы совместно разобрать положение о Доме, обсудить его и затем отдать на рассмотрение Президенту. После его просмотра созвать Комиссию и предложить ей утвердить это Положение.

11 апреля 1906, СПб. Сегодня вечером мы с Модзалевским были у С. Ф. Он сделал несколько существенных поправок в нашей записке, и теперь она готова. Как только Ольденбург свидится с Президентом, он ее ему передаст и попросит его назначить заседание <...>

21 апреля 1906, СПб. На днях получил от Мотковского письмо, в котором он торопит меня окончанием дела по покупке Пушкинской библиотеки. Сегодня был в Министерстве финансов, чтобы узнать, в каком положении это дело. К величайшему моему удивлению, Министерство вполне согласилось с Академией и сегодня представляет государю доклад об этом с благоприятным заключением. Там говорят, что, без сомнения, государь утвердит доклад. Любопытную подробность сообщили мне чиновники. Они (должно быть, не доверяя Академии) запросили «компетентных» лиц о том, действительно ли эта библиотека представляет собою ценность, и одно из наиболее «компетентных» лиц, именно знаменитый Д. Ф. Кобеко,⁵⁰ сказал, что библиотека в самом деле очень ценна (спрашивается, почем он это знает?), но что он находит, что ее не стоит отдавать Академии наук! Главное, мы можем с Модзалевским себя поздравить: положен очень серьезный фундамент в основание «Дома Пушкина» <...>

* В тексте «Дневника» название пьесы А. Н. Островского пропущено.

Май 1906, СПб. Когда я окончательно узнал, что доклад о библиотеке государем утвержден, то послал Мотковскому телеграмму и затем списался с ним, что, как только будет открыт кредит и ассигнованы деньги, я его выпишу. Все это совершилось, и Мотковский наконец явился радужный и веселый < . . >

16 сентября 1906, СПб. Президент назначил заседание Комиссии на 22-е, значит, 23-го я могу выехать в Москву. Сегодня мы, т. е. С. Ф., Модзалевский и я, проредактировали окончательно Положение о «Доме Пушкина» и сдали его в печать. Хотим разослать его при повестках членам Комиссии < . . >

22 сентября 1906, СПб. Сегодня в Мраморном Дворце состоялось заседание Комиссии. Открылось оно докладом Султанова о месте для памятника. Султанов сказал, что Управа дает место в Александровском саду и противится дать место, которое мы просили. Тогда С. Ф. внес поправку и сказал, что он должен дополнить доклад Султанова тем, что они оба, в качестве представителей Комиссии, заявили Управе, что Комиссия не находит возможным принять это место, и в конце концов остановились на таком решении: когда будет распланирована площадь за Троицким мостом, Управа предложит нам просимое место, и если мы будем обладать достаточными средствами, чтобы выстроить подходящее здание орнаментального характера, то место останется за нами. Гр. Толстой категорически заявил, что строить памятник в саду немисливо. Исаков спросил, желательна ли постройка памятника отдельно от «Дома Пушкина». Против этого все запротестовали, и было решено, что Комиссия подтвердит Управе свою просьбу о месте и откажется от места в Александровском саду. Президент, извиняясь за нескромность, спросил Саломона, отдаст ли Лицей свою коллекцию в «Дом Пушкина». Саломон ответил, что это невозможно и что Лицей ни за что с этой коллекцией не расстанется. Был также возбужден вопрос о коллекциях Румянцевского музея и высказано сомнение, чтобы он ими пожертвовал. Гр. Толстой сказал, что на это можно вызвать высочайшее повеление. Затем было доложено о приобретении библиотеки А. С. Пушкина и о пожертвовании вучкою А. П. Керн ее портрета и П. П. Гнедичем двух портретов его дяди, Н. И. Гнедича, из которых один работы Кипренского.

Наконец пришли к Положению о «Доме Пушкина».

Первая половина § 1 прошла без возражений. Во второй половине § 1 Исаков находил нужным развить подробные задачи Дома. Он находил, что мало собирать реликвии писателей, но надо, чтобы Дом этот соединял в себе все научно-литературные общества. С. Ф. возражал, что это должно принадлежать компетенции Совета Дома и может быть введено в Положение отдельным параграфом. С ним соглашался и Саломон, а Исакова поддерживал Султанов. Кроме того, Исаков находил, что не следует делать слишком подробного перечисления всего того, что должно собираться в «Доме Пушкина», а достаточно ограничиться фра-

зою, что он сосредоточивает в себе все, могущее иметь отношение к деятельности и личности писателей.

§ 2 заменен следующей редакцией Саломона: «Дом Пушкина составляет государственное достояние и находится в ведении императорской Академии наук».

Самые продолжительные дебаты вызвал § 3, т. е. учреждение Совета Дома. Прежде всего Исаков находил, что председателем Совета должен состоять Президент Академии. Это было принято. Затем П. В. Никитин возражал против привлечения в состав Совета вице-президента и неперменного секретаря Академии. Он говорил, что не видит в этом особой необходимости. Толстой возражал, что включение в состав Совета вице-президента вовсе не обязывает его постоянно присутствовать в Совете, но дает ему право, если это потребуется, быть в Совете. Султанов находит, что число членов Совета вообще слишком велико и это будет вносить в дела сумбур.

По пункту «Б» § 3 решено не привлекать Отделение русского языка и словесности и Разряд изящной словесности в полном составе, а лишь двух депутатов от Отделения и трех от Разряда, избираемых на трехлетний срок. По этому вопросу, кроме того, решено запросить и Отделение, и Разряд.

По пункту «В» § 3 решено совершенно не поименовывать общества, деятельность которых подробно разобрал Исаков, а предоставить при учреждении Дома Отделению русского языка и словесности и Разряду изящной словесности избрать общества, которые могли бы выбрать своих представителей в Совет. П. В. Никитин указал на необходимость включить в состав Совета представителей русской словесности историко-филологических факультетов 8 университетов.

Из пункта «Г» § 3 исключен представитель г. Москвы. На этом особенно настаивал гр. Толстой.

В § 4 сделано дополнение, что директор Дома состоит вице-председателем Совета.

§ 6 исключен совершенно.

В § 7 решено смягчить несколько редакцию.

В §§ 8 и 9 П. В. Никитин предложил сделать поправку, чтобы избрание производилось не в почетные ревнители и не в члены-сотрудники Дома Пушкина, а в почетные члены и члены-сотрудники Совета Дома Пушкина. Решено также §§ 8, 9 и 10 соединить в один параграф.

§§ 11 и 12 приняты без изменений.

Теперь надо переработать Положение и, когда оно будет готово, созвать Комиссию для окончательного утверждения его. 23-го я выезжаю в Москву <...>

25 сентября 1906, Москва. К 12 часам отправился к А. А. Бахрушину с экземпляром «Гамлета».⁵¹ Он тотчас же выбежал ко мне со свойственной ему торопливостью, поблагодарил за подарок великого князя и спросил: «Расскажите мне, В. А., в каком положе-

нии теперь Пушкинское дело? За те два года, что мы с вами не виделись (мы виделись в прошлом году), из моей памяти ускользнули все детали его <...>».

Я стал знакомить его с выработанным Положением о Доме, цитируя каждый параграф. Когда я сказал ему, что Дом Пушкина будет состоять в ведомстве Министерства народного просвещения, он воскликнул:

— Ах, никто ничего не даст!

— Это мы предвидели и потому заменили другой редакцией. Я ему ее процитировал, и он сказал:

— Ну да, это другое дело.

Наконец дошли до параграфа, где говорится о Совете. Он его внимательно выслушал, и, видимо, он ему понравился.

Он стал говорить, что Положение не оставляет желать ничего лучшего, что он постоянно будет муссировать вопрос в Москве, что если бы мы Дом строили в Москве, то тотчас же он собрал бы капитал и через два года Дом был бы готов, но что это невозможно, потому что такое учреждение должно быть управляемо Академией наук.

Затем мы пошли осматривать Музей, который поистине великолепен. Здесь он подарил в Дом весь материал (печатный) о юбилее Пушкина, прекрасно-обработанный его женою,⁵² и тут же познакомил меня с нею. Она сказала, что ей остается несколько дней работы над этим материалом и тогда он будет готов. Что этот свой труд она с удовольствием отдаст, но что вообще предметы из Музея А. А. отдать из Москвы не имеет права <...>

2 октября 1906, СПб. На генеральной репетиции «Измены» видел П. И. Вейнберга. Он сказал мне, что в литературном мире возмущаются присутствием в Пушкинской Комиссии П. Н. Исакова. Что это человек сомнительной нравственности и честности, что он попал в Комиссию как председатель Литературного общества, но Общество это уже не существует. Оно ликвидировало свои дела, и члены его, среди них Вейнберг и Кони, уже два года требуют от Исакова отчета, и он его до сих пор не представил. На днях они обратятся к нему с нотариальным письмом, а затем напишут об этом в газетах. Я обещал завтра переговорить об этом с С. Ф. и затем приехать к нему.

Я находил, что и он и Кони могут возбудить этот вопрос в Разряде изящной словесности, когда он соберется, обсудить его и уведомить Комиссию о своем решении. Посмотрим, что скажет Ольденбург <...>

13 октября 1906, СПб. По поводу Исакова С. Ф. Ольденбург держится того же взгляда, что и Вейнберг, но находит, что трудно, не имея на руках данных, от него избавиться. Другое дело, если Вейнберг и Кони исполнят свое намерение, — тогда уже Исаков должен будет выбыть из состава Комиссии как опороченный. А я придумал вот какой исход: Комиссия по постройке памятника

А. С. Пушкину, созванная в 1899 г., строго говоря, закончила свою деятельность. Она собрала деньги, совершенно достаточные для постройки памятника, разработала Положение о Доме Пушкина и в ближайшем будущем утвердит его. Всем этим, по-моему, ее миссия закончилась, она свое дело выполнила. Теперь предстоит ей работа по созиданию Дома Пушкина. Но при чем же в этой созидательной работе такие, например, члены, ничего не имеющие общего с русской литературой, как П. В. Никитин, гр. И. И. Толстой, А. П. Саломон? Я нахожу, что в созидании этого Дома, посвященного русской литературе, непременно должны участвовать прежде всего литераторы, конечно, не из разряда таких, каким является П. Н. Исаков. И я очень опасуюсь, что нам поставится прессой в упрек, что у нас литераторов нет в Комиссии. Дом, создаваемый для классиков русской литературы, не имеет даже представителя истории русской литературы! Поэтому я нахожу совершенно своевременным, как только в следующем заседании будет утверждено Положение о Доме Пушкина, приступить к организации новой Комиссии, которая заботилась бы уже о создании такого Дома. Тут совершенно естественно сам собою отпадет от Комиссии П. Н. Исаков, не приглашенный в нее, и могут освободиться от звания членов Комиссии и П. В. Никитин и А. П. Саломон. Относительно гр. Толстого и М. Я. Виллие я не берусь высказать своего взгляда, не зная, в какой области они могут быть полезны Комиссии. Это уже дело С. Ф. В будущую Комиссию было бы очень желательно пригласить, например, А. А. Бахрушина как знатока по устройству музеев и т. п.

Зреет у меня еще одна и довольно смелая мысль. Это по утверждении Положения о Доме Пушкина в Комиссии провести его законодательным путем в жизнь и таким образом добиться, чтобы Дом, хотя и не построенный еще, но уже существовал бы. Существовал бы и Совет Дома, и на нем бы лежали функции, которые теперь исполняет Комиссия.

Сегодня я был у Вейнберга. Я хотел узнать, когда он и Кони возьмутся за Исакова, чтобы созвать Пушкинскую комиссию уже после того, как они его выведут на чистую воду, и чтобы таким образом он не мог уже попасть на заседание Комиссии.

С ним я, между прочим, говорил и о моем плане создать дружную Комиссию. Он говорит, что в этом мне поможет. Когда в Разряде будут читать бумагу нашей Комиссии, с которою мы туда обратились, они поднимут вопрос о том, удобно ли, что в этой Комиссии заседает Исаков и что в ней нет ни одного литератора. Я просил его до моего разговора с С. Ф. о создании новой Комиссии в Разряде ничего не предпринимать. Быть может, С. Ф. решит сам доложить Президенту мою мысль, и тогда в разговоре в Разряде уже нужды не будет. Я обещал ему завтра же переговорить с С. Ф. и 16-го заехать к нему поговорить.

Вейнберг говорил, что письмо Исакову он и Кони уже написали. Гнедич болен и никого не принимает.

14 октября 1906, СПб. С. Ф. находит, что образовывать новую Комиссию нет надобности и это сопряжено с большими трудностями. Во-первых, настоящая Комиссия высочайше учреждена, следовательно, она должна быть и высочайше упразднена, и для образования новой Комиссии необходим новый всеподданнейший доклад, на что Президент идет довольно туго. Во-вторых, Президенту дано право приглашать в Комиссию неограниченное число членов, а следовательно, от него будет зависеть пригласить в Комиссию представителей литературы. Я думаю, придравшись к смерти А. Н. Веселовского, составить от имени С. Ф. доклад Президенту, в котором просить его назначить в Комиссию нового члена вместо покойного, а попутно назначить и литераторов.

16 октября 1906, СПб. Передал Вейнбергу взгляд Ольденбурга на образование новой Комиссии. Он согласился и сказал, что будет действовать через Разряд <...>

7 декабря 1906, Москва. В Кружке встретил П. А. Сергеенко.⁵³ Он сказал мне, что ему очень надо со мною долго поговорить, и я просил его приехать завтра в Б<ольшую> Московскую ко мне завтракать.

8 декабря 1906, Москва. Сергеенко приехал, как обещал. Дело, о котором он хотел со мною поговорить, заключается в следующем. Он предполагает продать Комиссии весь свой материал для книги «Как живет и работает гр. Л. Н. Толстой». Материал этот, по его словам, громадный. Им собрано все, что выходило в печать во всем мире о Толстом, все фотографии, рисунки и т. п. Цену он назначает от 3 до 4 тыс., причем окончательную сумму он предоставляет определить Комиссии. Он просит только, чтобы дело было обставлено так, чтобы, если Комиссия не найдет возможным купить эту коллекцию, дело это не было бы оформлено и он не получил бы от Комиссии формального отказа. Я обещал ему такой путь: по приезде скажу об этом С. Ф. и попрошу его доложить великому князю. Если он согласится на покупку и скажет, что об этом надо доложить Комиссии, то я поговорю отдельно с каждым из членов ее и, получив их принципиальное согласие, внесем предложение на обсуждение Комиссии. Я просил Сергеенко дать мне полный каталог коллекции, и он обещал мне выслать его в Клин, когда я буду проезжать эту станцию. Сергеенко совершенно прав, говоря, что нам прямой расчет приобрести эту коллекцию уже потому, что до сих пор нет определенного хранилища реликвий Толстого. С приобретением этой коллекции в публике вселится сознание, что все, что касается Толстого, надо предлагать нам <...>

10 декабря 1906, Москва. Был у Бахрушина. Осматривал Музей и завтракал у него. Отношения у нас устанавливаются очень сердечные, но, конечно, материальных результатов эти отношения не приносят еще. Однако, видимо, он не забывает Дома Пушкина. Этот раз я нарочно ничего не заговаривал о денежной стороне. Бахрушин показывал мне уже почти окончательно при-

веденные в порядок материалы, собранные им по поводу столетнего юбилея со дня рождения Пушкина. Это он пожертвовал нам. Кроме того, от имени Владимира Васильевича Постникова он заявил, что тот жертвует коллекцию различных предметов, вышедших в юбилейные дни, имеющих отношение к Пушкину <...>

11 декабря 1906, СПб. Вчера в Клину мне подали письмо Сергеевко, в котором он меня уведомляет, что не успел приготовить каталог и вышлет мне его в Петербург. Надо будет, значит, обождать. Только нет ли тут какой-нибудь дипломатии?!.. <...>

2 января 1907, СПб. Сегодня утром меня вызвал к телефону Сергеевко и просил приехать обедать к Донону. Говорит, что привез с собою каталоги его коллекций и что надо поговорить о деле, о котором я подробно занес в дневнике от 8 декабря 1906 г. Нового он ничего не прибавил, за исключением разве того, что вместо 3—4 тыс. он теперь просит 5, причем великодушно предлагает, чтобы ему заплатили в этом году 2 тыс. и затем по 1000 р. в 1908, 1909 и 1910 гг.! Каталоги я просмотрел. Действительно, масса фотографий (их занесено 875 шт.); что же касается «Каталога собрания писем Л. Н. Толстого и статей о нем», то он составлен довольно туманно! Например, № 29. «Беседа (с немецкого), стр. 229»; № 325. «Освободительное движение. (Л. Толстой и русское освободительное движение) А. Волинского. Стр. 237, I». Что это значит, я не понимаю. . .

Завтра постараюсь подробно переговорить об этом с С. Ф. и попрошу его проштудировать каталоги.

Сергеевко хочет заехать к С. Ф. 4-го утром, — надо нам сговориться.

4 января 1907, СПб. Сергеевко был у С. Ф. Разговор происходил при мне. Нового он ко всему, что я написал в этом дневнике, ничего не прибавил, за исключением лишь того, что он соглашается, если потребуются, привезти коллекцию в Пб. для осмотра. С. Ф. обещал при первом свидании с Президентом обо всем ему доложить <...>

21 января 1907, Москва. Сегодня прчехал в Москву и отправился к Вахрушину завтракать. Жена его закончила наклеивку газетных вырезок, и весь этот материал он пожертвовал в «Дом Пушкина». Это очень ценное собрание. В нем сосредоточено все что писалось и выходило в печати о Пушкине в юбилейные дни. Лет через десять этого бы уже собрать нельзя быто бы. Спросил меня, утверждено ли Положение, и, узнав, что еще не утверждено, сказал, что без него мы как без рук <...>

10 февраля 1907, СПб. Я пустился на хитрости. Иначе мне уже ничего не остается делать. С выборами в Думу, с общественным движением Ольденбург совершенно выбился из колеи, и я никак не могу добиться назначения заседания для утверждения Положения о «Доме Пушкина». Я кончил тем, что написал письмо Казину и просил его запросить меня, утверждено ли Положение, и если не утверждено, то пусть выскажет опасение, что это

17 февраля
1826 г.

Милостивый Государь

Сергей Фёдорович

По вашему Высочайшему повелению
получил я от вас письмо, что в две упаковки
на прошлой неделе Библиотека Академии наук
А. С. Пушкина перенесла в комнаты
своего в доме на преобразовании и складаны
за сору в восьмидесяти томах
указано, что в А. С. Пушкина
и что письмо от меня будет
Ваше повеление во исполнение
наступить в то же
будущее, чтобы в совершенном
уверении и преданности
А. Пушкина

Письмо А. А. Пушкина к непрерывному секретарю Академии наук академику С. Ф. Ольденбургу относительно личной библиотеки А. С. Пушкина.

неутверждение поведет к провалу ассигнования на этот год Круглом следующих 5000 рублей. Да это и в самом деле будет так. Если и будет утверждено Положение, то когда же я буду иметь время интриговать и работать?! Я и Борису Львовичу скажу об этой хитрости уже после получения письма от Казипа. Думаю все-таки в конце февраля, если не разгонят Думу после 20-го, съездить в Москву узнать о настроении публики относительно этих 5000 р.

15 февраля 1907, СПб. Казин понял меня прекрасно, и сегодня я получил письмо, где он ругается, что Положение еще не утверждено. В этом письме, положим, уже миновала надобность, так как вчера случилось вот что. Должно было быть заседание Физико-математического отделения, и я утром спросил С. Ф., не подать ли мне великому князю письмо, о котором я упомянул в дневнике от 26 января.⁵⁴ Он ответил, что вряд ли великий князь будет в заседании, что он избегает Академию, потому что в ней много кадетов, а он их не отличает от эсеров. Однако С. Ф. ошибся, и перед заседанием я узнал, что великий князь будет. Когда С. Ф. пришел наверх, я сказал ему, что великий князь придет, и опять предложил письмо. Он его взял, а после заседания сказал, что великий князь назначил заседание вечером 28 февраля и согласился пригласить в члены Комиссии министра народного просвещения П. М. Кауфмана⁵⁵ и П. Е. Рейнбота. Относительно председателей кружков он говорит, что надо повременить, пока публика успокоится после созыва Думы и пока выяснится настроение общества. Сегодня я уже отдал в набор Положение. Слава богу, если Положение будет утверждено, мне года два не нужно будет созывать Комиссию!..

28 февраля 1907, СПб. Положение утверждено сегодня! Наконец дело кончено. Теперь его надо проредактировать и отослать министру народного просвещения для представления на высочайшее утверждение. Я не буду записывать снова прений, я их занесу в протокол. Должен сказать, что настроение было в высшей степени миролюбивое и что Рейнбот оказался чрезвычайно дельным человеком. Этого я от него не ожидал в такой полной мере! Да и Модзалевский сомневался, чтобы он был очень полезен. Однако оба мы ошиблись: протокол заседания 28 февраля это ясно доказывает. Великий князь, прощаясь со мною, после заседания сказал: «Ну, теперь, В. А., действуйте уже вы!..». Вероятно, С. Ф. сказал ему о моем нытье <...>

26 марта 1907, СПб. Вчера ехал из Москвы вместе с С. Ф. Ольденбургом. В вагоне рассказал ему все, что сделали и узнал в Москве. С. Ф. тоже находит, что, как только будет высочайше утверждено Положение о Пушкинском Доме, надо будет учредить и Совет. Мы с Модзалевским сегодня долго обсуждали этот вопрос. Совет необходим, а между тем учреждение его представляет и неудобства. Возможно ли совместное существование Совета и Комиссии, и если невозможно, то при уничтожении Комиссии из

этого дела должны выбыть С. Ф. и я. Потому что нас трудно пристегнуть к Совету. Ни непременно секретарь, ни чиновник особых поручений Академии в Совете не участвуют. С. Ф. Ольденбург еще может участвовать в Совете, положим, в качестве почетного члена, а мне приходилось бы занять должность ученого секретаря, хотя бы временно, что совсем не желательно, потому что лицо, занимающее эту должность, должно быть с высшим образованием. Если же останутся и Комиссия и Совет, то какие их функции, каждого в отдельности?.. <...>

8 июня 1907, Орел. Весьма любопытно, почему встречаются люди, которые ни с того, ни с сего возьмут и наврут! Когда я 25 апреля ехал в Москву, со мной в одном купе ехал некто Гринев, орловский помещик, как он себя мне рекомендовал. Узнав о цели моей поездки в Москву и о Пушкинском Доме, он стал рассказывать мне, что в Спасском-Лутовинове все реликвии Тургенева свалены в каком-то сарае, там же валяются и портреты его родителей и предков; что стол Тургенева нынешняя владелица Спасского, молодая барышня Галахова,⁵⁶ подарила своему институтскому учителю. По приезде в Пб. я рассказал об этом С. Ф., и мы решили, что туда надо поехать и разузнать обо всем этом. 7-го утром я отправился во Мценск, от которого Спасское отстоит в 10 верстах. В 12 часу я отправился к председателю Управы Шеншину⁵⁷ и спросил его, не знает ли он, кто в настоящее время живет в Спасском. Он отвечал, что в Спасском никого нет, что дом Тургенева сгорел, а что владелица его, Ольга Васильевна Галахова, живет в Орле. В 2 часа я выехал в Орел и в пятом часу приехал к Галаховым. Вышел ко мне пожилой представительный господин, назвавшийся мужем О. В. Галаховой. Вскоре вышла и сама О. В., оказавшаяся вовсе не молодой барышней, а женщиной, уже имеющей взрослых дочерей! Я сказал им, что имею поручение узнать, в каком виде находятся в настоящее время тургеневские реликвии. Галахов очень оживился и тут же показал мне какие-то бронзовые вазочки (мы сидели в гостиной), рог изобилия и сказал, что они принадлежали Тургеневу; затем просил меня перейти в кабинет и тут показал мне письменный стол, кресло, передиванный стол, три шкапа с книгами, постель и этажерку. Это все вещи Тургенева, вывезенные из Спасского. Тут же в кабинете висел портрет отца Тургенева и рукопись «Студент» в особой витринке. Все в великолепном виде, чисто, изящно, видно, что хранится с любовью. На мой вопрос, где находятся еще вещи, Галахов ответил, что у него есть еще знаменитый тургеневский «самосон» и беговые дрожки, а большая часть портретов находятся у сонаследницы О. В., г-жи Сухотиной.⁵⁸ Мне оставалось только поражаться, зачем понадобилось Гриневу так отчаянно мне соврать!..

Ясно было, что получить эти вещи для Пушкинского Дома было невозможно: со слишком большою любовью их берегли и к ним относились. Однако я все-таки передал Галаховым взятый

с собою корректурный оттиск Положения о Пушкинском Доме, прося их обратить внимание на тот пункт, в котором говорится, что коллекции, выставленные в Доме, могут оставаться собственностью их владельцев, а также прося их не смотреть на меня как на человека, желающего их, т. е. коллекции, у них выманить. Галахов сказал, что в настоящее время он с коллекциями не расстанется, но что его очень заботит судьба Спасского-Лутовинова. Ему трудно поддерживать его, а между тем на нем лежит моральное обязательство за него перед образованной Россией. Недавно принятые на службу новобранцы, «гожие», как их называют, забрались в тургеневский дом, устроили там попойку и в конце концов сожгли этот дом в пьяном виде. Несколько лет тому назад он писал Суворину письмо, в котором говорил, что Спасское должно быть принадлежностью государства, там в память Тургенева можно было бы устроить среднее учебное заведение для всей округи, наподобие таких же заведений в Англии, но никакого результата от этого письма не получилось. Он говорит, что было бы хорошо, если бы Академия взялась за это дело. Я ответил, что доложу обо всем этом С. Ф. Ольденбургу, и затем мы выясним дальнейшую программу действий, а что в настоящее время затрудняюсь дать ему какой-нибудь определенный ответ <...>

2 июля 1907, СПб. Галахов приехал в Петербург и вызвал меня завтракать в Grand Hôtel 21 июня. Туда же пришел завтрак Василий Васильевич Алферьев, его двоюродный брат. Галахов рассказал мне следующее. Несколько лет тому назад к нему в Орел приехал какой-то господин и сказал ему, что великая княгиня Ольга Александровна Ольденбургская желает, чтобы ее имя было связано с какою-нибудь просветительной идеей и чтобы Россия знала ее и помимо того, что она великая княгиня. Поэтому он предлагает Галахову продать великой княгине Спасское-Лутовиново для устройства там просветительного учреждения. Галахов ответил, что в такие руки он имение охотно продаст, и наконец этот господин спросил, какой процент Галахов ему уплатит, если продажа совершится. Галахов сказал, что он платить ничего не станет и на такой почве вести дело не желает. Этот господин так и скрылся. Теперь Галахов находит, что великая княгиня, вероятно, согласится и пожелает вести дело совместно с Академией <...>

3 августа 1907, СПб. 25 июля за обедом у Б. М. Микешина мне пришлось познакомиться с ротмистром Приамурского драгунского полка Виктором Сергеевичем Боткиным, родным сыном знаменитого Сергея Петровича. Когда я недавно виделся с Галаховым, он мне передавал, что много писем и рукописей Фета находится в семье Боткиных, потому что одна из сестер Боткиных была замужем за Фетом.⁵⁹ Обедая с Виктором Сергеевичем, мы с Модзалевским стали его расспрашивать, не знает ли он, у кого именно находятся письма Фета. Он отвечал, что знает наверное,

что у дяди его, Михаила Петровича Боткина, есть письма Фета, и обещал съездить к нему и расспросить подробнее. Сегодня я видел Виктора Сергеевича, и он передал мне, что Михаил Петрович (В. О., угол 18 линии и Б<ольшой> Невы, свой дом) обещал передать эти письма нам и просит меня прийти к нему осенью <...>

4 октября 1907, СПб. Виделся с П. И. Вейнбергом. Говорили о Пушкинском Доме и договорились до того, что он решил писать докладную записку великому князю о необходимости теперь же распустить Комиссию и учредить Совет. Говорит, что С. Ф. Конференция может выбрать в Совет как своего представителя (пункт «Б» статьи 6 Положения) и, таким образом, он будет сохранен для дела, а меня великий князь может просто назначить временно до постройки Дома исправлять должность ученого секретаря. Передал об этом разговоре С. Ф., но он не согласен и поручил мне просить Вейнберга до свидания с ним ничего не писать великому князю.

7 октября 1907, Москва. Сегодня был у Бахрушина. Понемногу он погружается в дело. Он просил меня повидать некоего Николая Григорьевича Еремеева, который служит в Главном управлении почт и телеграфа. Этот Еремеев жил на квартире у какой-то женщины, у которой сохранились вещи Некрасова и Гончарова и которая желала от них отделаться. Бахрушин просит, чтобы я разузнал, в чем дело, узнал цену (не говоря об имени Бахрушина) и сообщил бы ему сумму, за которую вещи продаются. Он вышлет мне деньги и пожертвует вещи в Пушкинский Дом <...>

21 декабря 1907, СПб. Сегодня случилось нечто необычайное, нечто, к чему мы совершенно не привыкли!! Великий князь прислал нам письмо Коковцова (министра финансов), при котором он препровождает ему копию со своего всеподданнейшего доклада. Оказывается, Коковцов, будучи в Париже, видел коллекцию А. Ф. Онегина⁶⁰ и доложил государю, что ее надо непременно приобрести для Пушкинского Дома. Он условился с Опегиным, что русское правительство покупает эту коллекцию и уплачивает Онегину 10 000 р. одновременно и по 6000 р. в год пенсии. Коковцов в докладе говорит, что пенсия эта не так велика, ибо Онегину уже 67 лет! Коллекция остается в Париже у Онегина до его смерти под охраной и наблюдением посла.

Сергей Федорович болен и не выходит, а потому у него на квартире тотчас же собрались акад. Шахматов, Модзалевский и я. Я забыл упомянуть, что великий князь ошибся и прислал письмо Коковцова Шахматову и спрашивает, не надо ли внести это письмо на обсуждение II Отделения. Почему он забыл о нашей Комиссии, я не постигаю! Это тем более странно, что заглавие всеподданнейшего доклада Коковцова гласит: «О приобретении коллекции Онегина для Пушкинского Дома <...>». Шахматов стал настаивать на том, что коллекция должна поступить

в Рукописное отделение, но мы все трое его скоро разубедили. Тогда мы составили ответный благодарственный рескрипт Коковцову и завтра его отправим великому князю на подпись.

30 декабря 1907, СПб. Вчера во время торжественного заседания Н. А. Котляревский⁶¹ сказал С. Ф., что после смерти П. А. Ефремова⁶² осталась драгоценнейшая библиотека, которую было бы необходимо купить для Пушкинского Дома. С. Ф. написал об этом великому князю.

31 декабря 1907, СПб. Великий князь просит С. Ф. поехать к министру финансов и переговорить о Ефремовской библиотеке. Я отправился узнать, когда министр может его приехать, и тот просил, чтобы С. Ф. приехал к нему сегодня в 9 ч. вечера. В 11 1/2 ч. вечера С. Ф. вернулся от него, заехал ко мне и рассказал мне следующее.

Коковцов⁶³ принял его вначале довольно сухо, хотя и любезно. С. Ф. начал с того, что поблагодарил его за его заботы о Пушкинском Доме, на что тот ответил, что у него уже готово ответное письмо великому князю, в котором он просит его высочество освободить его от дальнейших переговоров с Онегиным ввиду того недоверия, с каким в Академии отнеслись к этим его переговорам. Оказывается, он обиделся на то, что мы просили, чтобы предварительно покупки коллекции ей была бы составлена инвентарная опись! С. Ф. утверждает, что Коковцов считает себя большим психологом и обиделся на то, что ему как бы не поверили, что Онегин честный человек. С. Ф. дал Коковцову высказаться и затем сказал ему, что эта опись отнюдь не представляет собою чего-нибудь контролирующего, а просто Академия, издавая как раз в настоящее время полное собрание сочинений Пушкина, не считала себя вправе не использовать собрания Онегина. Наложением же штемпелей на предметы коллекции Академия хотела предотвратить возможность кражи предметов у Онегина. На эти штемпеля Коковцов особенно обиделся. Выслушав С. Ф., Коковцов ответил, что он не понял, значит, намерений Академии и просит ответить ему на его письмо в том духе, как С. Ф.

Затем С. Ф. обратился к нему с вопросом, как поступить с ефремовской библиотекой, и начал было объяснять ему ее ценность, но Коковцов его прервал и сказал, что раз в Академии находят, что библиотека драгоценна, не его дело об этом рассуждать. Его дело дать деньги на это. Он спросил, что она стоит. С. Ф. ответил, что, вероятно, от 30 до 40 тысяч. Коковцов сказал, чтобы мы вполне рассчитывали на эту сумму, просил только поторговаться.

3 января 1908, СПб. Сегодня я и Модзалевский отправились навести справки относительно ефремовской библиотеки. На квартире, где он жил, нас не приняли. Прислуга довольно грубо заявила нам, что вдова полоумная и с нею говорить нельзя. Мы сказали, что нам надо поговорить о книгах. Она ответила, что книги все оставлены племяннице. Мы спросили, где она живет, и отправились к ней. Оказалось, что она больна. Нас приняла ее слепая

мать, и мы просили уведомить нас, когда ее дочь выздоровеет, потому что нам надо с ней поговорить о библиотеке, которую хочет купить Академия.

Январь 1908, СПб. С. Ф., я и Модзалевский были сегодня у Ефремовой. Тип Коробочки. Порешили на том, что когда она будет введена во владение, тогда мы осмотрим библиотеку и оценим ее. Она хочет продать ее за 33 000 р., там тысяч пятнадцать томов. 3000 р., вероятно, накинуты для того, чтобы было что уступить. Думаем, что сойдемся на 25 000 р. Описывать, как мы ее запрашивали, не стоит <...>

16 мая 1908, СПб. Совершенно не ожидал я, что так печально придется мне закончить этот дневник...

Для того чтобы понять все то, что творилось за то время, что я не заносил сюда своих заметок, я должен буду написать несколько слов о себе и закончить этот дневник моим письмом к Б. Л. Модзалевскому.

Когда в конце декабря прошлого года нам стало известно о приобретении Онегинской коллекции и было решено произвести ей инвентарную опись, я высказал С. Ф. Ольденбургу тот взгляд, что для этой работы в Париж должны были бы ехать Модзалевский и я. Я находил, что, если поедет кто-нибудь помимо нас, нам это будет обидно, так как больше всего для Пушкинского Дома работали мы. Я говорил, что Модзалевский должен быть командирован от Министерства финансов с выдачею ему на поездку денег, а я могу быть командирован в помощь ему от Комиссии на те средства, которые я получаю от нее ежемесячно. С. Ф. со мною тогда согласился, и свидетель этому Модзалевский. Я не буду строить догадок, буду сообщать только факты. Восторгаясь крупным приобретением в Пушкинский Дом, я, естественно, разговаривал об этом и, между прочим, рассказал обо всем этом Гнедичу, сказав ему, что мы едем в Париж. Он передал об этом, в числе новостей, Розенбергу,⁶⁴ тот написал этот слух в «Петербургской газете», и тотчас там же Плетнев,⁶⁵ а в «Руси» Лернер⁶⁶ стали писать статьи с вопросами, почему я компетентен в Пушкинских рукописях и как можно допускать, чтобы от моего осмотра зависело решение, покупать Онегинскую коллекцию или нет. Я отвечал, что от моего решения это не будет зависеть, а желать ехать в Париж осмотреть коллекцию и радоваться ее приобретению мне никто запретить не может.

22 апреля я вернулся из Москвы. Когда я пришел к С. Ф., он передал мне свое письмо к великому князю, в котором он писал ему, что настало время командировать в Париж Модзалевского с выдачею ему 400 р., и просил разрешения снести по этому поводу с министром финансов. Обо мне в письме не говорилось ни слова, и, что меня до крайности удивило, С. Ф. тоже ни единого слова мне о моей поездке не сказал. На письме была резолюция великого князя о согласии его на командировку Модзалевского. С. Ф. просил меня написать министру финансов

письмо об этой командировке, что я и исполнил и, подав ему бумагу, отправился к Мкодзалеvскому, который после болезни сидел дома. Обо всем этом я передал Мкодзалеvскому. Тот страшно возмутился и стал меня уговаривать переговорить с С. Ф. Я отказался, говоря, что я заявил о своем праве, а выключивать эту командировку не намерен, ибо никогда ничего для себя не прошу.

Как только Мкодзалеvский вышел из дому, он тотчас же заговорил о моей поездке в Париж с Охльденбургом. Тот отвечал, что моя поездка очень стеснительна для течения академических дел, что даже П. В. Никитин тяготеется моими отлучками в Москву <...> что я езжу, хлопочу, а между тем что же дали мои московские поездки?! Мкодзалеvский отвечал ему, спорил с ним, возражал, но ничего не помогало. Тогда Мкодзалеvский высказал мысль, что устранение меня от поездки может повести дело к тому, что я к нему, к делу, охладею. Охльденбург очень возмутился и отвечал, что Мкодзалеvский отзывается обо мне оскорбительно, что я служу делу из-за идси и что он это докажет Мкодзалеvскому и будет со мною говорить при нем. Когда мне Мкодзалеvский рассказал об этом, я тотчас же ответил ему, что ручаюсь, что Охльденбург со мною говорить об этом не будет, потому что он знает, что мои возражения на все причины, якобы препятствующие мне ехать в Париж, будут иметь под собою очень и очень твердую почву. Так оно и случилось! До сегодняшнего дня Охльденбург со мною обо всем этом не говорил! Мкодзалеvский не успокаивался. Он раз пять приставал к Охльденбург с моей поездкой и, конечно, ничего не добившись, уехал 15 мая в Париж. Вот в коротких словах все, что произошло <...>

11 января 1909, СПб. Сегодня я был у Нестора Александровича Котляревского, назначенного на днях членом Комиссии. Мы сговорились с ним, что я приеду к нему и подробно ознакомлю его со всем, что сделано, и с моими дальнейшими планами. Это было тем более необходимо, что С. Ф. Охльденбург в марте отправляется в экспедицию в Туркестан на год и управление делами Комиссии на время отсутствия С. Ф. предлагается передать Котляревскому. Приехал я к нему в 1 ч., уехал в 3½ ч. Но должен быть правдив, не все время мы посвятили Пушкинскому Дому. Дело в том, что Котляревский недавно назначен начальником репертуарной части Императорских театров, и мы часто отвлекались к театральному делу и помпугу и подолгу говорили и спорили о нем. Все же я передал ему довольно подробно обо всем, что было сделано, о моих дальнейших планах и о настоящем положении дела.

Взгляд Котляревского на дело сводится приблизительно к следующему. Он находит, что у нас совершенно достаточно дела (и это верно), чтобы приступить к постановке памятника. Хотя бы сделать это дело. Затем он предполагает, что мы можем обратиться с просьбой к Академии художеств, чтобы нам безвоз-

ВЪ МАРИНСКОМЪ ТЕАТРѢ

въ Понедѣльникъ, 14-го апрѣля 1900 г.

СПЕКТАКЛЬ

въ пользу фонда ВЫСОЧАЙШЕ устроенной Комитетомъ по устройствѣ
памятника А. С. Пушкина въ С.-Петербурѣ
(на устройство Пушкинскаго Дома).

представитъ ИМПЕРАТОРСКИЙ Театръ артистами фонда, въ 14 актѣ

КОМЕДИЯ О НАСТОЯЩЕЙ ВЪДѢ
МОСКОВСКОМУ ГОСУДАРСТВУ

ВѢДЪ ИЛИ ВЪДЪ

(XVI картина).

Писана рабъ Воинъ Александръ иже Сергѣевъ Пушкинъ, въ 1878 г. на порученіе Высочайшаго.

Изобразилъ художники: А. Савинъ, И. Козловъ, Л. Козловъ, Ш. Шеллеръ и П. Шеллеръ.

Служащія артисты Императорскаго Театра въ роли: „Вѣдъ“ — Г. Г. ДАВЫДОВЪ и „Маски“ — Г. Г. ВАРЛАМОВЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛІЦА:

Царь Борисъ Федоровичъ Годуновъ	Генъ Го.
Марина Марья Григорьевна	Генъ Сергѣевъ.
Маскочъ Савостьянъ	Генъ Маскочъ.
Марина Козлова	Генъ Козловъ.
Петрархъ	Генъ Петровъ.
Илья Василій Шуйскій	Генъ Шуйскій.
Александръ Пушкинъ	Генъ Пушкинъ.
Татьяна Пушкина	Генъ Татьяна.
Васильевъ	Генъ Васильевъ.
Савостьянъ Годуновъ	Генъ Савостьянъ.

Афиша спектакля в Маринском театре, сбор с которого предназначался на устройство Пушкинского Дома.

мездно был разработан эскизный проект Пушкинского Дома. Он говорит, что художники могли бы внести этот труд на пользу хорошего дела, что это была бы их лепта ему. Таким образом, имея приблизительный проект Пушкинского Дома, мы могли бы ориентироваться и знать, какую сумму нам необходимо иметь, чтобы осуществить нашу идею. С этими двумя положениями я готов согласиться, но должен оговориться, что я положительно не верю, чтобы даровитые художники стали работать даром, а нужны ли нам бездарные проекты?!

Но с главным его положением я не согласен. Я не мог ему возражать с тою уверенностью, с какою говорил он, потому что дело касалось постановки научной стороны в Пушкинском Доме, но я чувствовал и чувствую, что он неправ. Он говорит, что Пушкинский Дом должен быть только музей, а не научное учреждение. Невозможно собрать в Пушкинский Дом все научные материалы для разработки творчества того или иного классика. Для этого уже существует Публичная библиотека. Пушкинский Дом должен представлять собою саркофаги классиков и ничего больше. Я сказал ему, что в этом вопросе я не компетентен, но чувствую, что это не так, и для возражения ему приведу к нему Модзалевского. Точно так же не могу я согласиться с тем, что он говорит, что необходимо ограничить классиков, которые будут представлены в Доме. По его мнению, в Доме должны быть представлены классики, начиная с Пушкина и кончая Гоголем. Тургенев, Достоевский, Гончаров, Островский, Григорович — уже другая эпоха. Если же следовать нашей идее, то где же конец? Вот основные его положения.

Но в общем он произвел на меня прекрасное впечатление. Он только высказывает свой взгляд, но далек от того, чтобы требовать ломки <...>

6 ноября 1909, СПб. Кажется, в феврале было заседание Комиссии. В этом заседании было решено образовать подкомиссию (ох, уж эти подкомиссии — верное средство губить дело!), которая должна будет точнее определить, что должен из себя представлять Пушкинский Дом. В состав подкомиссии вошли Шахматов, Котляревский, Исаков, Модзалевский, я, А. Бенуа⁶⁷ и М. П. Боткин. Работали честь-честью, и в конце концов Боткин предложил такой выход: просить профессоров Академии художеств, чтобы, когда они будут задавать своим ученикам работы для получения звания архитектора, они задали тему — Пушкинский Дом в связи с памятником Пушкина. Разработали более или менее подробную программу и уполномочили Боткина переговорить с профессорами, чтобы ученики могли осязательно сдать проекты. Мы исходили из того положения, что, быть может, кому-нибудь из этой молодежи придет в голову оригинальная мысль и, главное, по разработанным ими планам мы сами будем в состоянии несколько ориентироваться в том, что мы задумали. Сегодня я спросил Боткина, чем кончилась его миссия. Он, — и это было

слышно по тону, — видимо, совершенно обо всем этом забыл, а по тому ответил мне так: «Да, я тогда же говорил кое с кем (!) из руководителей, но они к этому отнеслись как-то очень холодно. Знаете, лучше послать в Академию официальную бумагу об этом, у нас ведь без бумаги шагу ступить нельзя...».

Руководители отнеслись холодно, а Боткин и не потрудился делать что-нибудь дальше... <...>

26 октября 1910, СПб. Когда Стахович⁶⁸ хлопотал об устройстве Общества Толстого, он просил С. Ф. Ольденбурга принять участие в этом деле. С. Ф. не признал возможным работать в Обществе, преследующем те же цели, что и наша Комиссия, и, зная, что я ищу случая указать Стаховичу на существование Пушкинского Дома, просил меня передать ему и его ответ. Я написал ему письмо. Стал поджидать ответа, но так и не дождался. Между прочим, мне приходилось слышать о Стаховиче от Южица, от кн. Кекуатова и от Юрия Беляева⁶⁹ самые лестные отзывы. Всякий раз я им отвечал, что я его как человека не знаю, но всегда думал, что это истинный европеец. Однако поступок его со мною, т. е. что он даже не ответил мне на мое письмо по делу весьма серьезному, мне доказал противное. Они разубеждали меня, объясняя все простым недоразумением. На днях в Пб. приехал кн. Кекуатов. В разговоре он сказал мне, что на другой день он должен видаться со Стаховичем. Я напомнил ему историю письма и сказал, что 26 сентября этого года я опять писал Стаховичу, упомянув, что повторяю свою просьбу, потому что слышал от кн. Кекуатова и других близких ему лиц, что с моим первым письмом произошло очевидное недоразумение. Ответа на это письмо я тоже не получил, но знаю, впрочем, что моему посланному ответили, что Стаховича нет в Петербурге. Но, возвращаясь 17 октября из Москвы, я ехал в поезде вместе с ним. И вот прошла неделя со дня его возвращения, а он до сих пор не вызывал меня.

Вчера кн. Кекуатов был у Стаховича, передал ему всю эту историю, и он по телефону просил меня приехать к нему сегодня, к 10 час. утра. Я и был у него в это время. Относительно совместной работы нашей Комиссии и Толстовского общества для создания Пушкинского Дома, куда вошла бы и идея об увековечении памяти Толстого, Стахович держится того взгляда, что это едва ли выполнимо. Он говорит, что Толстой принадлежит не одной только России, как Пушкин, но всему миру и что после смерти Толстого средства на создание Толстовского Дома даст весь цивилизованный мир. Однако он не отрицает возможности, временно, до поры до времени, чтобы Толстому было отведено помещение и в Пушкинском Доме, без обязательства, чтобы реликвии его оставались там навсегда. Но все высказанное им есть его личный взгляд, а окончательное решение этого вопроса зависит от общего собрания Толстовского общества. Относительно же участия Общества в нашей выставке он сказал, что на это Общество пой-

дет совершенно охотно. Итак, мы решили, что как только будет назначено заседание Общества, будет приглашен в это заседание и представитель нашей Комиссии для окончательного решения первого вопроса <...>

29 марта 1919, СПб. Пушкинский Дом создан!

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Комиссия по сооружению памятника А. С. Пушкину в Санкт-Петербурге была создана при Академии наук 20 апреля 1899 г. решением Государственного Совета по докладу президента Академии наук; в ее задачи входил сбор средств на памятник по добровольной подписке.

² Дубровин Николай Федорович (1837—1904) — историк, занимал должность неперменного секретаря Академии наук с 1893 по 1904 г.

³ Ольденбург Сергей Федорович (1863—1934) — востоковед, занимал должность неперменного секретаря Академии наук с 1904 по 1929 г.

⁴ Президентом Академии наук с 1889 по 1915 г. был великий князь Константин Константинович (1858—1915), поэт, печатавшийся под псевдонимом К. Р.

⁵ Стороженко Николай Ильич (1836—1906) — шекспировед, профессор Московского университета; с 1894 г. — председатель Московского отделения Театрально-литературного комитета при дирекции имп. театров, с 1894 по 1901 г. — председатель Общества любителей российской словесности при Московском университете.

⁶ Веселовский Алексей Николаевич (1843—1918) — брат академика Александра Веселовского, профессор Московского университета, театральный критик и член Московского отделения Театрально-литературного комитета при дирекции имп. театров с 1891 по 1900 г. Жена его, Александра Адольфовна, была переводчицей, сотрудничала в журналах начала XX в.

⁷ Из упомянутых Рышковым московских актеров в Пушкинском спектакле 2 февраля 1902 г. в Москве приняли участие Южин Александр Иванович (1857—1927), артист Малого театра (Дон-Гуан в «Каменном госте»); Садовский Михаил Провович (1847—1910), артист Малого театра (Лепорелло в «Каменном госте»); Рыбаков Константин Николаевич (1856—1916), артист Малого театра (Мельник в «Русалке»); Шалыпин Федор Иванович (1873—1938) — артист Большого театра (Варлаам в «Борисе Годунове» М. П. Мусоргского, сцена в корчме); Ермолова Мария Николаевна (1853—1928) — артистка Малого театра (Нагаша в «Русалке»); Лешковская Елена Константиновна (1864—1925) — артистка Малого театра (Дона Анна в «Каменном госте»).

⁸ Нелидов Владимир Александрович, камер-юнкер и сын русского посла в Париже, был приглашен на службу в Московскую контору имп. театров В. А. Теляковским. С 1899 г. заведовал драматическим репертуаром, с 1902 г. — чиновник особых поручений при Московской конторе, в 1907—1908 гг. — управляющий группой Малого театра. Подробная характеристика Нелидова как человека и чиновника дана в «Воспоминаниях незаметного человека» (с. 452—466, тетради 5—6).

⁹ Теляковский Владимир Аркадьевич (1861—1924) — с 1898 по 1901 г. управляющий Московской конторой имп. театров, в 1901—1917 гг. — директор имп. театров.

¹⁰ Рышков Виктор Александрович (1862—1924) — беллетрист и драматург; дневники его хранятся в ИРЛИ (ф. 270).

¹¹ Официальное отношение неперменного секретаря Академии наук на имя Шалыпина и письмо к нему А. Н. Веселовского от 2 января 1902 г. с просьбой принять участие в совещании об устройстве Пушкинского спектакля см. в кн.: Ф. И. Шалыпин. Литературное наследие, т. I. М., 1957, с. 721, 849.

¹² Кондратьев Алексей Михайлович — режиссер, а с 1904 по 1908 г. главный режиссер Малого театра. О дружеских отношениях Рышкова с Кондратьевым см. в «Воспоминаниях незаметного человека» (с. 370—375 и др., тетрадь 5).

¹³ Ленский (князь Оболенский) Павел Дмитриевич (ум. 1910) — артист Александринского театра.

¹⁴ Гнедич Петр Петрович (1855—1925) — драматург и режиссер. в 1901—1908 гг. управляющий труппой Александринского театра. Был редактором-организатором литературного «Пушкинского сборника» (СПб., 1899), вышедшего в издательстве А. С. Суворина, доход с продажи которого (7 тыс. рублей) поступил в фонд постройки памятника Пушкину в Петербурге.

¹⁵ Далматов Василий Пантелеймонович (1852—1912) — актер Александринского театра.

¹⁶ Немирович-Данченко Владимир Иванович (1858—1943) — драматург и режиссер, один из организаторов Московского художественного театра.

¹⁷ В 1902 г. Московский художественный театр поставил пьесы М. Горького «На дне» и «Мещане», а в 1905 г. — «Дети солнца»; постановки имели большой успех, долгие годы не сходили со сцены и закрепили за театром репутацию «революционного».

¹⁸ Суворин Алексей Сергеевич (1834—1912) — журналист и драматург, издатель газеты «Новое время». В 1902 г. баллотировался в почетные академики по Разряду изящной словесности, но не был избран. Сам Суворин отнесся к своему выдвижению с недоумением: «Зачем я? Я журналист, не художник, не критик. Следовало давно выбрать Буренина» (Дневник. М.—Пг., 1923, с. 288 — запись от марта 1902 г.). Возможно, причиной неизбрания Суворина было неудовольствие академиков его полемикой с В. Ф. Корфом относительно зувевской подделки продолжения «Русалки» А. С. Пушкина. Материалы этой полемики Суворин выпустил отдельным изданием «Подделка „Русалки“ Пушкина» (СПб., 1900). В марте 1900 г. он записал в «Дневнике» относительно выраженного президентом Академии наук неудовольствия книгой и полемикой в целом: «Я думаю, больше полемикой. Помилуйте, академик и журналист!» (Дневник, с. 234).

¹⁹ Карпов Евтихий Павлович (1857—1926) — драматург и режиссер: в 1900—1908 гг. работал в Театре литературно-художественного общества (Суворинском или Петербургском Малом театре).

²⁰ Рейнбот Павел Евгеньевич (1855—1934) — библиофил, секретарь Пушкинского лицейского общества и заведующий Пушкинским музеем Александровского лицея.

²¹ Исаков Петр Николаевич (1852—1917) — учредитель Литературно-драматического общества (позднее — Русское литературное общество), по профессии — экономист.

²² Никитин Петр Васильевич (1849—1916) — филолог-классик, академик, с 1900 по 1916 г. — вице-президент Академии наук.

²³ Веселовский Александр Николаевич (1838—1906) — филолог, академик.

²⁴ Кондаков Николай Павлович (1844—1925) — историк искусства, академик.

²⁵ Толстой Иван Иванович, граф (1858—1916) — с 1893 по 1905 г. вице-президент Академии художеств.

²⁶ Виллие Михаил Яковлевич (1838—1910) — художник, академик Академии художеств.

²⁷ Анучин Дмитрий Павлович (1843—1923) — географ и этнограф, академик.

²⁸ В сентябре 1905 г. в Москве широко развернулось забастовочное движение, предвестник Октябрьской всероссийской стачки.

²⁹ Вейнберг Петр Исаевич (1831—1908) — поэт, старейший член Театрально-литературного комитета при Санкт-Петербургских пмп. театрах: читал курс литературы на женских педагогических курсах в Петербурге.

³⁰ Саломов Александр Петрович (1853—1908) — директор Александровского лицея с 1900 по 1908 г.

³¹ Резцов Николай Александрович — инженер-техник, исполнявший в 1905 г. обязанности городского головы Санкт-Петербурга.

³² Султанов Николай Владимирович (1850—1908) — академик архитектуры, член Совета Академии художеств.

³³ На 9 января 1905 г. была назначена организованная священником Гапоном мирная манифестация петербургских рабочих, закончившаяся расстрелом демонстрантов (Кровавое воскресенье).

³⁴ Исаковское общество — «Русское литературное общество» (1882—1902). Предполагаемое Пушкинское общество не было организовано.

³⁵ Кареев Николай Иванович (1850—1931) — историк, профессор Петербургского университета, с 1910 г. член-корреспондент Академии наук.

³⁶ Кони Апатоллий Федорович (1844—1927) — юрист, литератор.

³⁷ Потехин Алексей Антипович (1829—1908) — драматург и театральный деятель, с 1900 г. почетный академик по Разряду изящной словесности.

³⁸ Обер-прокурором Святейшего Синода после отставки К. П. Победоносцева в октябре 1905 г. был назначен Петр Петрович Извольский.

³⁹ Туррау Евгений Федорович — тайный советник, гофмейстер двора.

⁴⁰ Бооль Николай Константинович (1860—1938) — с 1901 по 1910 г. управляющий Московской конторой имп. театров.

⁴¹ Вуич Георгий Ивапович — управляющий Санкт-Петербургской конторой имп. театров.

⁴² Казин Петр Нялович — московский театрал, был посредником в переговорах Рышкова с правлением Московского литературно-художественного кружка относительно ежегодных пожертвований из кассы кружка в фонд Пушкинской комиссии; переговоры эти оказались безрезультатными. О Казине как человеке см. «Воспоминания незаметного человека» (с. 377—382, 434 и др., тетрадь 5).

⁴³ Щукин Петр Иванович (1853—1912) — московский коллекционер, создатель Щукинского музея, на основе которого был создан позднее Государственный исторический музей в Москве.

⁴⁴ Рябушинский Николай Павлович — крупный капиталист, издатель журнала «Золотое Руно». О знакомстве Рышкова с Рябушинским см. в «Воспоминаниях незаметного человека» (с. 484—497, тетрадь 6).

⁴⁵ Пушкин Александр Александрович (1863—1916) — внук поэта.

⁴⁶ Шахматов Алексей Александрович (1864—1920) — филолог, академик.

⁴⁷ Щеглов (Леонтьев) Иван Леонтьевич (1856—1911) — писатель.

⁴⁸ Бахрушин Алексей Александрович (1865—1929) — коллекционер, организатор музея по истории русского театра. В 1913 г. передал свои коллекции Академии наук; в 1918 г. на их основе был создан Центральный театральный музей, впоследствии получивший имя Бахрушина. Об отношениях с Бахрушиным Рышков подробно рассказывает в «Воспоминаниях незаметного человека» (с. 516—550 и др., тетрадь 6).

⁴⁹ Полевой Петр Николаевич (1839—1902) — историк литературы. Факсимиле письма А. Н. Островского к А. М. Кондратьеву от 15 мая 1886 г. опубликовано в кн.: *Полевой П. Н.* История русской словесности, т. 3. СПб., 1900, с. 500.

⁵⁰ Кобеко Дмитрий Фомич (1837—1918) — директор имп. Публичной библиотеки в Петербурге.

⁵¹ Издание «Трагедия о Гамлете, принце датском» (СПб., 1899—1901) Шекспира в переводе К. Р. (вел. кн. Константин Константинович, президент Академии наук) с дарственной подписью переводчика А. А. Бахрушину.

⁵² Вера Васильевна Бахрушина.

⁵³ Сергеевко Петр Алексеевич (1854—1930) — постоянный посетитель Ясной Поляны с 1892 г., автор книги «Как живет и работает граф Л. Н. Толстой» (М., 1898; изд. 2-е — М., 1908).

⁵⁴ Под 26 января 1907 г. Рышков записал в дневнике о своем намерении привлечь к сбору средств в фонд Пушкинской комиссии литера-

турные, художественные и драматические общества в провинции и о составленном им обращении к руководителям этих обществ.

⁵⁵ Кауфман Петр Михайлович, министр народного просвещения с 1906 по 1908 г.

⁵⁶ Галахова (Шеншина) Ольга Васильевна и ее муж Н. П. Галахов, орловский вице-губернатор, были дальними родственниками и наследниками А. А. Фета и И. С. Тургенева.

⁵⁷ Шеншин Василий Афанасьевич, отец О. В. Галаховой.

⁵⁸ Сухотина Клеопатра Дмитриевна, помещица Новосильского уезда Тульской губернии, дальняя родственница и наследница И. С. Тургенева; владельческие права на Спасское-Лутовиново были выкуплены у нее Галаховыми.

⁵⁹ Боткины Сергей (1832—1889), врач, Василий (1811—1869), литератор, Михаил (1839—1914), художник, были братьями Марьи Петровны Боткиной, жены А. А. Фета.

⁶⁰ Онегин (Отто) Александр Федорович (1845—1925), собиратель рукописей Пушкина и материалов о нем, создатель Пушкинского музея в Париже.

⁶¹ Котляревский Нестор Александрович (1863—1925), историк литературы, с 1906 г. почетный академик по Разряду изящной словесности, с 1909 г. академик и директор Пушкинского Дома.

⁶² Ефремов Петр Александрович (1830—1907), историк литературы и библиограф. Пушкинскому Дому было разрешено купить из его библиотеки только книги, относящиеся к А. С. Пушкину. В настоящее время часть библиотеки П. А. Ефремова находится в составе библиотеки Института русской литературы.

⁶³ Коковцов Владимир Николаевич (1853—1943), министр финансов с 1904 по 1914 г.

⁶⁴ Розенберг Исая Самойлович, сотрудник «Петербургской газеты».

⁶⁵ Плетнев Михаил Дмитриевич, журналист 1900-х гг.

⁶⁶ Лернер Николай Осипович (1877—1934), журналист и пушкинист.

⁶⁷ Бенуа Александр Николаевич (1870—1960), художник и историк искусства.

⁶⁸ Стахович Михаил Александрович (1861—1923), один из членов-учредителей Общества литературного музея Толстого (устав утвержден 27 января 1909 г.), с 1911 г. вице-председатель Общества.

⁶⁹ Беляев Юрий Дмитриевич (1876—1917), театральный рецензент с конца 90-х гг. сотрудник «Нового времени». О Беляеве см. в «Воспоминаниях незаметного человека» (с. 605—610, тетрадь 6).

ИЗ ДНЕВНИКОВ Е. П. КАЗАНОВИЧ

ПУБЛИКАЦИЯ В. Н. САЖИНА

В июне 1940 г., ходатайствуя о назначении Е. П. Казанович персональной пенсии, академик С. Г. Струмилин писал: «Участие Е. П. Казанович и значение этого участия в деле организации Пушкинского Дома при АН (ныне Институт литературы АН СССР) до сих пор не нашло себе надлежащей оценки, а между тем оно было немалое. Е. П. Казанович была не только энергичным, добросовестным, преданным делу работником, но и — вместе с академиком Н. А. Котляревским и Б. Л. Модзалевским — одним из трех организаторов дореволюционного Пушкинского Дома...».¹

Суровой блокадной зимой, в конце декабря 1941 или в начале 1942 г. (более точные данные отсутствуют), Евлалия Павловна Казанович скончалась, а ее архив был переправлен в Государственную Публичную библиотеку им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. В этом архиве оказались и дневники, которые Евлалия Павловна вела с 1909 г. Записи в них нерегулярны, много пропусков, но все же по ним можно проследить важные события, связанные с организацией Пушкинского Дома. В ее дневниках зафиксированы эпизоды, связанные с поступлением книг и рукописей в Пушкинский Дом в предреволюционные годы, описаны встречи с известными деятелями культуры, чьи автографы составили знаменитый альбом Е. П. Казанович, предназначавшийся Пушкинскому Дому, где он сейчас и хранится.² Большое место занимают в дневниках Е. П. Казанович сюжеты, связанные с А. А. Блоком, который по ее просьбе написал стихотворение «Пушкинскому Дому».

Евлалия Павловна Казанович родилась 15 июня 1885 г.³ в Могилевской губ., где окончила Могилевскую женскую гимназию в 1902 г. Осенью 1905 г. она поступила на С.-Петербургские Высшие женские курсы, которые окончила только в 1913 г. из-за четырехгодичного перерыва «по домашним обстоятельствам» (№ 11, л. 10). Во время занятий на отделении русской словесности историко-филологического факультета Высших женских курсов Казанович работала в семинарии проф. Шляпкина над темами: „О белорусских вертепах и воловчбных песнях“; в семинарии проф. Булича представила реферат: „О говорах Могилевской губернии“. Летом 1911 г. совершила поездку на северное озеро Нижегородской губернии с целью ознакомления с русским сектантством. В 1911 г. передала в рукописное отделение Библиотеки Императорской Академии наук небольшую коллекцию собственноручных записей народных песен Могилевской губернии, к некоторым из которых были приложены также и ноты» (№ 3, л. 1—1 об.). В это время Е. П. Казанович и познакомилась с Н. А. Котляревским, который предложил ей участвовать в работе по каталогизации книг библиотеки Пушкинского Дома. Работа эта велась Евлалией Павловной эпизодически, ее приходилось выполнять параллельно с интенсивными занятиями на Высших женских курсах, при этом она

еще слушала лекции и занималась в семинариях на филологическом отделении Университета. Но работа в библиотеке Пушкинского Дома увлекала ее, а Н. А. Котляревский и Б. Л. Модзалевский были, со своей стороны, заинтересованы в том, чтоб Е. П. Казанович эту работу продолжала. Последний писал ей 2 сентября 1912 г.: «Будьте добры, многоуважаемая Евлалия Павловна, придите завтра в Академию, туда, где Вы работали, к часу дня: Вас хочет повидать Н. А. Котляревский, чтобы переговорить о продолжении работ по описанию книг. Уважающий Вас Б. Модзалевский» (№ 269).

В начале 1913 г. Е. П. Казанович получает предложение окончательно поступить на службу в Пушкинский Дом. С этого времени и почти до конца 1922 г. в дневниках Е. П. Казанович систематически фиксируются события, связанные с жизнью Пушкинского Дома и ее работой в нем: Е. П. Казанович занималась описанием книжных и музейных собраний, историей учреждения, приобретала архивы, была секретарем Н. А. Котляревского, заведовала библиотекой (с 1913 г.).

К сожалению, свои дневниковые записи Евлалия Павловна Казанович прервала в середине 1923 г., хотя ее служба в Пушкинском Доме продолжалась до конца 1929 г. Она участвовала в его изданиях, температентно отстаивала интересы Пушкинского Дома, заботясь о сохранении и приумножении его книжных и рукописных богатств.

16 января 1923 г. Евлалия Павловна записала в дневнике: «Не знаю, посятит ли кто-нибудь когда-нибудь несколько слов моему пребыванию в Пушкинском Доме, и что в них будет сказано обо мне...» (№ 20, л. 18).

Думается, будет справедливым в юбилейные дни Пушкинского Дома с благодарностью вспомнить о честном и самоотверженном труде библиотекаря Пушкинского Дома Евлалии Павловны Казанович.

I. О ПУШКИНСКОМ ДОМЕ

1913 г. 21 января. Моя новогодняя деятельность началась с получения сразу трех предложений. Первое исходило от Б. Л. Модзалевского, прошло через Нестора Александровича и дошло до меня в таком виде: в субботу Борис Львович опять поднял вопрос о том, чтобы пригласить постоянное лицо к работе в Пушкинском Доме. Работа эта должна состоять в том, чтобы следить за текущей литературой, всеми книжными каталогами и объявлениями для пополнения библиотеки Пушкинского Дома; кроме того, вести его корреспонденцию и дальнейшее библиотечное дело. При этом Модзалевский вторично спросил меня, не возьмусь ли я за это, на что я, конечно, ответила полным согласием и выражением своего удовольствия.

— В таком случае, Нестор Александрович, вот вам готовый ваш личный секретарь, — прибавил Модзалевский с улыбкой и легким поклоном в мою сторону.

— Мой? — в том же тоне отозвался Нестор Александрович, — да мы с Евкалпией Павловной моментально поссоримся.

Я молчала, предоставляя им самим дальнейшее обсуждение и решение вопроса, и в конце концов остановились на том, что я буду секретарем и библиотекарем Пушкинского Дома <...>

Таким образом, с 1-го февраля я вступаю в новую должность (№ 18, л. 142 об.—143).

11 сентября. Чудак Нестор Александрович! Кипит, шумит против чего-нибудь, и потом сам же первый осуществит это. Возмущался, когда я говорила, что мы должны стремиться к тому, чтобы коллекции Пушкинского Дома служили для научных целей, и что необходимо открыть библиотеку для посещения хотя бы и учащихся, имеющих рекомендацию от профессора, а на днях как-то приводит какого-то студента и просит дать ему для занятий нужные книги! Так же было и с чтениями в пользу Пушкинского Дома. Сколько я в прошлом году толковала о том, что они необходимы по многим причинам: для привития интереса и симпатии широкой публики к нашему детищу; как способ изыскания хотя бы маленьких материальных средств; наконец, как выполнение известной доли просветительских задач этого учреждения. А в этом году, когда мы собрались для выработки устава библиотеки, он уже провел это как свою идею. Во всем можно его убедить, все можно постепенно сделать по-своему, если только это имеет за собой разумное основание, и это я очень ценю в Котляревском (№ 18, л. 170 об.—171).

29 октября. Опять победа! Какое-нибудь издание Пушкинского Дома, о котором я столько мечтала в прошлом году, нынче решено окончательно. Первым выпуском пойдет описание Добролюбовского архива, составленное Княжнинным (Ивойловым) (№ 18, л. 175—175 об.).⁴

31 октября. Съездила вчера к Фидлеру осмотреть его коллекцию.⁵ Трудолобивый немец! Собрал много. Но и суконен по-немецки. На дверях его кабинетика висит цитата из Писемского, в которой говорится, что всякий посетитель отнимает задаром у хозяина время, а потому должен помнить, что если из любезности его и просят продлить визит — это всего только любезность, на самом же деле хозяин проклиная гостя за каждую лишнюю минуту его визита. Смысл таков, и грубая сама по себе у по обыновению грубого Писемского, на дверях у Фидлера она становится вдвойне грубой.

Хотя, впрочем, кто его знает! Может, это только для нас, русских, богатых временем, такое дорожение им кажется чем-то крайне неприличным... Познакомилась я с ним у нас, когда его и Баранцевича Нестор Александрович привез как-то осматривать Пушкинский Дом. В то время были только что распакованы ящики с книгами из Тригорского и лежали на столах;⁶ Фидлер и занялся охотой: вытаскивал из этих книг раздавленных мух, которых тщательно заворачивал в бумажечки и надписывал, из какого тома какая муха извлечена. Наверное, будет хвалиться ими потом наряду с прочими раритетами своей коллекции. Был у нас и Луговой.⁷ Вот не таким представляла его себе по его произведениям! (л. 175 об.—176).

1 ноября. Из этих трех «литературных» посетителей симпатичнее всех показался мне Баранцевич. Он осматривал все с живым интересом, к книгам так прямо прилип. Фидлер, тот

Е. П. Казановч. Фотография. 1905.

только пыхтел и таскал раздавленных мух, а Луговой говорил без передышки о том, какие у него самого есть замечательные вещи и как интересны те рукописи, которые он нам пожертвовал (№ 18, л. 176 об.).

1914 г. 4 июня. Вчера Мкодзалеvский», Ркышков» и я собрались вечером в Академии для придания законной формы выработанному осенью вместе с Нкестором» Алексаvдрович»ем и им, главным образом, уставу нашей Библиотеки, что и было свершено надлежащим образом... (№ 19, л. 34).⁸

1915 г. 9 февраля. Нестор Александрович в общем ведь любит наше балованное детище — Пушкинский Дом, массу в него жертвует, отдает ему довольно много своего врмени и внимания, но иногда на него находит охлаждение, или он увлечется чем-нибудь другим, как, напр<имер>, все последнее время от начала войны — лазаретом <...> Так было недавно и с «Временником».

— Делайте с Модзалевским, что хотите и как хотите, — бросал он мне на ходу и сам бежал в лазарет, не слушая никаких вопросов. «Временник» подходит к концу, пужна его вступительная статья. Раза три-четыре напоминала я об ней, два раза давала материал, но он оба раза его терял. Наконец, лазарет отошел немножко на второй план, благосклонность Нестора Александровича опять склонилась в нашу сторону, и статья написана.

— Ну вот, написал, о чем вы просили; послушайте, так ли. Мы с Модзалевским стали слушать. Конечно, отлично.

— Только, господа, нельзя ли уж и меня посвятить в то, что у нас делается, а то до меня, как до Франца-Иосифа, истинное положение дел не доходит. «Как, Нестор Александрович», помилуйте, да мы вам сколько раз... и т. д. и т. п.», — в один голос начали мы с Модзалевским <...>

— Уверю вас, нет, я ничего не знаю! Покажите мне хоть корректуры того, что печатается; только не в таком виде, в каком подают Иосифу газеты и журналы...

Модзалевскому очень понравилась шутка; «Теперь мы вас будем называть Франц Иосифович, а не Нестор Александрович», — сказал он, а мне больно. Когда я первый раз увидела Нестора Александровича — «тому прошло лет 5, нет, больше: шесть с половиной лет», — у меня было об нем представление, как о черном-черном Котляревском; и кругом об нем говорили: «а, это такой черный»; а теперь новые курсистки при упоминании о Несторе Александровиче говорят: «Знаем, знаем, это такой седой», и, кажется, даже прибавляют «старичок»... (№ 19, л. 82 об.—83 об.).

18 марта. Вышел, наконец, «Временник», вместо 29 января, как предполагалось. Отчасти моя задержка, в более сильной степени — типографии (№ 19, л. 88).⁹

15 <мая>. От времени до времени мы поднимаем-таки разговор о здании для Пушкинского Дома, как ни мало верим сами в близость его осуществления, к тому что, конечно, война отдалила этот момент на добрый десяток лет, если не больше. А ведь в этом году должны уже были начаться переговоры о правительственной ассигновке средств для этой цели! Нестор Александрович скептичнее нас с Модзалевским смотрит на дело, но все же от времени до времени поддается заражению нашими мечтаниями. Теперь вопрос о том, о чем хлопотать: о передаче ли дома военного ведомства (угол нашей набережной и Филологического переулка) с манежем¹⁰ в наше ведение с тем, чтобы мы выстроили соответствующее ему здание в другом месте, или о предоставлении нам последних остатков старого гостиного двора (рядом с Отговским институтом) для слома и постройки Дома по собственному плану.¹¹

Оба плана придуманы Нестором Александровичем. Лучше первого, по-моему, мало что может быть; место такое, какого ни-

где больше не найдешь: выступ на Неву — великолепное положение для памятника, и потом — Пушкин против Петра Великого! да грандиознее этого по идее ничего не придумаешь <...> (№ 19, л. 99—99 об.).¹²

1917 г. 28 февраля. Зашла к Пругавину¹³ и не застала его. Встретила его уже на Кронверкском возле Зверинской. Он нес несколько дел охранного отделения, спасенных им из огня, и был сильно возбужден. Подойдя к охранному, я увидела груды горящих дел и бумаг, выбрасываемых студентами из разбитых окон второго этажа. Костры огромные, и погублено множество. В Библиотеке Академии, куда я зашла по дороге, застала всех почти в сборе, за чаем. Только кончили пить, как подъехала подвода с библиотекой охранного отделения. Нашлись люди, которые догадались сделать это, и, кажется, инициатором был Бенешевич. Выгрузивши книги, подвода поехала обратно, а с ней Срезневский с Бемом и Поповым спасать дела. Федор Иванович и я тоже захотели поехать с ними. Только подали нам подводу и мы на нее взобрались, как с противоположного берега началась пальба по нашему, не то из Адмиралтейства, не то из Зимнего дворца <...> Возле охранного мы столкнулись с двойным построением. Одни недовольно и энергично протестовали против нашего намерения спасти дела, другие, поняв приведенные им соображения, принялись нам помогать. Были такие, которые только что враждебно смотрели на нас и называли чуть ли не сыщиками, — но через минуту сами вытаскивали из огня уцелевшие бумаги и передавали нам... (№ 19, л. 163—164).¹⁴

1919 г. 2 августа. Вот я и опять в Пушкинском Доме¹⁵ среди обстановки, давно знакомой и любимой <...> Счастлива, что любовь в конце концов победила все остальное (№ 20, л. 13).

5 августа. Племянник Феофтистова¹⁶ предлагает портрет Н. Н. Пушкиной работы якобы Неффа¹⁷ за 15 000 р. (№ 20, л. 13).

7 августа. Портрет Пушкиной приобретен за 10 000 р. (№ 20, л. 13).

8 августа. Я. П. Гребенщиков <...> истинный пророк и проповедник библиотечного дела.¹⁸ Нестор Александрович назвал его протопопом Аввакумом. И правда, в нем есть что-то старораскольничье, фанатическое даже в самой наружности: большая борода, сужающаяся книзу и растущая из-под самых глаз, больших, голубых, детски чистых, небольшой приподнятый кверху нос, очки, высокий белый лоб, заканчивающийся длинными волосами; бледный цвет лица, узкая, как будто впалая грудь и вся фигура тощая, избличающая отсутствие плотских страстей и интересов. Когда Гребенщиков улыбается, на щеках его образуются ямочки и лицо становится совсем детским, в обычное же время глаза смотрят важно-строго и вместе по-детски чисто и невинно... (№ 20, л. 13—13 об.).

1920 г. 27 марта. Сегодня Модзалевский добрался до архива Воронцова. Все утро с Шахматовым он провозился там и прита-

щил два прелестных портрета работы Гампельна¹⁹ (один из них — Воронцов в молодости), два старинных акварельных *intérieurs*²⁰ деревенского дома Дашковой (судя по виду из окна — в Белоруссии, на что указывает деревянный крест с распятием на перекрестке) и прекрасный портрет Фильда.²¹ В понедельник все отправляемся туда же (№ 20, л. 20).

29 марта. Из мусорной ямы раскапывали и добывали части архива Воронцовых и Строгановых. Спасли целый мешок столбцов XVII в. По счастью, часть архива, хранившаяся в ящиках, уцелела, и в таком виде Срезневский перевез ее к себе. Масса прекрасных старых портретов. Их берет отдел охраны памятников для распределения по музеям <...>. На след Воронцовского архива попали случайно (а сколько сокровищ, не покровительствуемых случаем, погибло!). Китаист Алексеев, разыскивая следы старого китайского посольства, помещавшегося на Моховой, зашел в этот дом и застал картину выволакивания из конюшен мусора, из которого торчали грязные обрывки рукописей. Он узнал на месте, кому принадлежал этот дом, и сообщил Ольденбургу, который передал Модзалеvскому. Мы застали уже огромную кучу мусора посреди двора и разгребали ее палками (№ 20, л. 20 об.).

9 июля. Едем с Гофманом за библиотекой Лонгинова. Отсюда возьмем с собою гвозди, веревки, рогожу. За всем этим приходилось педели полторы ежедневно ходить в совхоз, пока, наконец, удалось получить на все паряды. Гофман молодец, юноша энергичный и подвижной, но несколько легкомысленный, неосторожный и страшная болтушка, вместе с тем с большой хитрецей и себе на уме. Но так как легкомыслие помогает иногда делать большие дела, именно такие, за которые серьезный человек в силу своей серьезности и осторожности никогда бы не взялся, то, сопровождаемое энергией, оно, *может* *быть*, на этот раз и поможет нам сделать дело, которое в случае удачи явится истинным *tour de force*.²²

Как же не безумие пытаться вывезти из имения, на расстоянии 23 верст от станции, в самую горячую деревенскую пору, при отсутствии у крестьян лошадей, при недостатке людей, библиотеку в 17 000 томов почти (№ 20, л. 28—28 об.).

18 июля. Ивановское. Чудесный старый дом, чудесная библиотека, чудесная старая мебель, екатеринская, *empire*, *жакоб*; чудесный фарфор, хрусталь, словом — все чудесное, обличающее большой художественный вкус и высокую культурность хозяев. Каким-то чудом дом до сих пор уцелел и почти не разграблен...

<...> председатель (кажется, это был сам председатель или заместитель его) Клинского исполкома произвел на меня хорошее впечатление; отнесшись вполне внимательно и разумно к моей просьбе о подводах, он сначала просил меня отложить все дело до осени, мотивируя свою просьбу горячей рабочей по-

рой в деревне, отсутствием у крестьян лошадей, словом, мощными справедливыми и мне самой хорошо известными и понятными, — но, убедившись, что отложить нет никакой возможности, — а я постаралась убедить его в том, что для нас другого выхода нет: или получить библиотеку сейчас, или лишиться ее навсегда и, кроме того, погубить драгоценнейшее достояние культуры (причем мне, скрепя сердце, много пришлось ему подоврать со всех сторон) — так же, скрепя сердце, дал паряд на 10 подвод, на большее он не имел права, — послав за остальным в Клинский комтруд, где я получила еще 50 подвод, тоже с разными наставлениями по поводу несвоевременности предприятия.

Люблю езду на лошадях и давно уже не ездил. Даже такая утомительная, как эта, в отвратительной неудобной двуколке (села в нее в первый раз в жизни) на безногой и бессильной лошади, при которой едва ли не половина пути проделана пешком, — я получила удовольствие. Но — багаж, багаж, его все нет, и Гофман не едет!

25 июля. Вчера должна была сама съездить в Москву за багажом, так как милейший Гофман, получив его еще в воскресенье, не побеспокоился — несмотря на наше условие — привезти его в Ивановское. <...> помочь мне он ни в чем не поможет, ибо уже уснул сегодня вечером.

Меня берет ужас, когда я подумаю, как я управлюсь одна. Только сейчас, вечером, начали делать ящики; за целый день мне удалось зашить 4 куля (причем почти все книги для них я перетаскала сама) <...>. В моем распоряжении 4 дня для упаковки почти 15 000 томов совсем одной!

29 июля. Tour de force совершен; с моей стороны все было готово <...>, груз довели аккуратно, вагон нагрузили благополучно, и я отдыхаю в Москве после горячих объятий, лобызаний и бездны взаимных любезностей с А. М. Козловской, которая казалась искренно растроганной всеми знаками внимания, оказанными ей представителями Пушкинского Дома. Завтра, если удастся пройти здесь по всем неизбежным мукам, еду в Петербург. Получу ли паек, или он пропал по случаю моего опоздания! Еще удовольствие — сапоги и платье за эту поездку — вдребезги. О, Пушкинский Дом, чем не жертвовала я для тебя! Так о сапогах ли думать! (№ 20, л. 29 об., 31—34).

1921 г. 5—6 мая. 6 ч. утра. Еще ни на минуту не заснула со вчерашнего нашего вечера Пушкинского Дома на Миллионной, который Нестор Александрович называл «смерть мухам». Но на этот раз он немного ошибся: благодаря Козмину, небольшой доклад которого «Пушкин и Оленина» был очень живым и интересным, и особенно благодаря Гофману, с большим воодушевлением и прекрасно прочитавшему новые стихи Дельвига, которые он раскопал в тетрадях Гаевского, — «смерти мухам» не было, наоборот, мне кажется, что публика не скучала и осталась, в общем, довольна этим первым пробным вечером <...>. Под впечат-

лением этого вечера возникает желание устроить и другие. Предложу окрестить их названием «Временников Пушкинского» Дома», но не для того, чтобы давать на них то, что будет в печатных «Временниках», а под именем их устраивать просто собрания для чтения докладов на историко-литературные темы с прениями по прочитанным темам. Нестору Александровичу, который и сегодня выглядел очень утомленным и, видимо, скучал, вероятно, трудно и скучно будет постоянно присутствовать на них в качестве действительного председателя; надо предложить ему почетное председательство, а действительным, т. е. постоянным, может быть кто-нибудь другой, но непременно из Пушкинского Дома, хотя бы Козмин. Конечно, не придется, да и не желательно ограничиваться одними своими силами для чтения докладов. Хорошо, если бы на таких условиях присоединился к нам бывший Пушкинский кружок при университете, но не тот, который Ильинский думает сделать филиальным отделением своего семинария, а тот, который из него выделился и перешел в Зубовский институт, с Эйхенбаумом, Жирмунским, Энгельгардтом, Гофманом и другими. Вот это я и предложу Гофману, а там — что выйдет. Во всяком случае, что-нибудь надо устроить. Хорошо бы устраивать и вечера поэзии, с привлечением современной молодежи и поэтов и писателей.

А в годовщину рождения Пушкина неужели мы ничего не устроим! (№ 20, л. 59 об.—60 об.).

8—9 июня, 5 ч. утра. <...> вечером — заседание Пушкинского Дома на Миллионной, в годовщину рождения Пушкина. Сошло симпатично, народу было много. Не понравилась мне первая половина вступительной речи Нестора Александровича. Он утверждал, во-первых, что академическое издание Пушкина никому не нужно, что прекрасных изданий Пушкина сколько угодно, во-вторых, что Комиссия издает Пушкина превосходно, в-третьих, что издает его очень быстро и т. д. Если до сих пор не написана биография Пушкина, — объясняется это тем, что не было подходящего для такого труда исторического момента, когда о Пушкине можно было сказать правдивое слово, не боясь, что за это его сейчас же не забросают грязью. Хорошо только подъехал Нестор Александрович к Щеголеву и заставил его немножко поерзать, покряхтеть и попечься на стуле от стыда за свою лень. А сделал это Нестор Александрович так: говоря о достоинствах, какими должен обладать биограф Пушкина, а именно научной подготовкой, объективностью взгляда и литературным даром в широком значении, — и которыми обладал Л. Н. Майков, автор образцовой, по мнению Нестора Александровича, биографии Батюшкова, — он заключил тем, что такое лицо после смерти Майкова долго не появлялось на научном горизонте русской словесности, но наконец лицо это появилось, комиссия поручила ему это важное дело и уверена, что оно находится в надежных руках, так как лицо это — называть его нет

М. Я. Козмин

Пригласительный билет

на Торжественное Собрание, устраиваемое в Доме Литераторов при Наркомпросе петербургскими литературными учреждениями и организациями в 84-ю годовщину смерти А. С. Пушкина—11-го февраля (29-го января по ст. ст.) 1921 года, и посвященное вопросу об организации ежегодного всероссийского чествования памяти поэта.

Произнесут речи: А. Я. Блок, почетный академик А. Ф. Кони, М. Я. Козмин (стихи), Ф. К. Сологуб.

Начало в 7½ час. вчераше.

Пригласительный билет на Торжественное собрание в 84-ю годовщину смерти А. С. Пушкина. 1921.

надобности — обладает всеми упомянутыми данными, и публика может рассчитывать получить вскоре долго ожидаемую биографию поэта, чему поможет, по-видимому, и благоприятность для спокойной научной работы ожидаемого скоро момента.

Еще одно крахтенье Щеголева и его стула, и слово переходит к нему.

Начал он, несколько сконфуженный словами Нестора Александровича, но то, что он сообщил, было очень интересно. Новая рукопись Пушкина о Петре Великом, 23, кажется, чистовых тетради, была найдена в каком-то подмосковном имении на чердаке и служила для подстилки клеток канарейки, принадлежавшей экономке имения... Недостающие тетради рукописи Пушкина были употреблены для комфорта канареек... Еще любопытная вещь: как опубликованные Анненковым отрывки из истории Петра Великого, так и найденные Щеголевым рукописи — не что иное, как выписки Пушкина из Голикова, и только из Голикова; ни одной цитаты из других историков, и менее всего из иностранных, в ней нет.

Дальше — жалобно проныл Козмин о стремлениях Пушкина за границу и о правительственной опеке над ним, и наконец — интересные данные Гофмана о печатных искажениях Пушкинского текста в самых, казалось бы, образцовых изданиях его.

В общем — интересно и симпатично (№ 20, л. 74—75 об.).

27 октября. <А. Ф. Кони> принял меня за письменным столом, в красном халате и пестрой ермолке на голове. Не то сухо, не то сурово.

— Разрешите отнять у вас несколько минут, — начала я, — я задержу вас недолго. . .

— Несколько минут — готов: я сегодня занят, у меня вечером лекция.

В нескольких словах я изложила ему цель своего визита. Начала с того, что меня заинтересовал рассказ его о Некрасове, слышанный мною на открытии некрасовского семинария, и я хотела бы знать, не встречал ли он когда-нибудь у Некрасова Писарева и не слышал ли от него чего-нибудь о том, как и почему состоялось приглашение Писарева в «Отечественные» записки. Оказывается, Кони не только никогда не видел Писарева, не говорил об нем с Некрасовым, но даже и того факта, что Писарев сотрудничал вместе с Некрасовым, не знал вовсе. Узнав, что я занимаюсь Писаревым, Кони рассказал, что, когда он был несколько раз в Дуббельне вместе с Гончаровым и одна из улиц Дуббельни была названа Гончаровской, он, Кони, предложил другую назвать Писаревской в память смерти там Писарева. Поговорив еще немного о разных вещах, я попросила Кони на прощание написать что-нибудь в альбом. Когда и это было сделано, я собралась уходить (№ 20, л. 92—92 об.).

1922 г. 10 сентября. <...> дня за три до нашего блоковского вечера (2 сентября) стучится ко мне кто-то. Открываю — передо мной молодой человек простоватого вида, некрасивый в старой куртке и порыжелой фуражке, с каким-то техпическим значком. «Рождественский», — представился он мне, пытаюсь пройти, но я, не сообразив сразу, что за Рождественский, не особенно стремилась впустить его, так как сама была в шляпе, готовясь к выходу. «Я хотел бы написать вам в альбом, о котором мне говорил Ю. Н. Верховский, стихотворение, которое относится к этому дому и в котором я, совершенно случайно, затронул почти одновременно с Верховским одну и ту же тему». — «А, очень рада, пожалуйста», — оставалось мне только сказать, пропуская неожиданного гостя.

Рассказ этот подтвердил мне потом и Верховский. Оказывается, действительно, он услышал на одном из собраний «Звучащей раковины» эти стихи Рождественского (уже после того, как его собственные стихи были уже у меня в альбоме) и рассказал ему о совпадении, посоветовав явиться ко мне и записать эти стихи в альбом, что Рождественский и сделал. За несколько минут, пока Рождественский сидел у меня, я успела заметить, что он еще очень молод, застенчив и в общем — оставляет хорошее впечатление; дальнейший разговор по дороге в Академию показал, что он достаточно культурен (ученик Венгерова по пушкинскому семинарию).

<С. М.> Ляпунов несколько раз приходил в Пушкинский Дом, собственно к В. Д. Комаровой, и работал над какими-то письмами из Стасовского архива. Вера Дмитриевна познакомил нас. В среду 6-го Сергея Михайлович пришел опять. Комаровой

не было; я разговорилась с ним о чем-то, а потом попросила его дать что-нибудь в мой альбом. Я думала, что Ляпунов напишет какую-нибудь строчку из своих старых произведений, и, конечно, на большее не надеялась. Мое удивление и, конечно, удовольствие было очень велико, когда, придя к нему через несколько времени за альбомом, я застала его за большим, им тут же разглаженным для нот листом бумаги, в который он быстро-быстро вписывал нотные крючки, а перед ним лежал альбом, раскрытый на стихотворении Ахматовой «Смуглый отрок...». «Я вдохновился и пишу вам новый романс», — с улыбкой, немного шепелявя, ответил Ляпунов на мой немой вопрос. Таким образом, романс его, посвященный Пушкинскому Дому, был написан в какой-нибудь час времени, тут же в стенах Академии, в самом Пушкинском Доме (№ 20, л. 108 об.—109 об.).

II. О БЛОКЕ*

1921 г. 5 февраля. Звонила к Блоку, прося его написать что-нибудь в альбом, который я предназначаю Пушкинскому Дому; один я уже завела, и в нем уже есть записи некоторых московских литераторов и ученых, и наших здешних. Но для поэтов и художников я отыскала другой, тоже старинный, по лучше первого. Блок обещал, и думаю, что не для того только, чтобы отделаться (№ 20, л. 55).

12 февраля. О, какой карикатурой на что-то был вчерашний Пушкинский вечер в Доме литераторов. И смешно, и жалко, и грустно было смотреть. Неужели Нестор Александрович, такой чуткий ко всякой безвкусице, не почувствовал ее вчера, и главное, той смешной роли, в которой был сам, как председатель «торжественного» собрания, годного в качестве материала для «Гривого зеркала». Самым симпатичным и приличным из всех «делегаций», выступавших с «декларациями», был Кристи,²³ потому что был самым скромным и непритязательным; и то, что он сказал, было хорошо, а именно, что Отдел Народного Образования еще не выработал никаких форм будущего ежегодного всероссийского чествования памяти Пушкина и он сам не знает, какой характер они будут носить, но уверен только в одном, что ни на одном из поприщ современной жизни не встретится более общего языка и более общих интересов между современным правительством и русской интеллигенцией, как в деле чествования и увековечения памяти великого русского поэта.

2-е отделение вечера было тоже слабо, жидко; в нем-то не было ничего карикатурного, но впечатление общее от всего вечера таково, что Пушкин мог бы второй раз сказать: «Боже, как грустна наша Россия». Юни был трафаретен, Блок — скупец,²⁴

* Публикация подготовлена при участии А. М. Копченого.

только стихи Кузмина²⁵ Пушкину были милы, да Нкестор Александрович пытался в нескольких заключительных словах сказать что-нибудь соответствующее исторической, казалось бы, торжественности момента, но этого оказалось мало, чтобы оживить вечер и придать ему краски... (№ 20, л. 55—55 об.).

20 марта. Никак не ожидала, чтобы Блок так быстро исполнил мою просьбу о стихах в альбом. Оказывается, в тот самый вечер, когда я с ним говорила по телефону, он написал специальные для моего альбома стихи, посвященные Пушкинскому Дому! Какой милый. Мы условились, что я зайду с альбомом, но до вчерашнего дня я, по обыкновению, не выбралась, а вчера узнала, что стихи давно написаны и ждали меня (№ 20, л. 56 об.).

4 апреля. Теперь, через год после многократного перечитывания «Двенадцати» и «Скифов» Блока <...> я по-настоящему поняла, прочувствовала и оценила эти замечательные произведения, которые Ивано-Разумник совершенно справедливо приравнивает к откровениям Пушкина,²⁶ и теперь только начинаю понемногу читать что-то в этих больших, серых, глядящих и не глядящих глазах сфинкса, которым был для меня Блок со всей его поэзией. Интересное, великое время, я горжусь таким современником, как 20-е, 30-е годы прошлого столетия гордились Пушкиным (№ 20, л. 59—59 об.).

21—22 июня на заре. Меня давно уже тревожит состояние Блока, а сегодня Нкестор Александрович принес известие, что у него что-то неладно с сердцем и сильная меланхолия. Он приближается к роковому для наших лучших поэтов возрасту <...> (№ 20, л. 78).

8 августа. Вчера умер Блок: неврастения, грудная жаба, невроз сердца и, кажется, подагра — внешние причины, они замесили в этом случае пули, убившие Пушкина и Лермонтова. Внутренние причины — глубже и серьезнее: отчаяние и потеря той веры, которая создала «Двенадцать» и «Скифов» <...> Панхида сегодня в 6 часов, вынос — в среду 10-го, в 10 часов утра (№ 20, л. 82—82 об.).²⁷

10 августа.²⁸ Солнце подарило последним поцелуем поэта, который так нуждался в нем <...> И цветов было много, цветов, которых он столько сам посеял при жизни. Артисты Гайдебурова прислали на гроб розу и крест, пунцовую розу и белый крест, с которым поэт прошел свой жизненный путь. Чуткая русская интеллигенция в последний раз собралась вокруг любимого, показав, что простила ему горький упрек,²⁹ сорвавшийся у него по ее адресу в момент увлечения, чистого и благородного, как чиста и благородна была вся душа его, но за который он заплатил своей жизнью <...>

Смертью своей Блок подтвердил и раскрыл нам свою сущность истинного поэта, поэта-романтика. Это, пожалуй, единственный образец не только в русской, но и в мировой поэзии.

Народу собралось много; больше, чем я ожидала, судя по вчерашней и, говорят, первой панихиде. Поэты, литераторы, художники, представители ученого мира и бессловная молодежь. Андрей Белый, с глазами, как взмахи крыльев быстрой птицы; нежная, скорбно-поэтическая Ахматова, Кузмин, Замятин, Д. Цензор, Пяст, Иванов-Разумник, Волинский, Кауфман,³⁰ Волковыский,³¹ Харитон,³² Лернер, Щеголев, Котляревский, Ольденбург, Лапшин,³³ Боцяновский, Сильверсван,³⁴ А. Бенуа, Зилоти,³⁵ С. Радлов. Был Ионов,³⁶ представитель «Государственного» издательства, Штрайх, <...> Ясинский <...>; Ремизов — в отсутствии, Петров-Водкин — в Ташкенте, Н. Радлова тоже нет в городе. Вероятно, были и еще многие, которых я не знаю.

Чудная старушка — мать Блока. Маленькая, некрасивая лицом и в то же время — прекрасная. Это — настоящая мать поэта, его друг и настоящая, неизменная любовь. Она должна была жить его жизнью, грезить его снами, но лучшим ее сном — должен был быть он, сын, поэт-романтик; вряд ли она вынесет дальнейшую жизнь без этого сна, как сын не пережил обманувшего его сношения.

Завтра в 6 часов вечера в Институте живого слова — гражданские поминки.³⁷

16 августа. Не состоялись. Говорят, Волинский и Эйхенбаум отказались от участия <...>

А в старом физическом институте университета состоялось сегодня собрание «Беседы институтелей поэзии», в котором Вл. Пяст и Мод. Гофман рассказали кой-что о Блоке. Рассказ Гофмана был пуст и малосодержателен, легковесен, как он сам, но Пяст сообщил несколько интересных штрихов к пониманию личности Блока. Они были, видно, действительно близки, по крайней мере одно время, и Пяст произвел на меня впечатление человека с глубокой душой, хотя и совершенно больною <...>

Очень интересно замечание Блока об аэроплане, которым он, как и все мы в 1911 г., увлекался. Блок сказал, что аэроплан внес в мир новый звук, не существовавший в нем до XX века, — звук пропеллера.

20—21 августа, ночь. Не могу себе простить, что раньше не перечтала всего Блока. Но, может быть, прежде чтение это и не доставило бы мне столько удовольствия, прежде я не отнеслась бы так и к самому автору! К сожалению, в этом видна рука смерти и человеческое свойство: что имеем — не храним, потеряем — плачем. . . Если бы раньше я вникла в его поэзию, а через нее — и в его душу, мож(ет) быть, и знакомство наше не было бы таким мгновенным, хотя и оно доставило мне много интересных переживаний и воспоминаний об них. Я понимала Блока совсем неправильно, вернее, я не понимала его вовсе, поэтому <что> я не знала его произведений, за исключением «Балаганчика», «Незнакомки», «Розы и Креста» и в последний год — «Двенадцати» и «Скифов». Два последних произведения и от-

крыли мне глаза на Блока, после чего я все собиралась купить его и читать, «потому» что читать поэтов по чужим книгам очень не люблю, — да денег не было... Прав Коплан: ³⁸ из современных поэтов он — «единственный». И по наружности и по манерам, не говоря о характере и силе творчества. Бальмонт и Брюсов — только предтечи Блока <...> Белый — для меня пустая страница, он ничего не говорит ни моему уму, ни сердцу. Изредка только возбуждает какую-то глухонемую импрессию, но прошикнуть в его поэзию и душу — отказываюсь. Наружность его, когда он стоял над могилой Блока на холме с белым крестом в руке (розы и крест от артистов Гайдебурова), с глазами, мерцающими, как синие птицы, с большой лысиной, окруженной веичком седых, вьющихся волос, в верблюжьей куртке и с серьезным, неулыбающимся лицом — была живописна и могла послужить моделью для пророка, проповедника-евангелиста; но тот же Белый у себя дома, в порыжелом пиджаке, в такой же ермолке, вроде тех, какие носят ксендзы на картинах фламандцев, с вычурно-любезными и суетливыми манерами, ужимками и улыбкой, — делает впечатление шарлатана, фигляра, на нем не заметно внешнее воспитание; нет и внутреннего самовоспитания, которое является даром судьбы натуре избранной; вот у Блока, например, было и то и другое: благородство внешних манер, внутреннее достоинство и гордая скромность, что вызывало невольное уважение к нему. Белый — суетлив, вычурен и не оставляет впечатления. Таков же и разговор его: я не услышала за полчаса ни одной мысли, ни одного суждения, и не потому, чтобы человек сознательно не хотел обнаруживаться перед посторонним, а потому, что и внутри-то у него их не было. Впрочем, посмотрим. Может быть, дальше он покажется мне пвым, если мы еще увидимся, что легко случится, если вечер «Поэзия Блока», который затевается кружком увековечения памяти Блока (Белый, Щеголев, Иванов)-Разумник, Замятин, издательство «Алконост», А. А. Блок,³⁹ Л. Д. Блок и др.), состоится в нашем здании, что я ему с разрешения Нестора Александровича предложила и что, по-видимому, пришлось Белому очень по душе. Но главное, попробую, не откладывая в долгий ящик, опять почитать его; хотя вряд ли я и теперь пойму что-нибудь в его кликушестве.

23 августа. «Интересное время! Какое интересное время мы переживаем!» — слышишь иногда и сама повторяешь себе эти слова. Действительно, время исключительно интересное и среди прочих сторон жизни — интересное и в смысле литературы. Сколько крупных, любопытных, редких явлений литературных мы пережили за последние четверть века <...> Наше время перевернуло и начало новую страницу как в истории, так и в литературе. Уже с Бальмонтом начались новые явления в литературе. Потом пошел Блок, а в самое последнее время яркая и крупная фигура Маяковского. <...> то, что дает нам Маяковский, несомненно и подлинно новое. То новое, что дал когда-то Пушкин, питавший

до последнего времени наших поэтов. Если уже Блок создал вокруг себя школу, — еще большую школу создаст Маяковский <...>

31 августа. Талантливую проповедь-речь произнес священник А. Введенский⁴⁰ в пятницу 26 августа в церкви бывшей кавалергардской на Захарьевской улице.⁴¹ Заседание, посвященное Блоку в Вольной Философской Ассоциации 28-го в воскресенье, было почти совсем скучно.⁴² Белый говорил по обыкновению много и сказал очень мало; Иванов-Разумник был тоже мало интересен. Самым живым и по-своему художественным был рассказ Штейнберга о сутках в 1919 г. (февраль), проведенных им с Блоком на Гороховой во время арестов в связи с делом левых социалистов-революционеров⁴³ (№ 20, л. 82 об.—86 об.).

20 сентября. №№ 2—3 «Записок мечтателей». Очень интересный сборник. Белого как-нибудь начинаю понимать в его эпопее «Я».⁴⁴ Его «Дневник писателя» имел бы гораздо больше общественного значения, если бы в нем был до конца выдержан тон, взятый вначале: довольно резкий и негодующий; к сожалению, он скоро сменился примирительным, как бы жалобно-пронзительным даже, и «горечь» его далеко не «гордая». А в результате, говорят, Белый получил пропуск за границу (от наших властей) и даже без всяких условий и обязательств. Есть в этом дневнике что-то гоголевское, перед 2-м томом «Мертвых душ». Верна и чутка мысль Блока о том, что наш век будет веком новой эры и дух нашего времени ближе к духу первых времен христианства, чем к Великой французской революции, с которой его часто сравнивают.⁴⁵ Блок прав: наша революция гораздо крупнее и по настоящему размаху, и по идеалам, и на почве ее Белый мог выносить мысль о Человеке (челе века) а «Послание» Замятина⁴⁶ — совсем воскресило Салтыкова <...>

В общем, какое трудное, сложное, мучительное время для наших серьезных писателей наши 20 лет! Блок, Белый, даже Маяковский — в муках распяты на кресте духа. Блок, самый хрупкий из всех, самый самоуглубленный во внутрь (в противоположность Белому, самоуглубленному во вне) — не выдержал. Белый — крепче, поэтому что он грубее, он способнее к борьбе, и он борется за свободу своего духа, за свое свободное распятие; Белый — «себя» выдержит; груз его «я» не превышает его сил; он «себя» выявит, и в этом его сила и его спасение от крестной смерти. У Блока в последние годы его жизни — такого равновесия не было: оттого ли, что «я» оказалось слишком грузным, набухло событиями, оттого ли, что силы сократились, изжились, истворились; но — выявить себя он уже не мог и безмолвие не вынес <...> (л. 87 об.—88 об.).

24 ноября. <...> Что касается Блока, то он — не дошел, умер в пути, как хорошо сказал об нем Энгельгардт,⁴⁷ Блок, в противоположность Толстому, уже предчувствовал бога, но еще не осознал его; он был порождением атеистического социализма, с одной стороны, но с другой — носил в себе семена будущего созна-

ния. Творческое слово-символ было для него слиянием обоих элементов, и в нем оно достигло расцвета. Время не исключит Блока из нашей поэзии, а пожалуй — и из мировой, как ни утверждают это староверы; наоборот, оно только расширит и упрочит его место в истории русской поэзии, русской литературы, русского сознания (№ 20, л. 97 об.).

1922 г. 3 сентября». Вчерашний вечер наш памяти Блока удался вполне. Вечер был интимный, устраивали его «Б. М.» Энгельгардт и я от имени «группы сотрудников Пушкинского Дома» «...» Публики было для нашего зала много, но все — своя, по билетам: много эрмитажников, наша молодежь со своими знакомыми, кой-кто из литераторов: Сологуб, Ахматова, Муйжель, Н. А. Энгельгардт с дочерью,⁴⁸ «...» знакомые Щербачевых⁴⁹ и д'Орлеак,⁵⁰ Щеголев. Участвовали: Верховский («Улыбка Блока» и стихотворения Блока к сюите Щербачева), Вс. Рождественский (стихотворение «Памяти Блока»), Стахова⁵¹ и ее ученик из студии (стихотворения Блока), д'Орлеак (романсы Сенилова и Гнесина),⁵² Щеголева⁵³ (стихотворения Блока), опять д'Орлеак (романсы Щербачева на слова Блока) и у рояля — Щербачев во всех трех отделениях. Лучше всех были Верховский, Щеголева, д'Орлеак (прекрасно пела) и Щербачев. Публика — верх культуры, и знакомые Щербачева и д'Орлеак — верх элегантности. Чаепитие вышло тоже очень просто, хорошо и уютно. Ахматова мне опять очень понравилась: она несомненно умна, чутка, изящна и горда при полной простоте и скромности; такой она опять была вчера. И лицо у нее прекрасно: сине-серые, грустные глаза, дерзкие и вместе горькие (с горькой складкой у угол) губы. Старичок Сологуб, давно сердитый на Пушкинский Дом, вчера под конец совсем смягчился и обещал написать мне в альбом стихотворение.

Но измучились мы порядком с этим вечером! (№ 20, л. 108—108 об.).

11 сентября». «...» от Сологуба поехала к Петрову-Водкину, с намерением оставить ему альбом до моего следующего приезда из Царского. Кузьма Сергеевич уехал в Москву. Застала только Марию Федоровну,⁵⁴ которая мне пела, и потом пила у них чай. Между прочим, Мария Федоровна рассказала, что на пасху она с Кузьмой Сергеевичем отправилась на Смоленское на могилу Блока. Там стоял некрашенный, потрескавшийся крест, и могила производила впечатление запустения. На кресте была надпись карандашом: А. А. Блок. Водкин огорчился таким состоянием могилы поэта, а через несколько дней пришел на кладбище с красками и кистями, выкрасил крест в зеленую краску, сделал черную надпись (полное имя, фамилию и дату смерти), а на концах креста написал архангелов красками же. Тут присутствовала в это время мать поэта. Но крест этот спустя некоторое время был снят и заменен другим, обыкновенным белым, стоящим и сейчас⁵⁵ (№ 20, л. 112).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ), ф. 326, Казанович Е. П., № 13, л. 25. — Ссылки на этот фонд даны в тексте сокращенно с указанием номера единицы хранения и листа.

² РО ИРЛИ, Р. 1, оп. 12, № 282.

³ Дата указана в метрическом свидетельстве (№ 2, л. 2). Сама Е. П. Казанович в автобиографиях называла иную дату рождения — 1886 г.

⁴ Речь идет о первом выпуске «Временника Пушкинского Дома» на 1913 г. В нем была напечатана и работа Е. П. Казанович «К истории возникновения Пушкинского Дома». Несколько ранее этого, желая привлечь внимание общества к делам нового культурного центра, Е. П. Казанович напечатала статью «Пушкинский Дом в Петербурге» (Русские ведомости, 1913, 31 июля, № 176).

⁵ Коллекция переводчика Федора Федоровича Фидлера (1859—1917) по его завещанию после его смерти была предложена к приобретению Академии наук или Публичной библиотеке. Из-за ограниченности средств в 1917 г. ни то, ни другое учреждение не смогли приобрести эту коллекцию. Она была продана коллекционеру А. Е. Бурцево. В 30—50-е гг. небольшими частями коллекция Ф. Ф. Фидлера стала поступать в различные хранилища СССР, в том числе и в Пушкинский Дом.

⁶ Библиотека с. Тригорское была передана Пушкинскому Дому в 1913 г. бар. С. Б. Вревским (Отчет о деятельности отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук за 1913 год. Пгр., 1913, с. 47). Каталог этой библиотеки составлен Б. Л. Модзалевским (см.: Пушкин и его современники. Материалы и исследования, вып. 1, СПб., 1903, с. 19—52).

⁷ Архив и библиотека писателя Алексея Алексеевича Тихонова (Лугового) (1853—1914) поступили в Пушкинский Дом в 1914 г. (Отчет о деятельности отделения русского языка и словесности императорской Академии наук за 1914 год. Пгр., 1914, с. 33).

⁸ В 1914 г. Е. П. Казанович едва не уехала на фронт в качестве медсестры, но, оставшись в Петербурге, она много времени отдавала помощи раненым. Быть может, вследствие этого ее дневниковые записи 1914 г. не содержат других сведений о делах Пушкинского Дома.

⁹ В этом выпуске «Временника» были помещены две работы Е. П. Казанович, одна из них написана совместно с Б. Л. Модзалевским (*Модзалевский Б. Л., Казанович Е. П.* Описание рукописей, принадлежащих Пушкинскому Дому. — Временник Пушкинского Дома. 1914. Пгр., 1915, с. 1—63; *Казанович Е. П.* К истории сношений Гоголя с Погодиным. — Там же, с. 69—88).

¹⁰ Ныне дом № 13 по Университетской набережной. До Октябрьской революции здесь размещалось Главное управление военно-учебных заведений.

¹¹ В 1920 г. Пушкинский Дом получил здание дома № 22 по улице Халтурина.

¹² В дневниковых записях Е. П. Казанович с середины 1915 г. большой перерыв. Возобновляются они в февральские дни 1917 г.

¹³ Пругавин Александр Степанович (1850—1921) — исследователь старообрядчества и сектанства.

¹⁴ Архив III отд. 27—28 февраля был эвакуирован сотрудниками Пушкинского Дома в Академию наук, а в 1922 г. передан в Централхив и перевезен в здание Сената (см.: *Баскаков В. Н.* История создания Пушкинского Дома и его деятельность в 1905—1917 годах. — Русская литература, 1979, № 3, с. 110).

¹⁵ В 1917—1918 гг. Е. П. Казанович на некоторое время уехала на родину в Могилевскую губернию, затем служила в архиве министерства народного просвещения, занимаясь описанием цензурных дел, в отделе статистики комиссариата труда и в репертуарной секции геатрального отдела

комписариата по просвещению. В 1919 г. Е. П. Казапович вернулась в Пушкинский Дом.

¹⁶ Феокистов Евгений Михайлович (1828—1898) — государственный деятель, историк, мемуарист.

¹⁷ Нефф Тимофей Андреевич (1804—1876) — живописец, профессор Академии художеств.

¹⁸ Гребенщиков Яков Петрович (1888—1935) — библиотекарь ряда библиотек Петрограда—Ленинграда и Казахстана.

¹⁹ Гампельн Карл Карлович (1794—после 1880) — гравер, литограф, рисовальщик.

²⁰ вид внутри помещения (*фр.*).

²¹ Филль Джон (1782—1837) — пианист. Известен портрет Д. Филльда работы О. А. Кипренского.

²² ловкая штука, сложное дело (*фр.*).

²³ Михаил Петрович Кристи (1875—1956) — уполномоченный Наркомпроса (1918—1926) и заведующий высшими учебными заведениями Петрограда (с 1921 г.).

²⁴ Блок прознес речь «О назначении поста» (впервые опубли.: Вестник литературы, 1921, № 3 (27)).

²⁵ М. А. Кузмин читал стихотворение «Пушкин» (опубли. в сб.: Нездешние вечера. Пг., 1921, с. 51).

²⁶ См.: *Иванов-Разумник Р. В.* 1) «Двенадцать». — Знамя труда, 1918, 14 апр., № 180; 2) «Сныфы» Александра Блока. — Там же, 17 апр., № 182.

²⁷ По городу были расклеены траурные афиши: «Дом Искусств, Дом ученых, Дом литераторов, Государственный Большой драматический театр, Издательство: „Всемирная литература“, Гржебница и „Алконост“ извещают, что 7-го августа в 10½ часов утра скончался Александр Александрович Блок, вынос тела из квартиры (Офицерская, 57, кв. 23) на Смоленское кладбище состоится в среду 10 августа, в 10 часов утра».

Поэт Инна Николаевна Берберова (р. 1901) так вспоминает этот день: «В Доме литераторов, на Бассейной улице, я увидела в черной рамке объявление, висевшее среди других: «Сегодня, 7-го августа, скончался Александр Александрович Блок». Объявление еще было сырое, его только что наклеили <...> Панихида была назначена в пять часов, я пришла минут на десять раньше <...> Большой, старый и давно не отремонтированный дом. Вход из-под ворот. Лестница, дверь в квартиру полуоткрыта. Вхожу в темную переднюю, направо дверь в его кабинет. Вхожу. Кладу цветы на одеяло и отхожу в угол. И там долго стою и смотрю на него. Он больше не похож ни на портреты, которые я храню в книгах, ни на того, живого <...> волосы потемнели и поредели, щеки ввалились, глаза провалились. Лицо обросло темной, редкой бородой, нос заострился. Ничего не осталось, ничего. Лежит „незнакомый труп“. Руки связаны, ноги связаны, подбородок ушел в грудь. Две свечи горят или тлп. Мебель вынесена <...> В окне играет солнышко, виден зеленый покаты́й берег Пряжки. Входит Н. Павлович <...> потом Пяст и еще кто-то <...> Павлович, склонив голову, долго смотрит ему в лицо. Опухшая от слез, светловолосая, чернобровая мелькает К. Книпович; входит Ю. П. Анненков, мать Блока и Любовь Дмитриевна <...> Пришел священник, облачается в передней, входит в псаломщиком. Это — первая панихида. Уже во время нее я вижу М. С. Шагвян, потом несколько человек входит сразу (К. Чуковский, Замятин). Всего человек двенадцать—пятнадцать...» (*Берберова Н.* Курсив мой. Автобиография. München, 1972, с. 140—142).

²⁸ 11 августа 1921 г. газета «Правда» сообщала в хронике: «10 августа, в 10 час. утра, состоялся вынос тела А. Блока. Отдать долг покойному собралось много делегаций от ученых, журналистов, литераторов и артистов. Гроб с прахом А. А. был вынесен А. Белым, Д. Цензором и другими. За гробом следовала колесница с венками от различных организаций и друзей покойного. Всю дорогу до Смоленского кладбища пел хор Ака-

демического театра. А. А. похоронен на Гиптеревской дорожке, рядом с родными его матери. Речей у гроба произнесено не было».

¹⁰ «10-го, в среду, были похороны, — вспоминает Н. Берберова. — Я увидела, как под стройное, громкое пение <...> спускались Белый, Пяст, Замятин, другие, высоко на плечах неся гроб. Любавь Демитриевна» вела под руку Александру Андреевну», священник кадпл, в подворотне повернули на улицу, уже начала расти толпа. Все больше и больше — черная, без шапок, вдоль Пряжки, за угол, к Неве, через Неву, поперек Васильевского острова — на Смоленское. Тысячи полторы людей ползли по летним, солнечным, жарким улицам, качался гроб на плечах, пустая колесница подпрыгивала на булыжной мостовой, шаркали подошвы. Останавливалось движение, теплый ветер дул с моря, и мы шли и шли» (*Берберова Н. Курсив мой*, с. 143).

Отпевание Блока происходило не в церкви Смоленской божьей матери, как вспоминают многие современники, а в церкви воскресения Христова (при въезде на Смоленское кладбище), что видно на фотографии, хранящейся в Ленинградском Гос. архиве кинофотофонодокументов (Гр. 504).

²⁹ Имеется в виду статья Блока «Интеллигенция и революция» (первые опубл.: Знамя труда, 1918, 18 янв.), которая вызвала широкое общественное резонанс (см.: *Блок А. 1) Записные книжки*. М., 1965, с. 385; 2) Собр. соч., т. VII, М.—Л., 1963, с. 321).

³⁰ Абрам Евгеньевич Кауфман (1855—1921) — публицист, в 1910—1921 гг. редактор «Вестника литературы», председатель Общества взаимопомощи литераторов и ученых.

³¹ Николай Моисеевич Волковыский (1881—после 1939) — литератор.

³² Борис Осипович Харитон (1875?—после 1941) — журналист, один из администраторов Дома литераторов.

³³ Иван Иванович Ляпин (1870—1948) — профессор философии Петроградского университета.

³⁴ Борис Павлович Сильверсан (1883—1934) — литературовед, заведующий скандинавским отделом издательства «Всемирная литература».

³⁵ Александр Ильич Зилоти (1863—1945) — pianist, дирижер.

³⁶ Илья Иванович Ионов (Бернштейн) (1887—1942) — поэт и издательский работник, заведующий Петроградским отделением ГИЗА.

³⁷ Институт живого слова вскоре после открытия (15 ноября 1918 г.) был объединен со словесным отделом Института истории искусств (д. 5 на Исаакиевской пл.) и часто менял свой адрес. В 1921 г. институт находился на углу Толмазова пер. (ныне — Крылова) и Александринской (ныне — Островского) площади (сообщил В. М. Глинка).

³⁸ Вероятно, речь идет о Борисе Ивановиче Коплане (1898—1942) — историке литературы, сотруднике Пушкинского Дома.

³⁹ Мать поэта, Александра Андреевна.

⁴⁰ Александр Иванович Введенский (1888—1946) — прозаик. Текст этой проповеди хранится в ГПБ (ф. 42, ед. хр. 9).

⁴¹ ныне ул. Галляева; здание церкви не сохранилось.

⁴² Вольная философская ассоциация открылась в ноябре 1919 г. под председательством Блока. Заседания Вольфиллы проходили вначале на проспекте Володарского (Литейном) в д. 21, затем на Фонтанке (д. 50) и в здании Географического общества (Демидов пер. — ныне Гривцова, д. 10). Речь идет о заседании, которое состоялось 28 августа 1921 г. в здании Географического общества (ГПБ, ф. 353, Кляжип В. П., ед. хр. 85) и материалы которого опубл. в сб.: Памяти Александра Блока. Пб., 1922.

⁴³ См. об этом эпизоде: *Блок А. Записные книжки*, с. 449—450.

⁴⁴ В журнале «Записки мечтателей» (1919, № 1 и 1921, № 2—3) Белый напечатал эпопею «Я» (т. I, «Записки чудака») и «Дивный писатель».

⁴⁵ Имеется в виду статья А. Блока «Владимир Соловьев и наши дни» (Записки мечтателей, № 2—3, с. 169 и сл.).

⁴⁶ *Замятин Е.* «Тулумбас». Послание Замутия, Епископа Обезьянского. — Записки мечтателей, 1921, № 2—3.

⁴⁷ См.: *Энгельгардт Б.* В пути погибший: «Такова была его земная судьба... Он не дошел и погиб на пути, недалеко от цели. Но и то, что он совершил, было огромно». (В кн.: Об Александре Блоке. Пг., 1921, с. 37).

⁴⁸ Николай Александрович Энгельгардт (1866—1942) — журналист, критик; Анна Николаевна Энгельгардт (1893—1942) — ученица студии Вербовой, кукловод в театре «Синяя ширма» (сообщила Н. М. Иванникова).

⁴⁹ Владимир Владимирович Щербачев (1889—1952) — композитор, педагог; на стихи Блока Щербачевым написаны фортепьянная сюита «Нечаянная радость» (1912—1913) и девять романсов (1915—1924).

⁵⁰ Ксения Николаевна Дорлиак (1882—1945) — оперная певица, профессор Петроградской консерватории.

⁵¹ Варвара Степановна Враская (Стахова по сцене, в замужестве Котляревская) (1882—1942; сообщила О. Б. Враская) — драматическая актриса, близкая знакомая Л. Д. Блок.

⁵² Произведения Блока, положенные на музыку Владимиром Алексеевичем Сениловым (1875—1918) и Михаилом Фабиановичем Гнесиным (1883—1957) и другими композиторами, приведены в кн.: *Хопрова Т.* Музыка в жизни и творчестве А. Блока. Л., 1974, с. 149—151.

⁵³ Валентина Андреевна Щеголева (урожд. Богуславская) (1878—1931) — драматическая актриса, жена П. Е. Щеголева; ей посвящен цикл стихотворений Блока «Три послания» (1908—1910).

⁵⁴ Мария Федоровна Петрова-Водкина (урожд. Иованович) (1886—1960) — жена К. С. Петрова-Водкина.

⁵⁵ 28 сентября 1944 г. Блок и его родные — А. А. Кублицкая-Пиоттух, М. А., А. Н. и Е. Г. Бекетовы — были перезахоронены на Литераторских мостках Волкова кладбища; 5 октября того же года был перенесен с Волкова лютеранского кладбища прах жены поэта Л. Д. Блок.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ Б. Л. МОДЗАЛЕВСКОГО

ПУБЛИКАЦИЯ Е. И. СЕМЕНОВА

Публикуемые ниже письма Б. Л. Модзалевского к Л. Э. Бухгейму и Н. А. Котляревскому, а также переписка Б. Л. Модзалевского с М. П. Алексеевым — материал для истории Пушкинского Дома, для истории русской и советской науки вообще. Письма эти имеют значение не только как источник фактических сведений о том, на каких формально-юридических основаниях учреждался Пушкинский «музей-паптеоп», как формировались его рукописный и музейный фонды, его научные штаты, какие издания выходили из его стен. Страницы писем воскрешают живые образы людей — свидетелей и участников борьбы передовых представителей русской науки за сохранение, изучение и умножение национального культурного наследия.

Хотя вопрос о создании Пушкинского Дома был в принципе решен Комиссией по постройке памятника А. С. Пушкину 15 декабря 1905 г., а Положение о Пушкинском Доме «высочайше» утверждено 14 июля 1907 г., проведение этого решения в жизнь осуществлялось довольно медленно. Пушкинский Дом создавался не столько за счет казны, сколько за счет пожертвованных частных лиц, но, как сообщил корреспонденту «Петербургской газеты» делопроизводитель и казначей комиссии В. А. Рышков, к концу 1908 г. по подписке было собрано лишь 365 руб. 60 коп.¹ Сейчас это может показаться странным, но сама идея создания Пушкинского Дома встретила тогда не очень большое понимание и даже оппозицию со стороны определенной части общественности. Наиболее резко эта оппозиция выразилась в выступлении газеты «Новая Русь» от 8 марта 1909 г.: «Русский народ нуждается в школах и хлебе, и стыдно взваливать на его многострадальную спину новое казенное заведение <...> А своего великого поэта народ и без того любит и помнит. Разные Модза-

¹ «Петербургская газета», 1908, № 321. — Финансовые затруднения Комиссии по постройке памятника Пушкину испытывала и в последующие годы, о чем свидетельствуют циркулярные письма Управляющего делами комиссии акад. Н. А. Котляревского. Приводим выдержку из письма от 3 октября 1912 г.: «В настоящее время, — писал Котляревский, — ко мне весьма часто обращаются разные лица с предложением приобрести для Пушкинского Дома разные предметы, связанные с памятью о русских писателях, и мне приходится, за полным отсутствием средств на такие приобретения, отказываться от покупки; и таким образом, многие ценные вещи, которые по свойству своему должны были бы войти в собрания Пушкинского Дома, уходят к антикварам, на рынок и в частные руки» (ИРЛИ, ф. 184, № 554).

левские и Рышковы, старающиеся „увековечить“ имя Пушкина!.. Зрелище смешное и кощунственное».

В этих условиях создание и дальнейшая жизнь «папсона-музея» зависели во многом от энтузиазма таких лиц, как С. Ф. Ольденбург, непремный секретарь Академии, как академик Н. А. Котляревский, имевший широкие связи в литературных и правительственных кругах, от таких ученых-подвижников, как Б. Л. Модзалевский, от поддержки, которую оказывали любители русской литературы людям, непосредственно занимавшимся организацией Пушкинского Дома.

Чтя письма Б. Л. Модзалевского (1874—1928) к Л. Э. Бухгейму, мы видим, как много значило для успеха подобного предприятия нравственное сплочение людей, бескорыстно трудившихся во имя культуры своей страны.

Лев Эдуардович Бухгейм (1880—1942) ко времени начала переписки и дружеских отношений с Б. Л. Модзалевским в 1911 г. уже завоевывал себе ту репутацию «идейного издателя и просвещенного библиофила»,² которая окончательно утвердится за ним через несколько лет. Сын крупного московского коммерсанта, Л. Э. Бухгейм после смерти отца окончательно порвал с семейной традицией и в дальнейшем видел цель своего существования не в умножении наследственного капитала, а в бескорыстной деятельности на благо русского просвещения.

В лице такого человека, как Л. Э. Бухгейм, Б. Л. Модзалевский, сам страстный библиофил и коллекционер, находит себе горячего «сочувственника». Переписка их поначалу и развивается как способ общения людей, любящих книгу, как средство обмена литературоведческими новостями. Однако у Б. Л. Модзалевского библиофильская и литературоведческая страсть достигает высшей ступени, она кристаллизуется как идея служения Пушкинскому Дому. Этой идеей Б. Л. Модзалевский стремится заразить своего корреспондента и единомышленника. Настоящие призывы будущего главного ученого хранителя Пушкинского Дома послужить благородной цели часто находят живой отклик у Бухгейма. Он постоянно посылает свои издания Пушкинскому Дому, дарит ценные коллекции, готов завещать чуть ли не все свое состояние Академии наук.

Увлеченность плодотворной общественной идеей побуждает людей к самостоятельным решениям, делает их сердца открытыми для смысла больших событий, иногда даже позволяет смутно предчувствовать этот исторический смысл. Замечательно в этом отношении письмо, отправленное Модзалевским в капут 1917 г. «Что-то сулит он нам, чем-то порадует? Увидим ли конец войны, окончания которой, помимо тысячи других причин многообразного свойства, я жажду и потому, что тогда можно будет поднять и, бог даст, разрешить вопрос о постройке Пушкинского Дома». Предчувствие конца войны и предчувствие разрешения вопроса о постройке Пушкинского Дома — такое соединенное «общего» и «особенного» в сознании ученого хранителя не может не тронуть читателя писем Модзалевского.

Еще больше волнует та полная драматизма жизнь основателей Пушкинского Дома, которую они вели в первые годы уже реального, исторического, а не чисто «идейного» существования этого академического учреждения.

«Пушкинский Дом был создан грудами преимущественно двух лиц: акад. Н. А. Котляревского, его первого директора, скончавшегося 12 мая 1925 г., и Б. Л. Модзалевского, его первого ученого хранителя», — писал И. В. Измайлов в некрологе Бориса Львовича.³

Переписка Модзалевского с Н. А. Котляревским позволяет более конкретно понять как взаимоотношения этих людей, так и их роль в органи-

² Лисовский И. М. Лев Эдуардович Бухгейм. — Библиографические известия, 1919, № 1—2, с. 74 (отд. оттиск).

³ Красная Вечерняя газета, 1928, № 93, 4 апреля.

защиты Пушкинского Дома. Занятые общим делом, будучи добрыми друзьями, они в то же время как бы дополняли и уравнивали крайности характеров друг друга.⁴ Модзалевский — фанатик идеи, шатура, хлопьяй безмерно преувеличивать значение того или иного факта. Котляревский — человек «трезвой мысли»,⁵ «фейербахапанец и скептик»,⁶ по собственному шутливому определению. Как отмечал С. Ф. Ольденбург, в личности Нестора Александровича всегда чувствовалось «что-то очень хорошее — благородное», но вместе с тем и осторожное отношение к проявлению общественных страстей как к «обману и самообману».⁷ Когда в 1924 г. заграничная поездка Н. А. Котляревского стала по ряду причин затягиваться и Б. Л. Модзалевский, умоляя своего директора поспешить с возвращением, указывал ему на то, что за время его отсутствия Пушкинский Дом может погибнуть. Нестор Александрович отвечал в своей благодушной манере скептически-трезвого человека: «Мой милый, не преувеличивайте моего значения»;⁸ «Я был силен только тем, что у меня с Сергеем Фед[оровичем] Ольденбургом близкие отношения»;⁹ «Я никогда не простил бы себе такого эгоизма, если бы я не знал, что присугубление мое все равно вас от забот не избавляет, скажу больше — я для вас тоже забота и не малая».¹⁰

И действительно, публикуемые ниже письма Модзалевского показывают, что, уступая настойчивости своего инициативного и сверхактивного друга и помощника, Котляревский фактически передоверял ему ряд своих директорских функций. Свободный от «увлечений». Н. А. Котляревский был в состоянии не только дать строгую оценку своей деятельности, но, в отличие от Модзалевского, и более спокойно оценить возросшее уже в революционные годы значение Пушкинского Дома вообще: «Если бы вы впедали, как везде все рушится, то не удивлялись бы, что в Пушкинском Доме затишье. Наконец какое же это затишье! Даже здесь (в Западной Евроре, — Е. С.) с большим почетом говорят о нем и его работах».¹¹

Но таков был характер Модзалевского. Принимая близко к сердцу все, что касается любимого его детища — Пушкинского Дома, он готов хлопотать и волноваться по любому поводу, готов работать до изнеможения. до потери сил. Вот почему сказанному о большой активности Б. Л. Модзалевского в те годы (1917—1924), когда он писал публикуемые письма к Н. А. Котляревскому, не так противоречат многочисленные жалобы старшего ученого хранителя на свою апатию к жизни, на шумное и жизнерадостное окружение здоровых молодых людей. Почти все эти письма отправлены Модзалевским с места отдыха или лечения (из Выборга, Гатчины, Царского Села), написаны они человеком переутомленным, страдающим неврозом сердца, развившимся в результате чрезмерной работы и переживаний по поводу того, что хотелось бы сделать еще больше, но нет для того сил и средств.

⁴ См.: Яковлев Н. В. Из воспоминаний о Пушкинском Доме. — Звезда. 1969, № 8, с. 166.

⁵ Письмо М. И. Ростовцева к Н. А. Котляревскому от 14 июня 1906 г. (ИРЛИ, ф. 135, № 591).

⁶ Письмо Н. А. Котляревского к Б. Л. Модзалевскому от 10 декабря 1922 г. (ИРЛИ, ф. 184, № 554, л. 6 об.).

⁷ Письмо С. Ф. Ольденбурга к Н. А. Котляревскому от 24 июля 1906 г. (ИРЛИ, ф. 135, № 511).

⁸ Письмо Н. А. Котляревского к Б. Л. Модзалевскому от 22 декабря 1923 г. (ИРЛИ, ф. 184, № 554, л. 18).

⁹ Там же.

¹⁰ Письмо Н. А. Котляревского к Б. Л. Модзалевскому от 18 января 1924 г. (ИРЛИ, ф. 184, № 554, л. 20).

¹¹ Письмо Н. А. Котляревского к Б. Л. Модзалевскому от 22 декабря 1923 г. (ИРЛИ, ф. 184, № 554, л. 18).

Мы указывали уже на грогательную склонность Модзалевского перелом в истории человечества ощущать прежде всего как новую эру в истории Пушкинского Дома. В письме к Л. Э. Бухгейму от 5 апреля 1919 г. он и сам признает, как своеобразно воспринимается происходящее со стороны того, «кто не принимает непосредственного и деятельного участия в том, что творится...».

Дело, однако, не только в особенностях характера и личной жизненной позиции ученого-литературоведа Модзалевского. Нам подчас бывает трудно представить себе суровый драматизм тех революционных лет. Революция разбудила дремлющую инициативу масс, освободила энергию многих людей, в то время как материальные средства для реализации идеи, охвативших тысячи умов, еще предстояло создать. К этому следует добавить голод, холод, разруху, низкий культурный уровень большинства населения — почва, на которой, как указывал Ленин в беседе с Кларой Цеткин, образуется бюрократизм.¹² Все это по-своему переживали те деятели русской науки, которые, как Б. Л. Модзалевский, увидели перед собой с началом революции широкое поле культурной работы, но, с другой стороны, тяжело воспринимали несоответствие внезапно расширившихся целей с наличными средствами их осуществления. «Работы такая уйма, что если бы нас вдесятеро больше было, то и тогда бы с нею не справились».¹³ Тем большего уважения заслуживает труд первых советских литературоведов в условиях, когда выход каждой книжки становился настоящим праздником. «Наш Пушкинский сборник приходится создавать с невероятными трудами; но чем больше препятствий, тем сильнее мое упорство», — писал М. П. Алексеев Б. Л. Модзалевскому, и в этих словах — ключ к пониманию успехов молодой советской науки. Принимая новых энтузиастов в круг друзей и «сочувственников» Пушкинского Дома, становящегося действительным научным центром страны, старший ученый хранитель мог обретать уверенность в том, что «общими силами» его корабль будет доведен до пристани. Таков итог переписки Б. Л. Модзалевского с М. П. Алексеевым, который находился тогда в Одессе и начинал свой творческий путь.

Тексты писем печатаются полностью по автографам, хранящимся в рукописном отделе ИРЛИ. Письма Б. Л. Модзалевского к Л. Э. Бухгейму — ф. 611, № 16; письма Б. Л. Модзалевского к Н. А. Котляревскому — ф. 135, № 481; письма М. П. Алексеева — ф. 184, № 26; письма Б. Л. Модзалевского к М. П. Алексееву теперь хранятся также в ИРЛИ. Составитель благодарен академику М. П. Алексееву за согласие на публикацию его переписки с Б. Л. Модзалевским.

Л. Э. Бухгейму

1

Милостивый государь Лев Эдуардович,

П. К. Симони¹ передал мне сегодня Ваш подарок — фотографию с картины, изображающей Белинского, и портреты Лермонтова, Кавелина и Бестужева-Рюмина. Тронутый Вашим вниманием, спешу принести Вам выражение моей искренней признательности и за него, и за подарок. Портреты нахожу очень удачными, также и картину, на которой все-таки досадно видеть не-

¹² В. И. Ленин о литературе и искусстве. Изд. 5-е. М., 1976, с. 659.

¹³ См. публикуемое ниже письмо к Н. А. Котляревскому от 21 июня 1921 г.

удачно написанную левую руку, — несоразмерно большую. Портрет Лермонтова особенно любопытен, так как представляет поэта без прикрас, как на иных.

Не будете ли Вы так добры подарить экземпляр портретов (всех 4) Пушкинскому Дому, при Императорской Академии наук учреждаемому? Было бы очень желательно, если бы Вам понравилась идея Дома, Положение о котором при сем посылаю.² Прилагаю также и описание части его собраний, описанной мною;³ в нем найдете Вы и указание на некоторые портреты. Со времени выхода описания собрания Дома обогатились многими ценными рукописями и портретами.

Еще раз благодарю Вас, прошу Вас верить моему искреннему к Вам уважению и преданности

Б. Модзалевский.

29 XI 1911.

Имп. Акад. наук.

¹ Симои Павел Константинович (1859—1939) — историк литературы, текстолог, готовил к печати некоторые издания Бухгейма.

² Положение о Пушкинском Доме, утвержденное общим собранием Академии наук 15 сентября 1907 г., было отпечатано отдельным изданием.

³ *Модзалевский Б. Л.* Список рукописей и некоторых других предметов, принадлежащих Пушкинскому Дому. — Изв. Имп. Акад. наук, 1911, № 7. с. 509—538.

2

Многоуважаемый Лев Эдуардович,

Зная Вашу любовь к русской литературе, решаюсь писать Вам по следующему поводу, в надежде на Ваш откровенный ответ.

Умерший 3-го июня 911 г. известный писатель-юморист и драматург Иван Леонтьевич Леонтьев (псевдоним) Щеглов) завещал мне, как своему душеприказчику, продать право на издание полного собрания его сочинений и из вырученной суммы поставить памятник на его могиле в Кисловодске, учредить премию его имени при Обществе русских драматических писателей и композиторов в Москве, а также раздать разные суммы близким ему лицам.¹ Для осуществления последних распоряжений необходимо осуществление первого, т. е. продажа его сочинений. Здесь, в Петербурге, мне пока не удалось устроить эту продажу, а в Москве у меня мало связей в издательском мире. Между тем на моей совести лежит это дело, и прежде чем писать к издателям-торговцам, которые на произведения писателя смотрят лишь как на товар и на средство получения барышей, я решился обратиться к Вам с предложением, не пожелаете ли Вы приобрести это право. Стоимость сочинений я определяю минимальную — 14 000 р., так как столько именно нужно для осуществления завещательных распоряжений покойного моего друга. По программе, выработанной самим автором незадолго до смерти, собрание должно соста-

вить 20 томов, приблизительно по 20 листов в томе обыкновенного объема, в каком издается беллетристика. Программу эту я могу Вам выслать, если бы вы заинтересовались этим делом. Уплату денег я мог бы рассрочить на год в два-три срока.

Я знаю (сужу по Вашим изданиям), что Ваши симпатии до сих пор сосредоточивались на писателях 1-го ранга,² но не вижу ничего невозможного в предположении, что Вас могут заинтересовать *dei minores*,³ а особенно такой писатель по призванию, писатель чистой воды, каким был покойный Щеглов, проработавший на писательском поприще свыше 25 лет. С некоторыми его книгами Вы, конечно, знакомы. Общий очерк его деятельности, написанный А. А. Измайловым, помещен в только что вышедшей книге Щеглова (в издании Сойкина) «Народ и театр». Если пожелаете, я могу выслать Вам эту книгу, получив ее от сестры покойного.

Вот мое предложение, которое я решился откровенно Вам сказать, и прошу Вас так же откровенно написать мне, насколько находите Вы его подходящим или нет. Смее думать, что Щеглов — писатель, который заслуживает вполне того, чтобы появилось в свете собрание его сочинений, и что тот, кто издаст его, не понесет убытков, так как Щеглова еще долго будут читать, как долго будут играть на сцене его заразительно-веселые пьесы. Вы, верно, знаете дружеские связи Щеглова с Чеховым и письма последнего к нему, в которых так много разлиты симпатии к русскому Джерому-Джерому.

Простите, если предложение мое покажется Вам неуместным. Только желание исполнить волю покойного моего друга продиктовало мне это письмо.

Искренно Вас уважающий

Б. Модзалевский.

17 янв<аря> 1912.

Р. S. Всю свою литературную переписку, бумаги и библиотеку Щеглов завещал Пушкинскому Дому. Среди писем — его переписка с Чеховым, Надсоном, А. Н. Плещеевым, Дедловым (Книги), Горленко, Ясинским, Баранцевичем, Потапенко, Страховым, Градовским, Савиной, Сувориным и мн. мн. другими писателями и актерами.⁴

¹ Леонтьев (Щеглов) Иван Леонтьевич (1856—1911) — русский писатель-юморист, драматург, друг Чехова. Собрание его сочинений издано не было.

² К 1912 г. Л. Э. Бухгейм издал «Материалы для биографии А. И. Герцена» (М., 1909), «Мои заметки» А. Н. Пыпина (М., 1910) и «Воспоминания студентства» К. С. Аксакова» (СПб., 1914).

³ *dei minores* — младшие боги, т. е. писатели второго ряда.

⁴ Архив И. П. Щеглова и сейчас находится в РО ИРЛИ (ф. 150). — Свой отказ купить право на издание сочинений Щеглова Л. Э. Бухгейм мотивировал следующим образом: «...во-первых, я не располагаю такими

большими средствами, — сообщал он Б. Л. Модзалевскому 22 января 1912 г., — а самое главное, что я не профессиональный издатель, а издатель — любитель без всякой коммерческой жилки. Поэтому сочинения Щеглова мне издать вовсе не интересно <...> Я издаю только то, что меня интересует и чем желаю заинтересовать публику, совершенно не думая об успехах издания. Более одной книги в год я издать не в состоянии. (ИРЛИ, ф. 184, № 166, л. 3; ср.: *Лидин В. Г. Друзья мои — книги. Заметки книголюбца*. М., 1966, с. 56).

3

Многоуважаемый Лев Эдуардович,

Очень, очень благодарен Вам за внимание и за присылку Вашего нового, такого прекрасного издания. Оно делает честь Вашему вкусу как со стороны внутреннего содержания, так и в смысле внешности. Статьи Николая Кириаковича солидны и серьезны, как все, что он делает, а внешний вид книги не оставляет желать ничего лучшего. Видно, что все обдуманно и облюбовано. Большое спасибо за прекрасный подарок.¹ Посылаю Вам Каталог Ломоносовской выставки, — вот все, чем могу отслужить Вам на сей раз.

У меня нет Вашего издания воспоминаний К. С. Аксакова: если можно, подарите меня им.

Как я рад, что Вы намерены издать сочинения Лонгинова.² Это будет очень, очень полезное издание, а то, что дело находится, если не ошибаюсь, в руках П. К. Симони, ручается за внутреннюю доброкачественность книги. Только бы он не затянул дела: он так много дел ведет, что всегда страшно за всякое новое. Но авось все обойдется благополучно, и мы все получим хорошее издание трудов Лонгинова, до сих пор мало устаревших.

26 IX 1912. СПб. Искренно Вас уважающий
Б. Модзалевский.

¹ Речь идет об издании: Горе от ума. Комедия А. С. Грибоедова Текст издательской рукописи, хранящейся в Имп. Российском историческом музее им. Имп. Александра III в Москве. Ред., введение и прим. П. К. Пискарева. М., 1912.

² Л. Э. Бухгейму удалось издать только один том собрания сочинения М. Н. Лонгинова. См. ниже прим. к письму 9.

4

Многоуважаемый Лев Эдуардович,

Очень благодарю Вас за присылку Вашего издания — Студентских воспоминаний К. С. Аксакова — и посылаю Вам свою брошюрку о Пнине¹ (последний экземпляр); брошюры о Толстом² у меня, увы, уже давно нет. Прилагаю еще две брошюры — от-

тиски, а также записку о Типографии Академии (она была напечатана на правах рукописи).³

13 X 1912.

Искренно Вас уважающий

Б. Модзалевский.

¹ *Модзалевский Б. Л.* Иван Петрович Пнин. Биогр. очерк. Тип. И. Н. Скороходова, 1902. 18 с.

² *Модзалевский Б. Л.* Яков Николаевич Толстой. СПб., 1899. 55 с.

³ «Я крайне интересуюсь историей самой Академии наук, а также историей ее библиотек, — писал 7 октября 1912 г. Бухгейм Модзалевскому, — а потому очень просил бы Вас, если существуют какие-либо Ваши труды о них, выслать их мне» (ИРЛИ, ф. 184, № 166, л. 7).

5

Многоуважаемый Лев Эдуардович,

Сердечно благодарю Вас за внимание и присылку двух Ваших новых изданий, таких для меня интересных по содержанию, таких изящных и редкостных.¹ Жаль, что не знал о готовящемся издании биографии Геннади: у меня есть прекрасная фотографическая карточка его (кабинетного размера), с которой вышло бы хорошее воспроизведение, а не такое, какое удалось сделать с деревянного клише. Я с удовольствием Вам прислал бы ее для снимка.

Искренно Вас уважающий и преданный

Б. Модзалевский.

27 XII 1912.

С наступающим Новым годом.

¹ Речь идет об изданиях: 1) К 50-летию книгопродавческой деятельности А. А. Астапова. М., 1912; 2) *Иваск У. Г.* Григорий Николаевич Геннадн. (Обзор жизни и трудов). М., 1913.

6

Многоуважаемый Лев Эдуардович,

Искренно благодарю Вас за присылку Вашего нового прелестного издания — книжки о Соболевщикове;¹ посылаю Вам маленькую о ней заметку из «Откликов».

Все поджидал обещанных Вами книг (Ваших изданий) для Пушкинского Дома, да так и не дождался и решаюсь напомнить. На днях выпускаем первый «Временник Пушкинского Дома», который Вы тотчас по выходе получите, как наш жертвователь.

1 II 1914.

Преданный Вам

Б. Модзалевский.

¹ *Иваск У. Г.* Жизнь и труды Василия Ивановича Соболевщикова, старшего библиотекаря и архитектора Императорской Публичной библиотеки. М., 1914.

23 февраля 1915
Петроград.

Многоуважаемый Лев Эдуардович,

Сердечно благодарю Вас за добрую память и за не заслуженное мною внимание: Вашу новую и прекрасную во всех отношениях книгу¹ получил уже несколько дней тому назад, но только теперь удосужился прочесть ее и поблагодарить Вас. Все сделано очень хорошо, серьезно, с знанием дела и с пониманием нужд читателя. Много любопытного, много занятого и достойного примечания. С интересом прочел письма Ефремова (как они характерны! вот уж истинно «le style c'est l'homme»²), Вяземского, — да и все прочее. Хотелось бы увидеть и остальную часть архива Пономарева в таком же нарядном облачении. А нельзя ли надеяться и на скорый выход Лонгинова? Здесь много жаждущих.

Пушкинский Дом также получил Ваш экземпляр; печатная благодарность в выходящем на днях «Временнике Пушкинского Дома за 1914 год»,³ который Вам, конечно, немедленно придет. Мы понемногу растем и, главное, крепнем, — это несомненно. Объективный тому признак — пожертвования Копи (напр<имер>, он дал нам целый, прекрасно переплетенный том писем к нему Гончарова);⁴ получили на днях целый литературный архив П. О. Морозова;⁵ многое — в перспективе. Порадуйтесь со мною!

Крепко жму Вашу руку и желаю доброго здоровья и успехов в начинаниях Ваших, которым очень сочувствую.

Ваш Б. Модзалевский.

¹ Речь идет о книге: Письма к С. И. Пономареву. М., 1915.

² Стиль — это человек (*фр.*).

³ См.: Список лиц и учреждений, сделавших пожертвования Пушкинскому Дому в 1914 г. — Временник Пушкинского Дома. 1914. Пг., 1914, с. X.

⁴ На протяжении ряда лет А. Ф. Кони (1844—1927) передавал в Пушкинский Дом ценные материалы, которые хранятся сейчас в РО ИРЛИ (ф. 134).

⁵ Архив П. О. Морозова (1854—1920), известного историка литературы и театроведа, составил ф. 191 ИРЛИ.

8

Многоуважаемый Лев Эдуардович,

Сердечно благодарю Вас за прекрасный подарок — I том сочинений Лонгинова. Вы оказываете им, как и прежними Вашими изданиями, великую услугу и помощь исследователям и любителям, — и мера их благодарности растет с каждой новой книгой, которую Вы выпускаете с такою любовью на свет божий. Хотя и сознаешь неуместность своего вопроса, невольно хочется спросить: «А когда же выйдет II том?». Павлу Константиновичу, который был так мил, что сам занес мне книгу, я тоже

задал этот вопрос, хоть тут же сконфузился, ибо сам хорошо знаю, что в таких делах и нельзя, и не надо спешить.¹

Рад был узнать, что Вы в добром здоровье и что Ваша любовь к книге не падает: так радостно встречать сочувственника любимому делу. Я работаю по мере сил; на днях выпускаю V том «Архива Раевского»² (который Вам не замедлю прислать) и работаю над «Архивом декабриста», т. е. С. Г. Волконского:³ это будет издание томов в 8, — дай бог дожить и осилить. . .

Через неделю выпущу новый, двойной (XXI—XXII) вып. «Пушкина и его современников», очень интересный, как Вы увидите; одновременно печатаю два следующих — в том числе злополучную «Дуэль Пушкина» Щеголева;⁴ есть надежда, что скоро и это закончу, хоть и много нервов это стоит: ведь же 5-й год воюю с этою работою, каждую строчку вытаскивая клещами.

Пушкинский Дом богатеет каждый день ценными рукописями; назову из последних поступлений богатый дар Конн (Кольцов, Никитин, Огарев, Гончаров и пр. и пр.), архив Павлицева, архив Маркович (Марко Вовчка), кольцо Пушкина (от князя С. М. Волконского), автографы Пушкина — от барона П. А. Вревского (3) и П. М. Раевского (3), часть архива «Современника» некрасовской поры и пр. и пр. — всего не перечесть.

Будьте здоровы, многоуважаемый Лев Эдуардович, — желаю Вам всего лучшего.

14 X 1915

Преданный Вам

Модзалевский.

P. S. Не найдете ли среди Ваших московских знакомых человека, который пожелал бы прийти материально на помощь делу создания Пушкинского Дома? Не сочтите это намеком на Вас: Вы делаете уже хорошее культурное дело, — а не зажжете ли и в другом ком-либо благородный огонь любви к нашей литературе, которая уже целый век честно и плодотворно служит Русскому просвещению в широком и лучшем смысле слова. И какая благодарная роль выпала бы такому лицу! Удивляюсь тем, кто, бросая сотни тысяч на ветер, не захочет увековечить свое имя в таком большом и светлом деле.⁵

Хотел сам писать отзыв об издании Лонгинова, но не успел: это сделал, по моей просьбе, мой помощник по Архиву — Вл. Княжнин — для «Историч. вестника».⁶

¹ Сочинения Михаила Николаевича Лонгинова. Т. I. 1880—1889. М., 1915. — Относительно издания второго тома Л. Э. Бухгейм 19 октября 1915 г. сообщал Б. Л. Модзалевскому: «Сейчас на это трудно ответить, так как по случаю войны типографские работы ужасно вздорожали и ощущается сильный недостаток бумаги. Ввиду этого я отложил печатание после окончания войны» (ИРЛИ, ф. 184, № 166, л. 17). Свой план Л. Э. Бухгейм не смог осуществить. Второй том не был издан.

² Архив Раевских. Изд. П. М. Раевского. Ред. и прим. Б. Л. Модзалевского, т. V. Пг., 1915.

³ Архив декабриста С. Г. Волконского. Под ред. кн. С. М. Волконского и Б. Л. Модзалевского, т. I. Пг., 1918. — Вышел один том. Материалы к следующим томам хранятся в Рукописном отделе ИРЛИ.

⁴ Исследование П. Е. Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина» впервые опубликовано в вып. 25—27 издания «Пушкин и его современники» (Пг., 1916).

⁵ «Ваш P. S. в письме будет у меня постоянно на уме!!!» — пишет Бухгейм Модзалевскому 19 октября 1915 г. (ИРЛИ, ф. 184, № 166, л. 18).

⁶ См.: Исторический вестник, 1915. № 12, с. 943—944.

9

26 дек⟨абр⟩я 1916 г.
Петербург.

Многоуважаемый и милый Лев Эдуардович,

Давно хочется мне послать Вам слово привета, да «жизни мышья бегогна»¹ постоянно толкает в сторону и заставляет делать не то, что хочется, а то, что обстоятельства велют. . . Теперь, пользуясь праздниками, немного отдышался, расчищаю свои письменные залежи, вижу Ваше имя на листке своих корреспондентов, — и рад, что могу набросать Вам хоть несколько торопливых строк, поздравить с наступившими праздниками и пожелать доброго здоровья в наступающем Новом, 1917 году. Что-то сулит он нам, чем-то порадует? Увидим ли конец войны, окончания которой, помимо тысячи других причин многообразного зойства, я жажду и потому, что тогда можно будет поднять и, бог даст, разрешить вопрос о постройке Пушкинского Дома. По крайней мере имею обещание от Котляревского, что, как только война окончится, он нажмет все пружины, пустит в ход все свои связи, до самых высоких включительно, — и попытается чего-нибудь добиться. У нас уже такое большое имущество, что для него не стыдно просить построить колпак, соответствующий идее собранных сокровищ. Я считаю, что одних рукописей у нас уже тысяч 40—45 (недавно приобрели весь архив Стасюлевича), книг до 20 000, портретов сот до 5, вещей — реликвий до сотни.² В перспективе много разных разностей, начиная с библиотеки Лонгинова, которую нам уже подарила княгиня Козловская³ под условием сохранения ее в целом составе. Надеюсь, еще зимой перевезем ее сюда из деревни. . . Однако чувствую, что, заговорив о Пушкинском Доме, по обыкновению расхвастался, а поэтому лучше замолкнуть, пока не надоел.

Посылаю Вам свои последние два оттиска: примите их, как знак моей к Вам симпатии и расположения.

Дружески жму Вашу руку, преданный

Вам Б. Модзалевский.

28 дек⟨абр⟩я «Сердце сердцу весть подает»: придя на службу, нашел Вашу бандероль с подарком, кот⟨орый⟩ Вы мне сделали к Празднику. Спасибо и за подарок, и за внимание! Книжка

очень мило издана, а участие в ней М. А. Цявловского (которому при случае передайте мой привет) ручается за научность редакции.⁴

Б. М.

¹ Строчка из Пушкина («Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы», 1830).

² См. Пушкинский Дом при Российской Академии наук. Исторический очерк и путеводитель. Л., 1924, с. 19—20.

³ Библиотека М. Н. Лонгинова была передана в Пушкинский Дом его дочерью, А. М. Козловской, в 1921 г.

⁴ Речь идет об издании: Из записной книжки А. П. Бахрушина. Примеч. составил М. Цявловский. М., 1916. — Книга предназначалась специально для друзей-библиофилов, была выпущена ограниченным тиражом и в продажу не поступала.

10

18 I 1917 г.

Многоуважаемый и дорогой Лев Эдуардович,

Пишу Вам рукою жены — сам лежу в постели, заканчивая очередную инфлуэнцу, и писать не могу.

Вас, конечно, удивляет, что вот уже сколько времени я не даю отклика на Ваше милое и такое важное письмо. Но дело в том, что оно пришло во время праздничных вакаций, когда Н. А. Котляревский был в отъезде, и я не мог, не побеседовав с ним и не сообщив ему содержание Вашего письма и приложенного к нему документа, ответить на Ваш вопрос. Возвращение Котляревского в Петроград, вопреки ожиданию, замедлилось, потом я захворал, и только прошлую среду Котляревский был у меня, прочел Ваше письмо и высказал свое мнение. Потом я вторично захворал и лишь теперь могу подать Вам свой голос.

День получения Вашего письма в будущей истории Пушкинского Дома (что таковая для него настанет, нет уже никакого сомнения) будет отмечен, как один из самых замечательных, составляющих эру, и я очень рад тому, что эта эра свяжется именно с Вашим именем и с Вами: Вы, надеюсь, знаете, какие чувства симпатии питаю я к Вам и к Вашей деятельности. Лучшего распоряжения относительно своего состояния, по моему глубокому убеждению, Вы не могли и придумать, ибо и я, как Вы, люблю Академию, глубоко предан ее интересам и убежден, что под ее действительно просвещенной сенью Пушкинский Дом некогда (хотя, быть может, и после нас) процветет и просияет ярким светом во славу русской литературы и просвещения. А в этом, не правда ли, и мы с Вами хотим видеть цель нашего существования и нашей скромной, посильной деятельности. Амнь.

Н. А. Котляревский, как и я, вполне согласен с Вашим предположением о том, чтобы Вы прислали засвидетельствованную

копию с Вашего завещания для приобщения к делам Пушкинского Дома. Я предлагаю Вам, с согласия Н. А., даже больше: я предложил бы Вам прислать эту копию в Конференцию Академии при особом заявлении. Такая форма изъяснения Вашей воли приобрела бы известную долю торжественности и, кроме того, сделала бы Ваше красивое решение известным всей Конференции Академии; последнее же обстоятельство принесло бы несомненно пользу и Пушкинскому Дому, о котором, по-моему, надо как можно чаще напоминать. Заявление Ваше можно было бы составить приблизительно в следующих выражениях:

В Императорскую Академию наук
Такого-то (Ваше имя, отчество,
фамилия и адрес)

З а я в л е н и е

Следя за деятельностью Пушкинского Дома Императорской Академии наук и горячо сочувствуя тем научным и просветительным целям, которые он себе ставит, я решил всю принадлежащую мне библиотеку, собрание рукописей и портретов писателей вместе с принадлежащими к ним шкафами и витринами завещать Пушкинскому Дому;¹ Императорской же Академии наук — 25 т. рублей с такими же целями. Доводя о сем до сведения Конференции Императорской Академии наук, я прошу ее принять настоящее мое заявление к сведению и к исполнению в случае моей смерти, при чем препровождаю засвидетельствованную надлежащим порядком копию с нотариального духовного завещания моего, совершенного такого-то числа и такого-то московского нотариуса. При этом, в развитие параграфа такого-то моего завещания, имею честь сообщить, что я предоставляю управлению Пушкинского Дома право употреблять могущие остаться от неприсуждения премий деньги не только на приобретение собственно книг для завещанной мною Пушкинскому Дому библиотеки, но и на другие нужды Дома, как-то: на приобретение рукописей, портретов, книжных шкафов, монтировку вещей и т. под.

(Дата)

(Ваша подпись)

Надеюсь, что Вы ничего не будете иметь против внесенной мною поправки к завещанию: она имеет целью предотвратить бесцельное накопление процентов, как это происходит со многими капиталами, завещанными Академии. Если Вам что-либо покажется неясным, я с удовольствием Вам разъясню.

Теперь остается мне пожелать от всего сердца, чтобы и на Вас оправдалась примета относительно людей, казалось бы слишком рано начинающих не только думать, но и говорить о своей смерти, — что такие люди живут долго. Дай бог, чтоб было так

и чтобы мы с Вами дожили до того радостного, по еще далекого дня, когда будет выстроен Пушкинский Дом — Пантеон русской литературы, достойный и по своей внешности и размерам памятник великому русскому поэту. Тогда, взирая на него с умилением, Вы с гордым сознанием сможете сказать и о своем действительном участии в создании этого нового храма науки.

Дружески жму Вашу руку
сердечно Вам преданный и любящий

Вас Б. Модзалевский.

Р. С. Н. А. Котляревский на днях сам будет писать Вам. В разъяснение скажу Вам, что заявления, подобные предлагаемому мною, бывали уже в летописи Академии — даже в последние годы, так что Ваше заявление не покажется необычным.

По секрету скажу Вам, что Пушкинский Дом в скором времени получит архив дорогого для Вас человека — Александра Николаевича Веселовского:² сын его уже дал мне на это свое слово, и теперь вопрос недолгого времени, что все будет передано нам. В феврале, надеюсь, приедет к нам Лонгиновская библиотека. Теперь идут хлопоты о получении вагона для перевозки ящиков до Подсолнечной и обратно.

Как скучно хворать, — особенно когда много дела. . .

Р. С. Еще по секрету: жду приезда сына П. В. Анненкова для переговоров о приобретении у него бумаг его отца.³ Это будет большой успех, если дело ускорится.

¹ Еще в начале знакомства с Модзалевским Л. Э. Бухгейм писал ему 30 ноября 1911 г.: «Пушкинским Домом я очень интересуюсь и даже думаю (хотя и рано) завещать всю мою библиотеку туда» (ИРЛИ, ф. 184, № 166, л. 2). О библиотеке Бухгейма см. ниже, прим. к письму 19. Архив его поступил в Пушкинский Дом (ф. 611).

² Архив Александра Николаевича Веселовского поступил в Пушкинский Дом (ф. 45).

³ Бумаги П. В. Анненкова в 1924 г. поступили в Пушкинский Дом и составили фонд № 7. См. заметку П. П. Анненкова «По поводу передачи им в Пушкинский Дом архива отца его — Анненкова Павла Васильевича» (ИРЛИ, ф. 7, № 141).

25 февр<аля> 1917.
Петроград.

Многоуважаемый и дорогой Лев Эдуардович,

Третьего дня П. К. Симони передал мне Ваш привет из Москвы и Каталог Ваших изданий¹ с отзывами о них печати. Благодарю Вас за то и за другое. Все жду от Вас отклика на мое письмо, которое я писал Вам больной, с месяц или более тому назад. У Вас оказалась «легкая рука»: дней 10—12 тому назад

я получил от Э. П. Юргенсона аналогичное Вашему заявлению в отношении его богатейшей коллекции автографов, собранной его опекуном, Платоном Львовичем Вакселем, еще чуть ли не с 1880-х годов и пополненной самим Юргенсоном, которого собрание считается одним из лучших в Петрограде.² Его официальное заявление, образец коего, по его просьбе, я ему набросал, получу, всроятно, завтра, так что Конференции можно будет доложить уже в мартовском собрании. Вот было бы хорошо, если бы и Ваше подоспело к тому же времени: было бы два выстрела сразу, да каких! Кроме того, третьего дня от своего старого знакомого (еще с Пушкинской выставки 1899 г.) коллекционера Аркадия Аркадьевича Журавлева получил обещание передать в Пушкинский Дом частью теперь же, частью же по завещанию целый ряд прелестных музейных вещей, например портрет Гоголя, читающего, в профиль (Дмитриева-Мамонова), Глинки (с автографом), Гоголя (акварель Жерена), множество автографов и книг... На днях приобретаем одно собрание автографов, где есть неизданный (!) Пушкин (правда, всего четверостишие), портрет Дельвига, автографы Швеченко, Радищева, Щербины, Некрасова, Полонского, Мея, А. Майкова и т. д.

Смешно будет дальнему нашему потомку, если письмо это дойдет до него: в Питере волнения, забастовка трамваев, по улицам патрули и казаки, толпы рабочих и манифестантов, нет хлеба, все злые и мрачные, а я «пою» о Пушкинском Доме! Вот, скажут, чудак-то был или сумасшедший, или маниак... Мне и самому совестно, да любовь к захватившей меня идее берет верх даже над не совсем сытым желудком. Пока до свидания! Желаю Вам доброго здоровья и всего хорошего.

Искренно преданный Вам Б. Модзалевский.

Р. С. За мной никаких долгов по отношению к Вам нет? Меня вдруг взяло сомнение.³

¹ См.: Библиографические известия, 1915, № 3—4, Приложения.

² См. описания, сделанные В. Умановым-Каплуновским: 1) Коллекция П. Л. Вакселя. — Столица и усадьба, 1915, № 33, с. 9—12; 2) Собрание Э. П. Юргенсона. — Там же, № 42, с. 3—6. — В феврале 1917 г. Музей Пушкинского Дома принял (согласно Книге поступлений, т. I) от Э. П. Юргенсона 52 портрета разных писателей XIX в., в апреле — 21 фотографический портрет различных писателей. Библиотека П. Л. Вакселя, содержащая богатое собрание автографов, перешедших к Э. П. Юргенсону, в 1919 г. была приобретена Народным Комиссариатом просвещения для Гос. Публичной библиотеки (Друганов И. А. Библиотеки ведомственные, общественные и частные и судьба их в советскую эпоху. — Сов. библиография, 1933, № 1—3, с. 204). В том же 1919 г. Э. П. Юргенсон бежал в Эстонию, захватив с собой часть оставшейся у него коллекции (см.: Соловьева О. С. Новые данные об автографах Пушкина. — Временник Пушкинской Комиссии. 1962. М.—Л., 1963, с. 17).

³ «Ваши оба письма я получил. Глубоко извиняюсь, что до сих пор не выслал Вам желаемой бумаги. Но будьте покойны, моя духовная сде-

лана. В последнее время было недосуг и русская лень, а сейчас не до того.

Как я только немножко остыну, не замедлю выслать Вам все что нужно.

Что Вы за обидный вопрос задаете о долгах? При каких обстоятельствах они могли произойти? Их никогда и не бывало» (из письма Бухгейма к Модзалевскому от 6 марта 1917 г.: ИРЛИ, ф. 184, № 166, л. 19).

12

5 апреля 1919 г.
Петроград.

Дорогой Лев Эдуардович,

С Вами первым хочется мне поделиться своею радостью: сегодня Конференция Академии утвердила выработанное мною и одобренное особою Комиссиею Положение о Пушкинском Доме. Этот факт, после прошлогоднего постановления Конференции 20 апреля (в день моего рождения) о принятии Пушкинского Дома в число Академических учреждений и после декрета 20 февраля 1919 г. о передаче для Дома здания бывшего Таможенного архива на Тифлисской улице (Тифлис — место моего рождения), рядом с новым зданием Академической библиотеки, в конце Университетской линии, — этот факт начинает собою эру в истории дорогого мне учреждения.¹ Как видите, все идем вперед и вперед, — и постепенно, хоть и очень медленно, подвигаемся к цели. Причин этой медленности много, и крови и нервов потрачено много, но, как видите, не даром. Теперь предстоит хлопотать об утверждении Положения и штатов в законодательном (!) порядке, а между тем в Конференции майской будем уже и выбираться все мы, работники Пушкинского Дома. Состав наш будет такой (если доживем): директор — Котляревский; старший ученый хранитель — Ваш покорный слуга и почитатель; старший библиотекарь — И. А. Кубасов; хранитель Музея — С. В. Штейн; хранители рукописей: Л. К. Ильинский и Н. Г. Богданова,² библиотекарь — г-жа Е. П. Казанович; 4 научных сотрудника и правитель дел, — всего 12 человек.³ Компания дружная, за исключением последнего из названных мною лиц, г-жи К.,⁴ которая, как говорится, не к масти, человек тяжелого характера, но уже давно работающая в П<ушкинском> Д<оме>, а потому и неудобнообходимая: но авось уживемся... Как жалко, что Вы — москвич, — а то бы Вас было так хорошо привлечь в наш круг! Работы будет бездна, и работы веселой и производительной. Кубасов мечтает развить при П<ушкинском> Д<оме> издательскую деятельность, переведя туда и Акад<емическую> Библ<иотеку> русск<их> писателей, а я мечтаю о возрождении «Временников».⁵ Но все это мечты, почти глупые в обстановке теперешнего безумного времени, когда буквально не знаешь, будешь ли жив завтра <...> Голодаем в прямом и полном смысле слова.

Возвращаясь к Пушкинскому Дому, скажу еще, что здание, нами полученное, нуждается в коренном ремонте, немедленно, так как давно не ремонтировалось и было запущено;⁶ надо пока его приспособить для нужд Дома, а затем надстроить этаж и перестроить фасад на «Empire». Вот план Дома в географическом отношении:

Место — какого лучше и не сыщешь, во всех отношениях подходящее: на виду и в то же время в сторонке, окружено безопасными зданиями, есть площадь для памятника, рядом с фундаментом «септальной» библиотекой Академии, с которой есть проект соединить Пушкинский Дом подземным ходом... Одним словом, мечтаний тьма. Но как дожить до лучших времен? Что ждет нас впереди? Чума? Холера? Все ли мы погибнем, или только некоторые несчастливцы? Вот вопросы, мучительно стоящие перед каждым, кто не припирает непосредственного и деятельного участия в том, что творится...

¹ Ср.: Пушкинский Дом при Российской Академии наук. Исторический очерк и путеводитель. Л., 1924, с. 22—25.

² Хранителями рукописей стали не Л. К. Ильинский и Н. Г. Богданова, а Н. К. Козмиц, Б. И. Коплан и М. Л. Гофман. — См.: Пушкинский Дом при Российской Академии наук, с. 25.

³ Четыре научных сотрудника: В. Д. Комарова, В. Н. Модзалевская, Е. Б. Покровская, Е. П. Населенко. Правитель дел — В. В. Шикифоров.

⁴ Имеется в виду Евлалия Павловна Казанович. О деловых и человеческих качествах Е. П. Казанович см.: Степанов А. Н. У книг своя судьба. ., с. 61—76.

⁵ Возродить издание «Временников» руководству Пушкинского Дома не удалось, если не считать книги «Сборник Пушкинского Дома на 1923 год» (Пгр., 1922), явившейся по сути дела очередным выпуском «Временника», но изданной «по стечению обстоятельств» под другим названием. См.: *Баскаков В. Н.* Цит. статья, с. 106—107.

⁶ Пушкинский Дом переехал из главного здания Академии в собственное здание на Тифлисской ул. в 1922 г.

13

27/14 декабря 1921 г.
Петроград.

Многоуважаемый и дорогой Лев Эдуардович,

Не сердитесь на меня, что долго не откликался на Ваше письмо и не сразу исполнил Ваши желания: трудно было сперва собрать просимые Вами книжки (я должен был просить о них третье лицо, а оно все позабывало о моей просьбе), а затем найти того, кто взялся бы переписать нужные Вам произведения. Теперь — книги посланы Вам казенною бандеролью, а с этим письмом посылаю копии с Лермонтова и Лонгинова: и то, и другое идет со списков в архиве В. П. Гаевского; в архиве же Лонгинова совсем не оказалось так называемых «*poésies maternelles*» (по выражению Мятлева),¹ ибо, до перехода к нам он прошел через цензуру его дочери, княгини А. М. Козловской, которая, очевидно, уничтожила все, что там было из подобных произведений. Есть у нас целый сборник «Девичья игрушка», в списке 1850-х годов, но там одна «барковщина», омерзительная и грубая. За копии пришлите, сколько сами сочтете нужным: я не знаю теперешних цен (5000 р. за лист?) и думаю, что Вы не обидите нашего сотрудника, переписывавшего стихи.

Живется не весело, но работаю очень много — главным образом из-за куска хлеба; дохожу до полного изнеможения, чувствуя себя подчас каторжником, прикованным к каторжной тачке. Сейчас комментирую «Дневник» Пушкина, — большая работа.²

С Симони живу стена в стену, но не вижу с ним, кроме как на улице. Поздравьте его: он избран, наконец, членом-корреспондентом Отделения.

Будьте здоровы. Ваш Б. Модзалевский.

Р. С. Пушкинский Дом развивается и растет; все горе теперь за помещением.

¹ Мятлев И. П. (1796—1844) — поэт, часто пользовался «макароническим» стихом, основанным на использовании лексики и фразеологии русского и иностранных языков, преимущественно французского. Выражение

«поэзи матернелъ» характерно для автора поэмы «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границей».

² «Дневник» Пушкина (1833—1835) вышел под редакцией Модзалевского в 1923 г.

14

27 апр⟨еля⟩ 1922.
Петроград.

Многоуважаемый Лев Эдуардович,

Мне очень, очень совестно, что я не отозвался на два Ваших письма и поставку денег; все недосуг, все суета, усталость и заботы, и все думаешь: вот будет посвободнее, — тогда и отвечу, а этой свободы нет, как нет... Деньги Ваши так и ношу в портфеле, ибо ничего нового скопировать для Вас не могу, за неимением чего-ниб⟨удь⟩ ценного из интересующей Вас сейчас области. Очень хочется иной раз послать Вам книжку (тех, о кот⟨орых⟩ Вы писали, достать не мог), да проклятые почтовые нынешние неисправности удерживают. Теперь едет в Москву М. Л. Гофман, и я посылаю Вам через него мою новую дочку, которую вынынчил с большим трудом, — «Радугу».¹ Надеюсь, что она придется Вам по вкусу. Теперь нянчу вторую «Радугу» и затеваю альманах «26-е мая»² к годовщине Пушкина, к которой мы устраиваем большую выставку.³ Много мечтаний, планов, охоты и материалов, да руки опускаются перед печальнейшею действительностью, из которой как будто и нет уже исхода...

Будьте здоровы, дорогой Лев Эдуардович, с каким удовольствием повидал бы я Вас и поговорил о любимых темах. Если видите М. А. Цявловского, пожмите ему руку от меня, я так радуюсь, когда встречаю его работы, — он так мне по сердцу. От души желаю ему здоровья, как и Вам.

Сердечно преданный Б. Модзалевский.

Р. С. Позвольте деньги Ваши (что-то около 300 000) засчитать за «Радугу» (кот⟨орая⟩ стоит 700 000) в пользу Пушкинского Дома.

Б. М.

¹ Речь идет о книге: «Радуга». Альманах Пушкинского Дома. Пб. 1922.

² Вторую «Радугу», как и альманах «26-е мая», Пушкинскому Дому издать не удалось.

³ Выставка была открыта с 6 июня н. ст. по 1 октября, по три раза в неделю (Пушкинский Дом при Российской Академии наук, с. 35). К выставке Пушкинский Дом издал ее каталог: Пушкин и его современники. Указатель первой отчетной выставки Пушкинского Дома при Российской Академии наук. Сост. М. Д. Беляев. Пг., 1922.

Дорогой Лев Эдуардович,

Спасибо Вам за доброе слово о моем издании «Дневника»; радуюсь, что он доставил Вам удовольствие. «Алфавит декабристов» издавался «Огнями», но в типографии, пока он допечатывался, раскрали часть начатых чистых листов; их перепечатали, но тогда украли другую часть; тогда все дело, месяца два-три тому назад, мы передали в трест Петропечать, который вновь набрал недостающие листы, мы подписали их к печати, а между тем трест (государственный!) треснул, и дело опять расклеилось... М<ожет> б<ыть>, устроить книгу в Госиздат. У меня один экземпляр чистых листов, но и то не полный! Потерпите еще. Скоро порадую Вас книжкою «Литературные портфели», в. I: ¹ он уже вышел, и Вы будете довольны. Печатаем Чеховский сборник, ² Сборник Островского, ³ готовим «Временник» 1915—1922. ⁴ Книги готов Вам выслать, — пишете, что Вам нужно. Спасибо за обещание подарка Пушкинскому Дому. Поцелуйте Цявловского за письмо и за «Гол. Мин.» ⁵ и пожелайте ему всего доброго; я в нем чую своего преемника по работе. Синебрюхов так у меня и не был больше одного раза, а с ним я хотел писать Вам...

Ваш Б. Модзалевский.

¹ Литературные портфели. Статьи, заметки и неизданные материалы по новой русской литературе из собраний Пушкинского Дома, I. Пб., 1923. Вышел только 1-й сборник.

² А. П. Чехов. Затерянные произведения, неизвестные письма, воспоминания, библиография. Под ред. М. Д. Беляева и А. С. Долинина. — Труды Пушкинского Дома при Российской Академии наук. Л., 1925.

³ А. Н. Островский. Новые материалы, письма, труды и дни, статья. Под ред. М. Д. Беляева. Л., 1924.

⁴ См. выше, примеч. к письму 12.

⁵ Речь идет, видимо, о журнале «Голос минувшего» (1923, № 1), в котором был напечатан «Систематический указатель содержания журнала», составленный под рук. М. А. Цявловского (с. 227—252).

Милый Лев Эдуардович,

Если я ни словом не откликнулся до сих пор на Ваш подарок Пушкинскому Дому (дуэльные бумаги), — то это, конечно, не значит, что я очерствел сердцем и потерял способность излучать из него благодарность: напротив, моя благодарность была так велика и экстраординарна, что для изъявления Вам ее я хотел избрать и путь более широкий и особенный. Я представил доклад в Конференцию, чтобы признательность Вам была объявлена через нее, т. е. от лица всей Академии. Конференция была в начале ноября, но только сейчас получил я бумагу С. Ф. Оль-

денбурга и, посылая ее Вам, решил присоединить голос и Пушкинского Дома. Спасибо, спасибо, спасибо! На днях Вы получите книжку (изд. «Атенея»), в которой найдете статью дорогого Мстислава Александровича о Ваших бумагах.¹

Как рад бы я был повидать Вас, о скольком можно и должно было бы поговорить! Да ничего не поделаеть, против рожна не попрешь: надо свои думы и горя держать при себе, не делаясь ими с друзьями. А дум и горестей много и было бы на что пожаловаться...

Как Ваше здоровье? Вот главное. А все остальное, бог даст, приложится.

Сердечно Вас обнимаю и кланяюсь Мстиславу Александровичу: верно, Вы его видите.

Ваш всегда Б. Модзалевский.

Р. С. Есть ли у Вас книжка (скверная) Губера о «Дон-Жуанском» списке Пушкина? Если нет, могу Вам прислать.

¹ Речь идет о книге: *Модзалевский Б. Л., Оксман Ю. Г., Цявловский М. А.* Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина. (Памяти А. С. Полякова, скончавшегося 4 октября 1923 г.). — Атенея, 1924. — В статье М. А. Цявловского «Бумаги о дуэли и смерти Пушкина из собрания П. И. Бартенева» читаем (с. 77): «После смерти редактора — издателя „Русского архива“ П. И. Бартенева (скончался 22 октября 1912 г.) известный московский библиофил Л. Э. Бухгейм приобрел у его наследников пачку бумаг в обертке, на которой рукою Бартенева было написано: „Письма и бумаги о поединке и кончине Пушкина“. К этому месту М. А. Цявловский сделал примечание: «В настоящее время все описываемые бумаги из собрания П. И. Бартенева Л. Э. Бухгейм передал в Пушкинский Дом при Российской Академии наук».

Дорогой Лев Эдуардович,

Зная, как Вы любите Академию, посылаю Вам кое-какие юбилейные мелочи, изданные и напечатанные к празднику.¹ Очень хотел бы послать Вам и больше, но я теперь далек от издательских дел и не могу так свободно, как раньше, доставать книги <...>

Как я жалею, что не могу показать Вам Пушкинского Дома! Знаю, что Вы остались бы довольны. Нет никакой надежды получить Вас сюда? Был бы очень рад повидать Вас. А пока — крепко жму Вашу руку.

Ваш всегда Б. Модзалевский.

¹ В 1925 г. отмечалось 200-летие Российской Академии наук.

Дорогой Лев Эдуардович,

Вы знали Нестора Александровича: позвольте направить к Вам книжечку, изданную нами к первой годовщине его смерти — 12-му мая.¹ Сделали, что могли, по нашим скромным средствам, собранным в складчину.

Прилагаю и 3 оттиска из сб. «Атений»;² печатаю 31—32-й выпуск «Пушкина и его современников»; печатаю I том Писем Пушкина в Госиздате, — дело идет, но медленно и с большими препятствиями. Сдаем в печать новые письма Пушкина к Хитрово. Делаем, что можем, но можем очень много...

Как Вы живете? Черкните два слова. Я очень часто вспоминаю Вас и очень хочу видеть Вас здесь.

Крепко жму Вашу руку.

Сердечно преданный Вам Б. Модзалевский.

21 V 1926.

¹ Книга «Памяти Нестора Александровича Котляревского» (Л., 1926) была издана на средства сотрудников Пушкинского Дома.

² Три статьи этого издания были выпущены в качестве отдельных оттисков.

11 янв<аря> 1927 г.

Дорогой Лев Эдуардович,

Не пригодится ли Вам прилагаемая бумажка, кот<орую> я забыл передать Вам в Москве, когда был у Вас.

Передайте, пожалуйста, прилагаемое письмо Г. И. Кноспе; просьбу его помню и буду стараться исполнить.

Ваше желание о книгах также не останется втуне.

Все думаю о судьбе Ваших книг в Историческом музее.¹

Искренно Ваш Б. Модзалевский.

¹ После революции Л. Э. Бухгейм работал в библиотеке Румянцевского музея и некоторое время в Историческом музее, куда он в 1919 г. передал свою библиотеку — 10 000 томов, «ценнейшее собрание», по определению И. А. Друганова (Сов. библиография, 1933, № 1—3, с. 214).

25 III 1927.

Пушкинский Дом.

Дорогой Лев Эдуардович,

Вы как будто мною недовольны. Но верьте, что я сделал все, что было в моих силах. Ведь и Геркулес не совершил подвигов выше своих сил, а подвиги его были геркулесовские только по-

тому, что он был Геркулесом. Я же слабосильный старик — и больше ничего. С большим трудом достал Вам книгу Нестора Александровича о Пушкине¹ и посылаю Вам ее, 3-й вып. «Декабристов»² и книжку о квартире Пушкина,³ прикладывая к ним еще «Пушкин и его современники», вчера вышедший. Надеюсь, будете довольны. Уменьшение формата — не моя вина, я ругался, сколько мог. . .

Поклон Г. И. Кюспе. Его переписчик, увы, заболел против своей воли. Будем надеяться, что он поправится.

Вчера сдал в Госиздат готовый II том Писем Пушкина.⁴ «Радуйся, наше подполье!»

Жму Вашу руку. Напишите, что делать.

Ваш Б. Модзалевский.

Вчера к нам поступил портрет Пушкина работы П. Ф. Соколова (подлинный).⁵ Купили 6 автографов Пушкина.⁶

¹ Котляревский Н. А. Пушкин как историческая личность. Берлин, 1925.

² Атений. Кн. 3. Памяти декабристов. Л.—М., 1926.

³ Речь идет, вероятно, о книге: Беляев М. Д., Платонов А. А. Последняя квартира Пушкина в ее прошлом и настоящем. 1837—1927. Л., 1927.

⁴ Второй том, содержащий письма Пушкина за 1826—1830 гг., вышел в свет в 1928 г.

⁵ До тех пор Пушкинский Дом располагал акварельной копией этого портрета работы Е. Б. Барсуковой. Некоторое время считалось, что оригинал утерян во время революции.

⁶ См.: Отчет о деятельности Академии наук СССР, 1927, с. 176.

Н. А. Котляревскому

1

Дорогой Нестор Александрович,

Сейчас звонил мне П. Е. Рейнбот и сообщил, что судьбы Лицея сейчас решаются, что возник вопрос о судьбе Пушкинского лицейского музея, который надо спасти сегодня-завтра. Он спрашивает меня, примет ли Академия его теперь же, так как он, Рейнбот, с согласия других, принял решение передать Музей Пушкинскому Дому. Я сказал, что не имею права ответить на такой вопрос, но что немедленно сообщу Вам, а получив Ваш ответ, вечером передал его Рейнботу. Вы вызовете меня из Архива, когда Вам угодно, и — переговорим.¹

Ваш Б. Модзалевский.

4 III <1>17

Вы не думайте, что я с ума сошел: пишу в здравом уме и твердой памяти, при Н. В. Яковлеве.²

¹ Речь идет о судьбе Пушкинского музея Александровского лицея в революционном 1917 году. Благодаря своевременно принятым мерам охраны со стороны П. Е. Рейнбота, секретаря Пушкинского Лицейского общества, члена Комиссии по постройке памятника Пушкину, а также Н. А. Котляревского, Б. Л. Модзалевского и их сотрудников, собрание б. Александровского Лицея почти полностью поступило в Пушкинский Дом (в том числе 3000 томов пушкинианы — в его библиотеку).

² Яковлев Н. В. (р. 1891) — старейший литературовед, сотрудник Пушкинского Дома с 1917 г.

2

5 III 1917.

Дорогой Нестор Александрович,

Боюсь говорить с Вами по телефону, чтобы не услышать «чего-нибудь» по своему адресу, а между тем нестерпимо хочется сказать Вам свою новую мысль, которая, впрочем, наверно, и Вам уже приходила в голову: необходимо теперь же начать хлопоты о передаче к нам в Пушкинский Дом архива Главного управления по делам печати, как архива сплошь литературного.¹ Управление это фактически, с провозглашением свободы печати, уже не существует, — и не преждевременно поднять вопрос об его архиве. Оно (Управление) в ведении Министра внутренних дел — князя Львова.

Рейнбот звонил сегодня утром и сообщил, что непосредственная, грозившая Лицею опасность — именно ввод войск в его помещения для расквартирования — пока миновала благодаря принятым им мерам. Но так как вообще судьба Лицея должна решиться очень скоро, особенно если в него будет решено перевести, по предложению Рейнбота, Окружной суд, — вопрос о Музее все равно должен будет быть решен. Подогрейте Рейнбота по телефону (66—66) в его решении передать Музей нам.² Из других членов Совета Лицея в этом деле может быть полезен Коковцов — член нашей Комиссии по постройке памятника Пушкину, сосатавший для Пушкинского Дома Онегинский музей и купивший для нас уже библиотеку Пушкина.³

Чувствую, что надоел Вам, и не пишу о других мыслях, которые меня одолевают.

Сегодня в Департамент полиции решили не ехать — дать себе отдых. Вчера вечером Поляков и Шилов ввалили и третий грузовик благополучно, — о чем честь имею Вам сообщить.⁴

Сердечно преданный Вам

Б. Модзалевский.

¹ Архив Главного управления по делам печати не был передан в Пушкинский Дом. Он хранится в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде.

² См. прим. к письму 1.

³ Коковцов В. Н. (1853—1943) — министр финансов царского правительства, член Комиссии по постройке памятника Пушкину. О его роли

в приобретении Пушкинским Домом музея А. Ф. Онегина см.: *Степанов А. Н.* У книг своя судьба... Л., 1974, с. 98—100.

⁴ В феврале—марте 1917 г. Б. Л. Модзалевский, А. А. Шилов и А. С. Поляков провели большую работу по извлечению и разборке документов из Архива III отделения. — См.: *Басяков В. Н.* История создания Пушкинского Дома. — Русская литература, 1973, № 3, с. 110.

3

16—29 июля 1917.

Дорогой Нестор Александрович,

Уезжая сюда, решил забыть о Пушкинском Доме и не беспокоить никого письмами. Терпел 1½ месяца и все ждал, что получу письмо от Шидловского, Рейнбота, Полякова, Княжнина, Шилова или от Вас и узнаю хоть что-нибудь. Но кроме письма от Рышкова о неудаче с Лонгиновской библиотекой,¹ — по какому поводу он лишний раз меня облаял, — ни от кого ничего не получил, и это безмолвие меня повергает в мрачное настроение. Вы знаете, дорогой Нестор Александрович, как дорого мне все, что касается Пушкинского Дома: сжальтесь надо мной и напишите мне, что у нас нового. Особенно занимает меня вопрос об Анненкове.² Поляков обещал меня известить о результатах своей поездки, но молчит (может быть), конечно, письмо его пропало), и я боюсь и начинаю думать, что он оказался Хлестаковым, — наговорил и наобещал много, а ничего не сделал. Работает ли Шидловский? Устраиваете ли Вы Лицейскую комнату? Увели ли Архив III отделения в Библиотеку?³ Я читал, что Срезневский раздобыл помещение для Музея освобождения во дворце Марии Павловны.⁴ Успели ли Вы побывать у Шингарева до его ухода? Вы собирались говорить с ним о здании Таможенного архива.⁵ Будет ли у Вас ход к новому министру?

Вот сколько вопросов, и я уже чувствую, что, пользуясь тем, что задаю я их на письме, а не персонально, Вы вслух посылаете меня к черту и желаете, чтобы я провалился со своим Пушкинским Домом. Ин быть так: прекращаю свой допрос.

Живем мы здесь, по сравнению с Петроградом, великолепно: сыты в достаточной степени и вдыхаем благорастворение воздуха в полной мере. Здесь кругом все мирно, и только газеты, кот^{орые} я прочитываю, от нечего делать, по пяти в день, грубо и жестоко напоминают об нашей ужасной действительности.

Пишу Вам на Академию, так как Вы, кажется, покинули Вашу квартиру на Кирочной.

Будьте здоровы и порауйте меня письмом по адресу:

Выборг, им. Хормана, дача № 15.

Б. Л. М.

Искренно Вам преданный и уважающий Вас

Б. Модзалевский.

¹ Библиотека Лонгинова была доставлена в Пушкинский Дом в 1920—1921 г. О трудностях, связанных с ее перевозкой, см.: Степанов А. Н. У книг своя судьба... Л., 1974, с. 61—76.

² Речь идет о приобретении Пушкинским Домом библиотеки П. В. Анненкова. Командированный для доставки ее из с. Чиркова близ Симбирска А. С. Поляков «успешно справился с поручением, но вывезенная им библиотека, по не зависящим от него причинам, почти десять лет находилась в Симбирске, откуда она поступила в Пушкинский Дом только в 1927 году» (Степанов А. Н. У книг своя судьба..., с. 21).

³ Архив III отделения был передан из БАН в Центрархив и вывезен в здание Сената в 1918 г.

⁴ Срезневский Всеволод Измайлович (1869—1936) — член-корреспондент АН СССР, хранитель рукописного отделения БАН, друг Бонч-Бруевича, служил революции с ее первых дней. Сбереженные им полицейские архивы дали возможность разоблачить шпионов охранки и провокаторов. Вместе с В. Н. Фигнер и А. М. Горьким принял участие в организации Музея революции сразу же после октября 1917 г. До этого пытался организовать Музей освобождения — прообраз Музея революции.

⁵ Судя по всему, Н. А. Котляревский не успел побывать у А. П. Шпигарева, министра финансов Временного правительства.

4

Ужасный день 3 марта 1918.
Гатчина, Николаевская 17.

Дорогой Нестор Александрович,

Мне ужасно совестно, что я исчез из Петрограда, не простившись с Вами, и вот уже 3 недели, что здесь, не собрался Вам написать. Но по телефону к Вам не возымел успеха, а писать положительно не было сил: мой невроз сердца меня замучил и здесь продолжает мучить. Думаю, однако, если не залопают немцы, в скором времени вернуться в безумный Петроград. Между тем я получил сюда счет из Типографии Уделов за брошюровку «А. Григорьева»,¹ который и посылаю Вам «по принадлежности». На днях, тоже «с оказией», как и это письмо, послал Вам письмо Александра Ивановича Аничкова с заявлением о пожертвовании им Пушкинскому Дому своей библиотеки. Быть может Аничков, приехав, обратится к Вам, — так чтобы Вы были в курсе.

Крепко жму Вашу руку,

Сердечно преданный Вам Б. Модзалевский.

¹ Аполлон Александрович Григорьев. Материалы для биографии. Под ред. В. Княжнина. Пгр., 1917.

11 VII н. с. 1918.
Гатчина, Николаевская 17.

Я очень жалею, что не удалось повидать Вас вчера, в среду, дорогой и добрый Нестор Александрович: я так обессилел к 3¹/₂ ч., что уже не мог дольше оставаться и поспешил на поезд, чтобы заживо добраться восвояси. А повидать Вас я хотел, главным образом, для того, чтобы принять Ваши головомойки за два моих преступления, вызвавших Ваше на меня неудовольствие: за приезд Гофмана, в коем я замешанным и виноватым могу, однако, признать себя лишь косвенно, — и за затруднения, в которые поставил Вас в деле с Гротом.¹ Но и в этом деле, право же, я заслуживаю снисхождения хотя бы потому, что негоциации с ним начались ведь помимо меня, непосредственно от Вас, а я только улюлюкал. Но как бы то ни было, приношу Вам повинную голову и прошу на время совсем забыть обо мне, а то иначе, боюсь, так надоем Вам, что одно воспоминание обо мне будет приводить Вас в бешенство. Я же дорожу Вашим добрым ко мне отношением и очень боюсь стать для Вас *persona odiosa*.

Только потому, что Вы сами предложили мне продолжить за меня и попытаться до окончания негоциации с Тат. Бор. Семечкиной² (Знаменская, угол Ковенского, дом №, помнится, 43), я посылаю Вам ее письмо, только что полученное мною «с оказией» из Петрограда. Ей я пишу, что я все болен и что говорить с ней будете Вы. В последнее свидание она уже соглашалась на 15 000 р. и на рассрочку на 3 года. Ее указания на предложения ей со стороны, я уверен, не шантаж, и, что Вы хотите, я убежден, что если мы пропустим приобрести ее собрание, нам этого не простят. Не поможет ли Ваш друг <...>³ Что Вам стоит его попросить хотя бы о 5000 на первый взнос? Однако вижу, что у Вас подымается желчь, и — умолкаю.

Здоровье мое очень плохо: никаких нет сил, все больше лежу, ничего не могу делать: полная прострация. Питаемся впроголодь, хотя здесь все-таки можно доставать молоко и мясо. И за то бога благодарим. Холеры здесь не боятся, так как все предыдущие эпидемии она Гатчину обходила совершенно.

Моя жена кланяется Вам, а я крепко жму Вашу руку и прошу не очень ненавидеть меня.

Сердечно преданный Вам

Б. Модзалевский.

¹ Речь идет о приобретении части архива Я. К. Грота у сына его, К. Я. Грота.

² Рукописи из собрания Т. Б. Семечкиной (урожденной Дапзас) (1844—1919) были приобретены Пушкинским Домом и составили ф. 276.

³ Имеется в виду А. В. Луначарский.

Дорогой Нестор Александрович,

Вчера же вечером А. П. Штакельберг был у меня, — и я передал ему Ваше предложение поступить к нам помощником хранителя Музея: он очень благодарен и, кажется, принимает предложение; по этому поводу он завтра зайдет к Вам.

Сегодня Александр Павлович принес предложить Пушкинскому Дому принадлежащий ему, по наследству от какой-то родственницы, портрет Лермонтова — студента. Портрет очаровательный. Когда мы говорили о цене, то выяснили minimum: 100 тысяч рублей (ему предлагают частные лица больше, но он из патриотизма готов потерять, но не упустить портрет). Определите maximum сами. Я бы и 200 000 руб. не пожалел: уж очень хорош портрет, а денег ведь, право, не жалко.

Сердечно преданный Вам

4/17 апреля 1921.

Б. Модзалевский.

7

7 апреля 1921.

Дорогой Нестор Александрович,

Доктор не позволил мне завтра выйти, да еще на заседание, которое для меня вовсе не безразлично... Как мне ни досадно, должен подчиниться, но хочу просить Вас за меня поставить Комиссии вопрос ребром: хотят ли наши архитектора (их ведь у нас целых 4!) что-нибудь делать и сделать, или намерены и далее тянуть канитель и жевать мочалку? ¹ И московский Груздев, и здешний Васильковский, и третий архитектор, недавно с Яковлевым осматривавший наш «дом», — все находят, что можно сделать намеченный нами ремонт, — а наши хорошие господа только отписываются и отговариваются, а дела не делают. Я понимаю, что им не из-за чего хлопотать, — так надо прямо сказать это, а не тянуть жилы, и указать, как и что надо сделать, чтобы хоть один из них принялся за дело серьезно, т. е. прямо назвать способы вознаграждения за работу. А то ведь ясно, что мы так далеко не уедем. Мюллер будет рассказывать о трудностях и препятствиях, Берзен — ему подпевать, а остальные двое — говорить, как у них дело идет, если делать то и то. Право, так нельзя! К сожалению, Васильковскому дела не позволили, как он было думал, взяться за наше дело, — так пусть укажут сами другого или скажут, сколько им платить, чтобы дело пошло... Пожалуйста, сделайте за меня заявление в этом смысле завтра, — ведь тепло наступает, а «воз и ныне там». Жалею бесконечно, что завтра не буду и не смогу сделать скандала, на который теперь особенно способен по состоянию своего сердца; конечно, это и хорошо, что не буду, всякий скандал мне был бы весьма вреден: сердце не

поддается лечению; принимаю уже третье лекарство, — теперь стрихнин, — и все ничего нет лучше! Перебои и palpitatio² продолжают непрерывно; это меня волнует и вызывает симптомы, — получается circulus vitiosus,³ из которого как будто и нет выхода. Одурил от сиденья дома и от невозможности заниматься.

Как ваше здоровье? Легче ли стало с теплом? Крепко жму Вашу руку и прошу не бранить меня за письмо. Сердечно Ваш

Б. Модзалевский.

Поговорите с Гофманом насчет его переселения в дом Абамелека и об организации там работ: он со мною говорил, и я очень сочувствую его планам.

¹ Как можно понять из воспоминаний Н. В. Яковлева, на которого была возложена ответственность за ремонт зданий, принадлежавших Пушкинскому Дому, дело упиралось не в нежелание архитекторов «что-нибудь делать», а в недостаток средств, отпускаемых Наркомпросом. Те небольшие кредиты, которые получал Пушкинский Дом, позволяли провести лишь мелкий косметический ремонт дома № 22 по ул. Халтурина (б. Миллионная). Этот дом, принадлежавший до революции князю С. С. Абамелек-Лазареву (описание дома см.: Столица и усадьба, 1915, № 45, с. 4—7), поступил в распоряжение Академии наук в 1920 г. Здание же на Тифлисской ул. требовало серьезного капитального ремонта и больших денежных затрат. Отсюда затруднения, которые испытывали и строители, и академическая администрация. К осени 1921 г. был все-таки завершен ремонт здания на ул. Халтурина, в котором Пушкинский Дом получил возможность устраивать выставки и научные заседания. Однако дом на Тифлисской ул. по-прежнему не мог служить собственно «домом» для рукописного отделения, библиотеки, музея. По инициативе Б. Л. Модзалевского и с согласия Н. А. Котляревского, Н. В. Яковлев поехал в Москву и там, при участии А. В. Луначарского и М. Н. Покровского, добился увеличения кредитов на ремонт здания. Благодаря новым кредитам дело пошло живее. Правда, как ни старались строители, к осени 1922 г. удалось провести ремонт лишь части запущенного здания на Тифлисской ул. «Однако, — пишет Н. В. Яковлев, — это было, наконец, свое собственное помещение. Пушкинский дом мог начать работу в более или менее благоприятных условиях» (Звезда, 1969, № 8, с. 171—172). В 1927 г. Пушкинский Дом получил здание б. Таможни на Тучковой наб. (пыле Набережная Макарова, д. 4, где он находился и сейчас) и вопрос, так волновавший Б. Л. Модзалевского, был наконец решен. «Это помещение (...) в основном соответствовало тем пожеланиям, какие были высказаны еще в 1909 году Комиссией по организации и планировке Пушкинского Дома» (50 лет Пушкинского Дома. М.—Л., 1956, с. 15).

² биение (лат.).

³ порочный круг (лат.).

8

29 апреля 1921.

Дорогой Нестор Александрович,

Я оказался не в Лесном, а рядом, на Удельной, хоть и не в сумасшедшем доме. Сегодня — третий день, что я здесь (1-я Лидинская ул., д. 7, кв. 4), но, конечно, еще не чувствую перемены

в состоянии здоровья. Хорошо здесь относительно: очень скученно и шумливо, — куры, дети, солдаты, козы, все это кругом кипит и живет по-своему, не считаясь с моим неврозом и разбитыми нервами Варв(ары) Никол(аевны). Но все-таки видим небо и зелень, слышим птиц, ходим не по камню, а по земле и траве. С питанием вышло удовлетворительно, с помещением также. Думаем, что и Вас потом хорошо бы было сюда сослать на некоторое время.

Досадуя, что не буду ни на инаугурации Пушкинского Дома на Миллионной,¹ ни на заседании Строит(ельной) комиссии. Поручите Яковлеву действовать по ремонту с его приятелем Васильковским.²

Будьте здоровы, дорогой Нестор Александрович! Через несколько дней дам Вам еще о себе известие. Варв(ара) Никол(аевна) Вас приветствует.

Ваш Б. Модзалевский.

¹ См. прим. 1 к письму от 7 апреля 1921 г.

² С. В. Васильковский — архитектор, учился вместе с Н. В. Яковлевым в реальном училище.

9

2 VI 1921.

Царское Село.

Московское шоссе, № 7.

Дорогой Нестор Александрович,

Сегодня уже 4-й день, что мы здесь, в «Сандомуче» (Санаторий Дома Ученых), понемножку привыкаем к здешним порядкам и беспорядкам, пользуемся прекрасною погодою и — скучаем и тяготимся шумным, отнюдь не переутомленным обществом. Шумное оживление, царящее за общим столом, к которому зывают звонком 5 раз в день (в 11, 2, 5, 7 и 11 ч.), утомляет нас обоих до чрезвычайности и составляет отраву здешнего пребывания. Людей, действительно переутомленных, вроде меня, а особенно — Варвары Николаевны, здесь, по-видимому, немного: большинство ведет и чувствует себя, как в салоне при светском курорте, стремится к развлечениям и общению, музицирует, болтает, устраивает лекции и «дискусии» с протоколами и т. под. Вчера Варв(ара) Ник(олаевна) не выдержала и из-за стола сбежала в свою комнату, а я за нею, — и мы теперь на некот(орое) время, с разрешения здешнего начальства, получаем еду к себе... Еда сносная, особенно по нынешним временам, кухарка хорошая, «с фангазией», старается разнообразить пищу; отношение начальства и прислуги — заботливое, вежливое, даже предупредительное. Ходим гулять за Царское (мы на краю его), ходим за молоком (с версту), сидим в хорошем саду при Санатории; комната у нас большая, в два окна, к сожалению, на север, без солнца. Пишу

Вам все эти подробности, а сам думаю, что они Вам не интересны... Не перестаю грустить, что пришлось уехать в разгар работы и покинуть Вас, оставив без помощника... Проклятое время!

Передайте мой привет всем нашим от меня и Варвары Николаевны, которая Вас сердечно приветствует.

Крепко жму Вашу руку. Искренно Ваш

Б. Модзалевский.

10

Дорогой Нестор Александрович,

Приезжал ко мне сегодня мой Лев,¹ привез письма и сообщил новости о Пушкинском Доме. По-видимому, все благополучно; Беляева, значит, Вы приняли,² но как contre—sоеуг или охотно? Я его потому к Вам и направил, чтобы Вы сами решили, без моего «давления». Петрову-Драмову, по Вашему указанию, было предложено денежное вознаграждение за ничегонеделание; только не давайте ему научного титула: право, не стоит он того... От Сонечки Шахматовой получил письмо от 2 июня: очень довольна пребыванием в Порхове. Слышу от Левы, что Вы завтра решили быть на Собрании Пушкинского Дома, и — порадовался.

Мы продолжаем быть довольны, особенно с тех пор, как нам позволили получать пищу в нашу комнату, а позволили потому, что на третий день пребывания здесь у Варвары Николаевны за обедом от шума и гама, за столом всегда царящих, брызнули слезы из глаз и она сбежала. Действительно, как мы и боялись, сходиться 5 раз в день к общему корыту оказалось нестерпимо скучно: здесь живет преимущественно молодежь, девицы и дамы в большом количестве, все это щебечет, рисуется друг перед другом, больных же, усталых вроде нас, почти нет; а нам хочется только тишины и покоя. Кормят пока хорошо и вкусно, понемногу, но часто; прикупаем молоко и, слава богу, сыты. Много гуляем в окрестностях (мы живем на самом краю города), где безлюдно и тихо. Холода загнали нас в комнату, но мы ничего не имеем против этого, читаем Диккенса и очень довольны. Мое здоровье лучше, чем у Варвары Николаевны, которая плохо спит и все мучится сердцем. Доктор нас навещает и внимателен к нам.

А как Ваше здоровье и самочувствие? Очень бы хотелось повидаться с Вами, но Варвара Николаевна не пускает меня в город, да я и сам боюсь ее оставлять одну. Кланяйтесь от меня всем нашим. Крепко жму Вашу руку.

Сердечно преданный Вам Б. Модзалевский.

7 VI 1924.

¹ Лев Борисович Модзалевский (1902—1948) — сын Б. Л. Модзалевского, литературовед.

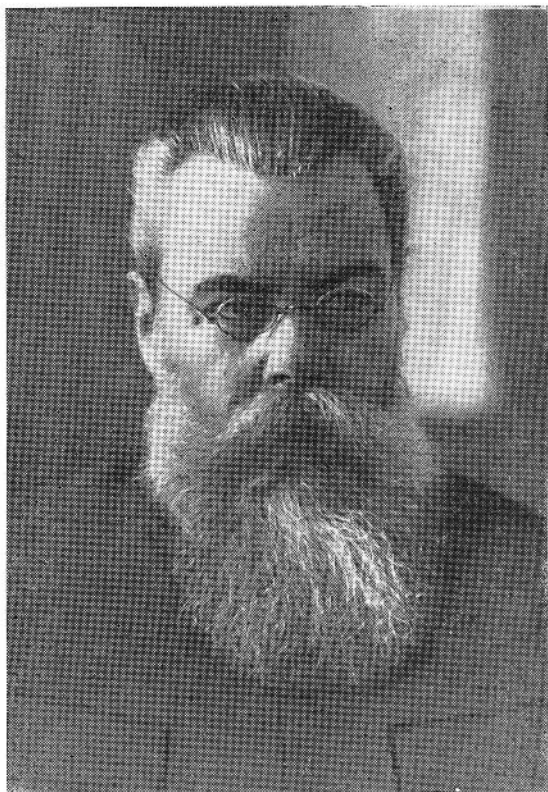
² В письме, приблизительно датированном январем 1921 г., М. Д. Беляев запрашивал Б. Л. Модзалевского: «Могу ли я надеяться работать в Пушкинском Доме? И если да, то на каких условиях. Мне бы хотелось работать по музейно-художественной части Дома, так как в этой отрасли я более понаторел» (ИРЛИ, ф. 184, № 197).

11

21 VI 1921.
Царское Село.

Дорогой Нестор Александрович,

Вот уже три недели, что мы бездельничаем здесь, а толку, в сущности, никакого; правда, мы прибавили по 2 фунта весу, но сил как-то не прибывает, плохой сон, вялость и апатия, — состояние неврастенической подавленности у меня и нервного подъема у Варвары Николаевны. Как будто дело и не идет на лад, по крайней мере так, как хотелось бы, а неудача, или по крайней мере кажущаяся неудача, волнует в свою очередь. Ни работать, ни думать не хочется, а между тем стыдно ничего не делать, когда работы такая уйма, что если бы нас вдесятеро больше было, то и тогда бы с нею не справились. . . Конечно, резонерствуя, прихожу к заключению, что «плетью обуха не перешибешь», что «по одежке протягивай ножки», вспоминаются пословицы, поговорки вроде: «не так живи, как хочется, а так, как бог велит» и т. под. изречения народной мудрости. Кроме того, нельзя не помнить, что все-таки здесь хорошо, особенно по сравнению с <...> Петроградом, <...> Кормят в общем сносно, — только иногда плохо, в большинстве же случаев удовлетворительно, обстановка тихая, особенно с тех пор, как отбыл наш визави — <...>, такой суетливый, шумный и хлопотливый, что в иные вечера и утра совсем покою не давал. Прогулки удобные и хорошие, с красивыми видами, много зелени; ходили в парк, но он довольно далеко от нас; осматривали дворцы Александровский (где жил царь и где я бывал на заседаниях Исторического общества, как узнал теперь — в приемной Александры Федоровны, с гобеленовым портретом. . . Марии Антуанетты) и Екатерининский; в последнем умилялся обстановкою (красное дерево, очень простого рисунка) комнат Александра I, Елизаветы Алексеевны и Марии Федоровны I. Но эти осмотры ужасно утомляют и все-таки очень волнуют, так как все, что видишь, носит на себе уже теперь какие-то черты тлена и разрушения. Обычно же дни проходят монотонно, от еды до еды. Только 15-го, в годовщину основания санатория, был фестиваль, на который прибыли такие почетные гости, как Кристи (вот замухрышка-то!) и Роде (державшийся сановником); был концерт и литературный отдел, с чтением стихов и прозы в прославление «Сандомуча» (Санаторий Дома ученых; отсюда обитатели его называются «обсанатами» и «сандомучениками»).

Чл.-корреспондент АН СССР Б. Л. Модзалевский.

Простите праздную болтовню мою; хотелось подать голос и сказать, что «еще жив курилка». Из дел Пушкинского> Дома меня волнуют три вопроса: 1) кн. Козловская и деньги ей; 2) Стравинская и деньги ей и 3) отборка книг из Лермонтовского> дворца, которую начала было Евлалия> Павловна> в морозы и оставила до тепла. — Крепко жму Вашу руку и кланяюсь всем. Варвара> Николаевна> также.

Сердечно Ваш Б. Модзалевский.

Был у Н. К. Никольского: вот у него библиотека-то!¹

¹ Н. К. Никольский (1863—1936) — историк, филолог. Его библиотека, содержащая большое количество древних рукописей, поступила в БАН.

Дорогой Нестор Александрович,

Посетил меня сегодня, спасибо ему, Н. В. Яковлев и рассказал, как блестяще у нас идут дела. По делу с Картавовым,¹ о котором он Вам расскажет, не согласитесь ли Вы назначить его научным сотрудником сверх штата и без определенного содержания: за это мы получим очень ценное собрание по Некрасову. Картавов, б. комиссионер Публичной библиотеки, коллекционер, имеет и некоторый литературный ценз, как издатель «Литературного альманаха», антикварного журнала и других книжек, так что снабдить его научным титулом было бы можно; думаю, что он может быть нам полезен вообще, как искусная ищайка. Если Вы согласны, то Лев Николаевич тогда напишет для В. М. Истрина² бумагу к подписи (от имени Отделения).

Может быть, Вы согласитесь также уполномочить Николая Васильевича поговорить с В. А. Стекловым³ о финансах на ремонт Пушкинского Дома на Тифлисской улице. Дело пошло так, что скоро, я думаю, и Вы, Фома неверный, уверуете в то, что с ремонтом будет покончено к осени, — следовательно, денежную сторону надо поставить прочно и серьезно.

Очень я огорчился, узнав, что со стороны Евлалии Павловны ведется какая-то линия против Модеста Людвиговича по вопросу о собраниях Пушкинского Дома. Надо бы собраться всем вместе и твердо решить программу этих собраний. Николай Васильевич расскажет Вам подробности. Авось все утихомирится. Уж эти самолюбия!

Здоровье мое все так же, последнюю неделю потерял 1 фунт в весе, а между тем срок моего пребывания здесь подходит к концу. Варвара Николаевна тоже так себе. Сегодня у нас тепло, даже жарко, и мы обогрелись на солнышке, а то зябли в нашей сыроватой комнате.

Крепко жму Вашу руку и желаю доброго здоровья Вам, равно как и всем нашим. Поклон Надежде Степановне и Варваре Борисовне. Варвара Николаевна Вас приветствует.

Сердечно вам преданный

Б. Модзалевский.

27 VI 1921.

¹ Картавов П. А. (1873—1941) — коллекционер и библиофил. См. о нем: Берков П. П. История советского библиофильства (1917—1967). М., 1971, с. 139.

² Истрин В. М. (1865—1937) — председатель Отделения литературы и языка Академии наук.

³ Стеклов В. А. (1864—1926) — член президиума Академии наук.

Одесса, Княжеская 6, кв. 1.
17 июня 1924.

Глубокоуважаемый Борис Львович,

С. П. Шестериков передал мне вчера рукопись Вашей статьи «Затерявшийся автограф Пушкина», предназначенной для нашего Пугкинского сборника.¹ Позвольте мне прежде всего от лица всех участников сборника сердечно поблагодарить Вас за участливое и отзывчивое отношение к нашей провинциальной затее. Осуществление ее сопряжено с невероятными трудностями и требует совершенно исключительной энергии и настойчивости, — тем значительнее и радостнее для нас Ваша поддержка. Сборник наш несколько задержался, но мы непременно выпустим его к середине августа.² Мы приложим все усилия к тому, чтобы сделать его возможно более достойным его заглавия — и по внешности и по содержанию. Он будет невелик: 7 листов — предельная цифра для издания, которое выпускается в свет на средства, полученные от предварительной подписки и двух благотворительных вечеров. Тем важнее для нас сделать его наиболее свежим и интересным, конечно, насколько это вообще в наших силах. Со дня на день ожидаю писем от М. А. Цявловского, который обещал нам сообщить кое-какие материалы из архива П. И. Бартенева и от Н. Ф. Бельчикова, который пришлет еще неизвестно что.³ Вместе с С. П. Шестериковым мы просматриваем сейчас в спешном порядке архив генерал-губернатора и на днях обревизуем недра формирующегося «Музея старой Одессы», в которых скрывается множество любопытного. С. П. написал прекрасную статью о графине Н. В. Кочубей-Строгановой;⁴ довольно интересна также статья А. М. Де-Рибаса о Пушкине в Одессе в 1821 году. Статья Г. П. Сербского посвящена экспертизе «Записок» Вигеля со стороны их достоверности. Я собрал кое-какой материал о Пушкине и Воронцовой. Таково содержание нашего сборника.⁵

Этим летом я замыслил поездку в Петербург, но не уверен, состоится ли она. Меня очень огорчает, что до сих пор я не собрался еще закончить комментарий к альбомам Оленина и потому еще не отправил их Вам: альбомы должны находиться, конечно, только в Пушкинском Доме. Если мне не удастся сделать этого лично, я отправлю их с какой-нибудь верной оказией.⁶

Простите мне мою преступную небрежность; я постараюсь исправить ее как можно скорее. Мне только хотелось бы уверить Вас, что промедление вызвано с моей стороны не какими-либо торыстными расчетами, но исключительно неблагоприятными обстоятельствами современной жизни.

Позвольте еще раз от всего сердца поблагодарить Вас за присылку статьи, что очень поддержит нас в трудной борьбе с рав-

нодушием публики и недоброжелательством отдела печати. Вы оказали нам большое доверие, и его мы постараемся оправдать.

Искренно уважающий Вас М. Алексеев.

¹ Издание «Пушкин. Статьи и материалы» осуществлялось в 1925—1927 гг. под редакцией М. П. Алексеева Пушкинской комиссией при Одесском Доме ученых. Комиссия была основана 7 марта 1925 г., но мысль о сборнике зародилась еще во время празднования столетия пребывания Пушкина в Одессе. Тогда, правда, по техническим причинам издание сборника не состоялось. Теперь же, опираясь на поддержку Пушкинской комиссии, одесские ученые смогли подготовить три выпуска этого издания. Статья Б. Л. Модзалевского была напечатана в первом выпуске сборника: Пушкин. Статьи и материалы. Одесса, 1925, с. 1—3. — Секретарь Одесской Пушкинской комиссии С. П. Шестериков (1903—1941) в то время работал библиотекарем в библиотеке Новороссийского университета.

² Сборник удалось подготовить лишь к июню 1925 г.

³ Н. Ф. Бельчиков не прислал статью в сборник, но, подобно М. А. Цявловскому, принимал в нем участие, сообщая дополнения и справки по просьбе редакции.

⁴ Статья С. П. Шестерикова о Н. В. Кочубей-Строгановой (1780—1854) была напечатана в первом выпуске сборника «Пушкин. Статьи и материалы» (с. 32—46) под заглавием «Одна из воспетых Пушкиным». В связи с замыслом этой статьи и была сделана попытка обследовать архив мужа Н. В. Кочубей, А. Г. Строганова, бывшего одно время новороссийским генерал-губернатором.

⁵ Сборник был составлен несколько иначе, чем планировалось первоначально. А. М. Де-Рибас и Г. П. Сербский написали соответственно статьи «Ареопаг о Пушкине» и «Неизданные расписки Пушкина». М. П. Алексеев опубликовал в сборнике три статьи: «Мелкие заметки к „Гавриилиаде“», «Автографы Пушкина в Одессе» и «Пушкин и Д. М. Княжевич»; на тему же «Пушкин и Воронцова» ученый в апреле 1926 г. сделал доклад в Пушкинской комиссии.

⁶ Статья об альбомах Оленина не была написана. Сами же альбомы М. П. Алексеев передал в Пушкинский Дом, где они и хранились до 1952 г., когда были перемещены в фонды Всесоюзного музея А. С. Пушкина в Ленинграде.

2

б. Петербург.
30 VI 1924.

Глубокоуважаемый Михаил Павлович,
Очень рад был узнать, что угодил Вам своею статейкой, и очень сожалею, что не удосужился послать Вам чего-нибудь лучшего и более обстоятельного: боялся опоздать и взял, что было готово.

Пользуясь отъездом в Одессу юного Зильберштейна, посылаю Вам с этим письмом только что изданную Академией книжку о Пушкинском Доме:¹ мы отпраздновали 25-л<етний> юбилей п<ей>дного существования Дома и к этому моменту хотели подсчитать то, что нами собрано.² Как увидите, кое-что сделать удалось, а если принять во внимание, что мы очень мало могли приобрести за деньги (из-за отсутствия бюджета) и что большая часть собранного поступила в виде пожертвований от друзей и

М. П. Алексеев. Фотография. Первая половина
20-х гг.

сочувственников Дома, — то можно сказать без хвастовства, а с чувством удовлетворения, что сделано много. Мне будет очень радостно, если в число наших действительных друзей войдете и Вы: альбомы Оленина будут у нас на почетном месте, а статью Вашу о них я непременно так или иначе издам, — вероятнее всего во «Временнике», 3-й выпуск которого почти подготовлен к печати.³

Очень был бы рад лично познакомиться с Вами; по работам Вашим я давно уже знаю и уважаю Вас; в личной беседе мы наверно бы не соскучились. . .

Крепко жму Вашу руку.

Искренно преданный Вам Б. Модзалевский.

¹ Пушкинский Дом при Российской Академии наук. Исторический очерк и путеводитель. Л., 1924.

² В 1899 г. отмечалось столетие со дня рождения Пушкина. Во время юбилея и зародилась идея создания учреждения, посвященного памяти поэта. Таким образом, смутные очертания Пушкинского Дома возникли еще в 1899 г., хотя официально он был создан в 1905 г.

³ Третий выпуск «Временника» Б. Л. Модзалевскому сделать не удалось. Статья М. П. Алексеева об оленинских альбомах не была опубликована.

3

16 сентября 1924.

Глубокоуважаемый Михаил Павлович,

Мне очень, очень совестно, что я так долго не отвечал на Ваше милое письмо от 17 VII. Правда, оно попало в мои руки лишь в конце августа, когда я вернулся в Петербург из отпуска, но все же и с этого времени прошло уже три недели. . . Как бы то ни было, позволюте считать, что я «виноват, но заслуживаю снисхождения» хотя бы потому, что был болен по возвращении сюда колитом, а последнее время находился в хлопотах в связи с ремонтом в здании Пушкинского Дома.

Ваши подарки дошли до нас благополучно, — о чем свидетельствует Вам письмо Н. А. Котляровского.¹ Очень Вам благодарны мы все за альбом Оленина, карикатуру на него и фотографию с портрета, который Вы приписываете Рылеву. Весьма это соблазнительно, хотя я и не могу найти сходства с известным (правда единственным, если не считать наброска Пушкина, воспроизведенного в № 25 «Былого», только что вышедшего) портретом поэта.² За «Войнаровского» также благодарим,³ за обещание дальнейших приношений — тоже! Участие всех любителей, ценителей и хранителей добрых преданий и традиций русской литературы в деле строительства Пушкинского Дома дает ему силу и крепость. Авось при этом участии и содействии мы общими силами и доведем корабль к пристани, как Вы выражаетесь. . .

Недаром большая часть сокровищ Дома стеклась в него в виде добротных даяний.

Очень был бы рад видеть Вас нашим гостем. Собирайтесь к нам. Архив Марлинского к Вашим услугам. Не взялись ли бы Вы проредактировать сборничек избранных сочинений его? Я задумываю ряд таких сборничков декабристов-писателей к юбилею 1925 г.

Вашу мысль о словаре одесских знакомых Пушкина горячо приветствую.⁴ Не расследуете ли хорошеёнько Собаньскую,⁵ о которой я кое-что собрал во II томе «Архива Раевских»?⁶ Было бы очень хорошо!

Когда приедете сюда, вручу Вам Пушкинскую бронзовую медаль, кот<орую> мы просим принимать всех наших вкладчиков, пересылать же по почте затруднительно.

Крепко жму Вашу руку

Искренно Вас уважающий

Б. Модзалевский.

¹ Письмо от 12 сентября 1924 г. на бланке (за № 583) Пушкинского Дома при Российской Академии наук: «Многоуважаемый Михаил Павлович, получив от Вас в дар для Рукописного отделения и Музея Пушкинского Дома альбом А. А. Олениной — Андро, акварельную карикатуру — портрет А. Н. Оленина и фотографию с портрета, предположительно изображающего Рылеева, Комитет Дома постановил принести Вам выражение искренней признательности за это ценное пожертвование и внимание к интересам Дома.

Директор, Академик Н. Котляревский».

Письмо это М. П. Алексеев также передал в Рукописный отдел ИРЛИ.

² Былое, 1924, № 25, с. 3—8 (публикация Н. О. Лернера).

³ Имеется в виду один из списков поэмы «Войнаровский».

⁴ См.: Материалы для биографического словаря одесских знакомых Пушкина. — Пушкин. Статьи и материалы, вып. 3. Одесса, 1927, с. 19—27.

⁵ К. А. Собаньская (1814—1885) входила в круг одесских знакомых Пушкина.

⁶ Архив Раевских, т. II. Изд. П. М. Раевского. Ред. и прим. Б. Л. Модзалевского. СПб., 1909. (О Собаньской — в прим. на с. 311—315).

4

30/17 декабря 1924.

Одесса. Ул. Баранова (б. Княжеская) 6, кв. 1.

Глубокоуважаемый Борис Львович,

Я только что вернулся от Анны Семеновны Ганнибал¹ и спешу Вас известить, во-первых, о том, что ходатайство Ваше в Академии наук о пенсии А. С. возымело, наконец, действие; вчера Одесский научный комитет получил соответствующий запрос из Харькова, и, таким образом, дело, вероятно, кончится благоприятно и, нужно думать, в самом недалеком будущем. Из-

вестию это очень обрадовало бедную Анну Семеновну. По правде говоря, здоровье ее очень плохо; доктора опасаются за ее жизнь. Она уже вот скоро шестой месяц не встает с постели. . . Во-вторых, мне необходимо как можно скорее получить от Вас инструкции относительно тех трех портретов, которые А. С. предназначила в Пушкинский Дом.² Два из них я собираюсь послать Вам почтой, разумеется, упаковав их самым надежным образом; известите меня, пожалуйста, не безопасно ли это? Что касается третьего — пастели, то его свойства таковы, что подвергать его опасности разнообразных толчков и перебросов я не решаюсь, а верной оказии пока нет. Во всяком случае, я собираюсь перенести его к себе и выждать благоприятного случая. По многим причинам это все же безопаснее, чем оставлять его в «Доме ученых», в маленькой комнатке Анны Семеновны. . .

Я очень долго не писал Вам; причиной тому была долгое время утешавшая меня мечта о моей рождественской поездке в Петербург. Только на днях выяснилась окончательная невозможность этого путешествия, но я вновь буду жить мечтами, что она совершится в мае. . . Наш Пушкинский сборник приходится создавать с невероятными трудами; но чем больше препятствий, тем сильнее мое упорство. Неделю тому назад в «Доме ученых» состоялся Пушкинский вечер под названием «Пушкин и современность», я читал доклад на эту тему, а местные артистические силы иллюстрировали его стихами Блока, Кузмина, Брюсова, Шенгели и, horrible dictu!³ Маяковского, — все о Пушкине. Образовалась некоторая сумма, поступившая в фонд на издание: 12 января будет второй вечер «Пушкин в музыке» (от Есаулова до Стравинского), который также, надеюсь, даст кое-что.⁴ Но нам пужно не менее 8 вечеров! Так или иначе, сборник уже в типографии, хотя набором еще и не начат; надеюсь, что к 29 январю ст. ст. мы наберем уже половину. Я разыскал любопытнейший портрет И. П. Липранди — акварель неизвестного года; она очень украсит наш сборник. Но любопытно бы знать, существует ли у Вас какой-нибудь портрет его? Вообще боюсь без проверки полагаться на карандашную надпись под портретом. Портрет принадежит не мне, но думаю, что после отпечатания его мне удастся убедить владельца подарить его в Пушкинский Дом.⁵ Кстати, по этому же поводу: в Одессе есть некий Гельфанд, молодой человек без определенных занятий, с явно спекулятивными наклонностями. До 1924 года он занимался продажей на базаре старых вещей, а недавно приобрел каким-то образом тот знаменитый архив И. И. Куриса, который хранился под Одессой в с. Курисове-Покровском и вызывал в свое время большой интерес П. И. Бартенева и М. И. Семевского.⁶ Архив начал распродаваться по частям: небольшая часть его попала ко мне, к сожалению — очень небольшая, в том числе письма Шувалова (Андрея Петровича) к Вольтеру, письма Ж. Жанена, рукописная биография Достоевского, написанная М. П. Драгомаповым, — в об-

щем до 20 №№. Все они будут отправлены в Пушкинский Дом, — я их задерживаю у себя на некоторое время для кое-каких справок; письма Шувалова же хотелось бы обработать для печати, но никак не удается установить, были ли они напечатаны. Относительно же некоторых других рукописей справки уже мною наведены, и мне хочется препроводить их Вам с этим же письмом: это 1) связанные с находкой в Париже «русс<ких> песен» на французском языке, сделанных Пушкиным для Loewe-Weimars'a, письма Бартенева к И. И. Курису, 2) письмо И. И. Бецкого к Вольтеру,⁷ 3) письмо Ф. П. Толстого к В. И. Григоровичу. Последние два уже изданы; но желательно все-таки сохранить подлинные автографы. . .

Молодой спекулянт, типичный одессит — сообразил, что в Одессе продавать автографы невыгодно, отправился в Ваши края и, конечно, будет и у Вас, если уже не был. Предупреждаю Вас, что с ним можно не церемониться: архив приобретен им за гроши, каким-то очень темным путем. Было бы очень хорошо, если бы он весь попал в надежное место и таким образом был бы спасен от варварского с ним обхождения и распыления.

Мои французские друзья советуют мне напечатать письма Шувалова за границей. Я собираю о них сейчас справки; к сожалению, кажется, единственная статья о нем Д. Ф. Кобеко в РА 1881 г.⁸ (если не считать мелких публикаций С. Полторацкого, Куника) ориентирует слишком мало. . .

Позвольте Вас поблагодарить за предложение редактировать томик избранных сочинений Бестужева: не скрою от Вас, что взялся бы за это с большой охотой, боюсь только, что это нужно было бы делать в Пушкинском Доме, основательно сверив печатные тексты с рукописными. . . Моя монография о Бестужеве близится к концу. Сильнейшее желание мое выпустить ее к декабрю будущего года; в ней 10—12 печатных листов, написанных с возможной для 10-летнего срока моих занятий тщательностью. . . Боюсь, что все это мечты, которым не суждено сбыться; во всяком случае, буду хлопотать о публикации, хоть по частям. . .⁹

Жду Вашего ответа и инструкций относительно картин Анны Семеновны.

Ваш М. Алексеев.

Р. S. Рассказывала ли Вам когда-нибудь Анна Семеновна относительно связи М. Н. Раевской с Поджио? Какой невероятный факт!

Р. SS. Еще просьба: не знаете ли Вы адреса В. П. Семенникова? Мне очень хотелось бы связаться с ним на предмет некоторых бесед по XVIII веку.

¹ Ганнибал А. С. (1849—1925) — писательница и педагог, троюродная сестра Пушкина. Умерла в Одессе 11 апреля 1925 г.

² Портреты в Пушкинский Дом не поступали. Они были переданы П. Бродовскому. Судьба их не известна.

³ *horribile dictu!* — страшно сказать. Михаил Павлович намекает на известные юношеские выступления Маяковского против классиков — Пушкина, Толстого, Достоевского.

⁴ Второй вечер в память 88-летия со дня смерти поэта «История русского романа» в текстах Пушкина» состоялся 2 марта 1925 г.

⁵ Липранди И. П. (1790—1880) — друг Пушкина по Кишиневу и Одессе, автор воспоминаний о поэте. Предполагаемый портрет его работы Геда был извлечен из одесского рукописного альбома 1830-х гг., принадлежащего Н. Н. Вирнау. В первом выпуске сборника «Пушкин. Статьи и материалы» этот портрет был опубликован, после чего М. П. Алексеев передал его в Музей Пушкинского Дома. По ознакомлении с подлинником Б. Л. Модзалевский и привлеченный для экспертизы военной историк К. И. Габаев выразили сомнение, действительно ли он изображает И. П. Липранди. Было высказано предположение, что на самом деле изображен П. П. Липранди, брат Ивана Петровича (см.: Пушкин. Статьи и материалы. Под ред. М. П. Алексеева, вып. 2. Одесса, 1926, с. 102).

⁶ Курис Иван Ираклиевич (1840—1898) — одесский коллекционер и собиратель, к которому, как писал М. П. Алексеев, «по-видимому, перешел весь наличный запас рукописей Пушкина, имевшихся в Одессе» (*Алексеев М. П. Автографы Пушкина в Одессе.* — Пушкин. Статьи и материалы, вып. 1. Одесса, 1925, с. 56). Значительная часть материалов из собрания Куриса была опубликована в журнале П. И. Бартенева «Русский архив» и в журнале М. И. Семевского «Русская старина».

⁷ См.: Русский архив, 1886, кн. II, с. 146.

⁸ См.: *Кобеко Д. Ф.* Ученик Вольтера граф А. П. Шувалов (1744—1789). — Русский архив, 1881, т. III, кн. 2, с. 241—290. — Публикацию писем Шувалова М. П. Алексеев осуществил в Одессе: *Voltaire et Shouvaloff. Fragments inedits d'une correspondance franco-russe au XVIII s.* Odessa, 1928.

⁹ Свою книгу под заглавием «Этюды о Марлинском» М. П. Алексеев опубликовал в 1928 г.

5

12 I <19>27.

Глубокоуважаемый Борис Львович,

Письма наши разминулись; я только сегодня утром послал Вам свое, а вернувшись домой нашел Ваше... Благодарю Вас за справки о Броунах; сегодня же посылаю дополнения к статье в Москву, которая уже в наборе. Ссылка на «Рижский вестник» была для меня особенно ценной; у меня были под руками как раз очень сбивчивые на счет Фитингоф сведения, какие сообщил В. Ленц в своей книге о Бетховене (СПб., 1852), — он также называет ее рижанкой, но, видимо, путает даты и генеалогию. Ей Бетховен посвятил ряд превосходных произведений; по преданию, она сама была очень хорошей музыкантшей... Но почему она с мужем жила в Вене и действительно ли гр. Иван Юрьевич занимал какое-то место при русском посланнике при Венском дворе гр. А. К. Разумовском, это осталось для меня неясным. Впрочем, всему этому эпизоду отведено у меня немного места: главный предмет моей статьи¹ — история сношений Бетховена с кн. Ник. Бор. Голицыным.

Благодарю Вас еще раз за доброе слово о наших Пушкинских сборниках. Третий, как я Вам уже писал, задержался в типографии из-за глупейшей цензурной истории, но я надеюсь, что вызволю его в самом ближайшем будущем. Ряд биографий нашего словаря после Вашего I тома «Переписки»² покажутся очень бледными и неполными; но я надеюсь все же, что и вступительная статья и ряд других биографий благодаря своим частым ссылкам на архивные дела принесут некоторую пользу. Может быть, Вы кое-что возьмете от нас и для своего второго тома. На этот раз напечатано всего 500 экз., и я думаю, что они разойдутся. Сочиняю теперь план 4-го выпуска, но боюсь, что мой возможный отъезд из Одессы погубит дело, которое только-только становилось на ноги. Дело в том, что меня усиленно приглашают в Иркутский университет, и я склонен принять приглашение, уехать в Сибирь на два года, чтобы потом легче было бы перебраться в Петербург. В Одессе становится совершенно невыносимо жить. . . Если отъезд мой совершится, 4-й сборник погибнет, а на новом месте издавать его будет не с кем. . . Между прочим, С. П. Шестериков приехал на днях в Одессу, отбыв положенный срок военной службы, здоровый, поправившийся и страшно возмужавший. Видимо, муштровка принесла ему все-таки некоторую пользу. Он уже вступил в обязанности секретаря Пушкинской комиссии и жаждет литературной работы, изголодавшись в своем Житомире по книгам и занятиям в библиотеках. Для нас всех его возвращение очень радостно.

Еще раз благодарю Вас за книгу, справки и внимание.

Искренно преданный

М. Алексеев.

¹ См.: Алексеев М. П. Русские встречи и связи Бетховена. — В кн.: Русская книга о Бетховене. К столетию со дня смерти композитора (1827—1927). М., 1927, с. 76—110.

² Имеется в виду изд.: Пушкин. Письма, т. 1. М.—Л., 1926.

Б. В. ТОМАШЕВСКИЙ В ПЕРЕПИСКЕ С АНДРЕЕМ БЕЛЫМ

ПУБЛИКАЦИЯ А. В. ЛАВРОВА

Крупнейший ученый, работавший в Пушкинском Доме с 1921 г. и бывший одним из его ведущих сотрудников, Борис Викторович Томашевский с первых лет творческой деятельности был связан с современным ему литературным миром. Именно тогда, в 10—20-е гг., писательский труд и исследование литературы наиболее тесно соприкоснулись: художник и ученый нередко объединялись в одном лице (явление, характерное для разных поколений: Брюсов и Вяч. Иванов, с одной стороны, с другой — В. Шкловский и Ю. Тынянов); поэты писали статьи исследовательского характера о русских классиках и подготавливали издания их сочинений (А. Блок, А. Кондратьев, Ю. Верховский, Г. Чулков, Б. Садовской и т. д.); типичным для многих сборников и альманахов стало сочетание художественных произведений с теоретическими и историко-литературными работами. Литературоведение стало живой, неотъемлемой частью литературного процесса, и эта особенность сказывалась во всех сферах литературной повседневности, в том числе и в сфере личных контактов писателей и исследователей литературы. В этом смысле общение Андрея Белого, писателя и литературоведа, автора работ по стиховедению и поэтике, и Томашевского, стиховеда, текстолога и историка литературы, — факт характерный и знаменательный.

Их знакомство состоялось за полгода до смерти Андрея Белого, но имело большую предысторию. В 1910 г. вышла в свет книга Белого «Символизм», включавшая его стиховедческие статьи, в которых был обоснован сравнительно-статистический метод исследования русского стиха и даны образцы его практического применения. Эти статьи послужили отправной точкой для аналогичных штудий Томашевского, который одновременно и независимо от Белого приступил к разработке стиховедческих проблем и уже в начале 10-х гг. сформулировал коррективы и возражения к предложенной Белым методике исследования;¹ оценку стиховедческих исследований Белого Томашевский попутно дает в собственных работах сходной тематики. Он утверждает приоритет Белого в создании статистической теории русского стиха,² подчеркивает плодотворность предложенного им метода, однако замечает в его работах и «горопливость» оценки индивидуальных явлений, нарушающую стройность исследования; многие из верных характеристик, к которым приходит Белый, Томашевский объясняет «не объективными достоинствами его метода, а исключительно выдающимися интуитивными способностями автора».³ В статьях

¹ См.: Письма Б. В. Томашевского В. Я. Брюсову. Публикация Л. С. Флейшмана. — В кн.: Труды по знаковым системам. V (Учеп. зап. Тартуск. гос. ун-та, вып. 284). Тарту, 1971, с. 532—544.

² См.: *Томашевский Б.* О стихе. Статьи. [Л.], «Прибой», 1929, с. 324.

³ Там же, с. 139, 188.

10—20-х гг., объединенных в книге Томашевского «О стихе», даю дальнейшее развитие стиховедческих идей Белого и одновременно опровержение их уязвимых сторон.⁴ Признавая правильными и перспективными для дальнейших исследований выводы Белого о стихотворном ритме, Томашевский подверг решительной критике его заключения о природе ритма в художественной прозе. В статье «О художественной прозе»⁵ Белый пытался отстоять мысль об отсутствии принципиальной границы между поэзией и прозой и обнаружить в прозаических текстах стихотворные метры в пных, более сложных и причудливых сочетаниях, чем в текстах стихотворных; разобранные им отрывки из Пушкина и Гоголя позволили говорить о двух метрических тенденциях (дактило-хорейческой и апапесто-ямбической), к которым тяготеет ритм прозы. Томашевский в статьях «Андрей Белый и художественная проза»⁶ и «Теория поэтического языка»⁷ продемонстрировал произвольность и субъективность этих заключений Белого, основанных на искусственных схемах. Отдавая дань новизне подхода к теме, «блеску неожиданных выводов и смелости широких обобщений», Томашевский выдвинул убедительные контраргументы и доказал, что в реальном, конкретном применении утверждения Белого представляют собой лишь «насиленное натягивание на факты ничем не подкрепленной теории».⁸ Вероятно, возражения Томашевского оказали свое влияние на Белого: впоследствии он не предпринимал новых попыток истолкования ритма прозы в том же направлении. В книге «Ритм как диалектика и „Медный всадник“» Белый делает несколько попутных скептических замечаний по адресу «Теории литературы» Томашевского, но они представляют собой лишь намек на возможную полемику и не имеют конструктивного характера.⁹

Возвращались ли Белый и Томашевский в своих беседах летом 1933 г. в Коктебеле к стиховедческим темам, ясно: последующая их переписка во всяком случае указаний на это не содержит. Как бы то ни было, возможные несогласия по вопросам изучения стиха (к которым Белый по-прежнему относился очень горячо и заинтересованно) не воспрепятствовали быстрому установлению дружеских симпатий между ними. К. Н. Бугаева упоминает знакомство с Томашевским и его женой, Ириной Николаевной Медведевой-Томашевской (1903—1973), в числе важнейших событий лета 1933 г. в жизни Белого.¹⁰ Регулярные встречи были прерваны в середине июля из-за внезапной болезни Белого и его последующего преждевременного возвращения в Москву. Наладившаяся вслед за этим переписка Белого и Томашевского свидетельствует о том, что их случай-

⁴ Об отношении Томашевского к стиховедческим исследованиям Белого см.: *Левкович Я.* Борис Викторович Томашевский. — Вопросы литературы, 1979, № 11, с. 204—206; Неизвестная статья Б. В. Томашевского. Публикация Л. С. Сидякова. Предисловие и примечания Д. Д. Ивлева и Л. С. Сидякова. — В кн.: Труды по знаковым системам. IX (Учен. зап. Тартуск. гос. ун-та, вып. 422). Тарту, 1977, с. 100—101.

⁵ Горн, 1919, № 2—3, с. 49—55.

⁶ Жизнь искусства, 1920, № 454, 18 мая; № 458—459, 22—23 мая; № 460, 25 мая.

⁷ Книга и революция, 1921, № 10—11, апрель—май, с. 32—34.

⁸ Там же, с. 34. — Развернутую критику взглядов Белого на природу ритма в художественной прозе Томашевский дал и в докладе «„Научно-образные“ (Опыты подхода к изучению ритма художественной речи)», прочитанном в 1921 г. в Московском лингвистическом кружке и в ОПОЯЗе (текст доклада опубликован в кн.: Труды по знаковым системам, IX, с. 115—124).

⁹ *Белый Андрей.* Ритм как диалектика и «Медный всадник». Исследование. М., 1929, с. 51, 53, 55.

¹⁰ *Бугаева К. П.* Летопись жизни и творчества Андрея Белого. — ГПБ, ф. 60, ед. хр. 107.

ное летнее знакомство переросло в глубокую дружескую привязанность, которая, безусловно, должна была развиваться и укрепиться, если бы не тяжелая болезнь и последовавшая скорая смерть Белого (8 января 1934 г.). Переписка представляет собой прежде всего важный биографический источник (в особенности для характеристики последних месяцев жизни Белого), но содержит и благодарный материал для осмысления творческих воззрений писателя и ученого.

Письма Андрея Белого и К. Н. Бугаевой к Б. В. Томашевскому и И. Н. Медведевой-Томашевской печатаются по автографам, хранящимся у Николая Борисовича Томашевского, которому выражаем за их представление глубокую благодарность.

Письма Б. В. Томашевского и И. Н. Медведевой-Томашевской к Андрею Белому и К. Н. Бугаевой печатаются по автографам, хранящимся в архиве Андрея Белого в ГПБ (ф. 60, ед. хр. 69).

Выражаем также признательность В. П. Купченко за сообщение ряда материалов из архива М. С. Волошиной, использованных в комментарии.

1

Андрей Белый — Б. В. Томашевскому

Москва. 3 августа <1933>.

Дорогой Борис Викторович,

Спешу Вам черкнуть из Москвы; спасибо сердечное за то дружеское участие и реальную помощь, которую Вы и Ирина Николаевна оказали нам.¹ И еще более спасибо за ту радость общения, которую мы с женой вынесли из совместной жизни; с Вами обоими было так просто, незатейливо, человечно, музыкально. Я очень счастлив, что познакомился с Вами обоими: и, верьте: это — не слова.

Попад в Москву, я точно попал в дом отдыха; и переживаю блаженство безлюдия, сосредоточенности, тишины. Меня ужасно утомила людность последних недель в Коктебеле. Я по природе очень молчалив, внутренне тих и робок, а жизнь ставила меня года в положение выступающего, громко говорящего, нападающего и т. д. Отсюда постоянное чувство изнасилования своей природы и чувство депрессии.

Я давно осознал тему свою; эта тема — косноязычие, постоянно преодолеваемое искусственно себе сфабрикованным языком² (мне всегда приходится как бы говорить вслух, набрав в рот камушки);³ отсюда — измученность; и искание внутренней тишины.

С Вами обоими нам было так непроизвольно, тихо и просто. И мы невольно привязались к Вам.

Надеюсь, что наша встреча в Коктебеле есть *начало знакомства*. Жду Вас очень в Москве к нам. А если Вы минуете Москву, напишите все-таки о себе из Ленинграда (я Вам выплю свою книгу).⁴ Еще раз спасибо; и всего, всего Вам хорошего.

Искренне преданный Б. Бугаев.

От жены сердечный привет Вам и Ир<ине> Ник<олаевне>.

Андрей Белый. Фотография.

¹ Белый и К. Н. Бугаева выехали из Коктебеля в Москву 29 июля (Андрей Белый. Передвижения. «Хронологическая канва с 1921 по 1933 г.» — ГБЛ, ф. 25). К. Н. Бугаева писала Томашевским с дороги (31 июля 1933 г., «Курск—Орел. 8 вечера»): «До сих пор все идет хорошо. Б. Н. совершенно изменился. И выражение лица, и движения, и походка — все опять его. Точно в Коктебеле он скинул с себя свою болезнь. Едем мы спокойно. Ночь прошла тихо, без всяких болей. И затылок, и спина, и виски — все успокоилось. С какой благодарностью вспоминаем мы Вас обоих — вплоть до „нафталина“». Письмо было закончено и отправлено в Москве: «Мы уже дома. Встретили с автомобилем. Сейчас Б. Н. устал и прилег. Голова опять побаливает. Но это, вероятно, впечатление встречи и возвращения домой». Ср. письмо К. Н. Бугаевой к М. С. Волошиной от 31 июля 1933 г.: «Подъезжаем к Харькову. Б. Н. спал спокойно. С утра ни головных болей, ни болей в спине не было. И лицо стало живое. Исчезло это ужасное выражение, которое меня так пугало» (Архив М. С. Волошиной).

² Проблема авторского «коспозычия», трактуемого как способ описания таких «материалов сознания», когда в «быте душевном изделия старые» износились; а новых изделий из взглядов, понятий, сюжетов, отчетливо образованных чувств — еще нет», подробно разрабатывается Белым

в «Записках чудака» (см.: Записки мечтателей, № 1. Пб., «Алконост», 1919, с. 39—48).

³ По преданию, таким образом преодолевал дефекты речи великий греческий оратор Демосфен (ок. 384—322 до н. э.): «Деметрий Фалерский пишет, что Демосфен уже в старости сам рассказывал ему, какими упражнениями он старался исправить свои телесные изъяны и слабости. Неясный, шепелявый выговор он одолевал, вкладывая в рот камешки и так читая на память отрывки из поэтов <...>» (*Плутарх*. Сравнительные жизнеописания в трех томах, т. III. М., 1964, с. 146).

⁴ Вероятно, имеется в виду роман Андрея Белого «Маски» (М., ГИХЛ, 1932), вышедший в свет в начале 1933 г.

2

Б. В. и И. Н. Томашевские — Андрею Белому и К. Н. Бугаевой

Коктебель. 6 VIII <19>33.

Дорогие Клавдия Николаевна и Борис Николаевич,

Рады были получить от Вас известие о благополучном путешествии. Мы в свою очередь отлично вернулись бы в Коктебель, если бы пошли пешком.¹ К сожалению, связанные билетом Союзтранс, мы принуждены были более часа сидеть у его конторы в ожидании починки автобуса. Первый опыт нашего путешествия подвинул нас на дальнейшие экскурсии. Вчера мы посетили пешком Отузы,² но с меньшим успехом: Ирина Николаевна расклеилась и не может прийти в себя, хотя и храбрится, угрожая мне организацией пешеходной экскурсии в Кизильташ.³ Жизнь наша прежняя, но более людная = шумная <...>

Море и солнце те же. Ждем винограда, который обещают через 10 дней. В ожидании отрезаем <?> помидоры и огурцы.

Не забывайте нас и впредь. Мы с Иркиной <Николаевной> будем очень рады малейшей весточке от Вас.* Проходя мимо Волюшинской дачи, невольно заглядываем на нижний балкон. Балкон пуст, и дверь закрыта — очень грустно.⁴ Оба шлем Вам сердечный привет.

И. Томашевская.

Как здоровье Бориса Николаевича?⁵

Ответ на письмо 1 и на письмо К. Н. Бугаевой от 31 июля 1933 г. Начало письма написано Б. В. Томашевским.

¹ Томашевские провожали Белого и К. Н. Бугаеву 29 июля из Коктебеля в Феодосию на поезд. В письме от 31 июля К. Н. Бугаева спрашивала: «Не устали ли после Феодосии?».

² Отузы (ныне — поселок Щебетовка) — селение в 9 км от Коктебеля, в Отузской долине.

³ Кизильташский монастырь в горах, в 7 км от Отуз, в стороне от Судакской шоссевой дороги.

* Далее — текст рукой И. Н. Томашевской.

⁴ Последние две недели в Коктебеле, со времени пачала болезни, Бельый прожил в так называемой «музыкальной компане» на первом этаже дома Волошина. «В этой компане, как самой большой и прохладной, нас поместили, когда Б. Н. заболел», — пишет в «Воспоминаниях» К. Н. Бугаева (Cahiers du Monde russe et soviétique, vol. XV, 1974, N 1—2, p. 126).

⁵ 10 августа 1933 г. К. Н. Бугаева отвечала Томашевским: «Сегодня получили Вашу открытку и очень обрадовались. Так привыкли к Вам в Коктебеле, что все время Вас не хватает. Грустно, что Ирина Николаевна все никак не пачнет поправляться. Ведь уже пора! Радуемся, что у Вас и солнце и море. Но... лучше нам подальше от них. Дни стоят солнечные, но свежие, иногда почти осенние. Гуляем ежедневно не меньше трех часов, — конечно, не сразу. Б. Н. еще не был у доктора. Хочет **немного отдохнуть** просто дома. Резких болей нет, но голова все еще не свежая. В остальном все пока хорошо». На письме — приписка Белого: «Сердечный привет. Б. Бугаев».

3

Б. В. и И. Н. Томашевские — Андрею Белому и К. Н. Бугаевой

16 августа 1933. Коктебель.

Дорогие Борис Николаевич и Клавдия Николаевна. Уже приближается время нашего отъезда (21 августа), и мы торопимся употребить дни с наибольшей эффективностью. Недавно ходили на сутки (с ночевкой) в Ст<арый> Крым, а оттуда в армянский монастырь.¹ Сегодня идем в Кизильташ. Очень рады были получить от Вас известия. Надеемся увидеть Бориса Николаевича совершенно здоровым.

Здесь мы живем совершенно уединенно. В доме отдыха одни сменяются другими, но мы не сталкиваемся ни со старыми, ни с новыми приезжими. Посещаем иногда Марию Степановну.² 11 августа была годовщина смерти Волошина. Было чтение его стихов, кроме того Ауслендер делился воспоминаниями.³ Вероятно, завтра — 17 — снова будет нечто вроде поминального собрания.⁴ Вот и все события нашей внешней Коктебельской жизни. Зато мы внимательно следим за солнцем и ветром, и разговоры о погоде для нас имеют особое значение!

17 августа. 6 ч. утра. Кизильташ.

Продолжаю открытку из Кизильташа. Прогулку совершили благополучно. Нашли в Кизильташе с<ельско>х<озяйственную> артель, кот<орая> численно меньше быв<шего> монастыря. Переночевали в одном из пустых, еще не разрушенных помещений. Монастырь расположен в горах, среди обильной дикой растительности, под голыми красными скалами, в закрытой с трех сторон долине. После голого Коктебеля растительность кажется особенно обильной: начиная с Отуз тянется лес (дуб, граб, кизиль и т. п.)

крымского типа, т. е. в форме густого кустарника. Здесь на скалах одинокие сосенки, можжевельник. У зданий насажены тополя, каштаны, кедр и т. д. Побродим и двинемся обратно в Коктебель купаться. Если ничто не помешает, надеемся 23-го августа зайти к Вам. Остановиться в Москве не удастся: надо спешить в Ленинград. Но времени между поездами достаточно. Разве, что какие-нибудь обстоятельства и путевые условия помешают. Но все равно — в Москве или в Ленинграде — непременно мы должны снова встретиться.⁵ Сердечный привет.

Б. Томашевский.

Горячий привет, дорогие Клавдия Николаевна и Борис Николаевич. Чувствую себя отлично, надышавшись властью горным и лесным воздухом. Очень хочется Вас повидать.

И. Томашевская.

Ответ на письмо К. Н. Бугаевой от 10 августа 1933 г.

¹ Старый Крым (Эски-Керим) — небольшой городок в 25 км от Феодосии и в 15 км к северо-западу от Коктебеля. В 4 км к западу от Старого Крыма расположен армянский монастырь св. Георгия (Сурб-Хач), основанный в 1338 г.

² М. С. Волошина (1887—1976) — вдова М. А. Волошина.

³ Сергей Абрамович Ауслендер (1886—1943) — писатель символистского круга; вновь встретился с Волошиным в Крыму после многолетнего перерыва в 1927 г. 3 августа 1927 г. он писал Волошину: «... наша краткая встреча (...) как-то очень взволновала меня. Такое волнение испытывают, вероятно, участники походов, встретившись через много лет. Пусть я был всего только маленьким барабанщиком, а Вы уже большим поэтом, все же в великих литературных битвах начала этого века мы сражались под одними знаменами. Кроме того, от Ваших стихов испытал уже почти забытый трепет настоящего, большого искусства» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 21). набросок воспоминаний Ауслендера «М. А. Волошин в 1905 году», датированный 20 августа 1933 г., сохранился в Доме поэта в Коктебеле.

⁴ 17 (4 ст. ст.) августа — именины Волошиной.

⁵ 28 августа 1933 г. Б. В. Томашевский писал М. С. Волошиной из Ленинграда: «Проезжая через Москву, посетили Бугаевых. Борис Николаевич все еще не оправился и по предписанию невропатолога посажен на строгий режим. Работать ему не позволено. Тем не менее он оказался мне значительно бодрее, чем в Коктебеле. Впрочем, виделись мы с ним недолго, так как спешили к отходу поезда. Сильно похудела Клавдия Николаевна, которая, по-видимому, извелась в связи с болезнью Бориса Николаевича больше пациента. (...) С Коктебелем продолжаем чувствовать какую-то связь, как будто еще возможно после завтрака или после ужина сходить поработать в мастерской или побеседовать с Вами» (Архив М. С. Волошиной). После встречи с Бельми и К. Н. Бугаевой 23 августа у них дома в Москве (Плющиха, 53, кв. 1) И. Н. Томашевская писала им 26 августа: «Питер встретил нас пасмурно, грустно и бездельно. Беготня по редакциям, учреждениям и кооперативам. В беготне этой, когда вспоминаю Вас, Коктебель и Плющиху, делается вдруг ужасно хорошо и светло. Трудно сказать, насколько Борис и я чувствуем Вас дорогими и близкими, а между тем мы живем замкнуто, безлюдно и к людям совсем не тянемся. Приятно было свиданье с книгами и стенками нашей берлоги. Как бы хотелось увидеть в ней Вас. Если бы зимой?».

**Б. В. и И. Н. Томашевские —
Андрею Белому и К. Н. Бугаевой**

Дорогие Борис Николаевич и Клавдия Николаевна,
Пользуюсь проездом Елизаветы Николаевны Купреяновой через
Москву, чтобы послать Вам некоторые книжки и статьи. Думаю,
что так верней, чем по почте. К сожалению, не могу послать Вам
всего, что хотелось бы.¹

Пока наше пребывание здесь ознаменовано сравнительным
благополучием. Если не считать дождя, вымочившего нас весьма
основательно на следующий день по приезде (Ирину Николаевну
даже до простуды), и обычных житейских и бытовых затрудне-
ний, беготни и хлопот, все в общем обстоит хорошо и мы не уны-
ваем. Впрочем, мы едва-едва налаживаем связи с внешним миром
и находимся еще в переходном состоянии, где-то между Кокте-
белем и Ленинградом. На столах еще кокетельские цветы и кок-
тебельские камешки; в обстановку они еще не вросли и ощу-
щаются.

Ждем Вас зимой в Ленинграде — и прямо к нам.
Горячий привет.

Б. Томашевский.

28 августа * <19>33. «Ленинград».

Непреренно, непременно ждем к себе.

И. Томашевская.

¹ Е. Н. Купреянова (род. в 1906 г.) — литературовед, впоследствии
сотрудница Пушкинского Дома. В письме от 26 августа И. Н. Томашев-
ская также сообщала Белому и К. Н. Бугаевой: «Борис посылает Вам
книги с нашим другом, едущим в Коктебель. Она принесет пх 29 VIII.*
Это Купреянова — сестра только что погибшего художника». Художник,
крупнейший мастер графики, Николай Николаевич Купреянов (1894—
1933) утонул в подмосковной речке Уче 29 июля (см. письмо Н. С. Изпар
к Н. К. Бруни от 2 августа 1933 г. в книге: *Купреянов И. Н.* Литературно-
художественное наследие. М., 1973, с. 73); им была выполнена обложка
книги Андрея Белого «Королева и рыцари. Сказки» (Пб., «Алконост»,
1919).

* В подлиннике — ошибочное обозначение месяца: «IX».

Андрей Белый — Б. В. Томашевскому

Москва. 2 сент<ября> <19>33 г.

Дорогой Борис Викторович,
получил Ваши книги в сопровождении письма; за те и другое —
спасибо!¹ Среди угроз сутолоки, уже придвинутых к нам пз бу-
дущего, успел пристально ознакомиться лишь с брошюрой «Die
Puškin-Forschung seit 1914»² и вникал в комментарий к «Ирои-

комической» поэме.³ Более всего меня радует Ваша брошюра; в ней живо и интересно поданы задачи изучения восприятия поэтов Пушкиным сквозь призму времени; с живым чувством вникал в мысли этой брошюры и вынес очень много назидательного для себя.

Скоро вернусь к чтению Ваших работ; а пока эти несколько слов обращаю к Вам и к Ирине Николаевне, как сердечный привет издалека.

Иногда у нас с Клодей вспыхивает желание с Вами встретиться лично; и оно настолько сильно, что мечтаем этой зимой неожиданно появиться у Вас, воспользовавшись Вашим милым приглашением.

Встреча с Вами и с Ириной Николаевной в Коктебеле продолжает жить, как радостный подарок.⁴

Кроме всего: я не «писака», не «sauteur» * (в письмах); я козлапо тяжелодумен или — до идиотизма «высказыватель» общих мест; а хочется укрепить живое общение личным свиданием.

Итак, с Вашего разрешения до встречи зимой?

Можно?

Искренне любящий и преданный Б. Бугаев.

Р. С. К. Н. шлет сердечный привет Вам и Ирине Николаевне, которой прошу передать и мой сердечный привет.

Ответ на письмо 4.

¹ Е. Н. Купряева сообщила нам, что она, будучи в Москве один день проездом (29 августа), передала книги и письмо Белому через Г. О. Випокура. В письме от 30 августа К. Н. Бугаева благодарил Томашевских «за присланные книги и за письма».

² Отдельный отгиск статьи Б. В. Томашевского «Die Puškin-Forschung seit 1914» (Zeitschrift für slavische Philologie, 1925, Bd. 2, Doppelheft 1—2, S. 236—261).

³ Один из первых выпусков большой серии «Библиотек поэта»: «Ироикомиическая поэма». Редакция и примечания Б. Томашевского. Вступительная статья В. А. Десницкого. «Издательство писателей в Ленинграде», 1933.

⁴ Ср. письмо к Томашевским К. Н. Бугаевой от 30 августа 1933 г.: «Ваш короткий проезд был живой настоящей радостью. Мы оба с Б. Н. также переживаем встречу с Вами обоими как неожиданный подарок жизни. Словами этого не скажешь. Но дни, проведенные с Вами в нашем милом домике, остаются таким светлым воспоминанием. А за все то, что Вы сделали для нас во время болезни Б. Н., — просто нег слов благодарить. Зимой, если только обстоятельства позволят, надеемся воспользоваться Вашим приглашением. Очень грустно было бы долго не видаться с Вами. И так обидно, что мы оказались в разных городах. — Вчера мы с Б. Н. вторично были у доктора. Он нашел некоторое улучшение. Но режим оставил по-прежнему строгим. Единственное слабое место Б. Н. — это повышенное давление крови». Ср. письмо К. Н. Бугаевой к М. С. Волошиной от 2 сентября 1933 г.: «Б. Н. был уже второй раз у доктора. Он нашел улучшение, но режим оставил по-прежнему строгим. Самое трудное для Б. Н. — это, конечно, куренье. Теперь он дошел до 4 папирос в день <...> Давление крови очень повышенное <...> Боли в крестце и

ногах совершенно прошли; голова не болит тоже, но иногда приливы де-
лаются» (Архив М. С. Володиной).

* Causeur (*франц.*) — хороший собеседник.

6

**И. Н. Медведева-Томашевская —
Андрею Белому и К. Н. Бугаевой**

6 IX <19>33. <Ленинград>.

Дорогие Клавдия Николаевна и Борис Николаевич!

Спасибо Вам огромное за письма — они для нас очень дороги. Вспоминаем о вас всякий день. Мы оба уже в работе. Баратынский мой понемногу двигается.¹ Как много и сложно он работал над своим стихом! Всегда сокращал и уходил от личного, бытового к отвлеченному, где едва-едва можно уже найти прежние следы. Все наброски и черновики 1843 г. связаны с темой «Посева леса» — они мрачны, исполнены обреченности и одиночества. В безумных черновиках «Посева леса» такие встречаются строки:

«А между тем не [гимнами] песням весна
Мной встречена: мне мерный строй несносен,
Рука моя бросает семена
Не новых дум, но елей, осен»,²

или «Высок, но пуст племен новейших колос», «Им дочь небес гармония чужда» — эта тема враждебности и чуждости «племен новейших», каких-то новых людей «книжников» (не Белинский ли и компания) вымарывается и вновь вписывается непрерывно. Вот знаменательные (на тех же листах, что и «Посев») строфы (совсем вычеркнута 1-я строфа) стихотворенья «Люблю я вас, богини пенья»:

Над дерзновенной головою,
Как над землей скопленный пар,
Павсли тучи надо мною
И за ударом бьют удар.
Я бросил мирную порфиру,
Боюсь явленья бога струн,
Чтоб персты, падшие на лиру,
Не пробудили бы перун.³

Как обещала, пришло в ближайшее время несколько молодых, неизвестных его стихов. Вот только надо собраться и настучать их на машинке. Борис занят математикой. Очень боюсь для него опять редакторской упряжи: так хотелось бы, чтобы он сел за свою книгу о французской литературе и Пушкине. Обо всем этом так трудно писать в письме. Как здоровье? Осуществится ли Кавказ? Не забывайте нас. Мы ужасно обрадовались, узнав, что вы соберетесь к нам. Борис напишет в ближайшие дни.

Ваша И. Томашевская.

Горячий привет вашей милой маме.⁴

Ленинград. 6 сентября 1933.

Дорогой Борис Николаевич,

Спасибо вам за письмо по поводу моего обзора Пушкинианы. Обзор этот является для меня уже давнопрошедшим. Ведь со времени написания этого обзора прошло восемь лет, за которые изменилось очень много: и самый материал обзора (современная пушкиниана совсем не похожа на то, что было тогда), и точка зрения. Вообще, если бы пришлось теперь писать на такую же тему, то написал бы я другое. Впрочем, отмеченный Вами пункт для меня еще жив, и если обстоятельства позволят, я в этом году обязательно займусь темой «французская литература в восприятии Пушкина».⁵ Мне всегда казалось, что писать историю чрез сознание исследователя недостаточно: как будто бы история была для исследователя. История осмысливается лишь творческим сознанием. Пушкин может быть фокусом в исторической картине литературы, и нам интересно знать, как Расин и Вольтер работали на Пушкина. С другой стороны, и в пушкинизме гораздо интереснее Пушкин как субъект исследования, а не страдающий объект.

Впрочем, боюсь, что все это одни мечтания: я уже 20 лет хожу вокруг этой темы и каждый год решаю окончательно ею заняться, а все не выходит; боюсь, что работа эта никому не нужна.

Сейчас вожусь над гранками Дельвига. Месяца через 2—3, надеюсь, он выйдет в свет.⁶ Видели ли Вы другие выпуски библиотеки поэта (Державин, поэты «Искры» и Д. Давыдов)?⁷ Вообще старые стихи входят в оборот: вышел Полежаев⁸ и Козьма Прутков.⁹ Предстоит много других. Не знаю, хорошо это или плохо. То есть — оживают ли эти стихи, или читаются именно как мертвое, как мемуары?

Кроме литературы начал заниматься математикой, что, впрочем, отнимает мало времени. Преподавать одно и то же из году в год не так уж занимательно, и я отбываю свою математическую повинность без особого увлечения.¹⁰ Может быть, в дальнейшем получу несколько новых групп с новой программой; это будет значительно интереснее. Ирина Николаевна смотрит на мою математику недружелюбно, хотя и заявляет, что относится к ней с уважением.

Так постепенно мы втягиваемся в зиму. Время проходит как-то быстрее, чем в Коктебеле, но в то же время без заметного следа, хотя, казалось, в Коктебеле мы занимались организованным бездельем.

Надеюсь, что Ваши планы относительно приезда в Ленинград скоро начнут облекаться в реальные формы, обрисовется время и срок и проч. Держите нас в курсе Ваших решений.

Шлем Вам и Клавдии Николаевне сердечный наш привет.

Б. Томашевский.

Ответы на письмо 5 п на письмо К. Н. Бугаевой от 30 августа 1933 г.

¹ Имеется в виду готовившееся тогда издание: *Баратынский* Полное собрание стихотворений, т. 1—2. Редакция, комментарий и биографические статьи Е. Купряновой и И. Медведевой. Л., 1936 («Библиотека поэта», большая серия).

² Этот черновой автограф («На посев леса») напечатан: *Баратынский*. Полное собрание стихотворений, т. 2, с. 142.

³ Эти две строфы (вместе с черновым вариантом 3-й строфы) напечатаны там же (с. 142).

⁴ Анна Алексеевна Алексеева — мать К. Н. Бугаевой.

⁵ Первая работа на эту тему — «Пушкин и французская юмористическая поэзия XVIII века» — была написана Томашевским совместно с А. А. Поповым (Пушкинист. Историко-литературный сборник под ред. С. А. Венгерова, т. 2. Пг., 1916, с. 204—257). Книга «Пушкин и французские поэты» была подготовлена Томашевским в 1920 г., но получила отрицательный отзыв В. Я. Брюсова и издана не была (см.: Литературное наследство, т. 85. Валерий Брюсов. М., 1976, с. 243—244). «Французскую» тему у Пушкина Томашевский разрабатывал и в ряде статей 20-х гг. Ближайшим результатом исследований, о которых сообщает Томашевский Белому, стали его статьи «Пушкин и романы французских романтиков (к рисункам Пушкина)» (Литературное наследство, т. 16—18. М., 1934, с. 947—960), «„Маленькие трагедии“ Пушкина и Мольер» (в кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, т. I. М.—Л., 1936, с. 115—133), «Пушкин и Лафонтен» (там же, т. III. М.—Л., 1937, с. 215—254), «Пушкин и французская литература» (Литературное наследство, т. 31—32. М., 1937, с. 1—76). Исследования Томашевского по этой теме объединены в его посмертной книге «Пушкин и Франция» (Л., 1960), там же помещена библиография работ Б. В. Томашевского о Пушкине и французской культуре (с. 481—483).

⁶ Имеется в виду издание: *Дельвиц А. А.* Полное собрание стихотворений. Ред. и примеч. Б. Томашевского. Вступительные статьи П. Виноградова и Б. Томашевского. Л., 1934 («Библиотека поэта», большая серия).

⁷ Первые выпуски большой серии «Библиотеки поэта»: *Державин* Стихотворения. Ред. и примеч. Гр. Гуковского. Вступительная статья П. А. Виноградова. Л., 1933; *Поэты «Искры»*. Редакция и примечания И. Ямпольского. Вступительная статья А. П. Селивановского. Л., 1933; *Давыдов Д.* Полное собрание стихотворений. Ред. и примеч. В. Н. Орлова. Вступительные статьи В. М. Саянова и Б. М. Эйхенбаума. Л., 1933.

⁸ *Полежаев А. И.* Стихотворения. Редакция, биографический очерк и примечания В. В. Баранова. М.—Л., «Academia», 1933.

⁹ Полное собрание сочинений Козьмы Пруткова. Под ред. П. Н. Беркова. М.—Л., «Academia», 1933.

¹⁰ В 1931—1935 гг. Томашевский (окончивший в 1912 г. Льежский университет с дипломом инженера-электрика) читал курс высшей математики в Ленинградском институте инженеров железнодорожного транспорта (см.: *Левкович Я.* Борис Викторович Томашевский. — Вопросы литературы, 1979, № 41, с. 202).

7

Андрей Белый и К. Н. Бугаева —
Б. В. Томашевскому и И. Н. Медведевой-Томашевской

Москва. 16 сентября <19>33 г.

Дорогой Борис Викторович!

Спешу Вам ответить.

Вы пишете, что время для Вас проходит быстрее, чем в Коктебеле, но без следа. Для меня — наоборот. И в Москве я продол-

жаю заниматься тем же организованным бездельем, предписанным доктором, взявшим в ежовые рукавицы; и время от этого точно остановилось. Ежовые рукавицы — во всем: «Делай то-то и то-то, не делай того-то». И центр устремления — делать «то-то и то-то; не делай того-то». И даже нахожу, может быть из отчаянья, своеобразную прелесть в безделье, например прослушивании* этюдов Крамера (для упражнения пальцев).¹ Вообще: несколько чувствую себя буддийским аскетом, вперившимся в кончик носа и твердящим какие-то «мантры» или правила мудрости Дармакирти и Дармотарры.² Что делать: коли безделье приказано, надо им утешаться: и видеть в нем *sui generis* выгоды. Так, например: перечел от доски до доски всего Короленко; и пришел в восторг от диссертации по цветному слуху, не снившейся и Рэмбо; я разумею «Слепого музыканта», которого не перечитывал с отрочества. За некоторые вещи я поставил бы Короленку выше Тургенева и Гончарова.

Продолжаю читать Ваши статьи и примечания к Ирои-комической поэме; все фактические данные о линии от В. Майкова до Шаховского³ поучительны и интересны весьма. Что касается до текста «поэм», то — увольте! Читать их пробовал; но чтение — не идет. Не даром Сумароков, — это мое «horribile» dictu», — друг и покровитель Майкова.⁴

Статьи «Французские дела» и «Французская» литература» в письмах Пушкина» — крайне мне интересны рядом деталей, с которыми я не был знаком.⁵

Очень завидую Вашим математическим занятиям; у меня — «две тоски»; одна снедала меня в молодости: «Почему я не композитор?» («О, если б душе сказаться без слов было можно»⁶); другая тоска — тоска старости: «Почему я не овладел теорией групп, теорией комплексного переменного и т. д., что — тоже значит: «О если б душе сказаться без слов было можно!» (сказаться в формулах). Для ряда моих познавательных проблем нуждаюсь в понимании идей Клейна и Абеля.⁷

Сердечное спасибо за приглашение Вас навестить. В принципе принимаем его с благодарностью. Но время и срок зависит не от нас (от дел в будущем, от, например, квартиры и т. д. и от здоровья). Пока чувствую себя мерзко, хотя анализы всякие весьма благоприятны (нет никаких болезней, кроме давления крови). Очень хотелось бы пока поддерживать с Вами хотя бы письменные сношения.

Шлем с К. Н. сердечный привет милой Ирине Николаевне и Вам.

Остаюсь преданный

Борис Бугаев.

* В автографе: «прослушивавпю».

Милые Ирина Николаевна и Борис Викторович! Приписываю несколько слов. Состояние здоровья Б. Н. все еще неустойчивое. После пьянок (ставили 9 IX) стало лучше с приливами к голове. Но боли еще остались. Иногда — мучительные. Настроение очень неровное. Когда соберемся к Вам — сказать трудно. Во всяком случае — спасибо большое и надеюсь, что приехать все же удастся. Всего, всего лучшего. К. Б.

Ответ на письмо 6.

¹ Иоганн Баптист Крамер (1771—1858) — немецкий пианист, композитор, педагог; автор педагогических фортепьянных этюдов, в которых удачное решение технических проблем сочетается с музыкальной содержательностью («Большая практическая фортепьянная школа», 1815).

² Мантра — короткая молитва или заклинание у индусов. Дхармакирти (Дхармакирти, VII в.) — крупнейший индийский теоретик логики буддийской школы, автор семи логических трактатов. Дармотарра (вторая половина IX в.) — индийский философ и логик, автор как оригинальных сочинений, так и толкований на произведения Дхармакирти. Белый был знаком с трудами этих философов по изданию: *Щербатской Ф. П.* Теория познания и логика по учению позднейших буддистов. Ч. I. Учебник логики Дхармакирти с толкованием на него Дармоттары. СПб., 1903. — Эта книга, судя по переписке Белого и Брюсова, имела в личной библиотеке Белого (см.: Литературное наследство, т. 85. Валерий Брюсов. М., 1976, с. 374). Перечисляя в автобиографической поэме «Первое свидание» (1921) увлечения своей юности, Белый упоминает, что среди них был и «великий делом Дармотарра...», и поясняет в примечании: «Дармотарра — буддийский логик, последователь и комментатор философа Дхармакирти (школа Дигнагп)» (*Белый Андрей.* Стихотворения и поэмы. М.—Л., 1966, с. 407).

³ Сборник «Ирои-комическая поэма» (см. письмо 5, примеч. 3) открывался поэмами Василия Ивановича Майкова (1728—1768) «Игрок Ломбера» (1763) и «Елисей, или Раздраженный Вакх» (1771) и завершался поэмой князя Александра Александровича Шаховского (1777—1846) «Расхищенные шубы» (1811—1815).

⁴ Об А. П. Сумарокове как литературном учителе В. Майкова Томашевский писал во вступительной статье к поэмам Майкова «Игрок Ломбера» и «Елисей» (Ирои-комическая поэма, с. 91—92).

⁵ Статьи Томашевского «Французская литература в письмах Пушкина к Е. М. Хитрово» и «Французские дела 1830—1831 гг.», помещенные в кн.: *Пушкин А. С.* Письма к Е. М. Хитрово. 1827—1832. Л., 1927, с. 205—256, 301—361.

⁶ «О, если б без слова // Сказаться душой было можно!» — заключительные строки стихотворения А. А. Фета «Как мошки зарею...» (1844).

⁷ Феликс Клейн (1849—1925) — немецкий математик, один из вождей математической мысли своей эпохи. Нильс Хенрик Абель (1802—1829) — норвежский математик, положивший основания современной теории функций.

8

К. Н. Бугаева и Андрей Белый —

Б. В. Томашевскому и И. Н. Медведевой-Томашевской

29 IX <19>33. Москва.

Милая Ирина Николаевна!

Спасибо за открыточку, и очень, очень будем рады Вас видеть.¹ Но жалко, что, по-видимому, Борис Викторович не получил

письма от Б. Н., которое мы отправили еще 19 IX.² У нас все пока благополучно. Но, к сожалению, боли головные у Б. Н. не проходят. Иногда бывают мучительные приступы. Мучительна также бессонница. Пастроение от этого часто грустное. — Б. Н. хочет сам Вам приписать(ь).

Сердечный привет Бор<ису> Викт<оровичу>. Обнимаю.

Ваша К. Бугаева.

Милый Борис Викторович, мне жаль, что Вы не получили моего письма, касающегося впечатлений от мпой внимательнo прочитанных Ваших брошюр. Сейчас головная боль последние дни очень отрезывает от писем; как только с ней справлюсь, — буду писать Вам. Привет Ир<ине> Ник<олаевне>.

Б. Бугаев.

⟨Приписка К. Н. Бугаевой:⟩

Мама просит передать Вам ее большой привет. Она Вас часто вспоминает.

¹ В открытке, отправленной из Ленинграда 24 сентября, И. Н. Медведева-Томашевская сообщила о намерении приехать в начале октября в Москву и Мураново и навестить Бугаевых.

² И. Н. Медведева-Томашевская писала К. Н. Бугаевой: «...мы послали вам 2 письма, а от вас давно не получали весточки. Очень беспокоимся — здоровы ли? Все ли благополучно? Напишите несколько слов: ведь мы отлично понимаем, как трудно и некогда писать письма».

9

Андрей Белый — Б. В. Томашевскому

Милый Борис Викторович, все это время хотелось писать Вам, но около двух недель переживал вновь страдания (дикие мигрени, бессонницы и т. д.), меня превращавшие почти в труп: по-видимому, простудил голову во время вечерних прогулок. Сейчас лечусь уже у третьего доктора, проф. Хорошко;¹ каждый доктор — со своим режимом, требованиями и т. д. Требования Хорошко: скорее бросить куренье, и теперь предстоит осуществить это требование доктора; а я курю 27 лет; и ни разу не пробовал бросать.

Трудная в этом году для меня осень. Ирина Ник<олаевна> рассказывала нам, как Вы живете в Ленинграде;² а мы с Клодей насквозь с Вами в Ваших настроениях. Мне хочется, как зверю, найти себе берлогу, чтобы там залечь, ибо все внешние впечатления тотчас разыгрываются во мне с неудержимой силой; все мне болезненно. Даже недавнее посещение «Пиковой дамы» кончилось дикой мигренью.³

Нервы не переносят улицы, людей и речей; стоит поговорить с полчаса, и — вспыхивает припадок мигрени.

Словом:

Замыслил побег

В обитель дальнюю труда и чистых нег.⁴

Только вот, — нет нигде этой «дальней обители»; надо строить ее внутри себя самого, чем я и занят, отчего все слова, сказанные или написанные, глухи, косноязычны, в чем прошу меня извинить. Я очень часто вспоминаю тихую жизнь в Коктебеле и благодарен судьбе за встречу с Вами и с Ириной Николаевной. И если временно буду замолкать, не думайте, что мы с Клодей не помним Вас; это «молчание» от чисто внутренних проблем, встающих в центре самосознания.

Остаюсь с искренним уважением и любовью

Борис Бугасв.

Москва. <19>33 года 7-го октября.*

Клодя Вас сердечно приветствует.⁵

¹ Василий Константинович Хорошко (1881—1949) — невропатолог, профессор и заведующий неврологической клиникой Гос. института физиатрии и ортопедии; с 1945 г. — действительный член Академии медицинских наук СССР.

² Речь идет о встрече с И. Н. Медведевой-Томашевской в Москве в начале октября 1933 г.

³ Белый был на представлении оперы П. И. Чайковского «Пиковая Дама» в Большом театре 29 сентября (Вечерняя Москва, 1933, № 224, 29 сентября), после этого, 1—2 октября, он пережил «острый приступ головных болей» (Бугасва К. Н. Летопись жизни и творчества Андрея Белого. — ГПБ, ф. 60, ед. хр. 107).

⁴ Неточная цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит...» (1834).

⁵ 16 октября 1933 г. И. Н. Медведева-Томашевская сообщила К. Н. Бугасовой в связи с этим письмом Белого: «Борис тронут карточкой и письмом. Он говорит, что ни с кем ему так не хочется видаться и говорить, как с Б. Н., а писать мучительно трудно».

* У Белого описка: «сентября».

М. А. Панченко

ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК 1930-х ГОДОВ

ПУБЛИКАЦИЯ Н. Т. И А. М. ПАНЧЕНКО

Каждой эпохе соответствует определенный набор типических биографий. Типические черты прослеживаются и в биографии Михаила Андреевича Панченко: сиротское, трудовое и полуголодное детство, затем комсомол, годы напряженной учебы, первые шаги на научном поприще — и война, оборвавшая жизнь...

Михаил Андреевич Панченко был третьим ребенком в многодетной и бедной семье, происходившей из станицы Большая Крепкая Ростовской области. В станицу семья приезжала только летом — работать в своем небольшом хозяйстве (М. А. Панченко и родился там 23 июля 1909 г. — на поле, во время жатвы), а зимой возвращалась в Новочеркасск, где глава ее кормился легковым извозом. Безвыездно прожив 1918—1921 гг. в Большой Крепкой,¹ семья снова вернулась в Новочеркасск. Вскоре от тифа умерли отец и двое детей, и в 1923 г. М. А. Панченко оказался в детском доме в Ростове.

Здесь он ходил в школу и обучался сапожному ремеслу, а в 1925 г. перебрался в общежитие для подростков и стал жить самостоятельно (был чернорабочим на ткацкой фабрике и на строительстве, дворником в сельскохозяйственном музее). Учебы он не прерывал: в 1926 г. поступил в промышленно-экономический техникум, а в 1928 г. — на отделение русского языка и литературы педагогического факультета Северо-Кавказского университета. Будучи студентом, преподавал в школах, техникумах, на различных курсах.

Получив в 1931 г. университетский диплом, М. А. Панченко осенью был зачислен в аспирантуру Пушкинского Дома, недавно преобразованного в Институт русской литературы. Затем перешел в аспирантуру ЛИФЛИ, где под руководством В. Е. Евгеньева-Максимова писал диссертацию о творчестве А. Н. Плещеева (защитил ее 14 января 1937 г.). Несколько месяцев работал заместителем декана филологического факультета, а летом 1935 г. вернулся в Пушкинский Дом. Здесь М. А. Панченко заведовал библиотекой, выполнял обязанности ученого секретаря, а к началу войны был старшим научным сотрудником в отделе новой русской литературы. 6 июля 1941 г. его мобилизовали в армию.

¹ «Хозяйство наше было крайне бедно... — вспоминал М. А. Панченко. — В это время я работал погонщиком лошадей на молотилке» (Коммунистическая молодежь, 1933, № 24, декабрь, с. 59).

Пробыв до зимы слушателем Высшего военно-педагогического института, он получил назначение в военную газету «Сын Родины». 2 июля 1942 г. часть, которой была придана газета, попала в окружение (это произошло на Смоленщине, в районе деревни Аксенино). Среди немногих, кому удалось выйти из кольца, был сотрудник газеты К. Ефименко. В начале 1943 г., когда наша армия освободила эти места, он наводил справки о М. А. Панченко. Оказалось, что тот до декабря воевал в партизанском отряде и погиб зимой, когда каратели прочесывали леса и отряд был разгромлен.

Записные книжки М. А. Панченко охватывают период с 1934 до 1939 г. В них, разумеется, чаще всего идет речь о личных делах и научной работе самого М. А. Панченко.² Однако есть немало записей, в которых отражена научная атмосфера 30-х гг., и прежде всего жизнь Пушкинского Дома. Записи ценны тем, что велись либо во время ученых собраний, либо тотчас по их окончании. Это — живые впечатления о литературных буднях и литературных «праздниках», мгновенные и потому достоверные отпечатки тогдашнего литературного быта.

М. А. Панченко выступает в данном случае отнюдь не как сторонний наблюдатель. Среди типических примет академической молодежи 30-х гг. на одном из первых мест была профессиональная и общественная активность. Она характерна и для М. А. Панченко. Помимо выполнения прямых обязанностей по ЛИФЛИ и Пушкинскому Дому, он читал много лекций — курсы русской литературы в провинциальных вузах, отдельные темы (прежде всего о творчестве Пушкина в связи со столетием со дня смерти поэта) в провинциальных и сельских клубах. Он посещал конференции, литературные вечера, участвовал (и участвовал успешно) в конкурсах молодых специалистов. Все это отражено в записных книжках; все это, на наш взгляд, делает публикуемые фрагменты интересными для современного читателя.

27 VII <1935>. Был на защите диссертации Бялым — «Гаршин и литературная борьба 70—80-х гг.». Присутствовала, кажется, Гаршина (жена Всеволода Михайловича)¹ и что-то говорила о психологии и болезнях писателя. «Вы как полагаете, коллега?» — спрашивала она какого-то дядю, вероятно, врача, упрекнувшего диссертанта, что тот не упомянул о болезни Гаршина.

11 октября <1936>. <...> Сейчас у меня множество работ: кроме ИЛИ — штатной и договорной (последнюю я брошу) — преподавание в Промакадемии, в клубе Кировского завода. Много литературной — письма Некрасова и к Некрасову (в Некрасовский сборник) и др.² Взял на рецензию «Н. Ф. Щербину»,³ сделанного для малой серии «Библиотеки» поэта» И. Я. Айзенштоком.

² Как пристало человеку, только начинающему научную карьеру, он сосредоточивался на архивной работе. Он успел подготовить к публикации письма Н. А. Некрасова (см.: Литературное наследство, т. 51—52. Н. А. Некрасов. II. М., 1949), Н. В. Гоголя (*Гоголь II*. В. Полн. собр. соч., т. XI. Л., 1952), А. А. Буткевич (Литературное наследство, т. 53—54. Н. А. Некрасов. III. М., 1949, с. 163—191), А. Н. Плещеева (Шестидесятые годы. Материалы по истории литературы и общественному движению. М.—Л., 1940, с. 453—468). Он занимался наследием и биографиями И. А. Панаева, М. Е. Салтыкова-Щедрина и П. В. Кукольника (Литературное наследство, т. 13—14. М., 1934, с. 481—492), но больше всего, конечно, занимался А. Н. Плещеевым (см. примечания к публикации).

Пиксанов заявил, что он «ставит на защиту» мою диссертацию.

16 окт<ября> <1936>. Сейчас еду в Струги Красные читать лекцию о Горьком. Первый снег шел с утра. Сосны и ели опустили ветви под тяжестью мокрого снега. На душе скребут кошки, потому что чувствую некоторую неуверенность в своих лекторских способностях. Вчера С. Д. Балухатый (Дымшиц сказал, что он похож на Негуса абиссинского, что очень метко) заявил, что он обижен, что не ему дали письма Чехова, а мне — для публикации.⁴

6 нояб<ря>, 3 часа< утра <1936>. Еду домой. Читал лекцию о Пушкине в совхозе «Красные Горки» около Дедовичей. Приехал в 7 часов, затем во тьме и грязи на колымаге в совхоз (3 км). Один раз лошадь вывалила меня. Прошло ничего. <...> В совхозе разучивали пьесу из жизни сибирских партизан. <...> Единственный в своем роде, рентабельнейший совхоз в Лен<инградской> области.

24 нояб<ря> <1936>. Сейчас в Окуловке. Вчера читал под аплодисменты о Пушкине. Зал полон. <...> Сегодня еду в Любытино. Это такая глушь, кажется, в какой я еще не был.

7 I <1937> г. Меня сделали секретарем группы по изучению этапов реализма в <русской> литературе <...> Мое сообщение на группе по изданию писем Успенского прошло сносно. На мою долю выпадет подготовка штук 30—50 писем Успенского.⁵ <...> 29-го читал лекцию в Порхове. Лекция прошла неважно. Чем больше я читаю о Пушкине, тем меньше я знаю о нем, как мне кажется. 24-го читал лекцию в Павловске.

17 I <1937>. Защита диссертации состоялась.⁶ Сначала я говорил что-то совершенно непопятное, по отзыву Н. И. Мордовченко (я читал введение). Потом меня Пиксанов хвалил, даже за то, чего у меня нет. Потом ругал, в особенности за стиль, заявив, что некоторые страницы производят впечатление такое, будто они написаны иностранцем, плохо овладевшим русским языком. Долинин возражал основательно <...> Затем говорил Орлов — за меня, <...> и сразу же объявил меня кандидатом. Энергично поздравляли три дня, хотя у меня осталось плохое впечатление.

28 I <1937>. Сегодня похоронили на Смоленском кладбище С. Я. Гессена.⁷ Это был весьма веселый и добродушный человек, вечно исполнявший обязанности кофепансье на наших вечерах. В научном отношении он не был особенно заметным, однако ж в его списке работ насчитывалось 70 №№. Он <...> занимался Пушкиным и декабристами. Он был низеньким и всесторонне круглым и толстым человеком, жизнерадостным и всегда смеющимся.

29 I <1937>. За гробом С. Гессена шло множество (человек сто с лишним) народа. Я смотрел на одиноко шагавшего Я. И. Ясинского,⁸ высокого, тонкого, в довольно потрепанной одежде (человек весьма непрaktический), в расшнурованных ботинках <...>

М. А. Панченко. Фотография. 1939—1940 гг.

Он одинок и в семейном отношении, и, говорят, у него на квартире грязно и неуютно. Недавно он серьезно болел, и его посетили сотрудники.

11 II 37 г. Вчера в 2 <часа> 45 <минут> (час смерти Пушкина) открылась последняя квартира Пушкина. Я присутствовал на открытии. Народу было много — литературоведы, писатели, артисты; я заметил также полярника Самойловича⁹ с женой. <...> Выступил Свириин,¹⁰ Д. П. Якубович и Федин. Якубович особенно жалостно (и довольно складно) читал свою речь у микрофона. Иногда мне казалось, что он всхлипывает. Федин говорил, как обычно, сладко, женским голосом. Свириин — чинно и официально. Перед речами, после нескольких слов Свирина, небольшой <...> оркестр исполнил «Реквием» Моцарта. Я заметил также в среде публики вертлявую <...> фигурку Саянова. Все это транслировалось по радио. Церемония открытия окончилась около 3 <часов> 20 <минут>. Когда я шел в кино смотреть «Юность поэта», к Биржевой площади, ныне Пушкинской, тянулись колонны с портретами Пушкина, на закладку ему памятника. Очень торжественно и трогательно! Сейчас приехал в Тригорскую.

12 II 37. От Тригорской¹¹ до Пушкинских Гор (или, как их называют здесь, Пушгор) около 1½ км. Эти места вообще чрезвычайно живописны. В Пушкинских Горах я заметил многочисленные следы празднества 10-го. Дома все убраны флажками, хвоей, портретами Пушкина, его стихами, написанными на транспарантах и красной ткани. Больше всех используются «Памятник», «К Чаадаеву» (1818), «Деревня», затем — «На смерть поэта» Лермонтова, «Вакхическая песнь» и др. К могиле ведет аллея, украшенная портретами русских писателей и высказываниями их о Пушкине. Вечером. <...> Сейчас прочел лекцию на тему «Молодой Пушкин». После меня говорил секретарь РК ВКП(б) Боев — образец простой речи. Рассказывал о предполагаемом празднестве 18-го. «Вы вставайте пораньше 18-го, не так, как вы встаете на колхозную работу». Аудитория непрерывно смеялась. Боев — кругловатый человек, культурный довольно, пользуется большим авторитетом в районе.

28 II <1937>. <...> 22-го или 23-го был на открытии пушкинской выставки в Зимнем дворце — прелесть! Ходил с Марфой Ивановной¹² по выставке.

28 IV <19>37 г. Академик Орлов сказал о <...>, что он любит больше колбасу, чем русскую литературу. Это очень метко и зло, как всегда говорит Орлов. Кто-то пустил по Институту, применительно к нашей администрации, стихи:

То академик (т. е. Орлов),

то герой (т. е. Свирин),

То мореплаватель («морской офицер» Цехновицер¹³),

то Плоткип¹⁴ (который замещал ученого) секретаря).

3 V <19>37. Вчера встретил меня и Григорьяна академик Орлов с корзиной, в которой я заметил банку соленых грибов. Рассказывал о своей книжке по истории литературы до 16-го в., которую он посвящает 20-летию Октября.¹⁵ <...> Говорит, что книга — его, академика, отчет. «Посмотрим, что сделает к юбилею <...> Пиксанов!».

12 V <19>37. Вчера был на вечере Ираклия Андроникова.¹⁶ Весьма хорошо изображал А. Н. Толстого, В. М. Жирмунского, С. Маршак, С. А. Переселенкова,¹⁷ В. Качалова, Щербу (этого в особенности) и нескольких неизвестных знакомых Андроникова.

29 VIII <1937>. Позавчера (27) был в Вырице, на даче В. Е. Максимова. <...> Познакомился с его братом Дмитрием Евгеньевичем, который оказался очень молодым в сравнении с Владиславом Евгеньевичем, с раскосыми глазами, очень умным и типичным.

4 IX <19>37 г. М. П. Алексеев вчера сказал, что будто Лебедев-Полянский обещал первым своим мероприятием во вверенном ему институте литературы сделать сокращение количества томов истории литературы, которую мы планируем.

13 VIII <1937>. 11-го состоялся ученый совет Института. Я также

присутствовал. Заседание продолжалось два часа двадцать минут; за это время было съедено около сотни хороших, больших бутербродов, выпито десятка четыре стаканов чая и разрешено четыре вопроса: об аспирантах — их будет целых 9 новых, о юбилее Александра Веселовского, о юбилее Фурье и об итогах соревнования молодых научных работников. Представили из наших сотрудников — я да Грушкин,¹⁸ вместо одиннадцати. <...> 10-го <...> на заседании отдела новой лит<ерату>ры <...> я был свидетелем длинных разговоров о том, можно ли вообще требовать выполнения планов или нет — в связи с общим положением литературоведения в стране, в связи с острой злободневностью или «не нейтральностью» лит<ерату>ры второй половины 19-го века?

25 XI <1937>. Сейчас во дворце Урицкого. Сегодня здесь будет выступать М. И. Калинин, баллотирующийся в Совет Национальностей от Ленинградского гор<одского> избират<ельного> округа.¹⁹ Назначено официально начало в 6 часов, сейчас 6 часов 41 минута. Еще не начинается. Партер весь занят. Я сижу во втором этаже. Это — собрание интеллигенции города. Я заметил акад<емика> Грекова, Вяч. Шишкова, Короева — «народного учителя». <...> В президиуме весь цвет. Из писателей — Тихонов, Зощенко. Открывала собрание учит<ельни>ца Родиопова. Говорили: И. И. Мещанинов, Тихонов (громко и хорошо). Калинин появился в 7 часов 30 минут <...> — во время речи Тихонова. <...> Калинин выглядит довольно маленьким, сухоньким старичком, борода белая, волосы темные, с проседью. Подвижность бросалась в глаза. Он не мог секунды просидеть без какого-либо действия: то теребил свою бороду, то волосы расчесывал пальцами, то внимательно рассматривал окружающих, то вслушивался, то говорил с Родиоповой и т. д. Иногда М. И. стучит своей белой рукой по столу, щурится, нетерпеливо ерзает. Аплодирует он тихонько и не много. <...> Выступает Черкасов (артист) — очень хорошо. Дзержинский²⁰ сказал, что еще недавно комсомолец и комсомолка влюбленные, катаясь в лодке, пели «Железными когортами» и «Нас побить, побить хотели». Сейчас у нас есть хорошие лирические песни.

28 декабря 1937. Позавчера Варв<ара> Дм<итриевна>²¹ на мой вопрос, каким образом она выбрала себе псевдоним Вл. Каренин, отвечала, что этот псевдоним ей был предложен М. М. Стасюлевичем,²² когда она принесла в «Вестник Е<вропы>» свой первый роман под псевдонимом А. Болконский (герой «Войны и мира»²³).

31 XII <1937>. Сегодня последний день 1937 г., полного событий — внешних и внутренних — для меня. <...> Вчера состоялся совет Университета, на котором была утверждена ученая степень кандидата наук для меня. С завтрашнего дня я официально являюсь заведующим библиотекой Инст<итута> лит<ерату>ры. Как-то я проявлю свои таланты на этом поприще! Во всяком случае постараюсь работать лучше. <...> Варв<ара> Дм<итриевна> очень любит, когда ей рассказывают что-нибудь о В. В. Стасове

и обо всем окружении его. Сегодня я ей рассказал о прочитанном мною в «Санкт-Петербургских ведомостях» процессе В. В. Стасова с Фаминцыным (1870).²⁴ Она была весьма оживлена и прибавила ряд деталей.

6 января 1938. Вчера состоялось общее собрание сотрудников Института литературы АН. Стоял отчет Цехновицера о работе в 1937 г. Отчет отмечал «сдвиги» и «повороты». Основной сдвиг — История литературы. Вчерашнее собрание является, по-видимому, этапным в написании истории литературы. Эйхенбаум, Гишпиус и др. выражали «тревогу». Заключительное слово П. И. Лебедева-Полянского было язвительным и красноречивым.

10 I 1938. П. И. Лебедев-Полкьянский очень любит острить и... хвалиться собою: «Вот я, — говорил он, — например, ни одной книги за свою жизнь не потерял». Или: «А как же я справляюсь — и в Гослитиздате, и в Институте» и прочее. В № 1 «Литературной газеты» напечатана моя публикация — письма Некрасова к А. А. Буткевич. Примечания — почти все не мои, а чьи-то, может быть, Рейсера. Делал страницу Чуковский. Но — подпись моя.²⁵

10 II 1938. Сегодня в 2.45 в Пушкинской квартире состоялась панихида, которая транслировалась по радио. Я был в квартире. Выступил сначала академик Орлов. <...> Затем выступил Д. П. Якубович и И. А. Оксенов.²⁶ Эти говорили, точнее читали, очень хорошо. В особенности первый, поэтически и вдохновенно: «Истина сильнее царей».

5 III 1938. 19-го февраля я начал читать в Оршанском учительском институте курс истории русской литературы XX в., включая советскую. Уже дал 20 часов. Всего — 82. Пока идет ничего, не знаю, как будет дело дальше. <...> Заведование библиотекой идет нормально. Я даже обнаруживаю у себя административные таланты. Часть сотрудников, прежде паходившаяся в более или менее угнетенном состоянии, мною весьма довольна. Это потому, что я, помимо всего прочего, гуманист и люблю, чтобы всем было хорошо, и справедливость.

Счастье умов благородных —
Видеть довольство вокруг.²⁷

Сегодня прошел по набережной от Академии до 1-й линии с Г. С. Виноградовым.²⁸ Этот милый человек — воплощенная скромность. Сказал, что он занимается теперь, когда надо умирать. — Что вы! Вы проживете еще 35 лет минимум. — Нет, кому я нужен, я и так всем надоел. Вспомнил он свои студенческие годы. Ему однажды пришлось быть в комиссии по организации вечера в пользу недостаточных студентов (видимо, около 1909—1910 гг.). Надо было найти знаменитостей для участия. Пошли к Короленко. В квартире встретила делегацию какая-то немолодая дама, которая крикнула в глубь квартиры: «Володя, к тебе!».

Вышел старичок (Короленко) и начал говорить жалобным голосом: «Я с удовольствием бы выступил у вас на вечере, но врачи мне запретили говорить публично. Извините меня, если я откажусь!». Морозов²⁹ и Новорусский³⁰ охотно согласились. Виноградов рассказал также о том, что в дореволюционное время некоторые литературоведческие знаменитости и вообще известные профессора по полгода не являлись в университет на лекции. Александр Веселовский, например. Декан факультета старался намекнуть ему свое неудовольствие следующим образом: — Александр Николаевич! Говорят, некоторые профессора по полгода не появляются на лекции. — Какая же это свинья так делает? — невозмутимо отвечает Веселовский. То же и Котляревский, который появлялся раза два в год неподготовленным и нес всякую импровизацию и предавался воспоминаниям, сложив руки на животе.

7 III 1938. Сейчас только вернулся от В. С. Миролубова.³¹ Он живет в пятом этаже по черной лестнице. Во время дождя льет с потолка. На шкафу по этому поводу стоит ... таз. Мы хотим у него купить библиотеку. Ему очень понравилось, что библиотека будет храниться как «библиотека В. С. Миролубова».³² Принципиальное согласие на продажу он дал, хотя ему важнее, как он говорит, момент идейный. Это довольно бодрый на вид старик (ему около 80 лет), хотя, конечно, слаб. Сегодня он даже спустился и поднялся по своей ужасной лестнице. Значит, чувствовал себя лучше. Я говорил ему о том, что ему следует продиктовать свои мемуары — о Чехове, Горьком и др., и даже выразил свое согласие писать под его диктовку. Не знаю, что из этого выйдет. Он несколько раз начинал говорить по разным вопросам. <...> Говорил о том, что П. П. Крючков³³ производил на него всегда неприятное впечатление. «А Горький был человеком очень доверчивым», — прибавлял он. Вспомнил о том, как когда-то он, Миролубов, привез Горького в Крым, когда у Горького обострился процесс в легких, и познакомил с Чеховым. А то Горький почему-то не хотел ехать в Крым. «Я старался внушить Горькому, что не нужно разжигать гнев к людям. Можно говорить о том, что у капиталиста нужно отобрать фабрику, но не нужно обострять гнев против человека только потому, что он имеет фабрику». Вспомнил о том, что когда-то он был с Горьким на ты, но несколько разошелся по одному случаю. Однажды он поместил в «Журнале для всех» портрет Горького с Максом на плечах, за что Горький рассердился и написал ему недовольное письмо.³⁴ Кстати сказать, Горький очень ценил этот свой портрет.³⁵ (См. переписку «Чехов и Горький»). Вспомнил В. С. и о «Журнале для всех» и о «Ежемесячном журнале». Показал нам список лиц, которые, как он помнит, не возвратили и не отработали ему авансов. Говорил о Л. Андрееве, которого он старался оттянуть от водки. «А так вообще Андреев был очень симпатичным человеком». Мы просидели с А. М. Сприндоповой³⁶ (?) у Миролубова с полчаса и ушли. Он пожал мне руку

обеими своими руками крепко, видимо оставшись довольным нашим посещением.

10 апреля 1938 г. Сейчас ожидаю вечер Гаршинский;³⁷ играл на рояле что-то я, входит Орлов и говорит: «Эту вещь я узнаю; я ее очень люблю, она называется „Похороны пуделя“» — в шуточном тоне.

31 мая 1938 г. Сейчас присутствую на защите О. Цехновице-ром диссертации кандидатской на тему «Литература и война» (книга, сигн<альный> экземпляр³⁸). Говорит Цехновицер. Защи-та в ИЯМ'е,³⁹ так как ИЛИ не предоставлено право присуж-дать степени. Присутствуют Десницкий, Орлов и др., всего чело-век около 30. Отсутствует Пиксанов, что необычно. Говорят, что у Пиксанова серьезный нервный припадок. На днях якобы он го-ворил Цехновицеру, как ученому секретарю, о своем намерении претендовать на выборы в академики, а Цехновицер ему прямо заявил, что «не поддерживает», т. е. что Институт не поддержит. Конечно, если это было, то Цехновицер высказал не личное мне-ние. Это якобы сильно повлияло на Пиксанова, и он слег; ему врачи запретили не только писать, но и читать до осени.

13 июня 1938. Сейчас присутствую на общем собрании моло-дых научных работников.⁴⁰ Довольно торжественная обстановка. В президиуме акад<емики> Байков, Вавилов С. И., Струве, Орбели. Е. К. Федоров-папанинец пришел позднее, был узнан и окружен аплодисментами. Сначала прошамкал «доклад» Байков, а затем вступления, которые — лучше. Все работы разбиты на 5 категорий. Моя, кажется, в четвертой, — и это было бы хорошо.

26 VIII <1938> В ночь на 25-е авг<уста> умер Куприн, при-схавший умереть на Родину. Завтра — похороны. В связи с этим Е. Цакни⁴¹ сегодня рассказывала, что Куприн был шафером на ее свадьбе и, будучи пристрастным к вину, напился до положе-ния риз. <...>

2 II 1939. С 1 февр<аля> переведен полностью на научную ра-боту. Сейчас присутствую на заседании ученого совета Ин<сти-ту>та. Обсуждается III том «Ист<ории> лит<ерату>ры». Первым говорил редактор Десницкий. Как всегда, говорил импрессиони-стски. Затем взяла слово Варв<ара> Павл<овна> Адрианова. Она говорит очень по-деловому. <...>

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гаршина Надежда Михайловна, урожд. Золотилова (1859—1942. ум. в блокадном Ленинграде), земский врач (поэтому она спорила с неофи-циальным оппонентом — врачом как с «коллегой»). Суть спора, как вспо-минает Г. А. Бялый, заключалась в следующем. Врач заявил, что лите-ратуровед не имеет достаточных данных, чтобы судить о творчестве Гаршина, психически больного человека. Н. М. Гаршина возразила, упрек-нув оппонента в незнании психиатрии: Гаршин страдал «циркулярным психозом», при первых симптомах приступа он как бы «разучивался» писать (не мог даже подписаться), так что говорить о его сочинениях как плодах больного сознания нелепо.

² Материалы, подготовлявшиеся М. А. Панченко для «Некрасовского сборника» (он приурочивался к 60-летию со дня смерти поэта, но так и не вышел), были переданы в «Литературное наследство» (т. 51—52, 53—54).

³ Имеется в виду кн.: *Щербина Н. Ф.* Стихотворения. Вступ. статья, ред. и примеч. И. Айзенштока. М.—Л., 1937 (Библиотека поэта, Малая серия).

⁴ Видимо, речь идет о подготовке сборника «М. Горький и Чехов. Переписка, статьи и высказывания. Под ред. С. Д. Балухатого. М.—Л., 1937». Среди комментаторов имя М. А. Панченко не значится.

⁵ М. А. Панченко подготовил и откомментировал два тома писем Г. И. Успенского для академического собрания сочинений писателя (т. IX и XI; впоследствии нумерация томов изменилась в связи с сокращением вариантов и комментариев). Об этом свидетельствуют две доверенности на получение гонораров из издательства АН СССР, присланные М. А. Панченко во время войны на имя жены. В издании после войны т. VIII сочинений Г. И. Успенского (1949 г.) названо имя М. А. Панченко (как комментатора ряда очерков).

⁶ Защита состоялась в «малом конференци зале ЛИФЛИ» (так значится в типографском приглашительном билете), потому что Пушкинский Дом в ту пору не имел права проводить защиты диссертаций. Председателем квалификационной комиссии был академик А. С. Орлов, официальными оппонентами — Н. К. Пиксанов и А. С. Долиннин.

⁷ Гессен Сергей Яковлевич (1903—1937). 25 января попал под автобус.

⁸ Ясинский Яков Иеронимович — сын писателя И. И. Ясинского (псевдоним Максим Белинский), сотрудник библиотеки, умер в Ленинграде в первую блокадную зиму. Относительно его кончины есть три версии. По первой — он умер между стеллажами библиотеки (сотрудники Пушкинского Дома жили тогда на казарменном положении); так рассказывает Д. С. Лихачев. По второй версии, перед смертью он нашел в себе силы выйти во двор Института (боялся, что его трудно будет вывести). Согласно третьей версии, Я. И. Ясинский умер в январе—феврале 1942 г. (до 19 февраля) в диспансере для дистрофиков вблизи Смоленского кладбища, куда его, совсем ослабевшего, отвезли на саночках. Член санитарной комиссии Федосья Владимировна Ильина (и ныне продолжающая на общественных началах работать в библиотеке ИРЛИ), сама ослабевшая, пошла в диспансер навещать его. Там она встретила другую сотрудницу библиотеки, Веру Александровну Буткову (Успенскую), в тот момент санитарку диспансера, и узнала от нее, что Я. И. Ясинский скончался «на ее (Бутковой) руках».

⁹ Самойлович Рудольф Лазаревич (1881—1940) — выдающийся советский полярник (участвовал в 21 экспедиции) и ученый, основатель Всесоюзного института Арктики и Антарктики.

¹⁰ Свирин Николай Григорьевич (1900—1944) — критик и историк литературы, некоторое время — ученый секретарь ИРЛИ.

¹¹ Имеется в виду железнодорожная станция Тригорская, вокзал которой (с цветными витражами-иллюстрациями к Пушкину) был разрушен оккупантами. Ветка Остров—Тригорская после войны не была возобновлена.

¹² Малова Марфа Ивановна (1907—1978) — секретарь, затем ученый хранитель Рукописного отдела ИРЛИ, участница Великой Отечественной войны; ей принадлежат научные описания, обзоры и публикации ряда архивов и историко-литературных материалов.

¹³ Цехновицер Орест Вениаминович (1899—1941) — историк литературы и театра, участник гражданской войны. Служил во флоте; демобилизовавшись, не порывал с ним связи (в знак чего продолжал носить морской китель) — преподавал, в частности, в военно-морских училищах. Погиб в самом начале Великой Отечественной войны на одном из кораблей Балтийского флота. В 1936—1937 гг. — ученый секретарь ИРЛИ.

¹⁴ Плоткин Лев Абрамович (1906—1978) — литературовед, занимал разные должности в администрации ИРЛИ, в том числе заместителя директора. Автор эпиграммы — Б. М. Эйхенбаум (сообщено Г. А. Бялым).

¹⁵ Григорьян Камсар Нерсесович — научный сотрудник Пушкинского Дома, ныне доктор филологических наук, заведующий Рукописным отделом. Имеется в виду книга: Орлов А. С. Древняя русская литература XI—XVI вв. М.—Л., 1937.

¹⁶ Вечер состоялся в Доме писателя им. Маяковского (ул. Войнова, 18) и назывался «Устные очерки и портреты. Писатели, артисты, ученые и др.».

¹⁷ Переселенков Степан Александрович (1865—1940) — историк русской литературы, одно время сотрудник ИРЛИ.

¹⁸ Грушкин Александр Израилевич — научный сотрудник ИРЛИ, автор нескольких работ о Пушкине, А. И. Полежаеве, П. П. Ершове. Умер по дороге из блокадного Ленинграда в Казань.

¹⁹ М. И. Калинин был зарегистрирован кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР по Ленинградскому избирательному округу № 3 (см.: М. И. Калинин. Краткая биография. М., 1975, с. 231). Выборы состоялись 12 декабря 1937 г.

²⁰ Дзержинский Иван Иванович (1909—1978) — композитор.

²¹ Стасова Варвара Дмитриевна (в замужестве Комарова, 1862—1942) — племянница В. В. Стасова. Работала в Рукописном отделе ИРЛИ, куда передала огромный архив Стасовых.

²² Стасюлевич Михаил Матвеевич (1826—1914) — историк и публицист. В 1866—1909 гг. издавал и редактировал журнал «Вестник Европы».

²³ Роман В. Д. Стасовой «Муся» печатался под псевдонимом В. Д. Каренин в №№ 5—8 «Вестника Европы» за 1888 г.

²⁴ «Санкт-Петербургские ведомости» в 1870 г. (№ 125, 8 мая и № 126, 9 мая) печатали материалы СПб. окружного суда по делу об обвинении В. В. Стасова А. С. Фаминцыным в оклеветании и оскорблении «путем печати». Процессу предшествовала острая полемика между ними на страницах той же газеты. В 1869 г. (№ 154, 6 июня) газета поместила статью Стасова «Музыкальные лгуны», направленную против музыкальных критиков газеты «Голос» А. Н. Серова, Фаминцына, Ростиславлева (псевдоним Ф. М. Толстого) — из-за их нападок на М. А. Балакирева и А. С. Даргомыжского. Фаминцын послал «Письмо в редакцию», Стасов ответил статьей «По поводу письма г. Фаминцына» (обе корреспонденции напечатаны в «СПб. ведомостях» в № 165, 18 июля 1869 г.).

²⁵ См.: Литературная газета, 1938, № 1, 5 января, с. 4. — Как вспоминает С. А. Рейсер, редакция «Литературной газеты» попросила М. А. Панченко сократить примечания; он отказался, и краткий комментарий выполнил С. А. Рейсер. К тексту письма была приложена пояснительная заметка М. А. Панченко.

²⁶ Оксенов Иннокентий Александрович (1897—1942) — поэт, критик, переводчик. Перед войной — ученый секретарь Пушкинского Дома.

²⁷ Цитата из XIII строфы поэмы Н. А. Некрасова «Дедушка».

²⁸ Виноградов Георгий Семенович (1887—1945) — лингвист, этнограф, фольклорист. Сотрудник Рукописного отдела ИРЛИ.

²⁹ Морозов Николай Александрович (1854—1946) — народоволец, узник Шлиссельбургской крепости, поэт и ученый.

³⁰ Новорусский Михаил Васильевич (1861—1925) — народоволец, узник Шлиссельбургской крепости (с 1884 по 1905 г.), автор мемуаров и статей.

³¹ Миролюбов Виктор Сергеевич (1860—1939) — редактор, затем издатель «Журнала для всех» (выходил в 1895—1906 гг., первая редактированная Миролюбовым книжка журнала вышла в октябре 1897 г.). В 1914—1918 гг. издавал «Ежемесячный журнал».

³² В ИРЛИ поступила только часть библиотеки Миролюбова (уже после его смерти). Во «Входящем журнале» библиотеки ИРЛИ есть две суммарные записи от 5 и 11 марта 1940 г. — о поступлении в дар «разных

книг и журналов по списку от Миролюбова» (соответственно 143 и 40 экземпляров).

³³ Крючков Петр Петрович (1889—1938) — секретарь Горького.

³⁴ На обложке «Журнала для всех» (1903, № 2) была помещена репродукция с фотографии Горького с маленьким сыном Максимом на коленях (не на плечах). По этому поводу Горький 14 или 15 февраля ст. стилия 1903 г. написал Миролюбову гневное письмо, поскольку фотография была дана Миролюбову «как частному лицу, а не как издателю» (*Горький М. Собрание сочинений*, т. 28. М., Гослитиздат. 1954, с. 280).

³⁵ Свою фотографию с Максом на плечах Горький приложил к письму Чехову, написанному в начале 1899 г. Фотография воспроизведена в книге: М. Горький и А. Чехов. Переписка, статьи и высказывания. М., 1951, между с. 32 и 33. Письмо Горького здесь же на с. 35.

³⁶ Спиридонова Александра Михайловна работала в библиотеке ИРЛИ в 1931—1944 гг.

³⁷ 5 апреля 1938 г. исполнилось 50 лет со дня смерти В. М. Гаршина. Как вспоминает Г. А. Бялый, это был «внутриинститутский» вечер (повестка ограничивалась докладом Г. А. Бялого).

³⁸ *Цегновицер О. В.* Литература и мировая война 1914—1918. М., Гослитиздат, 1938.

³⁹ ИЯМ — Институт языка и мышления. Учрежден в Ленинграде в системе АН в 1920 г. по инициативе академика Н. Я. Марра. Первоначальное название — Институт яфетидологических изысканий, затем Яфетидологический институт. С 1930 г. — ИЯМ.

⁴⁰ «Общегородское собрание молодых научных работников Ленинграда, посвященное итогам Всесоюзного соревнования» было создано Обкомом и Горкомом ВЛКСМ и состоялось в Большом зале Филармонии.

⁴¹ Цакни Евгения Абрамовна (род. в Одессе в 1889 г., ум. в Ленинграде в первую блокадную зиму) — искусствовед, историк западноевропейских литератур, составитель изобиблиографии в Музее ИРЛИ.

БИБЛИОГРАФИЯ

I

ДИССЕРТАЦИИ, ЗАЩИЩАВШИЕСЯ В ПУШКИНСКОМ ДОМЕ

Составитель А. К. Михайлова

Диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

1940

1. Голубев В. З. М. Горький в период первой русской революции. (Историко-литературные очерки).
2. Грушкин А. И. Пушкин 30-х годов и русская действительность.
3. Западов А. В. Журнально-сатирическая литература 60—90-х годов XVIII в.
4. Кулакова Л. И. Ранний русский сентиментализм.
5. Марголина А. А. Островский 70-х годов.
6. Шиманов Н. А. Н. С. Лесков в шестидесятые годы.

1941

7. Канаев Ф. Ф. Идеи и образы «Жизни Клима Самгина» М. Горького.
8. Лихачев Д. С. Новгородские летописные своды XII в.
9. Эвентов И. С. Маяковский-сатирик.

1943

10. Зильберштейн И. С. Русские писатели и Репин.

1944

11. Перепеч А. И. Горький-сатирик.

1945

12. Добровольский Л. М. Русская запрещенная книга 1855—1905 гг.
13. Макашин С. А. Молодые годы Салтыкова-Щедрина.
14. Мануйлов В. А. Биография Лермонтова. Детство и отрочество.
15. Морачевский Н. Я. Жизнь и деятельность Ф. Д. Нефедова.

1946

16. Лотман Л. М. Островский и натуральная школа 40-х годов.
17. Трескунов М. С. Ранний период творчества Альфреда де Мюссе (1829—1832).
18. Ширяева П. Г. Рабочий фольклор первой русской революции.

1947

19. Боброва Е. И. Лирика Микельанджело. (Из истории итальянской поэзии XVI в.).
20. Кандель Б. Л. «Симплициссимус» Гриммельсгаузена.
21. Карская Т. Я. И. А. Крылов и театр.
22. Фридлиндер Г. М. «Арабески» и вопросы мировоззрения Н. В. Гоголя.
23. Шишкина А. Н. Эстетические взгляды Писарева.

1948

24. Бабкин Д. С. Исследования источников биографии и творчества М. В. Ломоносова.
25. Бушмин А. С. «Разгром» А. Фадеева и проза двадцатых годов.
26. Лифшиц М. А. Карл Маркс и вопросы истории литературы.
27. Назарова Л. Н. Основные этапы работы Пушкина над поэмой.
28. Найдич Э. Э. Юношеская лирика М. Ю. Лермонтова.
29. Николаева М. В. К истории рукописной повести XVIII в. (Повесть о Ярополе-цесаревиче).

1950

30. Шапошников Б. В. Литературные музеи. Л., 1950. 11 с.

1951

31. Моисеева Г. Н. «Казанская история» — новый этап в развитии исторического повествования Древней Руси. Л., 1951. 15 с.
32. Плесовский Ф. В. Сказки народа коми. М.—Л., 1950. 12 с.
33. Разумова А. П. Значение студенческого движения и политической ссылки в русской фольклористике 1860-х годов (П. И. Рыбников и П. С. Ефименко). Петрозаводск, 1951. 18 с.
34. Салагаева З. М. Коста Хетагуров и осетинское народное творчество. Л., 1951. 12 с.

1952

35. Батюто А. И. Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети» и общественно-политическая борьба 60-х годов. Л., 1952. 18 с.
36. Битогова И. А. Поэма Н. А. Некрасова «Русские женщины». Л., 1952. 24 с.
37. Воднева Г. Э. Драматургия И. С. Тургенева сороковых годов. Л., 1952. 24 с.
38. Ерофеев В. В. «Современник» Пушкина в журнально-литературном движении 30-х годов XIX в. Л., 1952. 21 с.
Первоначальный вариант реферата: Ерофеев В. В. Журнал Пушкина «Современник» (1836 г.) в связи с журнально-литературным движением 30-х годов XIX в. Л., 1952. 23 с.
39. Ершов Л. Ф. Проблема сатиры в литературно-эстетических взглядах Шедрина 60-х годов. Л., 1952. 16 с.
40. Желтова Н. И. Повесть М. Горького «Фома Гордеев». Л., 1952. 12 с.
41. Колосова Т. С. Поэма Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос». Л., 1952. 16 с.
42. Лапкина Г. А. Роман А. С. Пушкина «Арап Петра Великого». Л., 1952. 21 с.
43. Туманян Л. А. Н. Г. Гарин-Михайловский. (Жизнь и творчество). Л., 1952. 16 с.

44. Асаналиев К. Тугельбай Сыдыкбеков и его роман «Люди наших дней». Л., 1953. 17 с.
45. Астафьева О. В. Тема крестьянского восстания в творчестве Пушкина. Л., 1953. 17 с.
46. Беседина Т. А. «Кому на Руси жить хорошо» — революционно-демократическая поэма о народе. Л., 1953. 18 с.
47. Высоцкая Л. М. Поэтическая деятельность Демьяна Бедного в пред-революционный период и в годы гражданской войны. Л., 1953. 16 с.
48. Выходцев П. С. Поэмы А. Твардовского. Л., 1953. 23 с.
49. Выходцева Л. С. Поэзия Алексея Суркова. Л., 1953. 17 с.
50. Голи Л. В. Народ в стихотворениях Н. А. Некрасова 60-х годов. Л., 1953. 20 с.
51. Джусоев Н. Г. Коста Хетагуров и русская литература.
52. Дмитриев Л. А. Сказание о Мамаевом побоище. Л., 1953. 19 с.
53. Домановский Л. В. Освободительное движение первой четверти XIX в. в народном творчестве. Л., 1954. 18 с.
54. Костин В. Г. Роман Пушкина «Евгений Онегин» и литературная борьба 20-х—30-х годов XIX в. Л., 1953. 17 с.
55. Купреянова Е. Н. Молодой Толстой. Л., 1953. 21 с.
56. Куриленко И. М. Творчество О. Гончара (1946—1950 гг.). Л., 1953. 18 с.
57. Лукпская К. П. Драматургия Горького советского периода. (Пьесы «Егор Булычев и другие», «Достигаев и другие»). Л., 1953. 18 с.
58. Маргарян А. Е. Мариэтта Шагинян и ее роман «Гидроцентраль». Л., 1953. 14 с.
59. Микшез А. К. Песенное творчество народа коми в советскую эпоху. Л., 1953. 17 с.
60. Морозова А. Г. Работа В. В. Маяковского в газете в 1926—1930 гг. Л., 1953. 16 с.
61. Пухов Ю. С. Романы Ф. В. Гладкова о советском рабочем классе («Цемент» и «Энергия»). Л., 1953. 17 с.
62. Сухорукова М. Н. Творчество Н. А. Островского. Л., 1953. 16 с.
63. Черникашвили М. М. «Мои университеты» М. Горького. Л., 1953. 15 с.
64. Юпашевская Е. М. Драматургия Вс. Вишневского. Л., 1953. 16 с.

1954

65. Карасева И. П. Из истории русской демократической поэзии 80-х годов XIX в. Л., 1954. 15 с.
66. Магомедов Б. М. Повесть Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат». Л., 1953. 16 с.
67. Панченко Н. Т. Сатирические пьесы В. В. Маяковского «Клоп» и «Баня». Л., 1953. 16 с.
68. Федорова Г. Л. Н. А. Некрасов и народное поэтическое творчество (60-е годы). Л., 1954. 14 с.
69. Черницкий Е. М. Пушкин на пути к реализму (южные поэмы). Л., 1954. 15 с.

1955

70. Дробленкова Н. Ф. «Новая повесть о преславном Российском царстве» и современная ей агитационная патристическая письменность. Л., 1955. 16 с.
71. Дубенцов Б. И. Из истории тверской литературы первой половины XV в. (Повесть о Михаиле Александровиче Тверском). Л., 1955. 23 с.
Диссертация не защищалась.
72. Зайцев Н. В. Драматургия Н. Ф. Погодина тридцатых годов. Л., 1955. 20 с.

73. **Наумова Н. Н.** Противоречия Л. Н. Толстого в романе «Война и мир». Л., 1955. 18 с.
74. **Парастаев А. Ф.** Колхозная деревня в послевоенной советской прозе. (Романы С. П. Бабаевского). Л., 1955. 18 с.
75. **Перминов Г. Ф.** Н. А. Добролюбов в борьбе за развитие реалистической поэзии. Л., 1955. 7 с.
76. **Сандомирская В. Б.** Поэма А. С. Пушкина «Полтава». (Идейно-художественная проблематика поэмы). Л., 1955. 18 с.
77. **Сахновский-Панкеев В. А. И. К.** Карпенко-Карый (Тоблевич) и русская культура. Л., 1955. 18 с.
78. **Тарасенкова Е. Ф.** Русская народная сатирическая сказка в записки конца XIX и начала XX в. Л., 1955. 20 с.
79. **Ширмаков П. П.** Творчество К. А. Федина в период гражданской войны и восстановления народного хозяйства СССР (1918—1924). Л., 1955. 21 с.
80. **Шлионский Л. И.** «Руслан и Людмила» А. С. Пушкина. Л., 1955. 18 с.

1956

81. **Бикбулатова К. Ф.** Первая историко-революционная поэма Н. А. Некрасова («Дедушка», 1870). Л., 1956. 20 с.
82. **Гиреев Д.** Поэма Лермонтова «Демон». (Творческая история и текстологический анализ). Л., 1956. 10 с.
83. **Дуденкова А. И.** Идеино-художественная борьба в русском классицизме (1740-х, 1750-х, начала 1760-х годов). Ужгород, 1955. 15 с.
84. **Мальшев В. И.** «Повесть о Сухане». (Из истории русской повести XVII в.). Л., 1956. 17 с.
85. **Мачеева А. Г.** Художественная литература в журнале «Русское слово» (1859—1862 гг.). Л., 1956. 20 с.
86. **Стахов В. П.** Роман «Цемент» Ф. В. Гладкова. Л. 1955. 21 с.
87. **Шошин В. А.** Интернациональная тема в творчестве Н. С. Тихонова. (Советский и зарубежный Восток). Л., 1956. 17 с.

1958

88. **Азбелев С. Н.** Новгородское летописание XVII в. (Новгородская, Уваровская летопись, Новгородская третья, Новгородская Забелинская и Новгородская Погодинская летописи). Л., 1958. 23 с.
89. **Андреев Ю. А.** Советский исторический роман (20—30-е годы). Л., 1956. 19 с.
90. **Бритиков А. Ф.** «Тихий Дон» М. Шолохова (идейно-художественное своеобразие). Л., 1958. 20 с.
91. **Емельянов Л. И.** Отражение исторической действительности в фольклоре. (Русские исторические песни XIV—XVI вв.). Л., 1956. 17 с.
92. **Соймонов А. Д.** Борьба за передовые традиции народного поэтического творчества в русской науке и искусстве конца XIX в. Л., 1958. 20 с.

1959

93. **Быкова Ф. М.** Историко-революционные пьесы Н. Ф. Погодина 1930-х годов («Человек с ружьем» и «Кремлевские куранты»). Л., 1959. 18 с.
94. **Хайлов А. И.** Творчество М. М. Пришвина. Л., 1959. 24 с.

1960

95. **Андреева С. И.** Творчество Н. Погодина 1930-х годов и некоторые проблемы развития советской драматургии этого периода. Л., 1960. 22 с.

96. Бегунов Ю. К. «Слово о погибели Руския земли». Л., 1960. 16 с.
 97. Кузьмин А. И. К истории русской демократической литературы XVIII в. (Творчество В. Г. Воробьевского). Л., 1960. 13 с.
 8. Соколов Ф. В. Народные истоки русской фортепианной музыки конца XVIII в. Л., 1960. 19 с. (ИРЛИ и Ленинградская орденa Ленина гос. консерватория).

1961

99. Пицкель Ф. Н. Поэмы Маяковского «Владимир Ильич Ленин» и «Хорошо!». (К проблеме эволюции творческого метода). Л., 1961. 20 с.
 100. Сидяков Л. С. Повести А. С. Пушкина и русская повесть конца 20—30-х годов XIX в. Л.—Рига, 1961. 20 с.
 101. Таратута Е. А. Этель Лиллан Войнич. М., Гослитиздат, 1960. 291 с.

1962

102. Громов В. А. Повести И. С. Тургенева 1840-х—первой половины 1850-х годов. Л., 1962. 16 с.
 103. Колобанов В. А. Общественно-литературная деятельность Серафима Владимировского. Л.—Владимир, 1962. 20 с.
 104. Ушакова И. А. Борьба литературных направлений в русской театральной критике конца XVIII—начала XIX в. Л., 1962. 18 с.
 105. Власова З. И. Фольклорно-этнографические интересы В. Г. Короленко 1880—1890-х годов. Л., 1963. 17 с.

1963

106. Гречнев В. Я. Своеобразие «Литературных портретов» М. Горького. Л., 1963. 21 с.
 107. Гришунина А. Л. Очерк истории текстологии новой русской литературы. Л., 1963. 20 с.

1964

108. Богач Г. Ф. Пушкин и молдавский фольклор. Кишинев, «Карта молдовеняскэ», 1963. 294 с.
 109. Демин А. С. Русские письмовники XV—XVII вв. (К вопросу о русской эпистолярной культуре). Л., 1964. 17 с.
 110. Кочеткова Н. Д. Н. М. Карамзин и русская поэзия конца 80-х—первой половины 90-х годов XVIII в. Л., 1964. 20 с.
 111. Панченко А. М. Чешско-русские литературные связи XVII в. Л., 1964. 19 с.

1965

112. Данилевский Р. Ю. «Молодая Германия» и русская литература. Из истории русско-немецких литературных отношений первой половины XIX в.). Л., 1965. 21 с.
 113. Дергачева-Скоп Е. И. С. У. Ремезов и его «История сибирская». Л., 1965. 18 с.
 114. Мазунин А. И. «Повесть о боярыне Морозовой». (Памятник русской литературы XVII в.). Л., 1965. 16 с.
 115. Овчинников В. Р. Архивные разыскания А. С. Пушкина по истории восстания Е. И. Пугачева.
 116. Хватов А. И. Драматургия Б. Нушча и русская литература. Л., 1965. 15 с.

1966

117. Алексеева О. Б. Устная поэзия русских рабочих. (Дореволюционный период). Л., 1966. 24 с.
118. Иезуитова Р. В. Из истории русской баллады 1790-х—первой половины 1820-х годов (Жуковский и Пушкин). Л., 1966. 19 с.
119. Одюков И. И. Чувашские народные песни социального протеста в революционной борьбе. Чебоксары, 1965. 200 с.
120. Шубин Э. А. Современный русский рассказ. (Вопросы поэтики жанра). Л., 1966. 20 с.

1967

121. Афонин Л. Н. Леонид Андреев. Орел, Орловское книжн. изд-во, 1959. 224 с.
122. Белоброва О. А. Кипрский цикл в древнерусской литературе. Л., 1967. 14 с.
123. Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский. Жизнь и творчество. Л., 1967. 22 с.
124. Зырянов И. В. Поэтика русской частушки (вариативность, язык, стих). Л., 1967. 15 с.
125. Коржан В. В. Поэзия Есенина и русское народное творчество. Л., 1967. 15 с.
126. Силаев А. Я. Наследие А. И. Левитова. Пробуждение общественно-нравственного самосознания русского народа. Л., 1967. 19 с.

1968

127. Баскаков В. Н. Крашевский и Коженевский в России. Из истории польско-русских литературных взаимоотношений 1831—1863 гг. Л., 1968. 15 с.
128. Званцева Е. П. Научно-фантастическая художественная проза И. Ефремова. Л., 1968. 20 с.
129. Зенкова К. В. Проблема «новых людей» в демократической литературе и критике 1870-х годов. Л., 1968. 22 с.
130. Прохоров Г. М. Повесть о Митяе-Михаиле и ее литературная среда. Л., 1968. 19 с.
131. Ромодановская Е. К. Русская литература в Сибири первой половины XVII в. (История русской сибирской литературы). Л., 1968. 20 с.
132. Шарышкин Д. М. Август Стриндберг и русская литература. Л., 1968. 23 с.

1969

133. Александров А. А. Русская советская поэма тридцатых годов (типология жанра). Л., 1969. 22 с.
134. Атаджаян И. А. Из истории древнейших русско-армянских литературных и культурных отношений. Л., 1969. 16 с.
135. Буданова Н. Ф. Творческая история романа И. С. Тургенева «Новь». Л., 1969. 18 с.
136. Галаган Г. Я. У истоков творчества Л. Толстого. Л., 1969. 20 с.
137. Демкова Н. С. Жизнь протопопа Аввакума. (Творческая история текста). Л., 1969. 19 с.
138. Карская Т. С. Божена Немцова и современные ей русские литераторы. Из истории чешско-русских литературных контактов второй половины XIX в. Л., 1969. 19 с.
139. Немшилова З. Я. Коми-народ в русской литературе XVIII—XIX вв. Сыктывкар, 1969. 19 с.
140. Панкратьев Ф. В. Русская деревня в творчестве Н. В. Успенского. Л., 1969. 21 с.

141. Стенник Ю. В. Национальные поэтические традиции XVIII в. в творчестве Пушкина 1810—1820-х годов. Л., 1969. 19 с.

1970

142. Вацуро В. Э. Пушкин в общественно-литературном движении начала 1830-х годов. Л., 1970. 20 с.
143. Грознова Н. А. Пути становления русского советского рассказа (1917—1925 гг.). Л., 1970. 18 с.
144. Гужиева Н. В. Русская реалистическая драматургия 1910-х годов. Л., 1970. 18 с.
145. Зыков Э. Г. Памятники болгарской оригинальной литературы старшей поры (конца IX—X в.) на Руси. Петрозаводск, 1970. 24 с.
146. Коновалова О. Ф. Панегирический стиль русской литературы конца XIV—начала XV в. (на материале Жития Стефана Пермского, написанного Епифанием Премудрым). Л., 1970. 21 с.
147. Королева Н. В. Поэзия Ф. И. Тютчева 1810—1830-х годов. Л., 1970. 21 с.
148. Мельц М. Я. Русская фольклористика и проблемы библиографии фольклора. Л., 1970. 22 с.
149. Петров В. Т. Роль фольклора в зарождении якутской литературы. Л., 1970. 15 с.
150. Ровнякова Л. И. Вацлав Серошевский в России. (Из истории польско-русских литературных отношений конца XIX—начала XX в.). Л., 1970. 20 с.
151. Смородин А. А. Поэзия В. В. Маяковского и публицистика 20-х годов. Л., 1970. 26 с.
152. Фомичев С. А. Проблема национальной самобытности в творчестве А. С. Грибоедова. Л., 1969. 18 с.

1971

153. Дятц В. Ф. Пролетарская поэзия первых лет революции и ее традиции в современной лирике. Л., 1971. 21 с.
154. Михайлова С. Б. Н. Н. Златовратский в литературно-общественном движении 70—80-х годов XIX в. Л., 1971. 18 с.
155. Мишин А. И. Поэты левой группы «Клнн» («Купйла») и их роль в развитии прогрессивной финской поэзии (1936—1946 гг.). Л., 1971. 19 с.
156. Протченко В. И. Современная повесть о деревне. Л., 1971. 19 с.
157. Соколова В. Ф. Романы П. И. Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах». Творческая история. Л., 1971. 17 с.

1972

158. Рождественская М. В. «Слово на Лазарево воскресение» (памятник литературы Киевской Руси). Л., 1972. 20 с.
159. Степанов В. П. М. Д. Чулков и русская проза 1750—1770-х годов. Л., 1972. 24 с.
160. Ходоров А. Е. Эволюция жанра в творчестве К. Ф. Рылеева. (Дума-поэма). Л., 1972. 21 с.
161. Петрунина Н. Н. Пушкин — художник и историк в работе над пугачевской темой (1832—1834). Л., 1972. 19 с.

1973

162. Гулман С. И. Сказание о даре шаха Абасса России. Л., 1973. 18 с.
 163. Мартынов В. И. Роль русских писателей в формировании литературы коми. Л., 1973. 18 с.
 164. Сазонова Л. И. Древнерусская ритмическая проза XI—XIII вв. Л., 1973. 18 с.
 165. Семенов Е. И. Роман Ф. М. Достоевского «Подросток». (Проблематика и жанр). Л., 1973. 16 с.

1974

166. Бессонов Б. Л. А. И. Эртель и его литературные взаимоотношения с Толстым и Чеховым. Л., 1974. 15 с.
 167. Михайлов А. И. Поэзия Петра Орешкина. Л., 1974. 19 с.
 168. Мостовская Н. Н. Тургенев в «Вестнике Европы» (1870—1880-е годы). Л., 1974. 20 с.
 169. Невзглядова Е. В. Мелодика стиха (на материале русской лирической поэзии). Л., 1974. 20 с.
 170. Онегина Н. Ф. Русско-карельские фольклорные связи. Поэтика волшебной сказки. Л., 1974. 24 с.
 171. Степанов Л. А. Проблемы комического в эстетике и творчестве Пушкина. Л., 1974. 19 с.
 172. Чередникова М. П. Поэтика повести Н. С. Лескова «Очарованный странник» и устное народное творчество. Л., 1974. 19 с.

1975

173. Базанов В. В. Русская советская поэма 20-х годов. (Традиции, периодизация и типология жанра). Л., 1975. 21 с.
 174. Дубовик Н. П. «Повесть о Евстратии» (текстологическое и историко-литературное исследование). Л., 1974. 18 с.
 175. Жекулина В. И. Поэзия свадебного обряда Новгородского края. Л., 1975. 22 с.
 176. Утехин Н. П. Принципы типологии эпических форм и проблема жанра повести. Л., 1975. 30 с.
 177. Петухов В. К. П. А. Ровинский (1831—1916) и Русско-сербские литературные и фольклорные связи. Л., 1975. 22 с.

1976

178. Иванов М. В. Карамзин и проблемы русской сентиментальной прозы 1790—1800-х годов. Л., 1976. 23 с.
 179. Компанец В. В. Проблема художественного психологизма в советской литературе 20-х годов. Л., 1976. 18 с.

1977

180. Грачева А. Д. История проникновения и восприятия творчества А. С. Пушкина в Туркмении. Ашхабад, 1977. 23 с.
 181. Жаравина Л. В. Смех Гоголя. Л., 1977. 18 с.
 182. Кошелев В. А. Славянофильство и литературное движение в России 40-х годов XIX в. (Своеобразие литературно-критической поэзии славянофильства). Л., 1977. 24 с.
 183. Росовецкий С. К. Формирование повествовательных жанров в русской литературе XVI—XVII вв. («Повесть о Петре и Февронии» и связанные с нею произведения). Л., 1977. 22 с.
 184. Шишкина Л. И. Творчество писателей-знамьцевцев. (Из истории реализма начала XX в.). Л., 1977. 18 с.

185. Буланин Д. М. Максим Грек и византийская литературная традиция. Л., 1978. 24 с.
186. Звозников А. А. Проблема изображения русского национального характера в художественной прозе Пушкина. Л., 1978. 21 с.
187. Каган М. Д. Посольские повести. (Из истории литературной деятельности Посольского приказа в начале XVII в.). Л., 1978. 20 с.
188. Кузьмичев И. С. В. К. Арсеньев-писатель. Л., 1978. 15 с.
189. Розов А. Н. Песни русских зимних календарных праздников. (Проблемы классификации колядок). Л., 1978. 15 с.
190. Теплинская Н. М. Западноевропейский роман в русских демократических журналах 70-х годов XIX в. Л., 1978. 21 с.
191. Мельник В. И. Натуральная школа как историко-литературное понятие. Л., 1978. 28 с.
192. Никитина Н. С. «Помпадурсы и помпадурши» и творческие искания М. Е. Салтыкова-Щедрина 1860—первой половины 1870-х годов. Л., 1978. 16 с.
193. Царькова Т. С. Становление поэтики Н. А. Некрасова (стихотворные произведения 1840—1845 гг.). Л., 1978. 18 с.

1979

194. Багно В. Е. Эмилия Пардо Басан и русская литература в Испании. Л., 1978. 21 с.
195. Дунаев М. М. Своеобразие реализма И. С. Шмелева (творчество 1894—1918 гг.). Л., 1979. 24 с.
196. Муравьева О. С. Повесть «Пиковая дама» в идейно-художественных исканиях А. С. Пушкина 1830-х годов. Л., 1979. 25 с.
197. Поньрко Н. В. Выговская литературная школа в первой половине XVIII столетия. Л., 1979. 24 с.

1980

198. Бальбуров Э. А. Советская лирическая проза. (Вопросы поэтики). Л., 1980. 21 с.
199. Бекедин П. В. М. А. Шолохов и национальные традиции. (К проблеме жанра эпопеи в русской литературе). Л., 1979. 26 с.
200. Генералова Н. П. А. В. Луначарский о реализме и его художественных формах. Л., 1980. 21 с.
201. Горохова Р. М. Тассо в русской литературе XVIII века. Л., 1980. 24 с.
202. Кустов В. А. В. Н. Шишонко и его песенное собрание. (Из истории русской фольклористики второй половины XIX в.). Л., 1980. 15 с.
203. Мельгунов Б. В. Национально-историческая проблематика в творчестве Н. А. Некрасова. Л., 1980. 18 с.
204. Охотникова В. И. Литературная история Повести о псковском князе Довмонте. Л., 1980. 24 с.
205. Тиме Г. А. Идейно-художественные искания в русской драматургии 1880-х—начала 90-х годов. Л., 1980. 23 с.
206. Турьян М. А. «Таинственные повести» В. Ф. Одоевского и И. С. Тургенева и проблемы русской психологической прозы. Л., 1980. 24 с.

Диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

1943

207. Плоткин Л. А. Писарев и общественно-литературная борьба 60-х годов.

1944

208. Астахова А. М. Северный период в истории русской былины.
209. Векслер И. И. Творчество Алексея Николаевича Толстого.
210. Мейлах Б. С. Ленин и литературное движение конца XIX—начала XX в.
211. Скрипиль М. О. Опыты изучения древнерусской историко-бытовой повести.
Реферат диссертации см. в кн.: Рефераты научно-исследовательских работ за 1944 г. Отделение литературы и языка. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1945, с. 12—13.

1945

212. Малкина Е. Р. Драматургия Александра Блока.

1947

213. Касторский С. В. Из истории творчества А. М. Горького 1907—1912 гг. («Лето», «Городок Окуров», «Жизнь Матвея Кожемякина»).
214. Модзалевский Л. Б. Ломоносов и его литературные отношения к Академии наук.

1948

215. Базанов В. Г. Федор Глинка и Владимир Раевский как деятели и поэты Союза Благоденствия.
216. Лихачев Д. С. Очерки по истории форм летописания XI—XVI вв. (Летописи как литературные произведения).
217. Папковский Б. В. М. Е. Салтыков-Щедрин в эпоху 30—50-х годов.
218. Стеблин-Каменский М. И. Поэзия скальдов.
Тезисы диссертации см. в кн.: Доклады и сообщения Филологического факультета Ленинградского гос. университета. Вып. 1. Л., 1949, с. 204—206.

1951

219. Ковалев В. А. Творчество Леонида Леонова (1915—1937 гг.). Л., 1951. 31 с.

1955

220. Григорьян К. Н. Из истории русско-армянских литературных отношений X—начала XX в. Л., 1955. 36 с.
221. Шадури В. С. Декабристская литература в Грузии. Тбилиси, 1955. 34 с.

1957

222. Муратова К. Д. М. Горький в борьбе за развитие советской литературы. Л., 1957. 35 с.
223. Покусаев Е. И. Идеино-творческий путь Салтыкова-Щедрина в шестидесятые и семидесятые годы. Л., 1957. 49 с.
224. Чичерин А. В. Роман-эпопея в литературе критического реализма. Львов, 1957. 22 с.

1958

225. Евсеев В. Я. Исторические основы карело-финского эпоса. Кп. I. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1957. 334 с.
226. Данилов В. В. Степень доктора филологических наук присуждена по совокупности работ (без публикации автореферата).

1959

227. Анисимов И. И. Всемирная литература и социалистическая революция. М., 1959. 43 с.

1960

228. Голешицев-Кутузов И. Н. Итальянское возрождение и славянские литературы XV—XVI вв. М., 1960. 55 с.

1962

229. Гозенпуд А. А. Музыкальный театр в России. От истоков до Глинки. Очерк. Л., Музгиз, 1959. 781 с.

1963

230. Бушканец Е. Г. Русская нелегальная поэзия второй половины 1850-х—начала 1860-х годов. Л., 1963. 32 с.
231. Зиннер Э. П. Творчество Л. Н. Толстого и английская реалистическая литература конца XIX—начала XX столетия. Л., 1962. 28 с.
232. Измайлов Н. В. Текстологические и историко-литературные вопросы изучения Пушкина. Л., 1963. 39 с.
233. Колпакова Н. П. Русская народная бытовая песня. Л., 1963. 32 с.
234. Фридлиндер Г. М. К. Маркс и Ф. Энгельс и вопросы литературы. М., Гослитиздат, 1962. 607 с.

1964

235. Акимова Т. М. Народные удалые песни в устном бытовании и в художественной литературе конца XVIII—первой половины XIX в. Л., 1964. 35 с.
236. Максимов Д. Е. Поэзия Лермонтова. М.—Л., «Наука», 1964. 266 с.

1965

237. Кузьмичев И. К. Жанры русской литературы военных лет (1941—1945).
238. Резников Л. Я. Повесть М. Горького «Жизнь Клима Самгина». Проблемы жанра и стиля. Петрозаводск, Карел. книжн. изд-во, 1964. 532 с.

1966

239. Бабкин Д. С. Радищев. Литературно-общественная деятельность. М.—Л., «Наука», 1966. 362 с.
240. Ершов Л. Ф. Русский советский роман, национальные традиции и новаторство. Л., 1966. 34 с.

1968

241. Громов П. П. А. Блок, его предшественники и современники. М.—Л., «Сов. писатель», 1966. 569 с.

1970

242. Андреев Ю. А. Революция и литература. Отображение Октября и гражданской войны в русской советской литературе и становление социалистического реализма (20—30-е годы). Л., 1970. 37 с.
Диссертация защищена в 1973 г. в Институте мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР.
243. Ларцев В. Г. Наука и советская поэзия. Л., 1970. 45 с.
Первоначальный вариант автореферата: Л., 1970, 40 с.
244. Микушев А. К. Генезис и эволюция коми песенного фольклора. Сыктывкар, 1970. 35 с.
245. Моисеева Г. Н. Ломоносов и древнерусская литература. Л., 1970. 36 с.
246. Осмаков Н. В. Русская революционная поэзия второй половины XIX—начала XX в. Л., 1970. 39 с.

1971

247. Ровда К. И. Русско-чешские литературные связи в 50—60-е годы XIX в. Л., 1971. 44 с.
248. Соймонов А. Д. П. В. Киреевский и его Собрание народных песен в русской литературе и фольклористике первой половины XIX в. Л., 1970. 40 с.

1972

249. Лотман Л. М. Русская художественная проза 1860-х годов. Л., 1972. 33 с.
250. Павловский А. И. Русская советская поэзия в годы Великой Отечественной войны. Л., 1972. 42 с.
251. Панченко А. М. Русская силлабическая поэзия XVII в. Л., 1972. 46 с.
252. Русев П. Н. Психология художественного восприятия. Л., 1972. 36 с.

1973

253. Бузник В. В. Русская проза 1920-х годов. К проблеме гуманистического содержания советской литературы. Л., 1973. 47 с.
254. Дмитриев Л. А. Легендарно-биографические повествования Древнего Новгорода. Л., 1973. 31 с.
255. Творогов О. В. Русские хронографические своды XI—XVI вв. Л., 1973. 30 с.

1974

256. Найдич Э. Э. Проблемы поэзии Лермонтова. Л., 1974. 42 с.
257. Постнов Г. С. Пути развития русской литературы Сибири первой половины XIX в. Л., 1974. 34 с.

258. Удодов Б. Т. М. Ю. Лермонтов. Художественная индивидуальность и творческие процессы. Воронеж, Изд-во Воронежского ун-та, 1973. 702 с.

1975

259. Бирюков Ф. Г. Народность и историзм Шолохова. Л., 1975. 39 с.
260. Заборов П. Р. Русская литература и Вольтер (XVIII—первая треть XIX в.). Л., 1975. 44 с.
261. Каминский В. И. Проблемы реализма в русской литературе конца XIX в. Л., 1975. 40 с.
262. Кузьмин А. И. Развитие народно-героических тем и образов в русской литературе XI—середины XIX в. Л., 1975. 42 с.
263. Розанова Л. А. Н. А. Некрасов и демократическая поэзия последней трети XIX—начала XX в. Л., 1975. 37 с.

1977

264. Конкин С. С. Эстетические и литературно-критические взгляды Д. И. Писарева. Л., 1977. 53 с.

1978

265. Крылов В. П. Философская проза Леонида Леонова. (Вопросы поэтики). Л., 1977. 32 с.
266. Прохоров Г. М. Памятники литературы византийско-русского общественного движения эпохи Куликовской битвы. Л., 1977. 30 с.
267. Шастина Е. И. Русская волшебная сказка в Восточной Сибири. (Современные судьбы, художественная структура, сказочники). Л., 1978. 33 с.

1979

268. Емельянов Л. И. Методологические вопросы фольклористики. Л., 1979. 36 с.
269. Лебедев Ю. В. Становление эпоса в русской литературе 1840—1860-х годов XIX в. Проблемы циклизации. Л., 1979. 38 с.
270. Шошин В. А. Взаимодействие национальных литератур. Проблема инационального героя в русской советской прозе. Л., 1979. 40 с.

1980

271. Дергачев И. А. Д. Н. Мамин-Сибиряк в русском литературном процессе 1870—1890-х годов. Л., 1980. 40 с.
272. Желтова Н. И. В. И. Ленин и М. Горький. (Взаимодействие литературы с революционным движением). Л., 1980. 32 с.
273. Прозоров В. В. Проблема читателя и литературный процесс в России XIX в. Л., 1979. 29 с.
274. Смирнов В. Б. Литературная история «Отечественных записок» (1868—1884) («Отечественные записки» в общественно-литературном процессе 70—80-х годов). Л., 1980. 37 с.
275. Юдин Ю. И. Русская народная бытовая сказка. Л., 1979. 32 с.
276. Смирнов В. Б. Литературная история «Отечественных записок» (1868—1884). («Отечественные записки» в общественно-литературном процессе 70—80-х годов). Л., 1980. 37 с.

II

КОНФЕРЕНЦИИ, СЕССИИ, НАУЧНЫЕ СОВЕЩАНИЯ В ПУШКИНСКОМ ДОМЕ

Составитель А. К. Михайлова

1930

10 февраля.

1. Памятное собрание на последней квартире Пушкина, посвященное 93-й годовщине со дня смерти поэта.

Совместно со Всесоюзным Пушкинским обществом.

4 мая.

2. Торжественное заседание, посвященное памяти В. В. Маяковского.

1931

10 февраля.

3. Памятное собрание на последней квартире Пушкина, посвященное 94-й годовщине со дня смерти поэта.

Совместно со Всесоюзным Пушкинским обществом.

14 апреля.

4. Собрание, посвященное 1-й годовщине со дня смерти В. В. Маяковского.

28 апреля.

5. Научное заседание, посвященное обсуждению книги П. Н. Беркова «Козьма Прутков — директор Пробринной палатки и поэт».

29 апреля.

6. Научное заседание, посвященное 75-летию со дня смерти Г. Гейне.

1932

10 февраля.

7. Памятное собрание на последней квартире Пушкина, посвященное 95-й годовщине со дня смерти поэта.

Совместно со Всесоюзным Пушкинским обществом.

25 сентября.

8. Юбилейный вечер, посвященный 40-летию литературной деятельности М. Горького.

Ноябрь.

9. Конференция, посвященная 15-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

1933

10 февраля.

10. Памятное собрание на последней квартире Пушкина, посвященное 96-й годовщине со дня смерти поэта.

Совместно со Всесоюзным Пушкинским обществом.

8—11 мая.

11. Пушкинская конференция с докладом Н. К. Пиксанова «О составе, плане и организации академического издания сочинений Пушкина».

23 сентября.

12. Научное заседание, посвященное 50-летию со дня смерти И. С. Тургенева.

1934

10 февраля.

13. Памятное собрание на последней квартире Пушкина, посвященное 97-й годовщине со дня смерти поэта.
Совместно со Всесоюзным Пушкинским обществом.

1935

20 января.

14. 10-е собрание Секции охраны памятных пушкинских мест.
Совместно со Всесоюзным Пушкинским обществом.

10 февраля.

15. Памятное собрание на последней квартире Пушкина, посвященное 98-й годовщине со дня смерти поэта.
Совместно со Всесоюзным Пушкинским обществом.

10—11 ноября.

16. Конференция Отдела новой русской литературы, посвященная обсуждению академического издания сочинений Л. Н. Толстого.

22 ноября.

17. Торжественное заседание, посвященное памяти Л. Н. Толстого.

1933

7 февраля.

18. Торжественное заседание, посвященное 100-летию со дня рождения Н. А. Добролюбова.
Совместно с Ленинградской писательской организацией.

10 февраля.

19. Памятное собрание на последней квартире Пушкина, посвященное 99-й годовщине со дня смерти поэта.
Совместно со Всесоюзным Пушкинским обществом.

2—5 июня.

20. Советание Западного отдела Пушкинского Дома, посвященное обсуждению плана коллективного труда «История западных литератур».

23 июня.

21. Торжественное заседание, посвященное 50-летию со дня смерти А. Н. Островского.
Совместно с Ленинградским гос. театром драмы (бывш. Александринским).

25 июня.

22. Юбилейная сессия, посвященная 125-летию со дня рождения В. Г. Белинского.
Совместно с Ленинградским отделением Института философии АН СССР.

27 ноября.

23. Заседание, посвященное 225-летию со дня рождения М. В. Ломоносова.

Ноябрь.

24. Обсуждение Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, издаваемого Гослитиздатом.

19 декабря.

25. Научное заседание, посвященное памяти М. Горького.

1937

7—8 февраля.

26. Конференция, посвященная 100-летию со дня гибели Пушкина.

10 февраля.

27. Памятное собрание на последней квартире Пушкина, посвященное 100-летию со дня смерти поэта.

Совместно со Всесоюзным Пушкинским обществом.

9 апреля.

28. Научное заседание, посвященное 125-летию со дня рождения А. И. Герцена.

20—21 июня.

29. Конференция, посвященная памяти М. Горького.

9—10 ноября.

30. Конференция, посвященная XX годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

1938

8 января.

31. Заседание, посвященное 60-летию со дня смерти Н. А. Некрасова.

Совместно с Ленинградской писательской организацией и Ленинградским гос. университетом.

19 января.

32. Торжественное заседание, посвященное 150-летию со дня рождения Байрона.

10 февраля.

33. Памятное собрание на последней квартире Пушкина, посвященное 101-й годовщине со дня смерти поэта.

Совместно со Всесоюзным Пушкинским обществом.

16 февраля.

34. Научное заседание, посвященное 100-летней годовщине со дня смерти А. И. Полежаева.

21—22 февраля.

35. Конференция, посвященная 100-летию со дня рождения академика А. И. Веселовского.

15 апреля.

36. Заседание, посвященное 8-й годовщине со дня смерти В. В. Маяковского.

Совместно с Ленинградским гос. университетом.

21—23 мая.

37. Объединенная научная сессия, посвященная 750-летию «Слова о полку Игореве».

Совместно с Ленинградским гос. университетом и Ленинградской писательской организацией.

19 сентября.

38. Торжественное заседание, посвященное 110-летию со дня рождения Л. Н. Толстого.

2 ноября.

39. Заседание, посвященное 120-летию со дня рождения И. С. Тургенева.

1939

10 февраля.

40. Памятное собрание на последней квартире Пушкина, посвященное 102-й годовщине со дня смерти поэта.

Совместно со Всесоюзным Пушкинским обществом.

- 2 апреля.
41. Заседание, посвященное 71-й годовщине со дня рождения М. Горького.
25 апреля.
42. Заседание, посвященное 375-летию со дня рождения Шекспира.
14 июня.
43. Открытое заседание Отдела новейшей литературы с докладом Б. А. Бялика «Ленинский этап науки о литературе».
29 октября.
44. Научное заседание, посвященное 50-летию со дня смерти Н. Г. Чернышевского.
Совместно с Ленинградской писательской организацией.

1940

- 10 февраля.
45. Памятное собрание на последней квартире Пушкина, посвященное 103-й годовщине со дня смерти поэта.
Совместно со Всесоюзным Пушкинским обществом.
17 марта.
46. Открытое научное заседание, посвященное обсуждению работы А. Б. Дермана «Проблемность как фактор художественного творчества».
7—9 апреля.
47. Научная сессия, посвященная 10-летию со дня смерти В. В. Маяковского.
21 апреля.
48. Научная сессия, посвященная 70-летию со дня рождения В. И. Ленина.
28 апреля.
49. Открытое заседание, посвященное 175-летию со дня смерти М. В. Ломоносова.
28—29 мая.
50. Научная сессия Горьковской комиссии «Горький — историк литературы» (в связи с выходом в свет книги М. Горького «История русской литературы»)
4 декабря.
51. Заседание Ученого совета, посвященное 120-летию со дня рождения Ф. Энгельса.

1941

- 6 февраля.
52. Юбилейное научное заседание, посвященное 60-летию со дня смерти Ф. М. Достоевского.
10 февраля.
53. Памятное собрание на последней квартире Пушкина, посвященное 104-й годовщине со дня смерти поэта.
Совместно со Всесоюзным Пушкинским обществом.
13 февраля.
54. Торжественное заседание Ученого совета, посвященное 70-летию со дня рождения академика А. С. Орлова.

1942

- 28—29 марта.
55. Научная сессия, посвященная 74-й годовщине со дня рождения М. Горького.
Проведена в Казани совместно с Казанским музеем М. Горького.

6 июня.

56. Торжественное заседание, посвященное 143-й годовщине со дня рождения Пушкина.

20 июня.

57. Торжественное заседание, посвященное М. Горькому.

29 ноября—1 декабря.

58. Сессия гуманитарных наук, посвященная 25-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

Проведена Казанским гос. университетом при участии группы сотрудников Пушкинского Дома, эвакуированного в г. Казань.

1943

10 февраля.

59. Вечер, посвященный Пушкину.

Совместно с Домом ученых.

10 февраля.

60. Вечер, посвященный Пушкину.

Совместно с Ленинградской писательской организацией.

28 марта.

61. Вечер, посвященный М. Горькому.

Совместно с Ленинградской писательской организацией.

14 апреля.

62. Вечер, посвященный В. В. Маяковскому.

Совместно с Ленинградской писательской организацией.

6 июня.

63. Торжественное собрание на последней квартире Пушкина, посвященное 144-й годовщине со дня рождения поэта.

6 июня.

64. Вечер, посвященный Пушкину (для школьников старших классов).

Проведен в Доме писателей совместно с Ленинградской писательской организацией.

9 сентября.

65. Вечер, посвященный 115-летию со дня рождения Л. Н. Толстого.

Совместно с Ленинградским областным Домом учителя.

16 сентября.

66. Конференция, посвященная 125-летию со дня рождения И. С. Тургенева.

Совместно с Ленинградским институтом усовершенствования учителей.

1944

10 февраля.

67. Памятное собрание на последней квартире Пушкина, посвященное 107-й годовщине со дня смерти поэта.

Совместно со Всесоюзным Пушкинским обществом.

18 июня.

68. Научная сессия, посвященная 8-й годовщине со дня смерти М. Горького.

Проведена в Казани совместно с Казанским музеем М. Горького.

1945

10 февраля.

69. Памятное собрание на последней квартире Пушкина, посвященное 108-й годовщине со дня смерти поэта.

16 апреля.

70. Научное заседание, посвященное Д. И. Фонвизину.

6 июня.

71. Торжественное собрание, посвященное 146-й годовщине со дня рождения Пушкина.

Октябрь.

72. Юбилейная научная сессия, посвященная 220-летию Академии наук СССР.

1946

10 февраля.

73. Памятное собрание на последней квартире Пушкина, посвященное 109-й годовщине со дня смерти поэта.

1947

10 февраля.

74. Памятное собрание на последней квартире Пушкина, посвященное 110-й годовщине со дня смерти поэта.

23—24 мая.

75. Научная сессия «Мировое значение русской литературы».

6 июня.

76. Торжественное заседание, посвященное 148-й годовщине со дня рождения Пушкина.

6 июня.

77. Торжественное заседание, посвященное 148-й годовщине со дня рождения Пушкина.

Проведено в Пушкинских Горах.

15—16, 18, 20, 25—26, 29—31 октября, 4—5 ноября.

78. Юбилейная научная сессия, посвященная 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

1948

10 февраля.

79. Памятное собрание на последней квартире Пушкина, посвященное 111-й годовщине со дня смерти поэта.

28 марта.

80. Торжественное заседание, посвященное 80-летию со дня рождения М. Горького.

31 марта.

81. Торжественное заседание, посвященное 125-летию со дня рождения А. Н. Островского.

12 мая.

82. Открытое заседание Ученого совета, посвященное 60-летию со дня рождения и 40-летию научной деятельности заведующей Сектором древнерусской литературы Пушкинского Дома члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц.

2 июня.

83. Торжественное заседание, посвященное 149-й годовщине со дня рождения Пушкина.

2 июня.

84. Торжественное заседание, посвященное 149-й годовщине со дня рождения Пушкина.

Проведено в Пушкинских Горах.

5 июня.

85. Научное заседание, посвященное 100-летию со дня смерти В. Г. Беллинского.

28 ноября.

86. Торжественное заседание, посвященное 71-й годовщине со дня смерти Н. А. Некрасова.

1949

8 января.

87. Торжественное заседание, посвященное 71-й годовщине со дня смерти Н. А. Некрасова.

Совместно с Мемориальным музеем-квартирой Н. А. Некрасова.

10 февраля.

88. Памятное собрание на последней квартире Пушкина, посвященное 112-й годовщине со дня смерти поэта.

20—21 апреля.

89. Выездная научная сессия в г. Пскове, посвященная 150-летию со дня рождения Пушкина.

Совместно с Псковской областной юбилейной Пушкинской комиссией.

25—27 апреля.

90. Всесоюзная Пушкинская конференция, посвященная 150-летию со дня рождения Пушкина.

11—12 сентября.

91—92. Объединенная сессия Отделения литературы и языка, Отделения истории и философии АН СССР и Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, посвященная 200-летию со дня рождения А. Н. Радищева.

29 октября.

93. Научное заседание, посвященное 60-летию со дня смерти Н. Г. Чернышевского.

Совместно с Мемориальным музеем-квартирой Н. А. Некрасова.

27—28 ноября.

94—95. Научная сессия, посвященная проблемам советской литературы.

20 декабря.

1950

8 января.

96. Торжественное заседание, посвященное 72-й годовщине со дня смерти Н. А. Некрасова.

15—16 января.

97. Всесоюзная Некрасовская конференция.

Совместно с Мемориальным музеем-квартирой Н. А. Некрасова.

10 февраля.

98. Памятное собрание на последней квартире Пушкина, посвященное 113-й годовщине со дня смерти поэта.

25 февраля.

99. Научная сессия, посвященная 5-й годовщине со дня смерти А. Н. Толстого.

15 апреля.

100. Научная сессия, посвященная 20-й годовщине со дня смерти В. В. Маяковского.

6—8 июня.

101. II Всесоюзная Пушкинская конференция.

17 июня.

102. Научная сессия, посвященная 14-й годовщине со дня смерти М. Горького.

20 ноября.

103. Научная сессия, посвященная Л. Н. Толстому.

8—9 декабря.

104. Научная сессия Отделения литературы и языка АН СССР и Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, посвященная 150-летию со времени первого издания «Слова о полку Игореве».

1951

8 января.

105. Заседание Ученого совета, посвященное 73-й годовщине со дня смерти Н. А. Некрасова.

13—14 января.

106. II Всесоюзная Некрасовская конференция.

23—24 января.

107. Научная дискуссия «Значение трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания».

27—28 января.

108—109. Научная сессия, посвященная 125-летию со дня рождения М. Е. Салтыкова-Щедрина.

10 февраля.

110. Памятное собрание на последней квартире Пушкина, посвященное 114-й годовщине со дня смерти поэта.

24 февраля.

111. Научное заседание Сектора новой русской литературы, посвященное Пушкину.

6—10 июня.

112—113. III Всесоюзная Пушкинская конференция.

12—14 июня.

114. Конференция, посвященная 15-летию со дня смерти М. Горького.
Проведена в Москве Институтом мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР при участии Пушкинского Дома.

25—26 июня.

115. Научная сессия, посвященная 15-летию со дня смерти М. Горького.

10—11 октября.

116. Совещание по обсуждению существующих переводов «Слова о полку Игореве».

10 декабря.

117. Научное заседание, посвященное 130-летию со дня рождения Н. А. Некрасова.

1952

19—21 января.

118. III Всесоюзная Некрасовская конференция.

10 февраля.

119. Памятное собрание на последней квартире Пушкина, посвященное 115-й годовщине со дня смерти поэта.

26—28 февраля.

120. Научная сессия, посвященная 100-летию со дня смерти Н. В. Гоголя. Совместно с Ленинградским гос. университетом.

3 марта.

121. Научная сессия, посвященная 100-летию со дня смерти Н. В. Гоголя. Проведена в Доме культуры им. М. Горького.

8 апреля.

122. Научное заседание, посвященное 50-летию со дня смерти Г. И. Успенского.

14 апреля.

123. Научная сессия, посвященная 22-й годовщине со дня смерти В. В. Маяковского.

Проведена в Москве Институтом мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР при участии Пушкинского Дома.

12—13 мая.

124. Сопещение, посвященное обсуждению макета первого тома «Очерков истории советской литературы».

22 мая.

125. Заседание, посвященное обсуждению статьи «Преодолевать отставание драматургии», опубликованной в газете «Правда».

27—29 мая.

126. Сопещение, посвященное обсуждению макета первого тома «Очерков истории советской литературы».

Проведено в Москве Институтом мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР при участии Пушкинского Дома.

4—6 июня.

127. IV Всесоюзная Пушкинская конференция.

Июнь.

128. Текстологическое сопещение, посвященное обсуждению принципов публикации текстов русских классиков в академических изданиях.

22 сентября.

129. Научное заседание, посвященное 150-летию со дня смерти А. Н. Радищева.

12—14 ноября.

130. Сопещение по вопросам истории русской филологической науки.

22—23 ноября.

131. Научная сессия, посвященная 35-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

Совместно с Ленинградским гос. университетом.

Ноябрь.

132. Научная сессия, посвященная 100-летию со дня выхода в свет «Записок охотника» И. С. Тургенева.

Проведена в Орле Гос. музеем И. С. Тургенева при участии Пушкинского Дома.

Декабрь.

133. Обсуждение «Очерков русского народно-поэтического творчества».

Проведено в Москве при участии Пушкинского Дома.

1953

5—7 января.

134. IV Всесоюзная Некрасовская конференция.

10 февраля.

135. Памятное собрание на последней квартире Пушкина, посвященное 116-й годовщине со дня смерти поэта.

Совместно со Всесоюзным музеем А. С. Пушкина.

12—13 февраля.

136. Сопещание, посвященное обсуждению книги «Очерки русского народного поэтического творчества советской эпохи».

Совместно с Домом ученых им. М. Горького.

25 марта.

137. Заседание, посвященное 85-летию со дня рождения М. Горького.

16 апреля.

138. Заседание, посвященное 75-летию со дня рождения и 50-летию научной и педагогической деятельности члена-корреспондента АН СССР Н. К. Пиксанова.

Совместно с Ленинградским гос. университетом.

6—8 июня.

139. V Всесоюзная Пушкинская конференция.

10—11 июня.

140. Сопещание, посвященное обсуждению сборников «Вопросы советской литературы».

Совместно с Комиссией по теории и критике Союза писателей СССР и Ленинградской писательской организацией.

24 июня.

141. Заседание, посвященное 60-летию со дня рождения В. В. Маяковского.

30 июня.

142. Заседание, посвященное 125-летию со дня рождения Н. Г. Чернышевского.

12—13 сентября.

143. Научная сессия, посвященная 125-летию со дня рождения Л. Н. Толстого.

28 сентября.

144. Заседание, посвященное 70-летию со дня смерти и 135-летию со дня рождения И. С. Тургенева.

5 октября.

145. Заседание, посвященное 100-летию со дня рождения В. Г. Короленко.

17—20 ноября.

146. Сопещание по вопросам изучения русского народно-поэтического творчества.

9 января.

147. V Всесоюзная Некрасовская конференция.

4 февраля.

148. Заседание, посвященное обсуждению доклада И. В. Сергневского «Марксистско-ленинское учение о национальной культуре и вопросы построения истории новой русской литературы».

10 февраля.

149. Памятное собрание на последней квартире Пушкина, посвященное 117-й годовщине со дня смерти поэта.

Совместно со Всесоюзным музеем А. С. Пушкина.

11 февраля.

150. Заседание, посвященное 125-летию со дня смерти А. С. Грибоедова.

18 марта.

151. Заседание, посвященное 300-летию воссоединения Украины с Россией.

Март.

152. Всесоюзное совещание по проблемам народно-поэтического творчества.

23 мая.

153. Всесоюзное совещание по древнерусской литературе.

5—7 июня.

154. VI Всесоюзная Пушкинская конференция.

17 сентября.

155. Заседание, посвященное 150-летию со дня рождения А. И. Полежаева.

29 сентября.

156. Заседание, посвященное 50-летию со дня рождения Н. А. Островского.

Октябрь.

157. Дискуссия о положительном герое в советской литературе.

1955

Январь.

158. VI Всесоюзная Некрасовская конференция.

10 февраля.

159. Памятное собрание на последней квартире Пушкина, посвященное 118-й годовщине со дня смерти поэта.

Совместно со Всесоюзным музеем А. С. Пушкина.

23—26 апреля.

160. II Всесоюзное совещание по древнерусской литературе.

Апрель.

161. Совещание фольклористов Поволжья, посвященное перспективам собирательской и издательской деятельности в области фольклористики.

Проведено в Саратове Саратовским гос. университетом при участии Пушкинского Дома.

4—6 июня.

162. VII Всесоюзная Пушкинская конференция.

Октябрь.

163. Научная сессия, посвященная И. С. Тургеневу.

Проведена в Орле Гос. музеем И. С. Тургенева при участии Пушкинского Дома.

23 ноября.

164. Научная сессия, посвященная 50-летию первой русской революции.

Ноябрь.

165. Научная сессия, посвященная А. Мицкевичу.

Проведена в Москве Всесоюзной гос. библиотекой иностранной литературы при участии Пушкинского Дома.

1956

Январь.

166. VII Всесоюзная Некрасовская конференция.

10 февраля.

167. Памятное собрание на последней квартире Пушкина, посвященное 119-й годовщине со дня смерти поэта.

Совместно со Всесоюзным музеем А. С. Пушкина.

21 марта.

168. Совещание, посвященное обсуждению «Очерка истории русской советской литературы».

Апрель.

169. Теоретическая конференция, посвященная изучению литературы в свете решений XX съезда КПСС.

Май.

170. Конференция, посвященная обсуждению проекта «Свода русского фольклора».

4—5 июня.

171. Выездное заседание Отделения литературы и языка АН СССР, посвященное 50-летию Пушкинского Дома.

7—8 июня.

172. VIII Всесоюзная Пушкинская конференция.

18 июня.

173. Научное заседание, посвященное 20-й годовщине со дня смерти М. Горького.

6 декабря.

174. Заседание, посвященное 50-летию со дня смерти А. Н. Веселовского.

11 декабря.

175. Научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Г. В. Плеханова.

1957

Январь.

176. VIII Всесоюзная Некрасовская конференция.

Совместно с Мемориальным музеем-квартирой Н. А. Некрасова.

10 февраля.

177. Памятное собрание на последней квартире Пушкина, посвященное 120-й годовщине со дня смерти поэта.

Совместно со Всесоюзным музеем А. С. Пушкина.

26 апреля.

178. Заседание Сектора древнерусской литературы, посвященное 275-летию со дня смерти протопопа Аввакума Петрова (1621—1682).

13—15 мая.

179. III Всесоюзное совещание по древнерусской литературе.

6—8 июня.

180. IX Всесоюзная Пушкинская конференция.

28—29 октября.

181. Юбилейная сессия Ученого совета, посвященная 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

Октябрь.

182. Совещание по вопросам собирания и изучения народного творчества северных областей и республик Европейской части СССР.

Проведено в Петрозаводске Институтом языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР совместно с Пушкинским Домом.

1958

25—28 января.

183. IX Всесоюзная Некрасовская конференция.

Проведена в Ярославле Ярославским гос. педагогическим институтом им. К. Д. Ушинского и Ярославским мемориальным музеем Н. А. Некрасова (Карабиха) при участии Пушкинского Дома.

30 января.

184. Юбилейное заседание Ученого совета, посвященное 80-летию со дня рождения и 60-летию научной, педагогической и общественной деятельности профессора В. А. Десницкого.

10 февраля.

185. Памятное собрание на последней квартире Пушкина, посвященное 121-й годовщине со дня смерти поэта.

Совместно со Всесоюзным музеем А. С. Пушкина.

24 февраля.

186. Научное заседание, посвященное 200-летию со дня рождения В. В. Капниста.

25 февраля.

187. Обсуждение итогов литературного года.

Совместно с Ленинградской писательской организацией.

17 апреля.

188. Юбилейное заседание Ученого совета, посвященное 80-летию со дня рождения и 60-летию научной, педагогической и общественной деятельности члена-корреспондента АН СССР Н. К. Пиксанова.

22 апреля.

189. Научное заседание, посвященное 88-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина.

5 мая.

190. Научное заседание, посвященное 150-летию со дня рождения К. Маркса.

4—6 июня.

191. X Всесоюзная Пушкинская конференция.

Сентябрь.

192. Научная сессия, посвященная 75-летию со дня смерти И. С. Тургенева.

Проведена в Орле Гос. музеем И. С. Тургенева при участии Пушкинского Дома.

Сентябрь.

193. Научная конференция, посвященная 130-летию со дня рождения Н. Г. Чернышевского.

Проведена в Саратове Саратовским гос. университетом и Музеем им. Н. Г. Чернышевского при участии Пушкинского Дома.

24—26 ноября.

194. Всесоюзное совещание по проблемам современной фольклористики.

Совместно с Координационной комиссией по народному творчеству.

1959

27—30 января.

195. X Всесоюзная Некрасовская конференция.

Проведена в Новгороде Новгородским гос. педагогическим институтом при участии Пушкинского Дома.

10 февраля.

196. Памятное собрание на последней квартире Пушкина, посвященное 122-й годовщине со дня смерти поэта.

Совместно со Всесоюзным музеем А. С. Пушкина.

19 февраля.

197. Обсуждение итогов литературного года.

Совместно с Ленинградской писательской организацией.

2—3 апреля.

198. Научная сессия, посвященная 150-летию со дня рождения Н. В. Гоголя.

27—30 мая.

199. IV Всесоюзное совещание по древнерусской литературе.

3—6 июня.

200. XI Всесоюзная Пушкинская конференция.

20—21 октября.

201. Всесоюзное совещание по литературе XVIII в.

10 ноября.

202. Заседание Сектора взаимосвязей русской литературы с зарубежными, посвященное 200-летию со дня рождения Шиллера.

1960

28—29 января.

203. Научная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения А. П. Чехова.

Совместно с Ленинградским гос. институтом театра, музыки и кинематографии.

10 февраля.

204. Памятное собрание на последней квартире Пушкина, посвященное 123-й годовщине со дня смерти поэта.

Совместно со Всесоюзным музеем А. С. Пушкина.

9—11 марта.

205. IX научная Шевченковская конференция.

Проведена Институтом литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР и Институтом живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина Академии художеств СССР при участии Пушкинского Дома.

14—15 апреля.

206. Расширенное заседание Ученого совета, посвященное 90-летию со дня рождения В. И. Ленина.

24—27 мая.

207. Научная сессия «О принципах определения авторства в связи с общими проблемами теории и истории литературы».

Май.

208. Научная конференция по вопросам песенного фольклора Поволжья.

Проведена в Саратове Саратовским гос. университетом им. Н. Г. Чернышевского при участии Пушкинского Дома.

1—7 июня.

209. Координационное совещание по вопросам изучения древнерусской литературы.

4—6 июня.

210. XII Всесоюзная Пушкинская конференция.

16—17 ноября.

211. Научная сессия, посвященная 50-летию со дня смерти Л. Н. Толстого.

26—27 ноября.

212. Научная сессия, посвященная 80-летию со дня рождения А. А. Блока.

1961

27—29 января.

213. XI Всесоюзная Некрасовская конференция.

Совместно с Мемориальным музеем-квартирой Н. А. Некрасова.

10 февраля.

214. Памятное собрание на последней квартире Пушкина, посвященное 124-й годовщине со дня смерти поэта.

Совместно со Всесоюзным музеем А. С. Пушкина.

9 марта.

215. Научное заседание, посвященное 100-летию со дня смерти Т. Г. Шевченко.

21 апреля.

216. Первые Шекспировские чтения.

Май.

217. Конференция о специфике жанров русского фольклора.

Проведена в г. Горьком Горьковским гос. университетом при участии Пушкинского Дома.

6—8 июня.

218. XIII Всесоюзная Пушкинская конференция.

13 июня.

219. Юбилейный вечер, посвященный 150-й годовщине со дня рождения В. Г. Беллинского.

19 июня.

220. Научное заседание, посвященное 25-летию со дня смерти М. Горького. Совместно с Ленинградской писательской организацией.

5 октября.

221. Конференция «Образ современника в литературе последних лет».

31 октября.

222. Торжественное собрание, посвященное 150-летию со дня основания Лицея.

Совместно со Всесоюзным музеем А. С. Пушкина.

9 ноября.

223. Заседание Ученого совета, посвященное 100-летию со дня смерти И. А. Добролюбова.

20—21 ноября.

224. Научная сессия, посвященная 250-летию со дня рождения М. В. Ломоносова.

27 ноября.

225. Заседание Сектора древнерусской литературы, посвященное 100-летию со дня первого издания «Жития протопопа Аввакума».

28 ноября—2 декабря.

226. Всесоюзное совещание по вопросам современного народного творчества. Проведено в Киеве при участии Пушкинского Дома.

23 декабря.

227. Вечер, посвященный 60-летию со дня рождения А. А. Фадеева.

1962

27—29 января.

228. XII Всесоюзная Некрасовская конференция.

Совместно с Мемориальным музеем-квартирой Н. А. Некрасова.

10 февраля.

229. Памятное собрание на последней квартире Пушкина, посвященное 125-й годовщине со дня смерти поэта.

Совместно со Всесоюзным музеем А. С. Пушкина.

12—14 февраля.

230. Общее собрание Отделения литературы и языка АН СССР, посвященное 125-летию со дня смерти А. С. Пушкина, и XIV Всесоюзная Пушкинская конференция.

Проведено Отделением литературы и языка АН СССР и Союзом писателей СССР при участии Пушкинского Дома.

29—30 марта.

231. Научная сессия, посвященная 150-летию со дня рождения А. И. Герцена.

27 апреля.

232. Вторые Шекспировские чтения.

22—26 мая.

233. V Всесоюзное совещание по древнерусской литературе.

18 июня.

234. Научное заседание, посвященное 150-летию со дня рождения И. А. Гончарова.

2 июля.

235. Литературный вечер, посвященный творчеству Ф. М. Достоевского.

19—20 ноября.

236. Научная конференция, посвященная 40-летию литературной деятельности Л. М. Леонова.

1963

17 января.

237. Вечер, посвященный 100-летию со дня рождения А. С. Серафимовича.

26—28 января.

238. XIII Некрасовская конференция.

Совместно с Мемориальным музеем-квартирой Н. А. Некрасова.

10 февраля.

239. Памятное собрание на последней квартире Пушкина, посвященное 126-й годовщине со дня смерти поэта.

Совместно со Всесоюзным музеем А. С. Пушкина.

21—22 февраля.

240. Первое пленарное заседание Научного совета по проблеме «История русской классической литературы и ее международные связи» при Отделении литературы и языка АН СССР.

При участии Пушкинского Дома.

11 апреля.

241. Юбилейное заседание Ученого совета, посвященное 85-летию со дня рождения и 65-летию научной, педагогической и общественной деятельности члена-корреспондента АН СССР Н. К. Пиксанова.

28 мая.

242. Литературный вечер, посвященный 90-летию со дня рождения О. Д. Форш.

4—6 июня.

243. XV Всесоюзная Пушкинская конференция.

280

26 июня.

244. Научное заседание, посвященное 70-летию со дня рождения В. В. Маяковского.

1964

10 февраля.

245. Памятное собрание на последней квартире Пушкина, посвященное 127-й годовщине со дня смерти поэта.

Совместно со Всесоюзным музеем А. С. Пушкина.

5 марта.

246. Научное заседание, посвященное 150-летию со дня рождения Т. Г. Шевченко.

9—11 апреля.

247. Симпозиум «Шекспир и современность».

Проведен Ленинградской писательской организацией, Ленинградским отделением Всесоюзного Театрального общества, Ленинградским отделением общества «СССР—Великобритания», Ленинградским гос. университетом, Ленинградским гос. институтом театра, музыки и кинематографии при участии Пушкинского Дома.

14—17 апреля.

248. Научная сессия, посвященная 400-летию со дня рождения Шекспира.

Совместно с Ленинградским гос. университетом и Ленинградским гос. институтом театра, музыки и кинематографии.

4—6 июня.

249. XVI Всесоюзная Пушкинская конференция.

6 октября.

250. Научная сессия, посвященная 150-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова.

Проведена в Москве Отделением литературы и языка АН СССР, Союзом писателей СССР, Институтом мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР при участии Пушкинского Дома.

13—14 октября.

251. Научная конференция, посвященная 150-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова.

Совместно с Отделением литературы и языка АН СССР, Институтом мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР, Ленинградским гос. университетом и Ленинградским гос. педагогическим институтом им. А. И. Герцена.

15 октября.

252. Конференция, посвященная 20-летию Польской Народной Республики.

Совместно с Обществом советско-польской дружбы.

25—26 ноября.

253. Пленарное заседание Научного совета по проблеме «История русской классической литературы и ее международные связи» при Отделении литературы и языка АН СССР.

При участии Пушкинского Дома.

1965

13 января.

254. Заседание, посвященное 70-летию со дня рождения и 45-летию научной и научно-педагогической деятельности академика В. В. Виноградова.

Проведено в Москве Отделением литературы и языка АН СССР при участии Пушкинского Дома.

26—29 января.

255. XIV Некрасовская конференция.

Проведена в Костроме Костромским гос. педагогическим институтом им. Н. А. Некрасова при участии Пушкинского Дома.

28—30 января.

256. Конференция по проблеме «Национальные традиции русской литературы XVIII в.».

10 февраля.

257. Памятное собрание на последней квартире Пушкина, посвященное 128-й годовщине со дня смерти поэта.

Совместно со Всесоюзным музеем А. С. Пушкина.

26 апреля.

258. Научное заседание, посвященное 70-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора В. Я. Проппа.

Совместно с Научным советом по фольклористике при Отделении литературы и языка АН СССР и Ленинградским гос. университетом.

14 мая.

259. Открытое заседание Сектора взаимосвязей русской и зарубежных литератур, посвященное 700-летию со дня рождения Данте Алигьери.

24—25 мая.

260. Конференция, посвященная 60-летию М. А. Шолохова.

Совместно с Ленинградским гос. университетом.

3—4 июня.

261. XVII Пушкинская конференция.

Проведена во Пскове Псковским гос. педагогическим институтом им. С. М. Кирова при участии Пушкинского Дома.

6—7 октября.

262. Научная конференция, посвященная 70-летию со дня рождения С. А. Есенина.

Совместно с Ленинградским гос. университетом.

22 ноября.

263. Научное заседание, посвященное 90-летию со дня рождения А. В. Луначарского.

23—24 ноября.

264. Пленарное заседание Пушкинской комиссии.

Совместно с Пушкинской комиссией при Отделении литературы и языка АН СССР.

30 ноября.

265. Заседание, посвященное 60-летию со дня рождения доктора филологических наук Б. И. Бурсова.

Совместно с Ленинградским гос. университетом.

1966

10 февраля.

266. Памятное собрание на последней квартире Пушкина, посвященное 129-й годовщине со дня смерти поэта.

Совместно со Всесоюзным музеем А. С. Пушкина.

6—7 июня.

267. XVIII Пушкинская конференция.

8 июня.

268. Совместное заседание Ученого совета Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР и Пушкинской комиссии, посвященное 70-летию со дня рождения и 40-летию научной и педагогической деятельности доктора филологических наук, профессора Б. П. Городецкого.

6—7 декабря.

269. Научная конференция по литературе XVIII в., посвященная 150-летию со дня смерти Г. Р. Державина и 200-летию со дня рождения Н. М. Карамзина.

1967

26—28 января.

270. XV Некрасовская конференция.
Совместно с Мемориальным музеем-квартирой Н. А. Некрасова.

10 февраля.

271. Памятное собрание на последней квартире Пушкина, посвященное 130-й годовщине со дня смерти поэта.
Совместно со Всесоюзным музеем А. С. Пушкина.

11 мая.

272. 1-е юбилейное заседание Ученого совета, посвященное 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

25—26 мая.

273. XIX Пушкинская конференция.

29—31 мая.

274. Совецание молодых специалистов «Вопросы изучения средневекового славянского и греческого рукописного наследия (текстология, палеография, кодикология, источниковедение и др.).
Совместно с Ленинградским отделением Института народов Азии АН СССР.

2 ноября.

275. 2-е юбилейное заседание Ученого совета, посвященное 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

1968

29—30 января.

276. Конференция «Роль социалистических идей в развитии русской литературы».

10 февраля.

277. Памятное собрание на последней квартире Пушкина, посвященное 131-й годовщине со дня смерти поэта.
Совместно со Всесоюзным музеем А. С. Пушкина.

12—13 марта.

278. Совецание фольклористов, посвященное обсуждению десяти выпусков серийного сборника «Русский фольклор. Материалы и исследования» (1956—1966).
Совместно с Научным советом по фольклору Отделения литературы и языка АН СССР.

16—20 апреля.

279. Научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения М. Горького.
Совместно с Ленинградским гос. университетом.

25 апреля.

280. Юбилейное заседание Ученого совета, посвященное 90-летию со дня рождения и 70-летию научной, педагогической и общественной деятельности члена-корреспондента АН СССР, заслуженного деятеля науки, профессора, доктора филологических наук Н. К. Пиксанова.

6 мая.

281. Заседание Ученого совета, посвященное 150-летию со дня рождения Карла Маркса.

13—14 мая.

282. Совецание на тему «Пути изучения русской литературы X—XVII веков», посвященное 80-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР, доктора филологических наук, профессора В. П. Адриановой-Перетц.

5 июня.

283. Заседание, посвященное 169-й годовщине со дня рождения А. С. Пушкина.

27 июня.

284. Заседание Ученого совета, посвященное 100-летию со дня смерти Д. И. Писарева.

28 октября.

285. Вечер, посвященный 125-летию со дня рождения Г. И. Успенского. Совместно с Ленинградской писательской организацией.

25—26 ноября.

286. Научная сессия, посвященная 150-летию со дня рождения И. С. Тургенева.

16 декабря.

287. Заседание, посвященное 75-летию со дня рождения и 50-летию научной деятельности доктора филологических наук Н. В. Измайлова.

Совместно с Пушкинской комиссией при Отделении литературы и языка АН СССР.

16—18 декабря.

288. Конференция, посвященная литературной деятельности Н. И. Новикова.

Проведена в Тарту Тартуским гос. университетом при участии Пушкинского Дома.

1969

27—29 января.

289. XVI Некрасовская конференция.

Совместно с Мемориальным музеем-квартирой Н. А. Некрасова.

10 февраля.

290. Памятное собрание на последней квартире Пушкина, посвященное 132-й годовщине со дня смерти поэта.

Совместно со Всесоюзным музеем А. С. Пушкина.

17—18 февраля.

291. Научная сессия, посвященная 200-летию со дня рождения И. А. Крылова.

Совместно с Институтом мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР.

23—25 апреля.

292. Совецание на тему «Древнерусская литература и проблемы истории русской культуры XVIII—XX вв.».

14—16 мая.

293. Научная конференция, посвященная творчеству Л. М. Леонова.

4—6 июня.

294. XX Пушкинская конференция.

13 ноября.

295. Юбилейное заседание Ученого совета, посвященное 60-летию со дня рождения и 35-летию научной, педагогической и общественной деятельности профессора, доктора филологических наук, Лауреата Государственной премии СССР Б. С. Мейлаха.

Совместно с Ленинградской писательской организацией и Научным советом по истории мировой культуры АН СССР.

25—26 ноября.

296. Научная конференция, по проблеме «Литература и фольклор».

Совместно с Научным советом по фольклору при Отделении литературы и языка АН СССР.

17 декабря.

297. Литературный вечер, посвященный 150-летию со дня рождения Я. П. Полонского.

1970

29 января.

298. Заседание, посвященное 75-летию со дня рождения академика В. В. Виноградова.

Совместно с Ленинградским отделением Института языкознания АН СССР и Ленинградским гос. университетом.

9—11 февраля.

299. Научная конференция, посвященная 75-летию со дня рождения Всеволода Иванова.

Совместно с Союзом писателей СССР.

10 февраля.

300. Памятное собрание на последней квартире Пушкина, посвященное 133-й годовщине со дня смерти поэта.

Совместно со Всесоюзным музеем А. С. Пушкина.

25—26 марта.

301. Сессия Ученого совета, посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

14 мая.

302. Заседание Сектора новой русской литературы, посвященное 60-летию со дня рождения доктора филологических наук Н. И. Пруцкова.

19—20 мая.

303. Научная конференция, посвященная 65-летию М. А. Шолохова.

7—8 октября.

304. Совещание, посвященное памяти А. А. Шахматова (к 50-летию со дня смерти).

Совместно с Отделением литературы и языка АН СССР, Институтом русского языка АН СССР и Комиссией по истории филологических наук АН СССР.

12—13 октября.

305. Научная конференция, посвященная 75-летию со дня рождения С. А. Есенина.

Совместно с Ленинградской писательской организацией.

28—29 октября.

306. Научная сессия Сектора древнерусской литературы, посвященная 100-летию со дня рождения академика В. Н. Перетца.

18—21 ноября.

307. Научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения И. А. Бунина и А. И. Куприна.

Совместно с Ленинградским гос. университетом.

10 декабря.

308. Заседание, посвященное 150-летию со дня рождения А. А. Фета.

1971

10 февраля.

309. Памятное собрание на последней квартире Пушкина, посвященное 134-й годовщине со дня смерти поэта.

Совместно со Всесоюзным музеем А. С. Пушкина.

18—20 мая.

310. Научная конференция по проблеме «Сравнительное изучение славянских литератур».

Проведена в Москве Институтом славяноведения и балканистики АН СССР при участии Пушкинского Дома.

25—28 мая.

311. Очередное совещание Международной текстологической комиссии при Международном комитете славистов.

Совместно с Советским комитетом славистов и Институтом мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР.

11—13 июня.

312. XXI Пушкинская конференция.

Проведена в Тбилиси Тбилиским гос. университетом при участии Пушкинского Дома.

22—24 июня.

313. Международный симпозиум «Страноведение и преподавание русского языка как иностранного».

Совместно с ассоциацией преподавателей русского языка и литературы, Ленинградским гос. университетом, Научно-методическим центром русского языка при Московском гос. университете.

16—18 сентября.

314. Совещание фольклористов кафедр русской и башкирской литератур Башкирского гос. университета, Сектора фольклора Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР и Сектора фольклора Уфимского института истории языка и литературы АН СССР, посвященное вопросам изучения народных сказок.

Проведено в Уфе.

4—5 октября.

315. Научная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения Леонида Андреева.

Совместно с Ленинградским гос. университетом.

10 ноября.

316. Литературный вечер, посвященный 150-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского.

Совместно с Обществом охраны памятников истории и культуры и Дворцом культуры им. С. М. Кирова.

15—17 ноября.

317. Научная конференция, посвященная 150-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского.

30 ноября—1 декабря.

318. Научная конференция, посвященная 75-летию со дня рождения Н. С. Тихонова.

1—2 декабря.

319. Юбилейная научная сессия, посвященная 150-летию со дня рождения Н. А. Некрасова.

Проведена в Москве Институтом мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР при участии Пушкинского Дома.

9 декабря.

320. Научное заседание, посвященное памяти члена-корреспондента АН СССР П. Н. Беркова (в связи с 75-летием со дня рождения).

Совместно с Ленинградским гос. университетом.

13 декабря.

321. Торжественный вечер, посвященный 150-летию со дня рождения Н. А. Некрасова.

Совместно с Главным управлением культуры Ленгорисполкома, Ленинградской писательской организацией и Академическим театром драмы им. А. С. Пушкина.

14—16 декабря.

322. Научная конференция (XVII), посвященная 150-летию со дня рождения Н. А. Некрасова.

1972

10 февраля.

323. Памятное собрание на последней квартире Пушкина, посвященное 135-й годовщине со дня смерти поэта.

Совместно со Всесоюзным музеем А. С. Пушкина.

22 февраля.

324. Юбилейное собрание литераторов Ленинграда и научная конференция, посвященные 80-летию К. А. Федина.

Совместно с Ленинградской писательской организацией.

6 апреля.

325. Научное заседание Сектора новой русской литературы, посвященное 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР В. В. Сиповского.

25 апреля.

326. Научное заседание, посвященное 70-летию со дня рождения профессора Г. А. Гуковского.

Совместно с Ленинградским гос. университетом.

17—19 мая.

327. Чтения по истории литературы и культуры Древней Руси.

Проведены во Пскове совместно с Управлением культуры Псковского облисполкома, Псковским гос. педагогическим институтом им. С. М. Кирова, Псковским гос. историко-художественным и архитектурным музеем-заповедником.

9 июня.

328. Научное заседание «Пушкин и Достоевский».

26 июня.

329. Научное заседание, посвященное 70-летию со дня рождения академика Ладислава Штоллы (ЧССР).

18 сентября.

330. Литературный вечер, посвященный памяти А. А. Прокофьева.

Совместно с Ленинградской писательской организацией.

26—28 сентября.

331. XXII Пушкинская конференция.

Проведена в Ереване Ереванским Армянским гос. педагогическим институтом им. Х. Абовяна при участии Пушкинского Дома.

23—25 октября.

332. Научная конференция «Итоги и проблемы изучения народного творчества в автономных республиках (областях) РСФСР», посвященная 50-летию образования СССР.

9—10 ноября.

333. Научная конференция «Проблемы развития многонациональной советской литературы», посвященная 50-летию образования СССР.

1973

1—2 февраля.

334. Научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения М. М. Пришвина.

Совместно с Ленинградским гос. университетом и Ленинградской писательской организацией.

10 февраля.

335. Памятное собрание на последней квартире Пушкина, посвященное 136-й годовщине со дня смерти поэта.

Совместно со Всесоюзным музеем А. С. Пушкина.

19—21 марта.

336. Научная конференция, посвященная 150-летию со дня рождения А. Н. Островского.

Совместно с Ленинградским гос. институтом театра, музыки и кинематографии и Ленинградским отделением Всероссийского Театрального общества.

15—16 мая.

337. Сопешание Сектора древнерусской литературы, посвященное 85-летию члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц.

21—22 мая.

338. Научная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения О. Д. Форш.

29—30 мая.

339. Научная конференция, посвященная 80-летию со дня рождения В. В. Маяковского.

7 июня.

340. Научное заседание, посвященное 174-й годовщине со дня рождения А. С. Пушкина.

26 сентября.

341. Вечер, посвященный 100-летию со дня рождения Вячеслава Шишкова.

Совместно с Ленинградской писательской организацией.

22—24 октября.

342. Научная конференция «Философские и литературно-эстетические искания в России конца XIX—начала XX в.».

Совместно с Ленинградским гос. университетом.

11—12 декабря.

343. Научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения В. Я. Брюсова.

Совместно с Ленинградской писательской организацией.

1974

Январь.

344. XVIII Некрасовская конференция.

Совместно с Мемориальным музеем-квартирой Н. А. Некрасова.

4—6 февраля.

345. Научная конференция «Просвещение и проблемы истории в русской литературе XVIII в.».

10 февраля.

346. Памятное собрание на последней квартире Пушкина, посвященное 137-й годовщине со дня смерти поэта.

Совместно со Всесоюзным музеем А. С. Пушкина.

4—5 апреля.

347. Научная сессия «Русские источники для истории зарубежных литератур».

18—19 апреля.

348. Заседание, посвященное памяти доктора филологических наук профессора И. П. Еремина в связи с 70-летием со дня рождения.

Совместно с Ленинградским гос. университетом.

- 22 апреля.
349. Заседание Ученого совета, посвященное 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Б. Л. Модзалевского.
- 13 мая.
350. Заседание Ученого совета, посвященное 250-летию Академии наук СССР.
- 27—29 мая.
351. Чтения по истории литературы и культуры Древней Руси.
Проведены в Петрозаводске совместно с Петрозаводским гос. университетом им. О. В. Куусинена.
- 3—4 июня.
352. Научная конференция, посвященная Л. М. Леонову.
- 5—6 июня.
353. XXIII Пушкинская конференция, посвященная 175-летию со дня рождения поэта.
Совместно с Ленинградской писательской организацией.
- 2 октября.
354. Научная конференция, посвященная 70-летию со дня рождения Н. А. Островского.
- 17 октября.
355. Научное заседание, посвященное 150-летию со дня рождения И. С. Никитина.
- 31 октября—1 ноября.
356. Научная конференция, посвященная 900-летию «Изборника 1073 года».
Совместно с Институтом литературы Болгарской Академии наук и Советом по истории мировой культуры АН СССР.
- 21—22 ноября.
357. Научная сессия, посвященная 150-летию комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума».

1975

- 29 января.
358. Заседание, посвященное итогам собирательской работы в Древлехра-
нилище в 1974 г.
- 10 февраля.
359. Памятное собрание на последней квартире Пушкина, посвященное
138-й годовщине со дня смерти поэта.
Совместно со Всесоюзным музеем А. С. Пушкина.
- 6 мая.
360. Научная конференция «Русский фольклор Великой Отечественной
войны».
- 15—16 мая.
361. Научная конференция, посвященная 70-летию М. А. Шолохова.
Совместно с Ленинградским гос. университетом.
- 18—20 июня.
362. Совецание молодых специалистов по древнерусской книжности.
- 23—25 сентября. -
363. Научная конференция, посвященная 80-летию со дня рождения
С. А. Есенина.
- 23—26 сентября.
364. Всесоюзная научная конференция, посвященная 175-летию первого
издания «Слова о полку Игореве».
Проведена в Чернигове и Кпеве совместно с Секцией общественных
наук АН СССР, Отделением общественных наук АН БССР, Секцией
общественных наук АН УССР, Украинским обществом по охране па-

мятников истории и культуры, обществом «Знание» УССР и Черниговским гос. педагогическим институтом им. Т. Г. Шевченко.

3 ноября.

365. Заседание Ученого совета, посвященное 100-летию со дня рождения С. Н. Сергеева-Ценского.

18—19 ноября.

366. Научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения А. В. Луначарского.

28 ноября.

367. Научная конференция, посвященная 75-летию со дня рождения А. А. Прокофьева.

Совместно с Ленинградской писательской организацией.

10—12 декабря.

368. Научная конференция «Наследие декабристов и литературно-общественное движение России XIX—XX вв.», посвященная 150-летию восстания декабристов.

1976

15—16 января.

369. Научная конференция, посвященная 150-летию со дня рождения М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Проведена в Москве Отделением литературы и языка АН СССР и Институтом мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР при участии Пушкинского Дома.

19—20 января.

370. Конференция, посвященная 150-летию со дня рождения М. Е. Салтыкова-Щедрина.

26 января.

371. Торжественный вечер, посвященный 150-летию со дня рождения М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Совместно с Главным управлением культуры Исполкома Ленгорсовета и Ленинградской писательской организацией.

28—30 января.

372. Симпозиум «Три дня древнегрузинской литературы в Пушкинском Доме».

Совместно с Тбилиским гос. университетом.

10 февраля.

373. Памятное собрание на последней квартире Пушкина, посвященное 139-й годовщине со дня смерти поэта.

Совместно со Всесоюзным музеем А. С. Пушкина.

28 апреля.

374. Общее собрание писателей Ленинграда «Итоги литературного года и задачи писательской организации в свете решений XXV съезда КПСС».

Совместно с Ленинградской писательской организацией.

2—3 июня.

375. XXIV Пушкинская конференция.

18—19 октября.

376. Чтения по истории литературы и культуры Древней Руси в Белоруссии.

Проведены в Минске совместно с Институтом литературы им. Я. Купалы АН БССР, Белорусским гос. университетом им. В. И. Ленина и Минским гос. педагогическим институтом им. А. М. Горького.

15—16 ноября.

377. Научно-теоретическая конференция «Взаимодействие наук при изучении литературы».

2 декабря.

378. Конференция, посвященная 80-летию со дня рождения Н. С. Тихонова.
Проведена в Москве Институтом мировой литературы им.
А. М. Горького и Союзом писателей СССР при участии Пушкинского
Дома.

23 декабря.

379. Заседание Сектора народно-поэтического творчества, посвященное
памяти А. М. Астаховой.

27 декабря.

380. Научная конференция, посвященная 75-летию со дня рождения
А. А. Фадеева.

1977

10 февраля.

381. Памятное собрание на последней квартире Пушкина, посвященное
140-й годовщине со дня смерти поэта.
Совместно со Всесоюзным музеем А. С. Пушкина.

23—24 февраля.

382. Всесоюзная научная конференция, посвященная 85-летию со дня рож-
дения К. А. Федина.
Совместно с Ленинградской писательской организацией и Саратов-
ским гос. университетом им. Н. Г. Чернышевского.

23 марта.

383. Вечер, посвященный 100-летию со дня рождения А. С. Новикова-Прибоя.
Совместно с Ленинградской писательской организацией и Об-
ществом книголюбов.

20 апреля.

384. Обсуждение итогов литературного года.
Совместно с Ленинградской писательской организацией.

25 апреля.

- 384а. Чтения памяти В. И. Малышева.

28—30 мая.

385. Всесоюзная научная конференция, посвященная творчеству М. М. При-
швина.
Проведена в Орле Орловским гос. педагогическим институтом при
участии Пушкинского Дома.

3 июня.

386. Заседание, посвященное 100-летию со дня рождения М. А. Володина.
Совместно с Ленинградской писательской организацией.

11—12 октября.

387. Научная конференция, посвященная 60-летию Великой Октябрьской
социалистической революции.

15—17 декабря.

388. Заседание, посвященное 125-летию со дня рождения Д. Н. Мамин-
Сибиряка.
Проведено в Свердловске, Нижнем Тагиле и Висиме Свердловским
литературным музеем, Союзом писателей РСФСР и Уральским гос.
университетом при участии Пушкинского Дома.

1978

23—24 января.

- 388а. XIX Некрасовская конференция.
Совместно с Мемориальным музеем-квартирой Н. А. Некрасова.

31 января.

389. Научное заседание, посвященное 100-летию со дня рождения доктора филологических наук профессора В. А. Десницкого.

Совместно с Ленинградским гос. педагогическим институтом им. А. И. Герцена и Ленинградской писательской организацией.

10 февраля.

390. Памятное собрание на последней квартире Пушкина, посвященное 141-й годовщине со дня смерти поэта.

Совместно со Всесоюзным музеем А. С. Пушкина.

20—21 марта.

391. Научная конференция молодых специалистов «Вопросы изучения русской литературы XVIII—XX вв.».

25—27 апреля.

392. Научная конференция «Русско-болгарские литературные связи», посвященная 100-летию освобождения Болгарии.

3 мая.

393. Чтения памяти В. И. Малышева.

25—26 мая.

394. Всесоюзная научная конференция, посвященная 150-летию со дня рождения Н. Г. Чернышевского.

31 мая—2 июня.

395. XXV Пушкинская конференция.

20—22 июня.

396. Научная конференция молодых специалистов «Вопросы славяно-русского рукописного наследия».

20—21 августа.

397. «Пушкинские чтения», посвященные 154-й годовщине со дня ссылки Пушкина в село Михайловское.

Проведены в Пушкинских Горах Гос. музеем-заповедником А. С. Пушкина при участии Пушкинского Дома.

25—26 сентября.

398. Конференция, посвященная 150-летию со дня рождения Л. Н. Толстого.

5—6 декабря.

399. Всесоюзное совещание по вопросам издания Свода русского фольклора (серия «Былины»).

1979

9—11 января.

400. Конференция, посвященная 100-летию со дня рождения П. П. Бажова. Проведена в Свердловске Уральским гос. университетом и Свердловской писательской организацией совместно с Пушкинским Домом.

8—9 февраля.

401. Конференция «Проблемы биографии и творчества А. С. Грибоедова».

10 февраля.

402. Памятное собрание на последней квартире Пушкина, посвященное 142-й годовщине со дня смерти поэта.

Совместно со Всесоюзным музеем А. С. Пушкина.

3 мая.

402а. Чтения памяти В. И. Малышева.

14—16 мая.

403. Чтения по истории литературы и культуры Древней Руси.

Проведены во Владимире совместно с Владимирским гос. педагогическим институтом им. П. И. Лебедева-Полянского и Владимирским

отделением Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

15—17 мая.

404. Всесоюзная научная конференция, посвященная 80-летию со дня рождения Л. М. Леонова.

30 мая.

405. Научное заседание, посвященное 180-летию со дня рождения Пушкина.

5—7 июня.

406. Три дня древнеармянской литературы в Пушкинском Доме.

Проведены в Пушкинском Доме Ереванским гос. университетом, Институтом литературы им. М. Абегамян АН Армянской ССР и Институтом древних рукописей им. Маштоца (Матенадаран) при Совете Министров Армянской ССР.

17 октября.

407. Научное заседание, посвященное 90-летию со дня рождения А. А. Ахматовой.

23—27 октября.

408. Всесоюзная научная конференция, посвященная координации работы по собиранию и архивному хранению русского фольклора.

1980

16 апреля.

409. Научная конференция «В. И. Ленин и литература».

7 мая.

410. Малышевские чтения.

10—12 июня.

411. XX Некрасовская конференция.

Проведена в Иванове совместно с Ивановским гос. университетом.

24—26 ноября.

412. Всесоюзная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения А. А. Блока.

Совместно с Институтом мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР и Ленинградской писательской организацией.

III

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЕ И ФОЛЬКЛОРНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ

Составители А. К. Михайлова и В. П. Бударгин

Археографические экспедиции

1949

1. Усть-Цилемский район Коми АССР. Июнь. В. И. Малышев. Собрано 32 рукописи.

1950

2. Мезенский район Архангельской области, города Вельск и Сыктывкар. Июнь. В. И. Малышев. Собрано 54 рукописи.

1954

3. Усть-Цилемский район Коми АССР. Июнь. Ф. А. Каликин, В. И. Малышев. Собрано 70 рукописей.

1955

4. Усть-Цилемский район Коми АССР и Ненецкий национальный округ Архангельской области. Июнь—июль. Ф. А. Каликин, В. И. Малышев. Собрано 77 рукописей.

1956

5. Усть-Цилемский район Коми АССР. Июнь. В. И. Малышев, А. М. Панченко. Собрано 95 рукописей.

1957

6. Уренский, Тонкинский и Семеновский районы Горьковской области. Июнь. Ю. К. Бегунов, А. М. Панченко. Собрано 86 рукописей.

1958

7. Усть-Цилемский район Коми АССР. Июнь. В. И. Малышев. Собрано 82 рукописи.
8. Мезенский и Лешуконский районы Архангельской области. Июнь. Н. Ф. Дробленкова. Собрано 47 рукописей.
9. Муствеевский и Калластевский районы Эстонской ССР. Ноябрь—декабрь. Ю. К. Бегунов, А. М. Панченко. Собрана 31 рукопись.

10. Орехово-Зуевский и Куровский районы Московской области. Декабрь. Н. Ф. Дробленкова, Н. С. Сарафанова. Собрано 16 рукописей.

1959

11. Локнянский и Чихачевский районы Псковской области. Апрель. А. М. Панченко. Собрано 8 рукописей.
12. Беломорский, Кемский и Лоухский районы Карельской АССР. Июнь—июль. Л. А. Дмитриев, А. И. Копанев. Собрано 35 рукописей.
13. Город Усть-Ухта, Троицко-Печорский район Коми АССР; город Чердынь, Нырбский район Пермской области. Июнь—июль. Ю. К. Бегунов, А. С. Демин, А. М. Панченко. Собрана 71 рукопись.

1960

14. Кандалакшский и Терский районы Мурманской области; Лоухский и Кемский районы Карельской АССР. Июнь—июль. Л. А. Дмитриев, А. И. Копанев. Собрано 17 рукописей.
15. Печорский, Троицко-Печорский, Интинский районы Коми АССР. Июнь. Д. М. Балашов, Ю. К. Бегунов. Собрано 16 рукописей.
16. Красноборский район Архангельской области; город Тотма Вологодской области. Август. А. М. Панченко. Собрано 29 рукописей.
17. Города Тарту, Муствээ, Калласте и прилегающие к ним районы Эстонской ССР. Октябрь. Ю. К. Бегунов, А. М. Панченко. Собрано 44 рукописи.

1961

18. Беломорский район Карельской АССР; Онежский район Архангельской области. Июль. Э. Г. Зыков. Собрано 13 рукописей.
19. Причудье, город Таллин. Октябрь. Ю. К. Бегунов, И. Н. Заволоко. Собрано 47 рукописей.

1962

20. Лешуконский район Архангельской области; Удорский район Коми АССР. Январь. Г. М. Прохоров. Собрано 23 рукописи.
21. Пинежский и Холмогорский районы Архангельской области. Июнь—июль. А. С. Демин, А. М. Панченко. Собрано 48 рукописей.
22. Нарьян-Мар и его пригороды. Июль. В. И. Малышев. Собрано 14 рукописей.

1963

23. Пинежский район Архангельской области. Июнь—июль. А. М. Панченко, А. Х. Горфункель, Е. К. Ромодановская, Е. И. Скоп. Собрано 62 рукописи.
24. Город Сольцы Новгородской области (и прилегающие к нему районы). Июль. Н. С. Демкова, Н. Ф. Дробленкова. Собрано 8 рукописей.
25. Города Нарьян-Мар, Печора, Сыктывкар, Троицко-Печорск, Ухта, с. Усть-Цильма Коми АССР. Июль—август. Ю. К. Бегунов, Д. М. Балашов. Собрано 48 рукописей.

1964

26. Пинежский район Архангельской области. Июль. А. М. Панченко, В. П. Бударягин, А. Х. Горфункель, Г. М. Прохоров. Собрано 52 рукописи.

1965

27. Усть-Цилемский район Коми АССР; Верхнетоемский, Емецкий и Красноборский районы Архангельской области. Июнь—июль. В. П. Бударагин, А. Х. Горфункель, А. М. Панченко. Собрано 68 рукописей.
28. Холмогорский район Архангельской области. Июль. Е. Д. Мальцев, Э. С. Смирнова. Собрано 20 рукописей.

1966

29. Лешуконский и Мезенский районы Архангельской области. Июнь—июль. В. П. Бударагин, А. Х. Горфункель. Собрано 25 рукописей.
30. Мезенский и Пинежский районы Архангельской области. Июнь—июль. Р. П. Дмитриева, М. А. Салмина, М. В. Рождественская, Т. В. Рождественская. Собрано 8 рукописей.
31. Усть-Цилемский район Коми АССР. Июль. В. И. Малышев. Собрано 32 рукописи.

1967

32. Усть-Цилемский район Коми АССР. Июль. В. И. Малышев. Собрано 40 рукописей.
33. Усть-Цилемский район Коми АССР. Июль. А. Х. Горфункель, В. И. Мажуга. Собрано 7 рукописей.
34. Приморский и Холмогорский районы Архангельской области. Август. Т. Ф. Волкова, Н. С. Демкова, В. С. Дуров, Н. Н. Литвинова, М. В. Рождественская, Т. В. Рождественская, А. Н. Розов. Собрано 48 рукописей.

1968

35. Усть-Цилемский район Коми АССР. Июль—август. А. Х. Горфункель, В. И. Мажуга, В. И. Малышев. Собрано 56 рукописей.
36. Пинежский район Архангельской области. Август. Л. Боброва, Т. Ф. Волкова, Н. С. Демкова, Н. Н. Литвинова, Т. А. Махновец, Е. К. Пиотровская, Л. И. Сазонова, Г. А. Толкачева, Л. В. Ярошенко. Собрано 76 рукописей.
37. Красноборский район Архангельской области. Август. В. И. Малышев. Собрано 12 рукописей.
38. Красноборский район Архангельской области. Сентябрь. А. М. Панченко. Собрано 9 рукописей.

1969

39. Троицко-Печорский район Коми АССР. Июнь—июль. А. Д. Алексеев, В. П. Бударагин. Собрано 27 рукописей.
- 39а. Пинежский район Архангельской области. Июнь—июль. А. Х. Горфункель, Г. В. Маркелов. Собрана 21 рукопись.
40. Пинежский район Архангельской области. Июль. Н. С. Демкова, Т. А. Махновец, Л. П. Рыжова, Л. И. Сазонова, Г. Я. Смирина, Г. А. Толкачева, О. А. Черепанова, Л. В. Ярошенко. Собрано 57 рукописей.
41. Беломорский и Кемский районы Карельской АССР; Онежский район Архангельской области. Июль. И. В. Балашина, В. П. Гребенюк, Е. Г. Друкарев, Л. Н. Матвеев, Т. Е. Милевская, Е. К. Пиотровская, М. В. Рождественская, Т. В. Рождественская. Собрана 31 рукопись.

1970

42. Усть-Цилемский район Коми АССР. Июль. А. Х. Горфункель, Г. В. Маркелов, Л. П. Рыжова. Собрано 48 рукописей.

43. Вельский, Виноградовский и Шенкурский районы Архангельской области. Июль. Т. Ф. Волкова, Н. Н. Кудрявцева, Т. А. Кузнецова, Н. Н. Литвинова, М. В. Рождественская, Е. П. Семенова. Собрано 35 рукописей.
44. Верхнетоемский и Пинежский районы Архангельской области. Июль. И. Д. Азволинская, Е. Д. Кукушкина Т. А. Махновец, Л. В. Ярошенко. Собрано 30 рукописей.

1971

45. Верхнетоемский, Виноградовский и Красноборский районы Архангельской области. Июль. Н. С. Демкова, Н. Н. Кудрявцева, О. Л. Нарущая, Л. И. Сазонова, Е. П. Семенова, Г. Н. Ульянова. Собрано 108 рукописей.
46. Онежский и Приморский районы Архангельской области. Июль. Г. В. Маркелов, Н. И. Николаев. Собрано 18 рукописей.
47. Пинежский район Архангельской области. Июль. И. Д. Азволинская, Н. В. Александрова, Е. Д. Кукушкина, Н. А. Макарова. Собрано 15 рукописей.
48. Беломорский и Лоухский районы Карельской АССР и Кандалакшский район Мурманской области. Июль—август. Н. В. Поньрко. Собрано 14 рукописей.
49. Деревня Скобели села Борок Виноградовского района Архангельской области (рукописи А. Ф. Богдановой). Август. Л. И. Сазонова. Собрано 168 рукописей.
50. Деревня Скобели села Борок Виноградовского района Архангельской области (рукописи А. Ф. Богдановой). Октябрь. В. П. Бударагин, А. Х. Горфункель. Собрано 26 рукописей.

1972

51. Верхнетоемский, Виноградовский и Красноборский районы Архангельской области. Июнь—июль. В. П. Бударагин, Д. М. Буланцв, А. Х. Горфункель. Собрано 38 рукописей.
52. Усть-Цилемский район Коми АССР. Июль. Е. В. Афанасьева, Н. М. Герасимова, Н. А. Макарова, Т. А. Махновец, Е. К. Пиотровская, Е. М. Шварц, Л. В. Ярошенко. Собрано 47 рукописей.
53. Каргопольский и Плесецкий районы Архангельской области. Июль. В. К. Зиборов, Г. В. Маркелов. Собрано 28 рукописей.
54. Города Даугавпилс и Резекне Латвийской ССР. Декабрь. Г. В. Маркелов. Собрано 24 рукописи.

1973

55. Даугавпилс Латвийской ССР (рукописи Д. Д. Михайлова). Январь. Г. В. Маркелов. Собрано 17 рукописей.
56. Усть-Цилемский район Коми АССР; Ненецкий национальный округ Архангельской области. Июнь. Л. В. Беспалова, Н. М. Герасимова, И. Я. Грабовская, Н. С. Демкова, И. А. Долгова, Н. Н. Кудрявцева, Т. В. Постнова, М. В. Селищева, Е. П. Семенова, Е. М. Шварц. Собрано 28 рукописей.
57. Верхнетоемский и Виноградовский районы Архангельской области. Июнь—июль. В. П. Бударагин, И. И. Гумицкий. Собрано 60 рукописей.
58. Даугавпилсский, Прейльский и Резекненский районы Латвийской ССР; Зарасайский район Литовской ССР. Июль—август. Г. В. Маркелов, С. В. Фролов. Собрано 34 рукописи.

59. Грязовецкий и Череповецкий районы Вологодской области. Август. М. Д. Каган, Н. В. Понырко. Собрано 29 рукописей.
60. Краснодарский и Ставропольский края. Сентябрь. А. М. Панченко. Собрано 6 рукописей.

1974

61. Верхнетоемский район Архангельской области. Июнь—июль. В. П. Бударагин, И. И. Гумницкий, А. С. Миловский. Собрано 16 рукописей.
62. г. Рига (И. Н. Заволоко). Июль. Г. В. Маркелов. Привезено 166 рукописей.
63. Браславский район Белорусской ССР; Даугавпилсский, Краславский, Прейльский и Резекненский районы Латвийской ССР; Зарасайский и Игналинский районы Литовской ССР. Июль. Г. В. Маркелов, А. Н. Розов. Собрано 29 рукописей.
64. Терский берег Белого моря и Виноградовский район Архангельской области. Июль. Н. С. Демкова, Е. Н. Мещерская, Е. К. Пиотровская, Е. М. Шварц. Собрано 16 рукописей.
65. Тарногский район Вологодской области. Июль—август. Н. В. Понырко. Собрано 49 рукописей.
66. Анучинский, Кавалеровский, Ольгинский и Чугуевский районы Приморского края и город Владивосток с пригородами. Ноябрь—декабрь. В. В. Коргузалов, Г. В. Маркелов, Г. В. Матвеев. Собрано 4 рукописи.

1975

67. Верхнетоемский, Красноборский и Виноградовский районы Архангельской области. Июнь—июль. В. П. Бударагин, И. И. Гумницкий. Собрано 28 рукописей.
68. Тарногский район Вологодской области. Июль. Н. В. Понырко. Собрано 30 рукописей.
69. Пудожский и Медвежьегорский районы Карельской АССР. Июль—август. Г. В. Маркелов, Г. М. Прохоров. Собрано 10 рукописей.

1976

70. Красноборский, Верхнетоемский, Виноградовский и Холмогорский районы Архангельской области. Июнь—июль. Д. М. Буланин, И. И. Гумницкий. Собрано 45 рукописей.
71. Кохтла-Ярвский, Йыгеваский, Тартуский, Пылъваский районы Эстонской ССР. Июль. Г. В. Маркелов, С. В. Фролов. Собрано 42 рукописи.
72. Ветковский и Добрушский районы Гомельской области, город Гомель; город Новозыбков Брянской области. Июль—август. Н. В. Понырко. Собрано 60 рукописей.

1977

73. Красноборский, Верхнетоемский, Виноградовский районы Архангельской области. Июнь—июль. В. П. Бударагин, Д. М. Буланин, И. И. Гумницкий, Н. И. и С. И. Николоаевы, М. П. Лепёхин. Собрано 67 рукописей.
74. Тартуский и Йыгеваский районы Эстонской ССР; города Резекне и Рига Латвийской ССР. Ноябрь—декабрь. Г. В. Маркелов. Собрано 39 рукописей.

1978

75. Окрестности города Архангельска, Холмогорский, Виноградовский, Верхнетоемский районы Архангельской области. Июнь—июль. В. П. Бударагин, Д. М. Буланин, Н. И. Николоаев, М. П. Лепёхин. Собрано 33 рукописи.

76. Город Мусьеэ и прилегающие к нему районы Эстонской ССР. Декабрь. Д. М. Буланин. Собрано 8 рукописей.

1979

77. Города Витебск, Шумилино, Поставы, Полоцк Витебской области; город Невель Псковской области. Июль. В. П. Бударагин, Д. М. Буланин. Собрано 30 рукописей.
78. Верхнетоемский, Виноградовский и Красноборский районы Архангельской области. Июль. Т. Ф. Волкова, Н. П. Гашкова, А. М. Грачева, И. А. Евсеева, Е. Д. Захарова, Е. В. Литвинова, Г. В. Ишкул, Е. Э. Терентьева, Е. П. Ширмакова, Г. А. Юринова. Собрано 44 рукописи.
79. Пинежский район Архангельской области. Июль. Н. И. Николаев, А. Г. Бобров, О. Р. Николаев. Собрано 10 рукописей.
80. Муствээвский район, города Калласте, Тарту и остров Пиприсаар Эстонской ССР; Резекпенский район и город Рига Латвийской ССР. Сентябрь. Г. В. Маркелов, В. Е. Багно. Собрано 49 рукописей.

1980

81. Пинежский район Архангельской области. Июнь—июль. Н. И. Николаев, А. В. Бобров. Собрано 17 рукописей.
82. Верхнетоемский, Виноградовский и Красноборский районы Архангельской области. Июль. Н. П. Гашкова, И. А. Евсеева, Е. Д. Захарова, О. А. Линдеберг, Е. Э. Терентьева, Е. М. Шварц. Собрано 22 рукописи.
83. Резекпенский район Латвийской ССР, гг. Даугавпилс и Рига. Июль. Д. М. Буланин, Г. В. Маркелов, С. И. Николаев. Собрана 61 рукопись.
- 83а. г. Горький, Уренский и Тонкинский районы Горьковской области. Июль. В. П. Бударагин, Б. Г. Хованов. Собрано 11 рукописей.

Фольклорные экспедиции¹

1939

84. Сталинградская, Ростовская, Ворошиловградская области. Август. И. И. Кравченко, К. В. Чистов.

1946

85. Печорский район Псковской области. Июнь. И. Л. Котикова, А. Г. Кудышкина.

1947

86. Печорский, Полновский, Пушкиногорский районы Псковской области. Июнь. И. Л. Котикова, С. Д. Магид.

¹ В 1939—1949 гг. Сектор народного творчества регулярно проводил записи народного творчества в Ленинградской области, куда входил ряд районов, относящихся ныне к Новгородской и Псковской областям.

1949

87. Пустошкинский, Опочецкий, Пореченский, Пеновский, Великолукский районы Великолукской области. Июль. И. Л. Котикова, С. Д. Магид.

1950

88. Грязовецкий, Сокольский, Устье-Кубенский, Пришекснинский районы Вологодской области. Июль—август. А. Г. Кудышкина, П. Г. Ширяева.

1953

89. Куйбышевская область. Август. Н. П. Колпакова, Г. Г. Шаповалова.

1954

90. Куйбышевская область. Июль. Б. М. Добровольский, Д. В. Самодуров, Ф. В. Соколов.

1955

91. Усть-Цилемский район Коми АССР. Июль. З. И. Власова, Н. П. Колпакова, В. В. Коргузалов, В. В. Митрофанова, Ф. В. Соколов.

1956

92. Нарьян-Марский национальный округ Архангельской области. Июль. В. В. Коргузалов.

1957

93. Саратовская область. Июль—август. О. Б. Алексеева, В. К. Архангельская, Л. И. Емельянов, В. В. Коргузалов, Ф. В. Соколов. Совместно с Саратовским гос. университетом им. Н. Г. Чернышевского.

1958

94. Бежецкий район Калининской области. Июнь. О. Б. Алексеева, Л. И. Емельянов.
95. Лешуконский и Мезенский районы Архангельской области. Июль—август. З. И. Власова, Н. Ф. Дробленкова, Н. П. Колпакова, В. В. Коргузалов, В. В. Митрофанова, Ф. В. Соколов.

1959

96. Красносельский и Макарьевский районы Костромской области. Февраль. О. Б. Алексеева, В. Е. Гусев, Л. И. Емельянов, В. В. Коргузалов.
97. Красносельский, Пыщугский, Кологривский, Макарьевский, Судайский, Нерехтский, Чухловской, Солигаличский районы Костромской области. Июнь—июль. О. Б. Алексеева, В. Г. Базанов, В. С. Бахтин, В. Е. Гусев, А. Г. Громов, Б. М. Добровольский, М. П. Дьяченко, Л. И. Емельянов, В. В. Коргузалов, Т. И. Орнатская. Совместно с Ленинградской гос. консерваторией им. Н. А. Римского-Корсакова.

1960

98. Буйский, Галичский, Сусанинский, Судайский, Островский районы Костромской области. Июнь—июль. В. Е. Гусев, Л. И. Емельянов, В. А. Ивановский, В. В. Коргузалов, В. В. Митрофанова, Т. И. Орнатская. Совместно с Институтом этнографии АН СССР.

1961

99. Лешуконский район Архангельской области. Июнь. С. Н. Азбелев, В. В. Коргузалов, В. В. Митрофанова.
100. Томаровский район Белгородской области. Июнь—июль. Б. М. Добровольский, Ю. Д. Игнатов.
101. Удорский район Коми АССР; Лешуконский район Архангельской области. Сентябрь—октябрь. Т. И. Орнатская. Совместно с Коми филиалом АН СССР.
102. Терский район Мурманской области. Декабрь 1961—январь 1962 г. С. Н. Азбелев. Совместно с Карельским филиалом АН СССР.

1962

103. Выжегорский и Кирилловский районы Вологодской области. Июнь—июль. С. Н. Азбелев, Н. В. Новиков. Совместно с Вологодским гос. педагогическим институтом. Экспедиция «По следам братьев Соколовых».
104. Чайковский район Пермской области. Июнь—июль. Ю. А. Андреев, З. И. Власова, Л. И. Емельянов, В. В. Коргузалов. Совместно с Пермским гос. университетом.
105. Красноборский, Вилегодский, Онежский районы Архангельской области. Июль. В. В. Митрофанова, Т. И. Орнатская. Совместно с Архангельским гос. педагогическим институтом.

1963

106. Крестецкий и Валдайский районы Новгородской области. Февраль—март. Т. И. Орнатская.
107. Чайковский район Пермской области. Февраль—март. З. И. Власова, Л. И. Емельянов, В. В. Коргузалов, А. Н. Мартынова.

1965

108. Демянский район Новгородской области. Июль. В. В. Митрофанова. Совместно с Новгородским гос. педагогическим институтом.

1966

109. Демянский район Новгородской области. Июль. В. В. Митрофанова. Совместно с Новгородским гос. педагогическим институтом.

1967

110. Валдайский район Новгородской области. Июль. В. В. Митрофанова. Совместно с Новгородским и Вологодским гос. педагогическими институтами.

1968

111. Пестовский район Новгородской области. Июль. В. В. Коргузалов, В. В. Митрофанова. Совместно с Ленинградским гос. университетом и Ленинградской гос. консерваторией им. Н. А. Римского-Корсакова.

1969

112. Хвойнинский район Новгородской области. Июнь—июль. З. И. Власова, В. В. Коргузалов. Совместно с Ленинградской гос. консерваторией им. Н. А. Римского-Корсакова.
113. Мошенской и Боровичский районы Новгородской области. Июнь—июль. В. В. Митрофанова, М. А. Лобанов.
114. Большеболдинский район Горьковской области. Октябрь. М. А. Лобанов.

1970

115. Большеболдинский и Починковский районы Горьковской области. Июнь—июль. В. В. Митрофанова, Н. И. Хомчук. Совместно с Горьковским гос. университетом.
116. Лужский район Ленинградской области. Декабрь. М. А. Лобанов.

1971

117. Ветлужский, Воскресенский и Варнавинский районы Горьковской области. Июль. М. А. Лобанов, Н. И. Хомчук. Совместно с Горьковским Домом народного творчества, Горьковским гос. университетом и Горьковской консерваторией им. Ф. И. Глинки.
118. Крестецкий, Новгородский, Солецкий, Старорусский районы Новгородской области. Июль. В. В. Митрофанова, В. И. Жекулина. Совместно с Новгородским гос. педагогическим институтом.

1972

119. Кстовский, Шахунский, Воскресенский, Большеболдинский, Гагинский, Борский районы Горьковской области. Июль. М. А. Лобанов. Совместно с Ленинградским гос. университетом.

1973

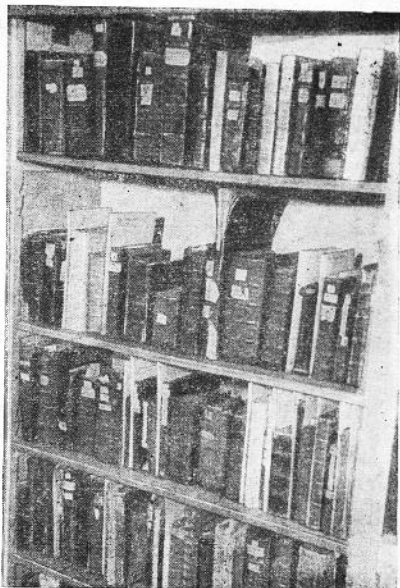
120. Большеболдинский и Лукояновский районы Горьковской области. Февраль. А. А. Горелов, М. А. Лобанов.

1974

121. Новгородский, Валдайский, Поддорский районы Новгородской области. Сентябрь—октябрь. В. В. Митрофанова, А. Н. Розов.

1975

122. Пинежский и Мезенский районы Архангельской области. Июль. С. Н. Азбелев, П. С. Выходцев, В. В. Коргузалов, М. А. Лобанов, Г. И. Мальцев, А. Н. Мартынова, Л. Ф. Морохова, А. В. Осипов, В. А. Смирнов, А. Д. Троицкая, Н. И. Хомчук.
123. Тихвинский район Ленинградской области. Декабрь. Г. В. Матвеев, А. Н. Розов, А. Д. Троицкая, С. В. Фролов. Совместно с экспедицией Общества охраны памятников истории и культуры.

А. Ф. Богданова — жительница с. Борок на Северной Двине, завещавшая Древлехранилищу Пушкинского Дома более 200 рукописей XV—XX вв.

Рукописи коллекции В. М. Амосова—А. Ф. Богдановой в Древлехранилище Пушкинского Дома.

Дом, где хранилась библиотека В. М. Амосова, пополнявшаяся А. Ф. Богдановой.

1976

124. Наримановский, Лиманский, Камызякский, Енотаевский районы Астраханской области. Май—июнь. А. А. Горелов, В. В. Коргузалов, В. П. Шифф.
125. Северодвинский, Приморский, Пинежский, Мезенский, Онежский районы Архангельской области. Июль. П. С. Выходцев, В. В. Коргузалов, М. А. Лобанов, Г. В. Матвеев, А. Н. Мартынова, А. Н. Розов, В. А. Смирнов, А. Д. Троицкая, Н. И. Хомчук.

1977

126. Город Северодвинск и Приморский район Архангельской области. Март. В. В. Коргузалов, Г. В. Матвеев.
127. Аллаиховский, Нижнеколымский и Орджоникидзеvский районы Якутской АССР. Май—июнь. С. Н. Азбелев, В. В. Коргузалов, Г. В. Матвеев. Совместно с Институтом языка, литературы и истории Якутского филиала СО АН СССР.
128. Беломорский район Карельской АССР. Июль. Г. В. Матвеев, А. Н. Мартынова, Л. Ф. Морохова, В. П. Шифф.
129. Онежский район Архангельской области. Июль. А. Н. Розов, С. В. Фролов.
130. Харабалинский, Черноярский и Енотаевский районы Астраханской области. Октябрь. З. И. Власова, А. А. Горелов, М. А. Лобанов, А. В. Осипов, А. Н. Розов, С. В. Фролов, Н. И. Хомчук.

1978

131. Смоленский район Смоленской области. Май. С. В. Фролов, Н. И. Хомчук.
132. Онежский район Архангельской области. Июнь. А. Н. Розов, С. В. Фролов, В. П. Шифф.
133. Онежский район Архангельской области. Июнь—июль. П. С. Выходцев, В. В. Коргузалов.
134. Уренский, Шарангский и Воскресенский районы Горьковской области. Июль. З. И. Власова, М. А. Лобанов. Совместно с Горьковским гос. университетом.
135. Харабалинский район Астраханской области. Октябрь. А. Н. Розов, С. В. Фролов, Н. И. Хомчук, В. П. Шифф.

1979

136. Смоленский район Смоленской области. Май. С. В. Фролов, Н. И. Хомчук, В. П. Шифф.
137. Новгородский и Старорусский районы Новгородской области. Июнь. В. И. Жекулпина.
138. Шарангский и Воскресенский районы Горьковской области. Июль. М. А. Лобанов.
139. Каргопольский район Архангельской области. Июль. З. И. Власова, В. В. Коргузалов, А. В. Осипов.

140. Смоленский район Смоленской области. Июнь. А. Н. Розов, С. В. Фролов, Н. И. Хомчук, В. П. Шифф.
141. Онежский район Архангельской области. Июнь—июль. П. С. Выходцев, Ю. И. Марченко, Л. Ф. Морохова, Л. И. Петрова.
142. Большеболдинский, Борский, Новашинский, Починковский районы Горьковской области. Июнь. М. А. Лобанов, А. Ф. Некрылова, Т. А. Новичкова.
143. Новгородская область. Июль. В. И. Жекулина.
144. Архангельская область (по Северной Двине). Июнь—июль. Т. Г. Иванова, А. Д. Троицкая.
145. Пинежский район Архангельской области. Август. Н. И. Хомчук, В. П. Шифф.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абаза Ю. Ф. 46
 Абамелек-Лазарев С. С. 209
 Абель Н. Х. 236, 237
 Аввакум, протопоп 165, 257, 276, 279
 Авдеенко А. 108
 Авелино Х. 98
 Аверьянова В. И. 29
 Адмони В. Г. 34
 Адрианова В. П. см. Адрианова-Перетц В. П.
 Адрианова-Перетц В. П. 84, 248, 270, 284, 288
 Азадовский М. К. 113, 116, 117
 Азбелев С. Н. 255, 301, 302, 303
 Азволинская И. Д. 297
 Айзеншток И. Я. 115, 241, 249
 Акимова Т. М. 262
 Аксаков К. С. 186, 187
 Аксаковы 46
 Алаймо М. 100
 Александр I (Александр Павлович) 212
 Александра Федоровна, имп. 212
 Александров А. А. 257
 Александрова Н. В. 297
 Алексеев В. М. 166
 Алексеев М. П. 11, 68, 88—90, 181, 184, 215—219, 221, 222, 244
 Алексеева А. А. 235
 Алексеева О. Б. 257, 300
 Алерамо С. 98, 101
 Алферьев В. В. 148
 Альбертсон К. 105
 Альтман М. С. 115
 Алянский С. М. 27
 Амфитеатров А. В. 72
 Андреев Л. Н. 74, 75, 81, 96, 247, 257, 286
 Андреев Ю. А. 255, 263, 301
 Андреева М. Ф. 30
 Андреева С. И. 255
 Андреевский С. А. 40
 Андроников И. Л. 29, 244
 Анисимов И. И. 262
 Аничков А. И. 206
 Анненков П. В. 77, 78, 194, 205, 206
 Анненков П. П. 194
 Анненков Ю. П. 29, 178
 Анненский И. Ф. 109, 113, 169
 Апреп Б. В. 110
 Апучин Д. П. 132, 157
 Апухтин А. Н. 46
 Арапова А. П. 108
 Арина Родионовна 74
 Аронсон М. И. 115
 Асеев В. К. 260
 Архангельская В. К. 300
 Архипов Е. А. 113
 Асаналиев К. 254
 Асеев Н. Н. 36, 104
 Астапов А. А. 188
 Астафьева О. В. 254
 Астахова А. М. 261, 291
 Атаджанян И. А. 257
 Ауслендер С. А. 229, 230
 Афанасьева Е. В. 297
 Афонин Л. Н. 257
 Ахматова А. А. 9, 10, 23, 28, 36, 106—118, 171, 173, 176, 293
 Бабаевский С. П. 255
 Бабель И. Э. 101
 Бабкин Д. С. 253, 263
 Батно В. Е. 92, 260, 299
 Бадалич О. 105
 Бажов П. П. 292
 Базанов В. В. 259
 Базанов В. Г. 8, 261, 300
 Байков А. А. 248
 Байрон Дж.-Г. 117, 267
 Балакирев М. А. 250
 Баланина И. В. 296
 Балашов Д. М. 295
 Балухатый С. Д. 34, 65, 66, 82, 242, 249

- Бальбуров Э. А. 260
 Бальзак О. 66, 117
 Бальмен П. Я. 75, 76
 Бальмонт К. Д. 174
 Баранов В. В. 235
 Баранцевич К. С. 162
 Баратынский Е. А. 233, 235
 Барбаро У. 99
 Барбюс А. 60, 81, 89, 100
 Барсукова Е. Б. 203
 Бартнев П. И. 201, 215, 220, 221, 222
 Басаргина-Блок Л. Д. — см. Блок Л. Д.
 Баскаков В. Н. 3, 21, 39, 48, 71, 177, 198, 205, 257
 Батюто А. И. 253
 Батюшков К. Н. 168
 Бахрушин А. А. 120, 137, 138, 140—144, 149, 158
 Бахрушин А. П. 192
 Бахрушина В. В. 158
 Бахтин В. С. 300
 Бегунов Ю. К. 256, 294, 295
 Бедный Д. 254
 Бекедин П. В. 260
 Бекешова М. А. 23, 25, 31, 180
 Бекетовы А. Н. и Е. Г. 180
 Белецкий А. И. 88, 110
 Белинский В. Г. 184, 233, 266, 271, 279
 Белоброва О. А. 257
 Белый А. 11, 27, 32, 35, 173—175, 178, 179, 224—239
 Бельчиков Н. Ф. 84, 215, 216
 Беляев М. Д. 7, 49, 50, 72, 74, 76—78, 80—82, 199, 200, 203, 211, 212
 Беляев Ю. Д. 72, 155
 Беляков С. А. 78, 80
 Бем Е. М. 165
 Бенешевич Ф. И. 165
 Бенкендорф-Закревская М. И. 75
 Бенуа А. Н. 154, 159, 173
 Берзен 208
 Берков П. Н. 70, 84, 214, 235, 265, 286
 Берне Л. 69
 Беседина Т. А. 254
 Беспалова Л. В. 297
 Бессонов Б. Л. 259
 Бесстужев-Марлинский А. А. 219, 221, 222
 Бесстужев-Рюмин К. Н. 184
 Бетховен Л.—В. 222
 Бецкий И. И. 221
 Бём Э. 94, 96, 104
 Бибулатова К. Ф. 255
 Бирюков Ф. Г. 264
 Бисмарк О. 76
 Битюгова И. А. 253
 Блок А. А. 5, 9, 11, 13—36, 113, 160, 171—180, 220, 224, 261, 263, 279, 293
 Блок А. А. см. Кублицкая-Плотух А. А.
 Блок Г. П. 26, 35
 Блок Л. Д. 27—33, 174, 178—180
 Блок М. Т. 13
 Бобров А. Г. 299
 Боброва Е. И. 253
 Боброва Л. 296
 Богач Г. Ф. 256
 Богданова А. Ф. 297
 Богданова Н. Г. 21, 196, 197
 Болконский А. см. Стасова В. Д.
 Бонди С. М. 89
 Бонч-Бруевич В. Д. 114, 206
 Бооль Н. К. 135, 136, 158
 Боткин В. П. 159
 Боткин В. С. 148, 149
 Боткин М. П. 149, 154, 155, 159
 Боткин С. П. 148
 Боткина М. П. 159
 Воцяновский В. Ф. 29, 173
 Браунер К. 93
 Бримон Р. 98
 Бритиков А. Ф. 255
 Бродовский И. 222
 Броуны 222
 Бруни Н. К. 231
 Брюллов К. П. 37, 79
 Брюсов В. Я. 32, 111, 174, 220, 224, 235, 237, 288
 Буало 113
 Бугаев Б. Н. см. Белый Андрей
 Бугаева К. Н. 225—239
 Буданова Н. Ф. 257
 Бударягин В. П. 12, 295—299
 Будберг М. 96, 103, 106
 Бузник В. В. 263
 Булапин Д. М. 260, 297—299
 Булгаков М. А. 101
 Булич 160
 Бунатян Г. Г. 109
 Бунге Н. Х. 46
 Бунин И. А. 285
 Бунина А. П. 108
 Буренин В. П. 157
 Бурсов Б. И. 282
 Буткевич А. А. 241, 246
 Буткова (Успенская) В. А. 249
 Бурцев А. Е. 177
 Бухгейм Л. Э. 11, 181, 182, 184—192, 194, 196, 198—202
 Буш В. В. 53, 65
 Бушкавец Е. Г. 262
 Бушмин А. С. 60, 253
 Быкова Ф. М. 255
 Вялик Б. А. 268
 Вялый Г. А. 241, 248, 250, 251

- Вавилов С. И. 248
 Ваксель П. Л. 195
 Вальцер М. Ф. 108
 Вандейютт Г. 81, 101
 Ванягина К. Ф. 92
 Васильковский С. В. 208, 210
 Вацуро В. Э. 43, 107, 112, 113, 258
 Вашингтон И. 113, 114
 Введенский А. И. 175, 179
 Вейнберг П. И. 132, 134, 137, 141—
 143, 149, 157
 Вейскопф Ф. 103
 Векслер И. И. 70, 261
 Вельтман А. Ф. 38
 Венгеров С. А. 20, 21, 34, 110, 170,
 235
 Верстовский А. Н. 37
 Верховский Ю. Н. 28, 113, 170, 176,
 224
 Веселовский Александр Н. 20, 62,
 130, 133, 143, 156, 157, 194, 245,
 247, 267, 276
 Веселовский Алексей Н. 123, 124, 156
 Веселовская А. А. 156
 Веселый А. 101
 Вигель Ф. Ф. 215
 Виленкин В. Я. 107
 Виллие М. Я. 130, 133, 142, 157
 Виноградов В. В. 8, 106, 112, 281,
 285
 Виноградов Г. С. 246, 247, 250
 Виноградов И. А. 235
 Винокур Г. О. 89, 232
 Виньи А. 76
 Вирнау Н. Н. 222
 Вишневецкий Вс. В. 254
 Власова З. И. 256, 300, 303
 Воднева Г. Э. 253
 Войнич Э. Л. 256
 Волгин В. П. 54, 61, 67, 86, 90
 Волкова Т. Ф. 296, 297, 299
 Волковьский Н. М. 173, 179
 Волконский С. Г. 190, 191
 Волконский С. М. 190, 191
 Волошин М. А. 229, 230, 291
 Волошина М. С. 226, 227, 229, 230,
 232, 233
 Вольпе Ц. С. 35, 106
 Вольперт Л. И. 116
 Волынский А. 144, 173
 Вольтер 113, 220—222, 264
 Вороблевский В. Г. 256
 Воронцова Е. К. 215
 Воронцовы 166
 Вревский П. А. 190
 Вревский С. Б. 177
 Вунч Г. И. 136, 158
 Выгодский Д. И. 111
 Высоцкая Л. М. 254
 Выходцев П. С. 254, 302, 304
 Выходцева Л. С. 254
 Вяземский П. А. 76, 116, 257
 Габаев К. И. 222
 Гаевский В. П. 167, 198
 Галаган Г. Я. 257
 Галахов Н. П. 147, 148, 159
 Галахова (Шеншина) О. В. 147, 159
 Галицын А. Н. 79
 Гампельн К. К. 166, 178
 Ганнибал А. П. 14
 Ганнибал А. С. 219—221
 Гарин-Михайловский Н. Г. 253
 Гаршин В. М. 241, 248, 251
 Гаршина Н. М. (урожд. Золотилова)
 241, 248
 Гастева М. С. (урожд. Аксакова) 46
 Гашкова Н. П. 299
 Ге Н. Н. 127
 Ге Н. П. 13
 Гед 222
 Гейне Г. 60, 69, 265
 Гельфанд 220
 Генералова Н. П. 260
 Геннади Г. Н. 188
 Герасимова Н. М. 297
 Герцен А. И. 186, 267, 280
 Герштейн Э. Г. 107, 112, 113, 116
 Гессен С. Я. 115, 242, 249
 Гете И. В. 60, 62
 Гиллельсон М. И. 257
 Гин Я. 29
 Гинзбург Л. Я. 115
 Гиппиус А. В. 30, 35
 Гиппиус Василий В. 30, 34, 35, 65,
 115, 246
 Гиреев Д. 255
 Гладков Ф. В. 101, 254, 255
 Глинна В. М. 179
 Глинна М. И. 37, 195, 262
 Глинна Ф. Н. 261
 Гнедич Н. И. 37, 76, 139
 Гнедич П. П. 127, 134, 135, 136, 139,
 142, 151, 157
 Гнесин М. Ф. 28, 176, 180
 Гоголь Н. В. 37, 84, 130, 137, 154, 177,
 195, 225, 241, 253, 259, 273, 278
 Гозенпуд А. А. 262
 Голенищев-Кутузов И. Н. 262
 Голи Л. В. 254
 Голиков И. И. 169
 Голицын Н. Б. 222
 Голлербах Э. Ф. 109
 Голубев В. 84
 Голубев В. З. 35, 252
 Гольцев В. А. 74
 Гончар О. 254
 Гончаров И. А. 39, 40, 46, 49, 51, 130,
 149, 154, 170, 189, 190, 236, 280
 Горбачев Г. Е. 57

- Горелов А. А. 302, 303
 Горенко А. см. Ахматова А. А.
 Горенко И. А. 109
 Горленко В. П. 186
 Городецкий Б. П. 282
 Горохова Р. М. 260
 Горфункель А. X. 295, 296, 297
 Горький М. 5, 9, 10, 46, 61, 65, 66,
 71—105, 128, 157, 206, 242, 247, 249,
 251—254, 256, 261, 262, 264—270,
 272, 274, 276, 279, 283
 Гофман В. А. 35
 Гофман М. Л. 21, 26, 42, 166—168,
 173, 197, 199, 207, 209, 214
 Гофман Э. Т. А. 109
 Грабовская И. Я. 297
 Градовский Г. К. 186
 Грамон Д. 95, 104
 Грачева А. Д. 259
 Грачева А. М. 299
 Гребенщиков Я. П. 165, 178
 Гребенюк В. П. 296
 Греков Б. Д. 245
 Гречнев В. Я. 256
 Гржебин З. И. 29, 30
 Грибоедов А. С. 37, 187, 258, 275, 289,
 292
 Григорович В. И. 221
 Григорович Д. В. 154
 Григорьев А. А. 16—19, 39, 40, 42,
 49, 206
 Григорьян К. Н. 244, 261
 Гриммельсгаузен Х. Я. К., фон 253
 Грин Поль 101
 Гринберг З. Г. 78
 Гринев 147
 Гришунин А. Л. 256
 Грознова Н. А. 258
 Громов А. 29
 Громов А. Г. 300
 Громов В. А. 256
 Громов П. П. 35, 263
 Грот К. Я. 207
 Грот Я. К. 207
 Груздев И. А. 96, 208
 Грушкин А. И. 68, 245, 250, 252
 Губер П. К. 201
 Гужиева Н. В. 258
 Гуковский Г. А. 35, 85, 106, 113,
 116, 235, 287
 Гумбольдт 76
 Гумницкий И. И. 297, 298
 Гуревич Л. Я. 111
 Гусев В. Е. 300, 301
 Гухман С. Н. 259
 Гюго В. 76
 Давыдов Д. 76, 108, 234, 235
 Далматов В. П. 127, 128, 157
 Данзас К. К. 78
 Данилевский Р. Ю. 92, 256
 Данилов В. В. 262
 Данилов Юрий см. Кузьмина-Кара-
 ваева Е. Ю.
 Данте А. 113, 114, 282
 Даргомыжский А. С. 250
 Дармакирти (Дхармакирти) 236, 237
 Дармощтара 236, 237
 Дашкова Е. Р. 166
 Дедюлин С. 110, 117
 Дельвиг А. А. 26, 167, 195, 234, 235
 Демин А. С. 256, 295
 Демкова Н. С. 257, 296—298
 Демосфен 228
 Дергачев И. А. 264
 Дергачева-Скоп Е. И. 256, 295
 Державин Г. Р. 14, 234, 235
 Державин К. Н. 88, 113
 Де-Рибас А. М. 215, 216
 Дерман А. Б. 268
 Десницкий В. А. 31, 34, 65, 82, 83,
 85—87, 90, 232, 248, 277, 292
 Джата М. А. 97, 98
 Джером К. Джером 286
 Джойа М. 97, 98
 Джусоев Н. Г. 254
 Дзанотти-Бьянко У. 100
 Дзержинский И. И. 245, 250
 Диккенс Ч. 66, 102, 211
 Дмитриев Л. А. 254, 263, 295
 Дмитриева Р. П. 296
 Дмитриев-Мамонов Э. А. 195
 Добровольский Б. М. 300, 301
 Добровольский Л. М. 252
 Добролюбов Н. А. 25, 255, 266, 279
 Добужинский М. В. 32
 Долгова И. А. 297
 Долинин А. С. 200, 249
 Долинина А. С. 83
 Домановский Л. В. 254
 Домгер Л. Л. 115
 Дорлиак К. Н. 28, 176, 180
 Достоевский Ф. М. 23, 46, 48, 51, 83,
 84, 96, 107, 108, 115, 130, 154, 220,
 222, 259, 268, 280, 286, 287
 Драгоманов М. П. 220
 Дробленкова Н. Ф. 254, 294, 295, 300
 Друганов И. А. 195, 202
 Друкарев Е. Г. 296
 Дубенцов Б. И. 254
 Дубовик Н. П. 259
 Дубровин Н. Ф. 120—122, 126, 131,
 156
 Дуденков А. И. 255
 Дунаев М. М. 260
 Дуров В. С. 296
 Дымшиц А. Л. 34, 242
 Дьяченко М. П. 300

- Евгеньев-Максимов В. Ю. 46, 240
 Евсеев В. Я. 262
 Евсеева И. А. 299
 Елена Павловна, вел. кн. 44
 Елизавета Алексеевна, имп. 212
 Елисеев Г. З. 44
 Емельянов Л. И. 255, 264, 300, 301
 Еремсов Н. Г. 149
 Еремин И. П. 288
 Ермолова М. Н. 123, 156
 Ерофеев В. В. 253
 Ершов Л. Ф. 253, 263
 Ершов П. П. 250
 Есаулов А. П. 220
 Есенин С. А. 36, 257, 282, 285, 289
 Ефименко К. 241
 Ефименко П. С. 253
 Ефремов И. А. 257
 Ефремов П. А. 15, 150, 151, 159, 189

Жапен Ж. 220
 Жаравипа Л. В. 259
 Жекулина В. И. 259, 302—304
 Желтова Н. И. 253, 264
 Жереп И. Ф. 195
 Жилле Л. 103
 Жирмуцкий В. М. 29, 34, 88, 106, 110—112, 115, 168, 244
 Жуковский В. А. 20, 37, 76, 108, 111, 257
Журавлев А. А. 195

 Заболоцкая Н. Н. 21
 Заборов П. Р. 92, 264
 Заволоко И. Н. 295, 298
 Загоскин М. Н. 76
 Зайцев Н. В. 254
 Закревский В. А. 75
Замятин Е. И. 27, 101, 173—175, 178, 179
 Запotti-Бьянко У. 81
 Заладов А. В. 252
 Захарова Е. Д. 299
 Званцева Е. П. 257
 Звозников А. А. 260
 Зелинский Ф. Ф. 109
 Зенгер Т. Г. 83
 Зенкова К. В. 257
 Зиборов В. К. 297
 Зильберштейн И. С. 30, 31, 33, 216, 252
 Зплоти А. И. 173, 179
 Зиннер Э. П. 262
 Злаговратский Н. Н. 258
 Зоргенфрей В. А. 30
 Зоценко М. М. 101, 245
 Зыков Э. Г. 258, 295
 Зырянов И. В. 257

Иванов М. В. 259
 Иванов Вс. В. 101, 285
 Иванов Вяч. И 110, 224
 Ивапов Г. И. 28
 Иванов Е. П. 30, 34, 35
 Иванова-Разумник Р. Е. 27, 30, 172—175, 177
 Иванова Е. А. 30
 Иванова М. Е. 30
 Ивапова М. П. 34
 Иванова Т. Г. 304
 Иваповский В. А. 301
 Иваск У. Г. 188
 Ивашев В. П. 78
 Иванникова Н. М. 180
 Ивлев Д. Д. 225
Ивойлов Вл. Н. см. Княжнин В. Н.
 Игнатов Ю. Д. 301
 Иезуитова Р. В. 257
 Извольский П. П. 158
 Измайлов А. А. 186
 Измайлов Н. В. 7, 26, 51, 115, 182, 262, 284
 Изнар Н. С. 231
 Ильин Н. П. 31
 Ильина Ф. В. 249
 Ильинский Л. К. 21, 196, 197
 Иопов (Бернштейн) И. И. 173, 179
 Исаков П. Н. 130, 139—142, 154, 157
 Исаков Ю. 33
 Истрати П. 81
 Истрин В. М. 52, 214

 К. Р. 43, 79, 156, 158
 Кавелин К. Д. 184
 Каверин В. А. 101
 Каган М. Д. 260, 298
 Кадеи Э. 94, 97, 104
 Казанович Е. П. 4, 10, 11, 14—17, 21, 22, 24—28, 30, 48, 120, 160, 161, 163, 177, 178, 196, 198, 213, 214
 Казин П. Н. 136, 144, 146, 158
 Калаушин М. М. 65
 Камегулов А. Д. 65, 66
 Калинин Ф. А. 294
 Калинин М. И. 245, 250
 Каменский 74
 Каминский В. И. 264
 Канаев Ф. Ф. 61, 65, 66, 252
 Кандель Б. Л. 253
 Капнист В. В. 277
 Карамзин Н. М. 76, 256, 259, 283
 Карасева И. П. 254
 Каратыгин В. А. 37
 Каратыгин П. А. 37
 Карафф Ж. 80
 Кареев Н. И. 134, 158

- Каренин В. см. Комарова-Стасова В. Д.
- Карпенко-Карый (Тобилевич) И. К. 255
- Карпинский А. П. 44, 70, 87, 90
- Карпов Е. П. 129, 157
- Карская Т. С. 257
- Карская Т. Я. 253
- Картавов П. А. 214
- Кастелли Ч. 93, 95
- Касторский С. В. 261
- Катаев В. П. 101
- Каун А. 103
- Кауфман А. Е. 173, 179
- Кауфман М. С. 74
- Кауфман П. М. 146, 159
- Качалов В. И. 244
- Кекуатов 155
- Кешен Ф. П. 17
- Керн А. П. 139
- Кигн В. Л. (псевд. Дедлов В. Л.) 186
- Кипренский О. А. 139, 178
- Киреевский П. В. 263
- Кирьяков А. М. 97
- Кларк Б. 101
- Клейн Ф. 236, 237
- Книпович К. 178
- Кюспе Г. И. 202, 203
- Княжевич Д. М. 216
- Княжнин В. Н. (Ивойлов Вл. Н.) 13, 14, 16—21, 25, 42, 106, 162, 179, 190, 205, 206
- Кобеко Д. Ф. 138, 158, 221, 222
- Ковалев В. А. 261
- Ковалевский В. И. 44
- Ковалевский М. Е. 43
- Коженевский Ю. 257
- Козловская А. М. 167, 191, 192, 198, 213
- Козман М. С. 105
- Козмин Н. К. 20, 26, 62, 115, 116, 167—169, 197
- Козьмин Б. П. 65, 68
- Кокцов В. Н. 149, 150, 159, 204
- Колобанов В. А. 256
- Колосова Т. С. 253
- Колпакова Н. П. 262, 300
- Кольцов А. В. 39, 190
- Комаров В. Л. 60
- Комарова В. Д. (Комарова-Стасова В. Д., Каренин Влад.) 48, 50, 170, 197, 245, 250
- Комарович В. Л. 84, 115
- Комарович М. 54, 55
- Компансец В. В. 259
- Копдаков Н. П. 130, 133, 134, 157
- Копдратьев А. М. 123, 126, 128, 136, 138, 157, 158, 224
- Конечный А. М. 171
- Кони А. Ф. 9, 23, 37—52, 134, 141, 142, 158, 169—171, 189, 190
- Копи Ф. А. 39, 40
- Конкин С. С. 264
- Коновалова О. Ф. 253
- Конрад Н. И. 56
- Констап Б. 114—117
- Копанев А. И. 295
- Коплан Б. И. 7, 174, 179
- Коргузалов В. В. 298, 300—303
- Коржан В. В. 257
- Короев 245
- Королева Н. В. 258
- Короленко В. Г. 42, 51, 94, 236, 246, 247, 256, 274
- Корф В. Ф. 157
- Корчмара М. Л. 95
- Костин В. Г. 254
- Котикова И. Л. 299, 300
- Котляревский Н. А. 6, 9, 11, 15, 18, 20—23, 25—28, 39, 40, 42—44, 46, 48, 72, 76, 78, 79, 150, 152, 154, 159—169, 171—174, 181—184, 191—194, 196, 202—213, 218, 219, 247
- Кочеткова Н. Д. 256
- Кочубей-Строганова Н. В. 215, 216
- Кошелев А. 67
- Кошелев В. А. 259
- Кравченко И. И. 299
- Кралин М. 110
- Крамер И. Б. 236, 237
- Красин Л. Б. 78, 104
- Крашевский И. 257
- Кристи М. П. 82, 171, 178, 212
- Кротус-Соломина см. Соломина М. Г.
- Крупская Н. К. 70
- Крылов В. П. 264
- Крылов И. А. 76, 79, 253, 284
- Крючков В. П. 247, 251
- Кубасов И. А. 7, 196
- Кублицкая-Пиотгух А. А. 14, 18, 23, 25, 27, 30, 174, 176, 178—180
- Кублицкий-Пиотгух П. П. 13, 17
- Кудрявцева Н. Н. 297
- Кудышкина А. Г. 299, 300
- Кузмин М. А. 23, 172, 173, 178, 220
- Кузмина М. Д. 33
- Кузнецова Т. А. 297
- Кузьмин А. И. 256, 264
- Кузьмица-Карабаева Е. Ю. 110
- Кузьмичев И. К. 262
- Кузьмичев И. С. 260
- Кукольник Н. В. 37, 241
- Кукушкина Е. Д. 297
- Кулакова Л. И. 252
- Кунин А. А. 221
- Куприянов Н. Н. 231
- Куприянова Е. Н. 231, 232, 235, 254
- Куприн А. И. 72, 248, 285
- Купченко В. П. 226

- Куриленко И. М. 254
 Курич И. И. 220—222
 Кустов В. А. 260
 Кюхельбекер В. К. 114
- Лаврентьева С. И. 44, 46
 Лавров А. В. 224
 Лажечников И. И. 51
 Лангер В. 79
 Ланская Н. Н. см. Пушкина Н. Н.
 Лапкина Г. А. 253
 Лапшин И. И. 173, 179
 Ларцев В. Г. 263
 Лафонтен Ж. 235
 Лебедев А. 59
 Лебедев Ю. В. 264
 Лебедев-Полянский П. И. 71, 244, 246
 Левитов А. И. 257
 Левкович Я. Л. 225, 235
 Лелевич Г. Л. 57
 Ленин В. И. 56, 57, 59, 63, 66, 71, 80,
 104, 184, 261, 264, 268, 277, 278,
 285, 293
 Ленский А. П. 123
 Ленский (кн. Оболенский) П. Д. 127,
 128, 157
 Ленц В. 222
 Леонов Л. М. 101, 261, 264, 280, 284,
 289, 293
 Леонтьев (Щеглов) И. Л. 137, 158,
 185, 186
 Лепехин М. П. 298
 Лермонтов М. Ю. 20, 55, 76, 84, 130,
 172, 184, 185, 198, 208, 244, 252,
 253, 255, 262—264, 281
 Лерпер Н. О. 29, 76, 151, 159, 173, 219
 Лесков Н. С. 81, 96, 252, 259
 Лешковская Е. Н. 123, 156
 Линдин В. Г. 187
 Линдеберг О. А. 299
 Липранди И. П. 220, 222
 Липранди П. П. 222
 Лисовский Н. М. 182
 Литвинова Н. Н. 296, 297
 Лифшиц М. А. 64, 253
 Лихачев Д. С. 8, 249, 252, 261
 Лобанов М. А. 302—304
 Ло Гатто Э. 94
 Ломоносов М. В. 84, 253, 261, 263,
 266, 268, 279
 Лонгинов М. П. 166, 187, 189, 190—
 192, 198, 206
 Лотман Л. М. 252, 263
 Лоцинская П. В. 13
 Лукирская К. П. 254
 Лукницкий П. Н. 113
 Луначарская И. А. 62
 Луначарский А. В. 5, 9, 10, 53—72,
 77, 78, 84, 88, 207, 209, 260, 282, 290
 Луначарская-Розенель Н. А. 69
- Луппол И. К. 87
 Львов Г. Е. 204
 Ляпунов Б. М. 54
 Ляпунов С. М. 170, 171
 Лямкина Е. И. 112
- Магид С. Д. 299, 300
 Магомедов Б. М. 254
 Мадзини Д. 100
 Мажуга В. И. 296
 Мазунин А. И. 256
 Майков А. Н. 195
 Майков В. И. 236, 237
 Майков Л. Н. 120, 168
 Макарова Н. А. 297
 Макашин С. А. 252
 Маковский С. К. 111
 Максим Грек 260
 Максимов В. Е. 244
 Максимов Д. Е. 35, 106, 244, 262
 Малкина Е. Р. 34, 35, 106, 261
 Малова М. И. 31, 244, 249
 Малышев В. И. 12, 255, 292, 294—
 296
 Мальцев Г. И. 92, 302
 Мальцев Е. Д. 296
 Мамин-Сибиряк Д. Н. 264, 291
 Мандельштам О. Э. 112, 113
 Мандельштам Р. С. 70
 Мандзони А. 97
 Мандрыкина Л. А. 109, 113
 Мануйлов В. А. 106, 115, 252
 Маргарян А. Е. 254
 Марголина А. А. 252
 Мария-Антуанетта, фр. королева 212
 Мария Федоровна, имп. 212
 Маркелов Г. В. 296—299
 Маркович М. А. (Марко Вовчок) 190
 Марк К. 63, 64, 66, 67, 69, 253, 262,
 277, 283
 Марр Н. Я. 251
 Мартынов В. И. 259
 Мартынова А. Н. 301—303
 Марченко Ю. И. 304
 Маршак С. Я. 244
 Матвеев Г. В. 298, 302, 303
 Матвеев Л. Н. 296
 Махновец Т. А. 296, 297
 Мачеева А. Г. 255
 Маяковский В. В. 5, 174, 175, 220,
 222, 252, 254, 256, 258, 265, 267—
 269, 272—274, 281, 288
 Медведева-Томашевская И. Н. 115,
 225, 226, 228—239
 Мей Л. А. 195
 Мейлах Б. С. 115, 261, 284
 Мельгунов Б. В. 260
 Мельник В. И. 260
 Мельников-Печерский П. И. 258
 Мельц М. Я. 258

- Менделеев Д. И. 14, 30
 Менделеева А. И. 33
 Мещанинов И. И. 245
 Мещерская Е. Н. 298
 Микельанджело 253
 Микешин Б. М. 148
 Микушев А. К. 254, 263
 Милевская Т. Е. 296
 Миловский А. С. 298
 Минаев Д. Д. 46
 Минский Н. М. 46
 Мирбо О. 95
 Мирлобов В. С. 29, 247, 250, 251
 Мирский Д. П. 88
 Митрофанова В. В. 300—302
 Михайлов А. И. 259
 * Михайлов Д. Д. 297
 Михайлова А. К. 252, 265, 294
 Михайлова С. Б. 258
 Мицкевич А. 107, 276
 Мишин А. И. 258
 Модзалевская В. Н. 197, 210—214
 Модзалевский Б. Л. 6, 7, 9, 11, 17, 18,
 21—23, 26, 28—31, 38, 39, 43, 47—
 51, 74—79, 82, 83, 116, 119, 122,
 130—139, 146, 148—152, 166, 177,
 181—192, 194—196, 198—216, 218,
 219, 222, 289
 Модзалевский Л. Б. 25, 83, 115, 211,
 212, 261
 Моисеева Г. Н. 253, 263
 Мокульский С. С. 88
 Мольер Ж. Б. 116, 235
 Морачевский Н. Я. 252
 Мордовченко Н. И. 242
 Морозов А. А. 65, 120, 247, 250
 Морозов П. О. 20, 48, 189
 Морозова А. Г. 254
 Морохова Л. Ф. 302, 304
 Моргье Р. 102
 Моршихина А. С. 92
 Мостовская Н. Н. 259
 Мотковский 136—139
 Моцарт В. А. 243
 Мочульский К. В. 110—112
 Муйжель В. В. 176
 Муравьева О. С. 260
 Муратов А. Б. 37
 Муратова К. Д. 60, 262
 Мурашов М. П. 13
 Мусоргский М. П. 134, 156
 Мюллер 208
 Мюссе А., де 252
 Мятлев И. П. 43, 198

 Надеждин Н. И. 38
 Надсон С. Я. 186
 Назарова Л. Н. 253
 Найдич Э. Э. 253, 263
 Царуцкая О. Л. 297

 Населенко Е. П. 7, 197
 Паумова Н. И. 255
 Небольсин С. А. 31
 Невзглядова Е. В. 259
 Недоброво Н. В. 108, 110
 Нееды З. 104
 Некрасов К. Ф. 18
 Некрасов Н. А. 36, 39, 42, 44, 46, 51,
 55, 149, 170, 195, 214, 241, 246, 250,
 253—255, 260, 264, 267, 271—273,
 276, 279, 280, 283, 284, 286—288,
 291
 Некрылова А. Ф. 304
 Нелидов В. А. 123, 124, 156
 Немрович-Данченко В. И. 120, 128,
 129, 157
 Немцова Б. 257
 Немшилова З. Я. 257
 Нефедов Ф. Д. 252
 Нефф Т. А. 165, 178
 Никитин И. С. 39, 190, 289
 Никитин Н. Н. 101
 Никитин П. В. 130, 133, 140, 142,
 152, 157
 Никитина Н. С. 260
 Никифоров В. В. 197
 Николаев Н. И. 297—299
 Николаев О. Р. 299
 Николаев С. И. 298, 299
 Николаев М. В. 253
 Николай I 79, 107
 Николай Николаевич (младший) см.
 Романов Н. Н.
 Никольский К. Н. 54, 67
 Никольский Н. К. 213
 Никул Г. В. 299
 Ноайль де 98
 Новиков Н. В. 301
 Новиков Н. И. 284
 Новиков-Прибой А. С. 291
 Новичкова Т. А. 304
 Новорусский М. Э. 247, 250
 Новосильцев 74
 Ноельквв 101
 Нушич Б. 256

 Овсяннико-Куликовский Д. Н. 20
 Овчинников В. Р. 256
 Огарев Н. П. 39, 190
 Одоевский В. Ф. 260
 Одоков И. И. 257
 Оксенов И. А. 246, 250
 Оксман Ю. Г. 85—87
 Оленин А. Н. 215, 216, 218
 Оленина А. А. 26, 167
 Оленина-Андро А. А. 219
 Ольденбург С. Ф. 21, 42, 51, 76, 120,
 121, 130, 131, 133—135, 137—139,
 141—152, 155, 156, 166, 173, 182,
 183, 200

- Ольденбургская О. А. 148
 Онегин-Отто А. Ф. 14, 149, 150, 159, 205
 Онегина Н. Ф. 259
 Орбели И. А. 248
 Орешин П. В. 259
 Орлов А. С. 54, 55, 61, 67, 68, 70, 83, 85, 87, 242, 244, 246, 248—250, 268
 Орлов В. Н. 32, 34—36, 235
 Орнатская Т. И. 301
 Осипов А. В. 302, 303
 Островский А. Н. 43, 130, 136, 138, 154, 158, 200, 252, 266, 270, 275, 288, 289
 Островский Н. А. 254
 Осьмаков Н. В. 263
 Охотникова В. И. 260

 Павлищев Н. И. 190
 Павлова К. К. 46, 49
 Павлович Н. А. 29, 178
 Павловский А. И. 263
 Панаев И. А. 241
 Панкратьев Ф. В. 257
 Панченко А. М. 240, 256, 263, 294, 295, 296, 298
 Панченко М. А. 240, 241, 243, 249, 250
 Панченко Н. Т. 240, 254
 Папковский Б. В. 261
 Парастаев А. Ф. 255
 Пардо Басан Э. 260
 Паскевич-Эриванский И. Ф. 79
 Пастернак Б. Л. 101
 Пашков А. Г. 96
 Перельман И. О. 29
 Перепеч А. И. 65, 252
 Переселенков С. А. 244, 250
 Перетц В. Н. 54, 66, 285
 Перминов Г. Ф. 255
 Пестовский В. А. (псевд. Пяст В.) 173, 178, 179
 Петр I 26, 79, 165, 169
 Петров В. Т. 258
 Петров-Водкин К. С. 173, 176, 180
 Петров-Драмов 211
 Петрова Л. И. 304
 Петрова-Водкина М. Ф. 176, 180
 Петрунина Н. Н. 258
 Петухов В. К. 259
 Пешков А. М. см. Горький М.
 Пикасанов Н. К. 34, 48, 56, 61, 65, 70, 83, 87, 104, 186, 242, 244, 248, 249, 265, 274, 277, 280, 283
 Ппльняк Б. А. 101
 Пиотровская Е. К. 296, 297, 298
 Пиранделло Л. 100
 Писарев Д. И. 170, 253, 261, 264, 284
 Писарев М. И. 79, 80
 Писемский А. Ф. 84, 162

 Платонов А. А. 203
 Платонов С. Ф. 48, 51, 72
 Пицкель Ф. Н. 256
 Плесовский В. Ф. 253
 Плетнев М. Д. 151, 159
 Плетнев П. А. 14
 Плеханов Г. В. 276
 Плещеев А. Н. 186, 240, 241
 Плоткин Л. А. 244, 250, 261
 Плутарх 228
 Пнин И. П. 187, 188
 Победоносцев К. П. 158
 Погодин М. П. 177
 Погодин Н. Ф. 254, 255
 Поджио А. В. 221
 Познер В. 96, 101
 Покровская Е. Б. 197
 Покровский М. Н. 209
 Покусаев Е. И. 262
 Полевой Н. А. 116
 Полевой П. Н. 138, 158
 Полежаев А. И. 234, 235, 250, 267, 275
 Полонский Я. П. 195, 285
 Полторацкий С. 221
 Поляков А. С. 21, 77, 201, 204—206
 Пономарев С. И. 189
 Пономарева Е. В. 52
 Понс Э. 102
 Понырко Н. В. 260, 297, 298
 Попов А. А. 165, 235
 Постников В. В. 144
 Постнов Г. С. 263
 Постнова Т. В. 297
 Потапенко И. Н. 186
 Потехин А. А. 134, 158
 Прааг-Дворсон Л. 94
 Правдин О. А. 123
 Пришвин М. М. 255, 287, 291
 Прозоров В. В. 264
 Прокофьев А. А. 290
 Пропп В. Я. 282
 Протченко В. И. 258
 Прохоров Г. М. 257, 264, 295, 298
 Пругавин А. С. 165, 177
 Прутков Козьма 234, 265
 Прудцов Н. И. 285
 Псиоль Н. 93
 Пугачев Е. И. 256
 Пулайль А. 81, 99, 100
 Пумпянский Л. В. 112
 Пухов Ю. С. 254
 Пушкин А. А. 136, 145, 158
 Пушкин А. С. 4, 6, 10, 13—17, 21—27, 30, 38, 39, 54, 55, 57, 61, 66, 71, 74, 76, 78, 79, 82—84, 86, 87, 89, 90, 92, 106—122, 125, 127—137, 139, 141, 142, 144, 145, 150, 154—157, 159, 165, 167—169, 171, 172, 174, 177, 181, 182, 190—192, 195, 198,

- 199, 202—204, 215, 216, 218—220, 222, 225, 232—237, 239, 241—244, 249, 250, 252—262, 265—285, 287—293
- Пушкина Н. Н. 108, 165
 Пущин И. И. 79, 127, 128
 Пыпин А. Н. 186
 Пяст В. см. Пестовский В. А.
- Радиц В. 104
 Радищев А. Н. 84, 195, 263, 271, 273
 Радлов Н. 173
 Радлов С. Э. 110, 173
 Раев Н. П. 109
 Раевская М. Н. 224
 Раевские 219, 190
 Раевский Вл. 261
 Раевский П. М. 190, 219
 Разумова А. П. 253
 Разумовский А. К. 222
 Райт 79
 Рафалович 69
 Рахманпов С. В. 28
 Резников Л. Я. 262
 Резцов Н. А. 133, 158
 Рейнбот П. Е. 48, 129, 130, 132, 146, 157, 203—205
 Рейсер С. А. 246, 250
 Ремезов С. У. 256
 Ремизов А. М. 29, 173
 Ремизов В. М. 13
 Репин И. Е. 79, 80, 84, 252
 Рептон У. 100
 Рерих Н. К. 32
 Ресневич О. 96
 Ровда К. И. 10, 53, 62, 63, 65, 66, 69, 263
 Ровинский П. А. 259
 Ровнякова Л. И. 258
 Роде 212
 Родионова 245
 Рождественская М. В. 258, 296, 297
 Рождественская Т. В. 296
 Рождественский Вс. А. 28, 170, 176
 Розанова Л. А. 264
 Розенберг А. Б. 151, 159
 Розенель Н. А. 69
 Розит П. 100
 Розов А. Н. 260, 296, 298, 302, 303, 304
 Роллан Р. 60, 103
 Романов П. Н. 120
 Ромодановская Е. К. 257, 295
 Рославлев А. 105
 Росовецкий С. К. 259
 Ростовцев М. И. 183
 Ростопчина Е. П. 77
 Русев П. Н. 263
 Рыбаков К. Н. 123, 156
 Рыбников П. И. 253
- Рыделлус Э. 94
 Рыжова Л. П. 296
 Рылеев К. Ф. 218, 219, 258
 Рышков Виктор А. 120, 124, 124, 137
 Рышков Владимир А. 4, 10, 21, 22, 38, 119—121, 125, 127, 134, 140, 146, 154, 155, 158, 163, 181, 205
 Рэмбо А. 236
 Рябушинский Н. П. 120, 136, 158
- Савина М. Г. 156
 Садовская К. М. 30
 Садовская О. О. 123
 Садовский Б. А. 224
 Садовский М. П. 123, 136, 156
 Сажкин В. Н. 160
 Сазопова Л. И. 259, 296, 297
 Сазопова-Слопимская Ю. Л. 110
 Сакулпин П. Н. 60
 Салагаева З. М. 253
 Салнас Е. А. 72
 Салмина М. А. 296
 Саломон А. П. 132, 139, 142, 157
 Салтыков-Щедрин М. Е. 46, 84, 175, 241, 252, 253, 260—262, 272, 290
 Самодуров Д. В. 300
 Самойлович А. Н. 67, 70
 Самойлович Р. Л. 243, 249
 Саудомирская В. Б. 255
 Сарафанова Н. С. (Демкова Н. С.) 295
 Сахновский-Панкеев В. А. 255
 Сац И. А. 59
 Саяпов В. М. 235, 243
 Свирид Н. Г. 243, 249
 Свифт Д. 102
 Сейфуллина Л. 84, 96, 101
 Селивановский А. П. 235
 Селищева М. В. 297
 Семейский М. И. 108, 220, 222
 Семенников В. П. 221
 Семенов Е. И. 181, 259
 Семенова Е. П. 297
 Семечкина Т. Б. (урожд. Данзас) 207
 Сешилов В. А. 28, 276, 180
 Сенкевич Г. 97
 Серафимович А. С. 280
 Сербский Г. П. 215, 216
 Сергеев-Ценский С. Н. 84, 96, 290
 Сергеевко П. А. 143, 144, 158
 Сергиевский И. В. 275
 Серов А. Н. 250
 Серошевский В. 258
 Серяков Л. А. 74
 Сидяков Л. С. 225, 256
 Силаев А. Я. 257
 Спльверсвац П. И. 173, 179
 Симина Г. Я. 296

- Симоны П. К. 184, 185, 187, 189, 194, 198
Синклер Э. 102
Сиповский В. В. 20, 287
Скитские, братья 75
Скитский П. 74
Скитский С. 74
Скоп Е. И. см. Дергачева-Скоп Е. И.
Скороходов И. Н. 188
Скрипиль М. О. 261
Слонимский А. Л. 89, 110, 111
Слонимский М. 101
Смирнов А. А. 88, 110
Смирнов В. А. 302, 303
Смирнов В. Б. 264
Смирнова Э. С. 296
Смит А. 102
Сморозин А. А. 258
Собаньская К. А. 219
Собинов Л. В. 123—126
Собольщиков В. И. 188
Сойкин П. П. 186
Соймонов А. Д. 255, 263
Соколов П. Ф. 203
Соколов Ф. В. 256, 300
Соколова В. Ф. 258
Соловьев Вл. С. 179
Соловьева О. С. 195
Сологуб Ф. К. 23, 28, 35, 110, 176
Соломина М. Г. 108
Сперанская Е. 54, 55
Сперанский М. Н. 54
Спиридонов В. С. 49
Спиридонова А. М. 247, 251
Срезневская В. С. 108
Срезневская О. В. 109
Срезневский 165, 166
Срезневский В. И. 51, 205, 206
Стапиславский К. С. 35
Стасов В. В. 48, 245, 246, 250
Стасова В. Д. см. Комарова-Стасова В. Д.
Стасюлевич М. М. 43, 191, 245, 250
Стахов В. П. 255
Стахова В. С. (урожд. Враская В. С., в замужестве Котляревская) 28, 176
Стахович М. А. 155, 159
Стеблин-Каменский М. И. 261
Стеклов В. А. 214
Стенник Ю. В. 258
Степанов А. Н. 10, 72, 77, 80, 81, 198, 204, 206
Степанов В. П. 119, 258
Степанов Л. А. 259
Стогов Э. И. (Можайский) 108
Стогова-Змунчила И. Э. 108
Стороженко Н. И. 122, 123, 156
Стравинская 213
Стравинский И. Ф. 220
Странник И. 93, 104
Страхов Н. Н. 186
Стревельс С. 101
Стриендберг А. 257
Строганов А. Г. 216
Строговы 166
Струве П. Б. 248
Струмилин С. Г. 160
Суворин А. С. 72, 120, 129, 148, 157, 186
Суворов А. В. 76
Султанов Н. В. 133, 139, 140, 158
Султанова-Леткова Е. П. 43
Сумароков А. П. 236, 237
Сурков А. А. 254
Сухова-Кобылин А. В. 72
Сухорукова М. Н. 254
Сухогина К. Д. 147, 159
Сыдокбеков Т. 254
Тарасенкова Е. Ф. 255
Таратута Е. А. 256
Тассо Т. 260
Твардовский А. Т. 254
Тверской М. А. 254
Творогов О. В. 263
Теккерей У. 66
Теляковский В. А. 124, 156
Теплянская Н. М. 260
Терентьева Е. Э. 299
Тиме Г. А. 260
Тименчик Р. Д. 106, 113
Тихонов А. А. см. Луговой А. А.
Тихопов Н. С. 101, 245, 255, 286, 291
Толкачева Г. А. 296
Толстая С. А. 104
Толстой А. К. 74
Толстой А. Н. 101, 244, 261
Толстой И. И. 130, 133, 137, 139, 140, 142, 157
Толстой Л. Н. 51, 55, 72, 97, 103—105, 143, 144, 155, 175, 222, 254, 255, 257, 259, 262, 266, 267, 269, 272, 274, 279, 292
Толстой Ф. М. псевд. Ростислаев 250
Толстой Ф. П. 221
Толстой Я. Н. 187, 188
Толстые 130
Томашевский Б. В. 8, 11, 89, 90, 106, 114—117, 224—226, 228—235, 237, 238
Томашевский Н. Б. 226
Трескунов М. С. 252
Троицкая А. Д. 302, 303, 304
Тронская М. Л. 115
Тумаян Л. А. 253
Тургенев И. С. 39, 44, 46, 51, 55, 66, 78, 130, 147, 148, 154, 159, 236, 253, 256, 257, 259, 260, 266, 267, 269, 274, 275, 277, 284

- Тургенев Н. И. 84
 Туррау Е. Ф. 135, 158
 Турьян М. А. 260
 Тынянов Ю. Н. 224, 114
 Тютчев Ф. И. 36, 49, 109, 112, 258
- Удодов Б. Т. 264
 Ульянова Г. И. 297
 Уманов-Каплунский В. В. 195
 Унру Ф. 81, 100
 Урусов А. И. 40
 Усов Д. С. 113
 Успенский Г. И. 66, 242, 249, 273, 284
 Успенский Н. В. 257
 Устимович П. М. 7
 Утевский Л. С. 50, 51
 Утехин Н. П. 259
 Ухмылова Т. Н. 65, 70
 Ушакова И. А. 256
- Фадеев А. А. 253, 279, 291
 Фалерский Д. 228
 Фамипцын А. С. 246, 250
 Федин К. А. 101, 243, 255, 287, 291
 Федоров Е. К. 248
 Федорова Г. Л. 254
 Федотов А. А. 123
 Федотова Г. Н. 123
 Фелячи Э. 81, 97, 98
 Феоктистов Е. М. 165, 178
 Феррари Э. 99
 Фет А. А. 26, 148, 149, 159, 237, 285
 Фигнер В. Н. 206
 Фигнер М. 134
 Фидлер Ф. Ф. 162, 177
 Фильд Д. 166, 178
 Фитингоф И. Ю. 222
 Флейшман Л. С. 224
 Фомичев С. А. 258
 Фонвизин Д. И. 79, 80, 270
 Форш О. Д. 280, 288
 Фрейлиграт Ф. 69
 Фридендер Г. М. 253, 262
 Фролов С. В. 297, 298, 302—304
 Фурье Ш. 245
- Хайлов Н. И. 255
 Хальперн О. 103
 Харитон Б. О. 173, 179
 Хватов А. И. 256
 Хетагуров К. 253, 254
 Хик Л. 96
 Хин-Гольдовская Р. М. 51
 Хитрово Е. М. 117, 202, 237
 Хлебников Л. М. 60
 Хованов Б. Г. 299
 Ходоров А. Е. 258
 Хомчук Н. И. 302—304
 Хомяков А. С. 76
 Хопрора Г. 180
- Хорошко В. К. 238, 239
 Хуго Т. 104
- Цакни Е. А. 248, 251
 Царькова Т. С. 260
 Цвейг С. 81, 91, 101
 Цензор Д. 173, 178
 Цеткин К. 184
 Цеховицер О. В. 34, 35, 65, 244, 246, 248, 249, 251
 Цмунт От. 104
 Цылов Н. И. 109
 Цявловский М. А. 61, 83, 90, 192, 199—201, 215, 216
- Чайковский П. И. 239
 Чеботаревская А. Н. 35
 Чеботаревская Ан. Н. 110
 Чередникова М. П. 259
 Черепанова О. А. 296
 Черкасов Н. А. 245
 Черницкий Е. М. 254
 Чернышевский Н. Г. 69, 268, 271, 274, 277, 278, 291, 299
 Четрикашвили М. М. 254
 Чехов А. П. 42, 50, 51, 186, 200, 242, 247, 249, 251, 259, 278
 Чпстов К. В. 299
 Чичерин А. В. 262
 Чичерин Б. Н. 43
 Чудовский В. А. 110
 Чуковский К. И. 25, 26, 178, 246
 Чулков Г. И. 224
 Чулков М. Д. 258
- Шагинян М. С. 178, 254
 Шадури В. С. 261
 Шаляпин Ф. И. 123—126, 134—136, 156
 Шаповалова Г. Г. 300
 Шапошников Б. В. 253
 Шарыпкин Д. М. 257
 Шастина Е. И. 264
 Шатобриан А., де 76
 Шафарик П. 76
 Шахматов А. А. 17, 18, 137, 149, 154, 158, 165, 285
 Шахматова С. 211
 Шаховской А. А. 76, 236, 237
 Шварц Е. М. 297—299
 Шевченко Т. Г. 75, 195, 278, 279, 281
 Шебуин А. Н. 115
 Шекспир В. 66, 69, 158, 268, 281
 Шеллер-Михайлов А. К. 72
 Шенгели Г. А. 220
 Шеншин В. А. 147, 159
 Шенье А. 113
 Шестериков С. П. 215, 216
 Шидловский А. Ф. 205
 Шиллер Ф. П. 64, 69, 88, 278
 Шилов А. А. 204, 205

- Шимапов Н. А. 252
 Шипгарев А. И. 205, 206
 Шипова А. Е. 76, 77
 Ширмаков П. П. 255
 Ширмакова Е. П. 299
 Ширлева П. Г. 252, 300
 Шифф В. П. 303, 304
 Шишкина А. Н. 253
 Шишкина Л. И. 259
 Шишков А. С. 38
 Шишков В. Я. 245, 288
 Шиммарев В. Ф. 88
 Широнко В. Н. 260
 Шкопская М. М. 113
 Шкловский В. Б. 96, 113, 224
 Шлионский Л. И. 255
 Шляпг Ф. 103
 Шляпкин 160
 Шмелев И. С. 260
 Шолохов М. А. 255, 260, 264, 282,
 285, 289
 Шольц А. 93, 94
 Шошин В. А. 255, 264
 Штапельберг А. П. 208
 Штейн С. В. 21, 29, 106, 196
 Штейн С. Ф. 109
 Штейнберг А. З. 175
 Штолл Л. 287
 Штрайх С. Я. 173
 Шубин Э. А. 257
 Шувалов А. П. 220—222
- Щеглов И. Л. см. Леонтьев И. Л.**
 Щеголев П. Е. 23, 23, 26, 27, 106, 168,
 169, 173, 174, 176, 180, 190, 191
 Щеголева В. А. (урожд. Богуслав-
 ская) 28, 176, 180
 Щеголева И. В. 29
 Щепкина-Куперник Т. Л. 43
 Щерба Л. В. 244
- Щербатской Ф. И. 237
 Щербачев В. В. 28, 176, 180
 Щербачевы 176
 Щербина Н. Ф. 46, 195, 241, 249
 Щукин П. И. 136, 158
- Эвентов И. С. 252
 Эйдук Я. 63, 69, 70, 88
 Эйшштейн М. 96
 Эйхенбаум Б. М. 34, 106, 108, 110,
 111, 118, 168, 173, 235, 246, 250
 Элиот Д. 69
 Эльсбург Я. Е. 84
 Энгельгардт А. Н. 180
 Энгельгардт Б. М. 28, 106, 168, 175,
 176, 179
 Энгельгардт Н. А. 176, 180
 Энгельс Ф. 63, 64, 66, 67, 69, 262, 268
 Эра Е. 93
 Эренбург И. Г. 104
 Эртель А. И. 259
- Юдин Ю. И. 264
 Южип А. И. 120, 123, 124, 126, 132,
 155
 Юпашевская Е. М. 254
 Юргенсон Э. П. 195
 Юринова Г. А. 299
 Юрьев Г. Ю. 63, 69, 70, 88
- Яковлев Н. В.** 21, 28, 89, 183, 203,
 204, 208—210, 214
 Яковлев С. 127
 Якубович Д. П. 61, 70, 89, 106, 111,
 114, 243, 246
 Ямпольский И. Г. 235
 Ярошенко Л. В. 296, 297
 Ясинский И. И. (псевд. Максим Бе-
 линский) 173, 186, 249
 Ясинский Я. И. 242, 249

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. Н. Баскаков.</i> Документальные и библиографические источники по истории Пушкинского Дома	3
---	---

ПУШКИНСКИЙ ДОМ В ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНОМ И НАУЧНОМ ДВИЖЕНИИ 1920—1950-х гг.

<i>Н. В. Лоцинская.</i> Александр Блок и Пушкинский Дом	13
<i>А. Б. Муратов.</i> А. Ф. Кони и Пушкинский Дом	37
<i>К. И. Ровда.</i> А. В. Луначарский — директор Пушкинского Дома	53
<i>В. Н. Баскаков.</i> М. Горький и Пушкинский Дом	71
<i>Р. Д. Тименчик.</i> Анна Ахматова и Пушкинский Дом	106

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ПУШКИНСКОГО ДОМА

<i>В. А. Рышков</i> и его «Дневник». Публикация <i>В. П. Степанова</i>	119
Из дневников <i>Е. П. Казанович</i> . Публикация <i>В. Н. Сажина</i>	160
Из переписки <i>Б. Л. Модзалевского</i> . Публикация <i>Е. И. Семенова</i>	181
<i>Б. В. Томашевский</i> в переписке с <i>Андреем Белым</i> . Публикация <i>А. В. Лаврова</i>	224
<i>М. А. Панченко.</i> Из записных книжек 1930-х годов. Публикация <i>Н. Т. и А. М. Панченко</i>	240

БИБЛИОГРАФИЯ

I. Диссертации, защищавшиеся в Пушкинском Доме. Составитель <i>А. К. Михайлова</i>	252
II. Конференции, сессии, научные совещания в Пушкинском Доме. Составитель <i>А. К. Михайлова</i>	265
III. Археографические и фольклорные экспедиции. Составители <i>А. К. Михайлова</i> и <i>В. П. Бударгин</i>	294
Указатель имен	306

ПУШКИНСКИЙ ДОМ
СТАТЬИ, ДОКУМЕНТЫ.
БИБЛИОГРАФИЯ

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом) АН СССР*

Редактор издательства
Н. А. Н и к и т и н а

Художник
Л. А. Я ц е н к о

Технический редактор
Н. А. К р у г л и к о в а

Корректоры
Л. М. Б о в а, Е. А. Г и н с т л и н г
и Г. И. Т и м о ш е н к о

ИБ № 20033

Сдано в набор 10.09.81.
Подписано к печати 26.02.82.
М-29075.

Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага № 2.
Гарнитура обыкновенная.

Печать высокая.
Печ. л. 20 = 20 усл. печ. л.
Усл. кр.-отт. 20. Уч.-изд. л. 23.47.
Тираж 10000. Изд. № 7901.
Тип. зак. 714. Цена 1 р. 80 к.

Издательство «Наука», Ленинградское отделение
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, 1

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12